This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855317 3

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCA
Moskvityo:

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

7693

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

1855.

ТОМЪ IV.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1855.

19

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770964A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 27-го дня, 1855 года.

Цензоръ И. Безсомыкинъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

1855.

№ 13 и 14. ИЮЛЬ. КН. 1 и 2.

СЛОВА И РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ

ИННОКЕНТІЕМЪ,

АРХІЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ТАВРИЧЕСКИМЪ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, Марта 25-го 1855 г. предъ совершеніемъ, въ Великій Пятокъ вечеромъ, таинства Елеосвященія, въ память бомбардированія Одессы въ Великую Субботу 1854 г. флотомъ непріятельскимъ.

Къ чему мы приступаемъ въ настоящій часъ?—къ совершенію св. таинства Елеосвященія.

Но, развѣ мы подвержены какому-либо недугу, ибо оно совершается надъ болящими?

А развѣ можетъ кто-либо сказать, что онъ не подверженъ никакому недугу? — Кто изъ насъ во-первыхъ здравъ совершенно духомъ и безъ всякихъ язвъ въ своей совѣсти? *Аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ*[1], — такъ вопіютъ самые праведники, что же сказать о насъ грѣшникахъ?—Посему для всѣхъ насъ необходимъ елей милосердія Божія.

[1] Псал. CXXIX, 3.

PERL. JAN 2 1935

Digitized by Google

Многіе ли могутъ похвалиться и совершеннымъ здравіемъ тѣлеснымъ? Ахъ, это здравіе такъ обманчиво, что иные за минуту до своей кончины нисколько не чувствуютъ того, что внутри ихъ уже господствуетъ смерть, какъ это явствуетъ изъ такъ называемыхъ внезапныхъ смертей, кои, сами въ себѣ, безъ сомнѣнія, не были внезапны, а естественно проистекли изъ предварительнаго, и, можетъ быть, давняго разстройства силъ тѣлесныхъ.

Посему таинство Елеосвященія, къ коему приступаемъ мы теперь, какъ врачевство недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, ни для кого не излишне. Совершенно не нужно было бы оно развѣ только для того первобытнаго, неповрежденнаго еще, тѣла человѣческаго, которое имѣли наши прародители въ раю— до своего грѣхопаденія; хотя и тамъ, къ поддержанію его въ состояніи безсмертія, уготовано было Промысломъ Божіимъ и внѣшнее средство — древо жизни.

Кромѣ сего, какъ показываетъ опытъ, для многихъ изъ насъ и предъ концемъ нашея жизни, на самомъ одрѣ смертномъ, не окажется возможности, по разнымъ причинамъ, сподобиться принять сіе великое таинство изъ рукъ Св. Церкви. Будемъ же, братія мои, приступать къ нему ежегодно въ сей великій и святый день, когда самое пречистое тѣло Спасителя нашего, по снятіи его со креста, помазано было муромъ и вонями отъ праведныхъ Іосифа и Никодима.

Мы сами, впрочемъ, при всемъ желаніи освященія свыше, не дерзнули бы на столь важное и небывалое доселѣ въ сей день священнодѣйствіе, если бы не были приведены къ тому—не нашимъ произволеніемъ, а, можно сказать, самымъ Промысломъ Божіимъ—посредствомъ чрезвычайныхъ событій, совершившихся надъ нами въ Великую Субботу прошедшаго года. Кто изъ насъ можетъ забыть эту сугубо-великую и въ полной мѣрѣ страстную для насъ субботу, когда въ продолженіи цѣлаго дня, какъ на Голгоѳѣ, содрогалась подъ нами земля, трепеталъ надъ нами воздухъ, когда смерть видимо носилась по стогнамъ нашего града?

Тогда, и не хотящимъ надлежало помышлять не только о спасеніи своей жизни, но и о христіанскомъ приготовле-

Digitized by Google

ніи себя къ смерти. Предвидя сіе, мы, послѣ великопостнаго говѣнія, и послѣ самаго причащенія тѣла и крови Господней, не почли за излишнее обратиться съ вѣрою и молитвою и къ таинству Елеосвященія, яко благодатному напутію къ безбѣдному прохожденію смертоносныхъ опасностей, намъ предстоявшихъ.

Вѣра и упованіе наше не посрамились: мы испытали надъ собою такое дѣйствіе заступленія свыше, которое привело въ радостное изумленіе всѣ края Россіи. Но, если грозившая намъ опасность прешла для насъ безбѣдно; то должна ли вмѣстѣ съ симъ прейти и память о ней, тѣмъ паче о помощи Божіей, тогда надъ нами видимо явленной? Нѣтъ, эта память должна остаться навсегда—въ душевную отраду намъ и въ поученіе родамъ грядущимъ.

Для сей-то именно-святой цѣли, по благословенію святѣйшаго правительствующаго синода, имѣемъ отселѣ служить ежегодное совершеніе таинства Елеосвященія, теперь нами предначатаго.

Крестъ Господень и Плащаница, предъ коими оно должно совершаться, содѣлаются для насъ такимъ образомъ памятникомъ не только всемірнаго искупленія рода человѣческаго отъ грѣха и смерти, но и благодатнаго избавленія града нашего отъ лютаго нападенія на него въ сіи самые святые дни злочестивыхъ иноплеменниковъ.

Пріими же, богоспасенный градъ Одесса, новое благочестивое учрежденіе сіе съ тою живою вѣрою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ градамъ богоспасаемымъ! Притекай спѣшно каждый годъ на совершеніе сего таинства, оставляя для сего всѣ житейскія заботы твои, какъ бы онѣ важны ни казались. Ибо здѣ, въ это время будетъ ожидать тебя Богъ, благодѣтель и спаситель твой; здѣсь и въ это время будешь ты являть предъ Нимъ твою признательность за прошедшую и твое упованіе на Его будущую помощь, которая, судя по твоему мѣстоположенію, не разъ можетъ оказаться снова необходимою для тебя! Когда, съ теченіемъ времени, новыя поколѣнія будутъ вопрошать, что значитъ *служеніе сіе* [1], не со-

[1] Исх. XII, 26.

Digitized by Google

вершаемое въ сей день по другимъ странамъ Отечества, тогда отцы и матери, въ изъясненіе происходящаго, пусть подобно древнимъ Израильтянамъ, повѣдаютъ чадамъ своимъ, что это благодарственное воспоминаніе великой милости Господней, яже *покры* [1] градъ и *домы* наши отъ разрушительнаго дѣйствія ужасныхъ перуновъ огней непріятельскихъ.

Внемля сему повѣствованію, да научаются и всѣ роды грядущіе—любити и боятися Господа Бога своего, вѣрно хранити заповѣди Его, на Него—прежде и паче всего—уповати, и въ Немъ искати спасенія своего—въ день лютъ!—Аминь.

СЛОВО,

произнесенное въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, въ день Пасхи, Марта 27-го 1855 года.

Христосъ воскресе!

Памятуете ли, возлюбленные, какъ мы срѣтали нынѣшній день въ прошедшемъ году? Срѣтали и тогда съ радостію; ибо свѣтлый праздникъ, во славу воскресшаго Господа, не могъ не быть радостенъ для христіанина: но это духовное веселіе сильно было возмущено тогда и помрачалось отъ страха всеобщихъ смертныхъ опасностей, потому что грозная туча, нашедшая на насъ въ самый великій пятокъ, продолжала еще висѣть тогда надъ нами, и никто не могъ думать, что она, вмѣстѣ съ постомъ, уже прошла совершенно и не возвратится болѣе.

При воспоминаніи о всемъ этомъ, какъ не возблагодарить Господа, который попустилъ придти на насъ въ прошедшемъ году столь тяжкому искушенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ намъ и силы перенести его благодушно: *наказуя*, наказалъ насъ, яко Отецъ, за грѣхи наши, *смертиже не предаде* насъ [2].

Нынѣ другое! Надъ нами нѣтъ уже прежней грозы и

---

[1] Исх. XII, 27.
[2] Псал. CXVII, 18.

Digitized by Google

страховъ; посему намъ можно бы вполнѣ предаться радости и веселію о торжествѣ воскресшаго Спасителя нашего. Но есть и нынѣ, какъ сами вѣдаете, причина, уменьшающая нашу радость и заставляющая растворять оную иногда слезами сокрушенія. Ибо, тогда какъ мы радостно возглашаемъ здѣсь: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ*,—въ это самое время тысячи братій нашихъ полагаютъ въ нашей же странѣ души свои въ жестокихъ битвахъ со врагами. Вѣруемъ и надѣемся, что они, не воздыхая, а охотно приносятъ себя въ жертву для блага отечества: но, намъ можно ли, среди радости нашей, забыть ихъ мученическое положеніе, ихъ раны и кровь?

Посему радость о воскресеніи Господнемъ должна принять у насъ нынѣ другой характеръ. Сообразно чрезвычайнымъ и горестнымъ обстоятельствамъ нашимъ, уже не прилично было бы сей радости сопровождаться у насъ какими-либо чувственными увеселеніями и разсѣяніемъ мірскимъ, какъ это бывало прежде.—Вмѣсто сего, должна взять верхъ сила благочестія христіанскаго, должно усугубиться посѣщенію храмовъ Божіихъ, увеличиться молитвамъ, открыться усердію къ вспоможенію бѣднымъ и къ прочимъ св. дѣламъ набожности христіанской.

Помолимся Воскресшему, да даруетъ, подвизающимся за имя Его и за благо отечества, братіямъ нашимъ духа вѣры, терпѣнія и мужества; да благословляются подвиги ихъ и да вѣнчаются побѣдою надъ врагами; да усладятся благодатію Его послѣднія минуты тѣхъ, коимъ суждено пасть жертвою брани, да отпустятся имъ вольныя и невольныя грѣхопаденія ихъ, и да обрящутъ души ихъ успокоеніе въ царствіи небесномъ.

Помолимся и о западныхъ противникахъ нашихъ, кои торжествуютъ нынѣ свою пасху въ единъ день съ нами, да, озаренные свыше, узрятъ и познаютъ, за кого они постыдно ратуютъ, кому безразсудно приносятъ въ жертву свою жизнь, и, познавши все сіе, да престанутъ быть противу насъ союзниками враговъ Креста Христова!

Помолимся наконецъ за сихъ самыхъ враговъ, то-есть,

Digitized by Google

злосчастныхъ поклонниковъ лжепророка, да вникнутъ и уразумѣютъ, что если временное спасеніе державы ихъ зависитъ уже не отъ Магомета и алкорана, а отъ силы и искуства народовъ христіанскихъ; то тѣмъ паче вѣчное спасеніе душъ ихъ не можетъ быть обрѣтено ими нигдѣ болѣе, какъ токмо подъ сѣнію Креста Христова.

Простимъ всѣмъ и *вся воскресеніемъ* и всѣхъ обымемъ желаніемъ имъ спасенія и молитвою, да прославится такимъ образомъ въ насъ благодать воскресшаго Господа, Который положилъ душу Свою для спасенія всего рода человѣческаго, и воскресъ для блага всѣхъ падшихъ сыновъ Адама.—Аминь.

—

НАСТАВЛЕНІЕ,

сказанное въ Одесскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, Апрѣля 8-го 1855 г., Сестрамъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, по изреченіи ими клятвеннаго обѣта на свое служеніе.

Не знаемъ, что теперь на сердцѣ у васъ, по изреченіи вами священнаго обѣта вашего; а мы всѣ, взирая на васъ, радуемся и благодаримъ Господа за то, что въ такое краткое время нашлось у насъ столько душъ, способныхъ, оставивъ все, посвятить себя сердобольному служенію недугующимъ защитникамъ отечества. Кто можетъ не чувствовать ихъ важныхъ и кровавыхъ заслугъ отечеству? Кто не желаетъ отъ всей души уврачеванія ихъ ранамъ, облегченія ихъ страданіямъ? По сему-то мы не усомнимся сказать, что многіе изъ зрящихъ теперь на васъ ублажаютъ вашу участь, и готовы были бы тотчасъ стать на вашемъ мѣстѣ и раздѣлить вашъ обѣтъ, еслибы разныя обстоятельства не отнимали у нихъ возможности къ тому.

Отъ васъ Господь устранилъ всѣ подобныя препятствія; вамъ дано достигнуть того, что у многихъ, по необходимости, осталось въ одномъ благомъ желаніи: вы, а не другіе, примете на свои попечительныя руки героевъ Альмы и Севастополя!

Digitized by Google

Уразумѣйте же, возлюбленныя, святую высоту вашего призванія! Вы исходите на служеніе болящимъ не отъ себя токмо однихъ, а отъ лица всего отечества; вы должны потрудиться не для обыкновенныхъ больныхъ, а для тѣхъ, кои сами подвизались для отечества до того, что полагали за него, и слѣдственно за всѣхъ насъ, самую жизнь свою. Покажите же имъ — вашимъ усердіемъ, вашимъ самоотверженіемъ, вашимъ сердоболіемъ,—какъ высоко ставитъ отечество подобные подвиги, какъ много уважаетъ раны своихъ мужественныхъ защитниковъ, какъ готово къ удовлетворенію ихъ нуждамъ! А между прочимъ при каждомъ удобномъ случаѣ возвѣщайте имъ,что св. Церковь молится усердно и всегда будетъ молиться о нихъ,—живыхъ и умершихъ,—что Благочестивѣйшій Государь прилежно печется и будетъ пещись не токмо объ ихъ участи, но и о положеніи ихъ присныхъ,—что по всѣмъ краямъ Россіи прославляютъ ихъ мужество и удивляются ихъ подвигамъ,—что наконецъ кровь ихъ пролита не напрасно, ибо гордый врагъ униженъ и началъ уже помышлять о постыдномъ бѣгствѣ изъ земли нашей.

Само собою разумѣется, что на поприщѣ дѣятельности вашей васъ ожидаетъ не радостное зрѣлище. Предъ вами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, разовьется такой свитокъ бытія человѣческаго, въ коемъ вписано почти одно *рыданіе, жалость* и *горе* *. Но можетъ ли это удивить васъ и привести въ уныніе?—Развѣ вы не знаете заранѣе, что исходите не на праздникъ и торжество, не на вечерю мира и веселія, а на страшное поле войны, — послѣ жестокихъ битвъ, гдѣ естественно все обрызгано кровію, все обожжено огнемъ. Ваше уже дѣло будетъ уменьшить, сколько возможно, число страданій, вздоховъ и слезъ; ваше дѣло будетъ внести отраду и упованіе даже туда, гдѣ готово водвориться отчаяніе; ваше, наконецъ, дѣло будетъ пролить капли утѣшенія христіанскаго на самое возглавіе отходящихъ изъ сей жизни.

И если вы успѣете въ семъ святомъ подвигѣ, (а при по-

---

* Іез. II, 10.

Digitized by Google

мощи Божіей почему не успѣть?); если даже только начнете его какъ должно; то будьте увѣрены, скоро все приметъ въ очахъ вашихъ другой видъ: мрачныя обители болѣзней и скорбей обратятся для васъ въ священныя мѣста душеуслади-тельнаго служенія Богу и человѣчеству: среди стоновъ болѣзненныхъ начнутъ слышаться умилительныя воздыханія молитвенныя; взоры страждущихъ съ невыразимою благодарностію будутъ обращаться къ вамъ; въ собственномъ сердцѣ вашемъ откроется источникъ неизглаголанныхъ утѣшеній и радости о Дусѣ святѣ, такъ что вы не промѣняете человѣколюбныхъ трудовъ вашихъ ни на какія блага міра. Не такъ ли именно находятъ себѣ отраду, а потому съ такою готовностію нисходятъ съ неба въ нашъ больничный міръ, Ангелы Божіи, коихъ вы будете подражателями и, можно сказать, сотрудницами?—Ибо если гдѣ, то среди подобныхъ мѣстъ скорби и страданій, они всегда присущи и дѣйствуютъ невидимо.

Что и какъ вамъ дѣлать, уже означено въ самомъ обѣтѣ вашемъ: собственное сердце доскажетъ вамъ то, чего не можетъ обнять никакое наставленіе. Помните, между прочимъ, что у недугующихъ собратій вашихъ не одно тѣло болящее, а и душа, по всей вѣроятности, не свободная отъ ранъ совѣсти. Поелику же безсмертная душа въ человѣкѣ стократъ важнѣе его бреннаго тѣла; то, способствуя врачеванію тѣлесному, не оставляйте безъ вниманія и помощи христіанской и души болящей. Оздравѣвшая душа всегда благотворно дѣйствуетъ и на немощи тѣлесныя.

Не забывайте, что изъ находящихся на вашемъ попеченіи не всѣмъ дано будетъ возвратиться съ одра болѣзни къ жизни земной. Да не отыдетъ никто изъ таковыхъ въ вѣчность, безъ вниманія вашей молитвы и безъ того благодатнаго напутія, коимъ Св. Церковь обыкла сопровождать *туда* всѣхъ чадъ своихъ!

Въ подкрѣпленіе собственнаго духа вашего, взирайте чаще на крестъ Христовъ, который возложенъ теперь на перси ваши, не для украшенія какого-либо тѣлеснаго, а именно для того, чтобы, когда нужно, вы тотчасъ могли

Digitized by Google

находить въ немъ укрѣпленіе вашему духу и оживленіе вашему сердцу.

Обращайтесь мыслями своими и къ Пречистой Матери Распятаго Господа, которая не напрасно именуется матерію всѣхъ скорбящихъ. Предъ Нею,—въ семъ чудотворномъ ликѣ Ея,—произнесенъ вами сейчасъ обѣтъ клятвенный: Она такимъ образомъ содѣлалась и споручницею вашей вѣрности и вашего усердія. Можетъ ли послѣ сего оставить Она васъ безъ помощи, и не подать вамъ, когда будетъ нужно, вразумленія и подкрѣпленія, отрады и покоя душевнаго?

Чтобы имѣть вамъ какъ бы нѣкій чувственный залогъ таковаго благодатнаго союза съ Нею, пріимите отъ меня по изображенію сего чудотворнаго лика Ея.

А мы не престанемъ сопровождать васъ нашими молитвами и при первомъ случаѣ, если дастъ Господь, поспѣшимъ быть личными свидѣтелями вашихъ трудовъ и соутѣшиться вашею вѣрою и самоотверженіемъ на пользу страждущихъ отъ ранъ своихъ защитниковъ отечества.—Аминь.

—

РѢЧЬ,

произнесенная на Щеголевской батареѣ, 14-го Мая 1855 года, при освященіи новыхъ батарей Одесскихъ.

Долго ли освящать намъ страшныя орудія смерти и истребленія?—Мечу Божій, доколѣ будеши сѣщи и не внидеши почити въ ножны твоя?.... Увы, бѣдный родъ человѣческій! какъ, не много уразумѣлъ ты, въ продолженіи цѣлыхъ седми тысящъ лѣтъ, тайну и цѣль бытія твоего на земли, и какъ мало приблизился ты къ своему высокому предназначенію!— Увы, святая Вѣра Христіанская, такой ли черной неблагодарности надлежало ожидать тебѣ отъ собственныхъ сыновъ твоихъ за тѣ благодѣянія, какими ты ущедряла ихъ доселѣ и видимо превознесла надъ всѣми прочими народами!

Въ самомъ дѣлѣ, братія мои, что значитъ, что образованнѣйшіе изъ народовъ запада съ такимъ упорствомъ хотятъ продлить, вопреки явныхъ намѣреній самаго Промыс-

Digitized by Google

ла Божія, существованіе въ Европѣ — среди собственныхъ нѣдръ своихъ, этой дикой орды магометанской, коея бытіе такъ недавно еще почиталось отъ всѣхъ за признакъ гнѣва небеснаго, которая и нынѣ не можетъ иначе существовать, какъ кровію и слезами подручныхъ ей народовъ,—что, говорю, значитъ это, какъ не то, что сіи такъ называемые, образованные народы, въ ослѣпленіи гордости и себялюбія совершенно забыли совѣсть и человѣчество, и потому ихъ выгоды земныя, и то большею частію мнимыя, а не дѣйствительныя, несравненно важнѣе для нихъ всѣхъ слезъ и всей крови страждущаго отъ магометанскаго ига человѣчества?

Что значитъ, далѣе,—что эти народы, именуясь христіанскими, продолжаютъ проливать кровь свою за непримиримыхъ враговъ христіанства, жертвуютъ жизнію избранныхъ сыновъ своихъ для того токмо, чтобы продлить тиранское владычество сихъ враговъ надъ подобными имъ народами христіанскими,—что значитъ все сіе, какъ не то, что для нихъ святая Вѣра наша престала уже быть религіею ихъ души и содѣлалась однимъ праздным и ничего не значащимъ именемъ, которое какъ бы даже тяготитъ ихъ собою?

Если кто при семъ радуется, то развѣ одинъ духъ злобы, который искони привыкъ возставлять брата на брата, сына противъ матери. Если кто при семъ торжествуетъ, то развѣ единъ Магометъ, въ глубинахъ адовыхъ, видя, какъ падающая и оставляемая самыми мусульманами, злочестивая хоругвь его подъемлется изъ праха и поддерживается въ силѣ кровію христіанъ.

Среди сихъ превратныхъ мнѣній, сужденій и дѣйствій, среди сей постыдной измѣны человѣчеству и христіанству, какъ отрадно видѣть, что есть еще на земли народъ, который, пребывъ вѣрнымъ Богу отцевъ своихъ, всегда готовъ забыть всѣ выгоды и разсчеты, и по первому, такъ сказать, зову и требованію, выйти на служеніе Господу, на защиту правъ бѣдствующаго человѣчества, на исполненіе надъ царствами и народами судебъ предвѣчныхъ! — Еще отраднѣе сказать, что единственный на земли народъ сей есть ты, Богомъ возлюбленное отечество! Ты, православная Россія!..

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, что побудило тебя съ Боговѣнчаннымъ, теперь уже не на земли токмо, а и на небеси, Монархомъ твоимъ, изыти на единоборство едва не противу цѣлаго свѣта, какъ не единое чистое и святое желаніе смирить безумную гордость враговъ креста Христова и защитить отъ ихъ неслыханныхъ угнетеній бѣдствующихъ собратій твоихъ. Почивая на лаврахъ, тобою стяжанныхъ, ты могла бы, подобно другимъ державамъ, предаться собственнымъ выгодамъ и разсчетамъ, забывая бѣдное положеніе собратій твоихъ, презирая вопли и стоны страждущаго человѣчества: но ты не поступила такимъ образомъ, и для славы Божіей, мужественно отвергла собственный покой твой. О, Великій Правитель вселенныя на забудетъ сего подвига чистой любви и этой великой жертвы твоей! Благодарное человѣчество воздастъ тебѣ, яко же ты воздашь ему, бѣдствующему и уничиженному! Самый лукавый и злобствующій теперь Западъ, по разсѣяніи слѣпоты его и безчувствія (ибо и у него по временамъ бываютъ очи и сердце) не замедлитъ признать великость твоего святаго подвига.

Да, братія мои, мы стоимъ теперь на верху высоты всемірной, стоимъ одни—предъ лицемъ Бога и человѣковъ; все прочее произвольно возлюбило славу и выгоды человѣческія паче воли Божіей, и потому произвольно унизило себя предъ Богомъ и человѣками. Будемъ ли послѣ сего дивиться, что эта великая и святая стражба Божія, на которую вышли мы такъ веледушно, требуетъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ и средствъ? Будемъ ли дивиться, что среди сей всеобщей измѣны христіанству, единому православному Отечеству нашему, какъ нѣкогда Симону Киринейскому на пути къ Голгоѳѣ, пришлось возложить на себя и понести крестъ Христовъ? Кому же и *братися со зміемъ и аггелы его,* какъ не *женѣ облеченной въ солнце?* [1]

Это великое и святое предназначеніе твое, Россія, — въ сонмѣ царствъ земныхъ! Если оно исполняется не въ такомъ видѣ, въ какомъ бы желалось нашей недальновидности человѣческой; то это новое доказательство, что въ семъ случаѣ

[1] Апок. XII, 1, 7.

Digitized by Google

дѣйствуютъ не мудрость и разсчеты человѣческіе, а предраспоряженіе свыше; ибо, какой Ангелъ судебъ назначалъ когда-либо самъ себѣ образъ дѣйствій своихъ—а не принималъ его всецѣло отъ престола Вседержителя?

И будьте увѣрены, братія мои, предопредѣленное свыше исполнится во всей силѣ! Кто бы ни поддерживалъ позорное знамя Магомета, ему суждено изветшать и обратиться въ прахъ отъ самаго времени: съ какимъ бы самоотверженіемъ ни старались переливать собственную кровь въ одряхлѣвшій составъ мусульманства, для его обновленія и укрѣпленія,—юное чрезъ то можетъ потерять силу и бодрость, а старое и помертвѣвшее пребудетъ устарѣлымъ и мертвымъ. Исламу не существовать болѣе въ томъ видѣ, какъ онъ, ко вреду человѣчества, существовалъ болѣе четырехъ вѣковъ; это видятъ и признаютъ единодушно не только враги, но и друзья его, а первѣе всего—это ясно видитъ, вполнѣ чувствуетъ и невольно признаетъ—онъ самъ.

И когда все сіе сбудется и исполнится, то за кѣмъ останется святая честь — все это предвидѣть, взвѣсить и провозвѣстить въ слухъ свѣта, какъ не за прозорливымъ Монархомъ Всероссійскимъ, который, по совершеніи на земли служенія Своего, отшелъ въ нѣдра вѣчности, какъ Ангелъ возвращающійся изъ земнаго посольства?

Съ сей-то высоты взирайте, братія мои, вмѣстѣ со св. Церковію, на брань настоящую. Если она представляетъ горькую и темную сторону—въ явной измѣнѣ человѣчеству и кресту Христову народовъ западныхъ; то она же являетъ собою и сторону крайне свѣтлую и отрадную—особенно для насъ, сыновъ православной Россіи; ибо, при семъ случаѣ, предъ лицемъ всего свѣта и во всей силѣ, обнаружилась крѣпость Вѣры и непоколебимость груди Русской. Враги наши, совокупившись во едино, мнили низвести Россію невольно съ той высоты, на которую она возведена Богомъ; а между тѣмъ, Богу такъ изволившу, они доселѣ разоблачили токмо свою слабость и обнаружили нашу недоступность ихъ кознямъ и усиліямъ.

Взирая такимъ образомъ на васъ, храбрые воины, мы ви-

Digitized by Google

димъ въ васъ уже не простыхъ токмо, хотя мужественныхъ, ратниковъ; видимъ не обыкновенныхъ, хотя неутомимыхъ, защитниковъ отечества,—нѣтъ, мы усматриваемъ въ васъ болѣе всего этого: предъ нами вы, яко видимые совершители невидимыхъ судебъ Божіихъ,—яко исполнители того, чего въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій такъ пламенно ожидали народы Востока, что составляло вѣру и упованіе ихъ мучениковъ и страдальцевъ... Послѣ сего, что можетъ вамъ показаться тяжкимъ въ вашихъ подвигахъ? На что не рѣшится ваше мужество? До чего не простретъся самоотверженіе?

Господи и Владыко царствъ и народовъ, аще, посланный тобою, Ангелъ истребитель еще не пожалъ всего числа жертвъ, предназначенныхъ къ истребленію, то да снидетъ сила Твоя и на сіи орудія смерти, и на тѣхъ, коимъ предлежитъ дѣйствовать ими: ибо мы увѣрены, что они будутъ дѣйствовать, какъ подобаетъ чтителямъ пресвятаго и страшнаго имени Твоего! А если въ безднахъ премудрости и милосердія Твоего обрѣтается какое-либо средство—ускорить концемъ брани и пришествіемъ вожделѣннаго мира, то да останутся, о Всеблагій, безъ дѣйствія и сіи страшныя орудія и ихъ мужественные служители, о чемъ послѣднемъ, по христіанской любви къ человѣчеству, они первые умоляютъ благость Твою вмѣстѣ съ нами!—Аминь.

Р Ѣ Ч Ь,

произнесенная въ Одесскомъ каѳедральномъ Соборѣ, при возложеніи крестовъ на сестеръ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ воинахъ, 12-го Іюня 1855 года.

Два чувства рождаются въ душѣ нашей при взглядѣ на васъ, новоизбранныя сестры милосердія! Увеличеніе общества вашего и круга вашихъ дѣйствій естественно заставляетъ предполагать, что и число требующихъ сердобольнаго призрѣнія православныхъ воиновъ нашихъ не умаляется, а возрастаетъ быстро: мысль горькая и потрясающая! За то можно ли не радоваться духомъ, взирая, съ какимъ усердіемъ

Digitized by Google

исходите вы на многотрудное служеніе ваше недужнымъ защитникамъ Отечества, по первому извѣстію о нуждѣ въ томъ? Истинно-христіанская готовность ваша на сей подвигъ служить для насъ несомнѣннымъ доказательствомъ той отрадной истины, что если злоба человѣческая неусыпающа въ нанесеніи вреда и ранъ; то любовь христіанская еще неусыпаемѣе въ обязаніи и уврачеваніи оныхъ.

Благодареніе Богу, не разъ уже мы имѣли утѣшеніе слышать, что предшественницы ваши подвизаются усердно, сообразно своему благотворному назначенію, что онѣ, при помощи Божіей, перенесли даже благодушно не малое искушеніе въ посѣтившемъ ихъ недугѣ, и что надъ ними сбылось святое замѣчаніе Апостола, что *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искуство, искуство же упованіе, упованіе же не посрамитъ*[1].

Подобнаго терпѣнія скорбей и происходящаго оттуда благоуспѣшія ожидаемъ мы и отъ васъ, возлюбленныя о Господѣ сестры! И почему не ожидать намъ сего? Развѣ вы воодушевлены не тѣмъ же благимъ и животворнымъ духомъ Христовымъ? Развѣ ваши обѣты произнесены теперь не предъ тѣмъ-же Евангеліемъ, запечатлѣны не тѣмъ же, страшнымъ и великимъ, именемъ Божіимъ? Развѣ наконецъ вы лобызали не тотъ же самый Крестъ Христовъ и не Его, подобно вашимъ предшественницамъ, воспріяли на рамена свои?

О, низпасть съ сей святой высоты значило бы тоже, что упасть съ неба!... Да сохранитъ Господь всѣхъ насъ отъ подобныхъ паденій! Для васъ предохранить себя отъ того тѣмъ легче и удобнѣе, что вы будете находиться не среди прохладъ и успокоенія, не среди радостей и весе́лія, а среди скорби и слезъ, среди стона и воздыханій.—Если о болящихъ тѣломъ вообще сказано у Апостола, что *страдащій плотію перестаетъ грѣшить*[2]; то и о васъ, кои будете служить страдающимъ плотію, должно сказать, что вы, по самому мѣсту и роду занятій своихъ, далѣе другихъ отъ искушеній и соблазновъ мірскихъ. О, болѣзни и смерть не то, что мы и слабыя

[1] Рим. V. 3—5.
[2] 1 Петр. IV, 1.

Digitized by Google

слова наши: это великіе и самые краснорѣчивые наставники въ вѣрѣ и добродѣтели!

Скорѣе можетъ угрожать вамъ другой врагъ — унынiе и малодушiе, яко имѣющимъ ходить и дѣйствовать, можно сказать, среди мрака и сѣни смертной. Но, за то сколько и средствъ у васъ, возлюбленныя, противъ всякаго унынiя и всѣхъ видовъ малодушiя?... Не со всѣми ли вами молитвы и благословенiе Св. Церкви? Не о васъ ли забота и материнское попеченiе Августѣйшей Учредительницы Христолюбиваго общества вашего? Не съ вами ли, надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ человѣколюбiя, будутъ труждаться и служители здравiя тѣлеснаго, то-есть, врачи искусные, и служители здравiя духовнаго, то-есть, духовные отцы и пастыри опытные? Не на всѣхъ ли васъ наконецъ возложенъ крестъ Христовъ — это непобѣдимое оружiе Христiанина? И вамъ унывать? И вамъ малодушествовать?—Нѣтъ, возлюбленныя, укрѣпляемыя вѣрою, воодушевляемыя любовiю, окрыляемыя упованiемъ жизни вѣчной, вы будете имѣть столько духа и твердости, чтобы спасать отъ малодушiя, ободрять и одушевлять всѣхъ ввѣренныхъ попеченiю вашему, когда они будутъ поникать подъ тяжестiю тѣлесныхъ страданiй.

Грядите же съ миромъ въ путь вашъ, и дайте намъ скорѣе услышать о благословенныхъ трудахъ вашихъ, дабы мы могли возблагодарить за васъ Господа, который какъ Единъ полагаетъ на сердце наше сѣмена намѣренiй чистыхъ и благихъ, такъ Единъ же даетъ имъ силу расти и приходить въ зрѣлость.—Аминь.

—

СЛОВО,

сказанное при посѣщенiи Крыма, въ Александроневскомъ Симферопольскомъ соборѣ, Iюня 23-го 1855 г.

Во время послѣдняго посѣщенiя мною вашего города, подъ конецъ прошедшаго года, я бесѣдовалъ съ вами, если памятуете, хотя отечески, но съ нѣкоторою суровостiю, какъ того требовали тогдашнiя обстоятельства ваши: и признаюсь, хотя суровость сiя была дѣломъ не моего какого-либо про-

Digitized by Google

изволя, а слѣдствіемъ необходимости; но, не смотря на то, не разъ сожалѣлъ я о ней, и, если бы возможно было, возвратилъ бы назадъ сказанное: ибо кто же, — выразимся подобно Ап. Павлу[1] — кто же будетъ доставлять вамъ отраду и радовать васъ среди настоящихъ скорбей вашихъ, если мы еще будемъ васъ печалить и сурово обращаться съ самыми ранами вашими? Посему-то, говорю, я пенялъ на себя самого за васъ, и прилежно смотрѣлъ за тѣмъ, что произойдетъ съ вами впослѣдствіи: не будете ли вы *пожерты печалію* [2] и унынiемъ, не придете ли еще въ бо́льшее смущеніе; или, опомнившись отъ страха, взойдете въ духъ мужества и упованія, который я старался внушить вамъ, и начнете мыслить и дѣйствовать, какъ можно и должно было ожидать отъ жителей города, столь почтеннаго, отъ людей, кои всегда извѣстны были за усердныхъ сыновъ Отечества. Благодареніе Богу, надъ вами—и весьма скоро,—произошло послѣднее; и сбылись во всей силѣ слова Ап. Павла, который говоритъ, что *печаль яже по Бозѣ*,—а другой мы не хотѣли и производить, — *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* [3].

Воздремавъ, по слабости человѣческой, на краткое время, подобно мудрымъ дѣвамъ въ Евангелiи, вы весьма скоро пробудились, спѣшно наполнили свои свѣтильники елеемъ милосердія, и не медля вышли бодрственно во срѣтеніе жениху. Я разумѣю подъ симъ то, что вы такъ скоро послѣ того начали дѣлать и доселѣ такъ постоянно и усердно дѣлаете для уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Помните ли, какъ я призывалъ васъ къ сему Богоугодному подвигу? Какъ указывалъ вамъ на полную возможность и ближайшую удобность для васъ, по самому мѣстоположенію города вашего, отличиться въ семъ родѣ человѣколюбія предъ лицемъ цѣлаго Отечества? Теперь вижу, что вы вполнѣ поняли мои слова, и уразумѣли это преимущество вашего мѣстоположенія, уразумѣли, и признаюсь, содѣлали еще болѣе, нежели

---

[1] 2 Кор. II, 2.
[2] 2 Кор. II. 7.
[3] 2 Кор. VII. 10.

Digitized by Google

сколько можно было требовать отъ васъ.—Что теперь весь городъ вашъ? Это не городъ, а одна пространная врачебница, у коей почти столько же отдѣленій, сколько въ городѣ домовъ. Конечно, все это представляетъ изъ себя печальное явленіе, свидѣтельствующее о множествѣ жертвъ настоящей брани; но вмѣстѣ съ симъ — съ вашей стороны — это составляетъ умилительное торжество любви христіанской. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь слѣды этой любви. Тамъ напр. было мѣсто главнаго упрвленія здѣшняго края: теперь тутъ главная врачебница. Тамъ былъ домъ наукъ и образованія юношества: теперь тутъ врачебница. Здѣсь и здѣсь обитали начальники, главные и не главные: теперь во всѣхъ этихъ домахъ помѣщаются болящіе воины. Подобное произошло и съ частными домами: самые лучшіе и удобнѣйшіе добровольно отданы самими хозяевами подъ врачебницы. Гдѣ покоилась роскошь, тамъ успокоивается теперь отъ своихъ ранъ мужество и доблесть. Въ похвалу вашу довольно сказать, что число призрѣваемыхъ въ недугѣ защитниковъ Отечества во градѣ вашемъ не разъ равнялось почти числу его жителей!

И какъ хорошо и по христіански совершается у васъ это святое дѣло человѣколюбія! Какъ будто врачуемыхъ у васъ было не цѣлыя тысящи, а нѣсколько десятковъ. Кромѣ вещественнаго успокоенія страждущихъ и заботы о ихъ немощномъ тѣлѣ, съ ними обращаются у васъ, какъ всегда должно поступать съ людьми и христіанами, то-есть, преподая имъ не однѣ снѣди и питія цѣлебныя, но внушая имъ терпѣніе и вѣру, возбуждая надежду на Спасителя и Его всемогущество, распространяя надъ одромъ ихъ благоуханіе молитвы, согрѣвая ихъ теплотою любви, напутствуя въ самыя врата вѣчности таинствами св. Церкви и упованіемъ жизни вѣчныя. Достойно всякаго одобренія и то, что все сіе дѣлается не для однихъ своихъ, а и для самыхъ враговъ нашихъ, кои жребіемъ войны пали къ намъ въ плѣнъ. Найдя такой, неожиданный для нихъ, призорь и благотворительность, многіе изъ нихъ благословляютъ свою участь, спасшую ихъ отъ явной смерти.

Digitized by Google

Смотря на все сіе, я радуюсь сугубо и благодарю Бога не за васъ токмо, но и за себя; ибо союзъ духовныхъ пастырей съ пасомыми таковъ, что они не могутъ ни страдать, ни радоваться порознь, а испытываютъ то и другое вмѣстѣ и нераздѣльно. Теперь вы исполнили свой долгъ любви къ Отечеству, какъ подобаетъ истиннымъ сынамъ его; подали прекрасный примѣръ всѣмъ прочимъ городамъ, и близкимъ и дальнимъ; вознаградили съ лихвою свое прежнее — не малодушіе, ибо его на самомъ дѣлѣ не было, а смущеніе и нерѣшительность. Да будетъ же за сіе отъ всѣхъ насъ благодареніе Господу! Ибо безъ Его тайнаго благодатнаго дѣйствія на нашу душу и сердце, мы, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, не можемъ и помыслить, тѣмъ паче сдѣлать чего-либо истинно добраго[1].

Послѣ сего, возлюбленные, всѣмъ намъ остается пожелать молитвенно двухъ вещей,—во-первыхъ скорѣйшаго окончанія брани, столь неправедно противъ насъ воздвигнутой, а во-вторыхъ, чтобы священный огнь любви и человѣколюбія, разгорѣвшійся у васъ въ такое чистое и яркое пламя, не угасалъ, а горѣлъ въ сердцахъ вашихъ всегда, и производилъ тоже самое, что теперь, доколѣ въ томъ будетъ нужда. Зная васъ и вашу доброту душевную, мы нисколько не сомнѣваемся, что, при помощи Божіей, такъ именно и будетъ съ вами. Ибо, если защитники Севастополя не престанутъ стоять и умирать за насъ; то намъ ли престать служить имъ, чѣмъ только можетъ, и возливать елей на ихъ кровавыя раны?—Аминь.

СЛОВО,

произнесенное въ Севастополѣ, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, Іюня 25-го, 1855 года.

По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына Отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники

---

[1] 2 Кор. III, 5.

Digitized by Google

Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими скорбями, не болѣзновалъ вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго и печальнаго.

По сему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я, — при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ — немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города; и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ, беззащитныя въ вашемъ городѣ, мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противу враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ какимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ съ своей стороны мы покушались оставить свое мѣстопребываніе и всѣ дѣла, и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобы собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе, и раздѣлить съ вами наши чувства и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ ощущать васъ руками нашими! Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали бы братски обнять всѣхъ васъ и облобызать каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ, которое Ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи, возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своимъ о Христѣ.

Digitized by Google

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ:—видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ Отечества. Вы — слава Россіи, утѣшеніе ея Монарха, радость св. Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вмѣстить всѣхъ васъ въ сердцѣ своемъ?

Посѣщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурею, городъ вашъ, и полагая — предъ лицемъ и въ виду враговъ—основаніе вашего храма св. Владиміра, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель Русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно; а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія и Британія и весь мусульманскій востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ; а вы одни и тѣже— тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди и оружіе; а вы одни и тѣже—тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы Божіей и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ, поразилъ неожиданною слѣпотою надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познаютъ, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей неготовности къ брани и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губитель-

Digitized by Google

нѣе всякой битвы? Кто наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ силу у большей части разженныхъ стрѣлъ вражіихъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тотъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь всѣ и вездѣ? Падемъ же, братія мои, предъ симъ престоломъ благодати, и скажемъ словами Царя-пророка: *не намъ, Господи, не намъ,* но *имени Твоему даждь славу*[1]; ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ возмогли бы мы совершить то, что совершено доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

Стойте-жъ, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше Церкви и Отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ достославно и продолжено доселѣ такъ безпримѣрно! Помните, что за вами—Россія, предъ вами—потомство, надъ вами—Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпенія; еще одна, другая побѣда;—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется и надъ вами слово Спасителя: *жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея: егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ* [2].

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться, среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человѣкъ въ міръ! И на челѣ его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на земли никого, кромѣ Бога, Единаго Бога!—Аминь.

—

[1] Пс. CXIII. 9.

[2] Іоан. XVI, 21.

Digitized by Google

СЛОВО,

сказанное въ Севастопольскомъ Николаевскомъ Соборѣ, во время бомбардированія сего города непріятелями, Іюля 26-го, 1855 г.

Не смотря на эти неумолкающіе удары громовые, мы паки съ радостію исходимъ предъ васъ, братія, для втораго и послѣдняго собесѣдованія съ вами..... Ибо, долголи намъ быть у васъ?—По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобности къ великому дѣлу вашему. А между тѣмъ, можно ли было вчера—за одинъ разъ высказать все, что было у насъ на душѣ?... Послѣ столькихъ опасностей, вами перенесенныхъ, и посреди столькихъ новыхъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы—по необходимости—кажетесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежатъ нашему міру, и съ коими, по тому самому, нельзя довольно наговориться.

Но, о чемъ будемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы сами; только не требуйте, братія мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему-либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время—молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаетъ христіанину и истинному сыну Отечества!

Если бы впрочемъ для кого-либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что вашъ наставникъ теперь и учитель—самъ Духъ святый, который никогда не оставляетъ истинно вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ, тайныхъ озареній въ ихъ сердцѣ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за Вѣру и Отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному Наставнику, вынѣ глаголющему въ нашей совѣсти, исполняйте вѣрно внушаемое Имъ;—и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, *да кто учитъ вы*[1].

Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій—быть свидѣтелями вашего безпримѣрнаго положенія, и ко-

---

[1] 1 Іоан. II, 27.

Digitized by Google

имъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне-поучительнаго случая въ другой разъ; то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, если бы не постарались понять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную, проповѣдь Севастопольскую.

Да, братія мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірною*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ! Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по его волѣ, и окончится, когда и какъ ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ — сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своей судьбы цѣлыя царства и народы; — но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ нѣкогда Синай[1], окруженъ столько времени вашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ при семъ великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ, но самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ неба, написанныя *перстомъ Божіимъ*[2].

И смотрите, какъ для выслушанія этихъ новыхъ откровеній небесныхъ — сведены сюда — къ вамъ, какъ на юдоль Іосафатову[3], едва не всѣ народы! Что всего неожиданнѣе, — соединяемые общею враждою къ намъ, здѣсь явились, яко братія, тѣ народы, кои доселѣ не могли равнодушно слышать имени одинъ другаго. Никто изъ нихъ не расположенъ слышать о путяхъ Промысла Божія, тѣмъ паче подчиниться имъ; каждый водится собственными выгодами и дѣйствуетъ по своимъ страстямъ; всѣ, подобно строителямъ столпа Вавилонскаго, говорятъ громко: *сотворимъ себѣ имя*[4]!

---

[1] Исх. XIX, 18.
[2] Исх. XXXI 18.
[3] Іоил. III, 12.
[4] Быт. XI. 4.

Digitized by Google

И однакоже, посредствомъ всѣхъ сихъ, столь разнообразныхъ и такъ, по видимому, самостоятельныхъ дѣйствователей видимо совершается — и совершится! — чуждое для нихъ, единое великое дѣло Божіе.

Подробности сего дѣла покажетъ всему свѣту время; но сущность его видна уже теперь: это окончательное паденіе магометанства! это рѣшительное возстаніе отъ униженія и рабства — православнаго Востока! это грозное обличеніе и кровавый урокъ невѣрію и закоренѣлой гордынѣ Запада!

Да, братія мои, *есть*, какъ замѣчаетъ Премудрый, *есть время всякой вещи подъ небесемъ* [1]! Было время за четыре вѣка предъ симъ, — когда, въ наказаніе неправдъ человѣческихъ солнцу восточнаго Православія предлежало — на извѣстное время — сокрыться съ горизонта политическаго и уступить свое мѣсто лунѣ Магометовой; и ничто не могло остановить захожденія солнца и восхожденія луны. Теперь, когда эти грѣхи и неправды омыты цѣлыми вѣками слезъ и крови, настало другое время — исчезновенія луны Магометовой и восхожденія снова солнца восточнаго Православія; и ничто не остановитъ сего исчезновенія и сего восхода.

Тщетно Британія, Галлія, Сардинія — явно, и едва не весь прочій Западъ — тайно, по нерасположенію къ намъ, возстаютъ противъ дѣла Божія, и, вопреки своихъ выгодъ истинныхъ, вопреки долга и чести, объявляютъ себя защитниками мнимо-гонимыхъ нами мусульманъ. Въ семъ-то и познается и обнаружится предъ цѣлымъ свѣтомъ сила Премудрости Божіей и немощь и недальновидность мудрости человѣческой, что, соединенныя противу насъ въ пользу мусульманства, державы будутъ дѣлать одно, а выходить будетъ другое, противное; потому что ихъ усилія и возбужденныя ими потрясенія къ поддержанію издыхающаго магометанства лишатъ его и послѣдняго останка силъ и ускорятъ совершенное паденіе и смерть. Какъ это можетъ быть, подумаетъ кто либо? — Такъ же, какъ человѣкъ, совершенно

---

[1] Еккл. III, 1.

Digitized by Google

истощенный въ силахъ отъ болѣзни или долгихъ лѣтъ, еще продолжаетъ жить и дышать, если его оставляютъ въ покоѣ и не принуждаютъ дѣлать усиленныхъ движеній или принимать сильныхъ лекарствъ; а въ противномъ случаѣ, онъ отъ самаго напряженія силъ впадаетъ въ безчувствіе и подвергается смерти. Такъ же точно, какъ изветшалое и долунаклоненное зданіе, не трогаемое, продолжаетъ на удивленіе всѣхъ стоять на своемъ мѣстѣ, а сильно тронутое, хотя бы то было для подпоры или поновленія нѣкоторыхъ частей, тотчасъ теряетъ равновѣсіе и обращается въ развалины. Таково, по суду всѣхъ, самыхъ друзей и защитниковъ ея, нынѣшнее положеніе державы мусульманской: для нея вредоносны всѣ усиленныя движенія, кои заставляютъ ее дѣлать, — пагубны всѣ сильныя и изысканныя врачевства, коими думаютъ спасти ее отъ смерти. Подобно разстающимся съ жизнію и кончающимъ свое бытіе, для сей державы необходимъ былъ только совершенный покой и безмолвіе; но, по неразумѣнію или неискренности своихъ друзей, она, какъ бы въ наказаніе своего всегдашняго буйства, не будетъ имѣть при концѣ своемъ и сего утѣшенія.

Видите теперь, что совершается у насъ и къ чему вы призваны, возлюбленные! Не малое что-либо и даже не просто человѣческое происходитъ здѣсь, а выходитъ изъ-подъ *печати* [1] вѣковая тайна Промысла Божія; приходитъ въ исполненіе надъ царствами и народами единъ изъ великихъ судовъ Божіихъ; рѣшается, на долго рѣшается, судьба Востока и Запада, а можетъ быть, и всего свѣта. Цѣлые вѣка прошли въ ожиданіи настоящихъ событій, и цѣлые вѣка будутъ выражать собою ихъ послѣдствія. О, есть за что пролить вамъ кровь свою, какъ она ни драгоцѣнна для насъ! Есть ради чего принести въ жертву свою жизнь, какъ она ни важна и невознаградима!

И примѣтьте, съ какимъ благоприличіемъ и съ какою, можно сказать, трогательностію избрано свыше самое мѣсто этой новой борьбы добра со зломъ, этого спора страстей и

---

[1] Апок. VI, 1.

Digitized by Google

злобы человѣческой съ судьбами правды Божіей. Огнь настоящей брани возгарался и могъ разгорѣться въ разныхъ мѣстахъ; но разгорѣлся и сосредоточился во всепожирающее пламя именно у васъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ колыбель нашего Православія, на томъ мѣстѣ, гдѣ Отечество наше срѣтилось нѣкогда и вступило навсегда въ духовный союзъ съ православнымъ Востокомъ. Симъ самымъ Промыслъ Божій явно показалъ, что у него заранѣе все разсчитано и опредѣлено. Симъ самымъ Россія поставлена, можно сказать, въ необходимость — стоять за сіе мѣсто, какъ за святыню и драгоцѣнность. Симъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: до сего, только до сего!—дойдеши и не прейдеши!

Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ распоряженій Промысла Божія о судьбѣ настоящей брани, какъ иначе назвать васъ, братія мои, какъ не ратниками Божіими, какъ не воинствомъ Іеговы, какъ не исполнителями судебъ вышнихъ? Такъ смотритъ на васъ вся Россія; такъ смотрятъ на васъ, повсюду всѣ, вѣрующіе въ управленіе нашего міра не случаемъ слѣпымъ, а премудрымъ Промысломъ Божіимъ: такъ взирайте, возлюбленные, и вы сами на свое дѣло, взирайте со смиреніемъ и преданностію, но и съ вѣрою живою и упованіемъ твердымъ.—Если, по сему, къ кому, то къ вамъ можно отнести во всей силѣ слово Евангелія: *имѣйте вѣру Божію*[1]; *и ничтоже не возможно будетъ вамъ*[2]. Если кому, то вамъ принадлежитъ оное всеуспокоительное обѣтованіе: *вамъ же и власи главніи изочтени суть*[3], такъ что ни единъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго. Наконецъ, если кто, то каждый изъ васъ всякой день можетъ и долженъ повторять самъ себѣ: *буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота*[4]!

Кто не видитъ и не понимаетъ, что вы непрестанно находитесь предъ лицемъ смерти? Не легко должно быть это

---

[1] Марк. XI. 23.
[2] Мѣт. XVII, 20.
[3] — — X, 30.
[4] Апок. II, 10.

Digitized by Google

для человѣка чувственнаго, облеченнаго въ плоть и кровь. Но для человѣка внутренняго, для дѣла спасенія, такое положеніе, какъ ваше, соединено съ величайшими преимуществами. Сколько бы обыкновеннымъ путемъ надобно было идти, чтобы достигнуть до той высоты самоотверженія христіанскаго, гдѣ, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, приносится въ жертву Богу и ближнему все, самая жизнь! Вы за одинъ, такъ сказать, полетъ души вознеслись на эту святую высоту любви и самоотверженія: ибо мы увѣрены, что каждаго изъ васъ поставила въ среду столькихъ опасностей не одна необходимость службы, но и любовь къ Отечеству. И поелику предъ вами всегда опасности и смерть; то предъ вами же постоянно отверсты врата рая; надъ вами, подобно какъ надъ древними исповѣдниками Вѣры, выну носятся вѣнцы небесные. О, если Царь земной умѣетъ награждать заслуги и труды достойныхъ слугъ Отечества; то у Царя ли Небеснаго не станетъ средствъ воздать сторицею за пожертвованіе для Него вашею жизнію?

Но, братія мои, да будетъ позволено мнѣ привести вамъ на память одно слово Апостола, которое всегда смущало меня и заставляло бояться за васъ. *Аще кто и подвизается*, говоритъ онъ, *не вѣнчается, аще незаконно, подвизатися будетъ*[1]. Кто можетъ подвизаться и терпѣть болѣе васъ? Это признаетъ весь свѣтъ. Но, изъ словъ Апостола явствуетъ, что можно оказать самые большіе подвиги и не быть увѣнчаннымъ вѣнцемъ небеснымъ. Когда? Если подвизаются не законно, не какъ должно и не какъ угодно Господу. Надобно посему, непремѣнно надобно вамъ узнать, кто въ вашемъ подвижническомъ положеніи подвизается, какъ должно, и потому достоинъ вѣнца небеснаго.

Такимъ образомъ подвизается тотъ, кто не подвергаетъ себя опасности и смерти, безъ видимой нужды, по единой неразумной отвагѣ, или столь же непростительной безпечности, забывая, что жизнь воина принадлежитъ не ему, а Отечеству. Тотъ, кто сражается и умираетъ не по-язычe-

[1] 2 Тим. II, 5.

Digitized by Google

ски, а по-христіански, то есть, одушевляясь въ принесеніи на жертву своей жизни не однимъ отвращеніемъ ко врагу и желаніемъ себѣ успѣха и отличія, а болѣе чувствомъ долга къ Царю и Отечеству, тѣмъ паче къ Вѣрѣ и св. Церкви. Тотъ, кто преходитъ въ другой міръ съ чувствомъ смиренія и покаянія, а не съ надменіемъ и безчувствіемъ душевнымъ, не призвавъ на себя даже въ минуту опасности смертной, милосердія Божія. Тотъ наконецъ, кто, находясь предъ лицемъ смерти, заранѣе изгоняетъ изъ своей души всѣ помыслы нечистые и всѣ пожеланія плотскія.— О всѣхъ, кои мыслятъ и дѣйствуютъ противнымъ образомъ,— горько, но должно сказать,—что они, при всемъ ихъ мужествѣ и самоотверженіи, подвизаются не какъ должно, и потому не могутъ пріять на главу свою того вѣнца, который былъ уготованъ имъ за ихъ подвигъ.

Хотите ли знать прямую и ближайшую причину сего? Она въ томъ, что въ царствіе Божіе не можетъ внити *ни чтоже скверно* [1]. Таково существо сего царства: и ужели вы первые захотите внести туда за собою что-либо нечистое? Такимъ образомъ оно престалобъ быть царствомъ Божіимъ, царствомъ свѣта и правды. Напротивъ, имѣя въ виду чистоту его и святость, вы по тому самому потщитесь быть чистыми и оправданными — чрезъ вѣру и покаяніе.

Когда мы напоминаемъ вамъ о нуждѣ въ покаяніи, то само собою разумѣется, что мы не требуемъ отъ васъ тѣхъ дѣйствій и принадлежностей покаянія, коими сопровождается сіе таинство въ обыкновенномъ его видѣ. И ваше покаяніе, какъ и всякое истинное, должно быть соединено съ неизмѣннымъ отвращеніемъ отъ грѣха и рѣшимостію вести жизнь богоугодную: но отъ васъ, въ минуту смертныхъ опастностей, не требуется ни продолжительныхъ молитвъ, ни обыкновенныхъ въ семъ случаѣ пощеній, ни даже церковной исповѣди. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*! вотъ ваша молитва!—*Безъ числа согрѣшихъ, Господи, помилуй мя*! вотъ ваша исповѣдь! *Пресвятая Богородице, спаси мя! Ангеле храни-*

[1] Апок. XXI, 27.

Digitized by Google

тело, сохрани мя! вотъ ваши молебны!—*Святителю Христовъ, Николае, буди ми помощникъ! Святителю Митрофане, не остави мене*! вотъ ваши акаѳисты! Трудно-ли, когда угодно, дѣлать все сіе—для кого-либо? а этого въ вашемъ положеніи, — когда то дѣлается отъ души,—достаточно для всякаго.

Но, говоря такимъ образомъ, я, вопреки сказанному мною въ началѣ, неприметно обращаюсь предъ вами въ наставника. Простите, возлюбленные, сему избытку ревности по вашему спасенію!—и какъ бы не явилась она у васъ теперь? Вы ежечасно подвергаетесь ради насъ опасностямъ и, можно сказать, умираете за насъ, а мы не примемъ труда подумать и позаботиться о томъ, чтобы эта—великая—жертва, какова жизнь ваша, была вполнѣ благопріятна Господу, и чтобы вы не подверглись опасности лишиться вѣнца небеснаго, предназначеннаго вамъ за ваше самоотверженіе? — О, если бы нужно было, то мы,—Богъ свидѣтель,—готовы уступить каждому изъ васъ часть собственнаго спасенія!

За симъ, братія мои, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руцѣ Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудетъ Она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію поспѣшимъ на свиданіе съ вами паки, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше—не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли; то молимъ Господа о единомъ—да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда уже не разлучаются. Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова Св. Павла: *аще живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*[1]. — **Аминь.**

—

[1] Рим. XIV, 8.

Digitized by Google

Р Ѣ Ч Ь,

произнесенная въ Одесской Успенской единовѣрческой церкви, по возвращеніи изъ Севастополя, Іюля 17-го 1855 года.

Послѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами! Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ много-страдальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и несгарающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, Синайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ; ибо эти громы, не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!... Это не городъ, а пространная пещь Вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте дванадесять нынѣшнихъ поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга, простертыхъ отъ одного до другаго края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли, въ поприще шириною, содѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и нощь извергаетъ изъ себя огнь, жупелъ и смерть. И подъ этимъ огнедышущимъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!... И такое мученическое положеніе сего города продолжается не дни и недѣли, а уже едва не цѣлый годъ! — Подлинно, если есть *скорбь вемія*, о коей можно сказать, *яковаже не была отъ начала міра* доселѣ[1]; то это скорбь и тѣснота Севастопольскія! О! если-бы и въ семъ случаѣ сбылись оныя утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны*[2]!

И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствѣ святой земли Русской? Кто бы и гдѣ бы вы ни были, души чистыя и избранныя, спѣшите на помощь отечеству: се ваше время и вашъ часъ!... Не медлите вознести молитвы ваши ко пре-

---

[1] Мат. XXIV, 21.
[2] Мат. XXIV, 22.

Digitized by Google

столу благодати, да пошлется скорѣе на землю Ангелъ мира, имѣющій заключить *студенецъ бездны* [1], изъ коего столько времени исходитъ вражда и пагуба!...

По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братія мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе — безъ конца, мужество — безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Да, братія мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской,—такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними!...* [2] Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, то-есть, вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божію, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за Вѣру и Отечество.

Трогательнѣе всего было посѣщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежатъ многочисленные сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ бо́льшею частію цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!... Но, какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія, съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражается не скорбь и ропотъ, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ,

[1] Апок. IX. 1.

[2] Сир. XLVI. 4.

Digitized by Google

кажется, говоритъ вамъ: я исполнилъ свой долгъ! Отечество должно быть довольно мною! Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ; что кровь ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ унижена; что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству; что благочестивѣйшій Государь готовитъ имъ награды и успокоеніе; что св. Церковь молится за нихъ—живыхъ и умершихъ, и благословляетъ ихъ труды и подвиги:—о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности Царю и Отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единаго, который пожалѣлъ бы о своей рукѣ или ногѣ, коихъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ! И отъ врачующихъ не разъ имѣлъ утѣшеніе слышать я, что, не смотря на ихъ внушенія воставшимъ отъ недуга—идти еще на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоравливающіе просили, какъ милости, немедленно возвратить ихъ подъ стѣны Севастополя для его защиты.

Не удивитесь посему, братія мои, если мы отъ лица защитниковъ Севастополя предложимъ вамъ одно прошеніе—о томъ, что когда вы услышите о геройской кончинѣ кого-либо изъ нихъ: то пожелайте молитвенно вѣчнаго покоя и милосердія Божія почившему; но не смущайтесь духомъ и не приходите отъ того въ горесть и уныніе: иначе вы возмутите симъ душу почившаго героя, который давно возложилъ земную жизнь свою, какъ жертву, на алтарь отечества. Не тревожьтесь въ подобномъ случаѣ и за судьбу самой брани и отечества: будьте увѣрены, что вмѣсто единаго героя явится на его мѣсто нѣсколько подобныхъ, кои были не такъ извѣстны потому только, что почившій долженъ былъ стоять выше ихъ.

Чего же, вопросите наконецъ, ожидать намъ въ будущемъ? Скоро ли конецъ брани? Есть ли надежда на успѣхъ? Не слѣдуетъ ли готовиться къ новымъ лишеніямъ и жертвамъ?

Digitized by Google

Будущее, братія мои, какъ всегда, такъ и нынѣ, въ рукахъ Божіихъ: потому самому, что оно не въ рукахъ человѣческихъ, а въ десницѣ Господней, мы можемъ имѣть добрую надежду на успѣхъ. Ибо Господь всемогущъ и праведенъ, а наше дѣло правое, и мы не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ.

Впрочемъ о томъ, что будетъ, мы можемъ гадать и судить уже по тому, что было и есть. Какихъ врагами нашими не употреблено противу насъ усилій и средствъ! И много ли успѣли они въ своихъ замыслахъ, въ продолженіи столь долгаго времени?—Одинъ городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца имперіи полуострова, стоитъ доселѣ какъ скала, о которую сокрушаются всѣ силы и всѣ надежды вражіи. Великъ-ли былъ бы ущербъ Отечеству, если бы и не устояла какимъ-либо образомъ сія твердыня? Ибо вмѣсто единой ихъ можетъ быть воздвигнуто десять. Но и сего нѣтъ, и, дастъ Господь, не будетъ, какъ показало недавнее отчаянное нападеніе на насъ враговъ. Къ чему готовились едва не цѣлый годъ, то въ нѣсколько часовъ обратилось къ пагубѣ и стыду враговъ нашихъ.

Возблагодаримъ же Господа за то, что Онъ, хотя по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ допустилъ возстать на насъ сей неправедной и жестокой брани, но въ тоже время видимо облекъ воинство наше силою свыше, и препославъ ему духа мужества и долготерпѣнія, коимъ невольно удивляются самые враги; возблагодаримъ, говорю, за все сіе Господа и усугубимъ молитвы наши къ престолу благодати Его, да не будемъ и впредь оставлены благословеніемъ и помощію небесною. А чтобы молитвы наши были благопріятны Господу, то присовокупимъ къ нимъ наше покаяніе и смиреніе: ибо не напрасно сказано: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ!* [1].—Аминь.

[1] Псал. XXXIII, 19.

Digitized by Google

ЦВѢТОКЪ НА МОГИЛУ

незабвеннаго К. Н. Батюшкова.

Не стало и еще поэта!
Дней Александровыхъ пѣвецъ,
Умершій заживо для свѣта,
Сошелъ въ могилу наконецъ...

Былъ вѣкъ поэзіи счастливой,—
То пышный былъ ея разцвѣтъ;
Вѣнчанный лавромъ и оливой,
Ей Царь давалъ и жизнь и свѣтъ.

И въ этотъ вѣкъ почившій нынѣ,
Благословляя свой удѣлъ,
Какъ лебедь при своей кончинѣ,
Подъ мирной сѣнью сладко пѣлъ.

Но небеса покрылись тучей,
И свѣтъ души его угасъ,
Какъ гаснетъ свѣтъ звѣзды падучей
На тверди въ полуночный часъ.

Свѣтъ возвращенъ душѣ, но тщетно,—
Дни вдохновенія прошли,
Онъ въ пѣсняхъ думы намъ завѣтной
Не высказавъ, сошелъ съ земли.

Какъ Тассъ, еще невоплощенный
Въ душѣ носилъ онъ идеалъ,
Какъ Тассъ, недугомъ пораженный,
Съ собой его онъ въ небо взялъ.

Друзья, не плачьте о поэтѣ,
Онъ, между ангелами тамъ
Витая въ невечернемъ свѣтѣ,
Съ улыбкой взоръ склоняетъ къ вамъ

И вѣрный своему служенью,
Быть можетъ, въ предразсвѣтный часъ
Носясь надъ вами легкой тѣнью,
На пѣсни вызываетъ васъ.

Для дольняго отжившій свѣта
И въ горній воспарившій міръ,
Онъ ждетъ на вызовъ свой отвѣта,
Ждетъ пѣсни златострунныхъ лиръ.

Ихъ звуки, вздохъ, двѣ—три слезинки,
Скатившихся на гробъ пѣвца —
Вотъ лучшіе по немъ поминки
Сроднившихъ въ жизни съ нимъ сердца!

Digitized by Google

ПОЛЕ.

«Си глаголя о сихъ отъ книгъ, а не о себѣ сказавшу. Аще нѣкто мудръ, тъй инако протолкуетъ, мы противу не вѣщаемъ, *нѣсмь бо женьци, но класосъбиратели*».

Пам. Росс. Слов. XII. в. стр. 116.

Въ извѣстныхъ доселѣ славянскихъ памятникахъ первое, сколько мы знаемъ, упоминаніе о полѣ или судебномъ поединкѣ относится къ XII-му столѣтію; но это упоминаніе принадлежитъ не намъ, а соплеменникамъ нашимъ Чехамъ. Въ Чешскомъ правѣ Кунрата Оты 1189 г. «Duellum» или «kiy» допускается въ тяжбахъ съ иноземцами: «Duellum, quod in vulgari dicitur «kiy», non habeant, nisi ad extraneos». Этотъ законъ Оты въ XIII-мъ столѣтіи былъ подтвержденъ для Чеховъ королемъ Премысломъ Отокаромъ I-мъ въ 1222 и 1229 годахъ и княземъ Олдрихомъ Бречиславскимъ въ 1237 г. (1). У насъ въ Россіи въ первый разъ ясно упоминаются такіе поединки въ XIII-мъ столѣтіи, и тоже по случаю сношеній съ иноземцами; но у насъ въ такихъ сношеніяхъ «поле» или поединки судебные рѣшительно запрещаются. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою въ 1229 г. говорится объ этомъ такъ: «Русіну же нѣлзѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленьскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ берегѣ или Нѣмечкый гость битися въ Руси межи собою мѣци и суліцами: князю то не надобѣ и никакому Русину, а правятся сами по своему суду» (2).

(1) «Dějiny národu Českého» — Палацкаго. Часть II. стр. 527, — на которой приведенъ законъ Оты, и 296, гдѣ указано время этого закона.

(2) Русс. Достопам. Ч. II. стр. 255, 256.

Digitized by Google

Такія указанія памятниковъ и всеобщее употребленіе судебныхъ поединковъ въ средніе вѣка въ Германіи заставили изслѣдователей этого предмета думать, что поле заимствовано Славянами отъ Нѣмцевъ. Таково мнѣніе замѣчательнаго между славянскими учеными Чеха Палацкаго и нашихъ—Каченовскаго и Калайдовича. Палацкій въ своей исторіи Чехіи говоритъ объ этомъ дѣлѣ такъ: «Právní souboj čili sedání (meč, Kyj) byl obyčej z ciziny do Čech uwedený a dle Kunratowych práw původne jen s cizinci užíwany, ačkoli později zwláště we XIV století, zobecněl i mezi pauhými Čechy nad míru» (1). Каченовскій тоже говоритъ: «можно показать, что они (судебные поединки) перешли къ намъ отъ Германскихъ народовъ еще до появленія Татаръ въ Европѣ» (2). Калайдовичъ равнымъ образомъ ведетъ ихъ отъ Норманновъ (3). У трехъ изслѣдователей этого предмета, какъ видимъ, сущность мнѣнія объ источникѣ происхожденія поединковъ судебныхъ у Славянъ одинакова; разница только въ осторожности догадокъ касательно времени происхожденія сего обычая. Тогда какъ Палацкій, имѣя для себя указаніе закона Оты (XII ст.), относитъ обычай къ нѣмецкимъ и считаетъ его восторжествовавшимъ у Славянъ не ранѣе XIV-го столѣтія, Калайдовичъ, имѣя, изъ твердыхъ, одно указаніе Мстиславова договора (XIII ст.), и Каченовскій, ничего не имѣя, кромѣ древнихъ нѣмецкихъ и позднѣйшихъ русскихъ указаній, возводятъ его ко временамъ Ярослава и далѣе.

По приведенныя нами постановленія Кунрата Оты и Мстислава Смоленскаго, по нашему мнѣнію, ни для другихъ Славянъ ни для насъ не опредѣляютъ еще ни источника ни времени происхожденія судебныхъ поединковъ или поля. Въ самыхъ уже законахъ Оты и Мстислава видно, что обычай поля у Чеховъ и у насъ существовалъ прежде сихъ законовъ. Кунратъ Ота въ XII ст. запрещаетъ Чехамъ употреб-

(1) «Dějiny národu Českého» Ч. II. стр. 327.

(2) «Записки и труды О. И. и Др.» Ч. I. стр. 31.

(3) «Русскій Историч. Сборникъ О. И. и Др.» Кн. 4, въ которой помѣщено разсужденіе К. Ѳ. Калайдовича о поединкахъ.

Digitized by Google

лять поединки, *«развѣ только съ иностранцами»*; слѣдовательно Чехи употребляли ихъ до сего времени и не съ иностранцами, т.-е. между собою. Мстиславъ Смоленскій въ XIII столѣтіи не дозволяетъ своимъ Смольнамъ вызывать нѣмецкихъ гостей *на поле въ Смоленскѣ*; слѣдовательно Смольяне до сего времени имѣли обычай дѣлать такіе вызовы. И такъ откуда и когда явилось у насъ поле?

Попомнимъ то обстоятельство, что сила національныхъ преданій у юныхъ самобытныхъ народовъ всегда слишкомъ упорна и не позволитъ въ быть сихъ народовъ войдти чему бы то ни было чужему, если оно, вошедши, не можетъ тотчасъ же органически срастись съ коренными, самобытно возникшими и существующими основами народнаго духа и жизни. Законъ этотъ въ Русской исторіи слишкомъ ясно доказалъ свою вѣрность, и мы не имѣемъ права забывать его при изслѣдованіи настоящаго предмета. И такъ, не признавши за окончательныя ни указаніе законовъ Оты, ни Мстиславова договора, мы тѣмъ не менѣе въ славянскихъ источникахъ должны искать прежде всего указаній на время и причины происхожденія нашего поля: ибо, повторимъ, относительно древней, вѣрной себѣ Руси нѣтъ возможности думать, чтобы Нѣмцы могли дать намъ форму какого-нибудь процесса жизни, если бы духъ и бытъ народа не имѣлъ въ себѣ основъ этаго процесса.

Обратимъ сперва вниманіе на время и причины появленія у Славянъ обычаевъ аналогически-сходныхъ съ полемъ. Мы говоримъ о судахъ Божіихъ, одною изъ формъ которыхъ было и поле. Другія формы судовъ Божіихъ, «огонь или горячее желѣзо» и «вода», являются у Славянъ ранѣе XIII вѣка. Не говоря уже о «правдозвѣстномъ пламени» и «святочудной водѣ», упоминаемыхъ въ древней Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ которыхъ Палацкій справедливо видитъ предметы, готовые сдѣлаться, если уже не сдѣлавшіеся, орудіями суда Божія, укажемъ на наши Русскія свидѣтельства. Русская Правда въ статьяхъ, если и дополнительныхъ, то не позже XII столѣтія, говоритъ о «желѣзѣ» и «водѣ». Такъ въ статьѣ «о сверженьи» читаемъ: «искавше ли послуха, и не-

Digitized by Google

налѣзутъ, ли истецъ начнетъ головою клепати: то имъ правду *желѣзо*. Тако же и во всѣхъ тяжахъ, въ тадбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица (явной улики): тогда дати ему *желѣзо* изъ *неволи*» (1). Равнымъ образомъ въ статьѣ «о гумнѣ»: «а ты тяжи вси судятъ послухы свободными. Будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощетъ истецъ или именити, а рця тако: по сего рѣци емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, емлеть и на *желѣзо*» (2). Наконецъ въ Р. П. есть прямая статья «о *желѣзномъ*»: «кто въ чемъ *емлеть на желѣзо* по свободныхъ людии рѣци....., аже не ожжется, то про муки не платити ему, но одиною желѣзное, кто будетъ ялъ». (3). О водѣ тоже упоминаетъ Р. П.: «ожели менс (полугривны искъ), то на воду» (4). Проповѣдникъ XIII столѣтія Серапіонъ въ одномъ изъ своихъ въ высшей степени любопытныхъ словъ тоже говоритъ о рѣшеніи судебныхъ дѣлъ водою: «Правила Божественная повелѣваютъ многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утопати начнетъ, неповинна есть, аще ли попловетъ, волхвовь есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душегубство? Яко оставльше послушьство боготворенаго человѣка, идосте къ бездушну естьству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣваньс Божіе» (5). Самый Мстиславовъ договоръ 1229 года упоминаетъ о желѣзѣ и допускаетъ его въ крайнихъ случаяхъ: «Русину нѣльзѣ имати Нѣмчина *на желѣзо*», говоритъ онъ, «тако же и Нѣмци Русина; *аже возлюбитъ самъ своею волею, то ни его воля*» (6).

Послѣ этихъ указаній на древнее существованіе формъ Судовъ Божіихъ аналогическимъ съ полемъ, нельзя, кажется,

(1) Р. Достоп. Ч. II. стр. 17.
(2) Тамъ же стр. 62.
(3) Тамъ же стр. 63, 64.
(4) Тамъ же стр. 17.
(5) Твор. Св. Отц. Годъ 1-й. Кн. 3. Приб. стр. 202.
(6) Рус. Достоп. ч. II. стр. 255.

Digitized by Google

изслѣдователя упрекнуть въ безотчетномъ увлеченіи и обречь его на безплодность труда, если онъ позволитъ себѣ заняться отыскиваніемъ указаній на обычай поль или чего-либо родственнаго имъ на Руси ранѣе XIII вѣка. Конечно, Русская Правда не говоритъ о полѣ, Мстиславъ его запрещаетъ. Но Р. П. противъ ли судовъ Божіихъ вообще и Мстиславъ противъ ли поля, какъ обычая новаго и не славянскаго? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ дальнѣйшее движеніе нашего изслѣдованія. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ о желѣзѣ можно уже заключать, что Мстиславъ Смоленскій, согласно съ Русскою Правдою, не противъ судовъ Божіихъ вообще, какъ обычая новаго и притомъ нѣмецкаго, не согласнаго съ духомъ вѣрованій и обычаями Славянъ, а противъ одной только формы этого суда—поединка. Доищемся причины этого нерасположенія, и посмотримъ, заключается ли она въ анти-славянскомъ, т.-е. нѣмецкомъ духѣ этой формы суда, или въ чемъ иномъ. Въ XIII столѣтіи нѣмецкіе гости въ Новгородѣ требовали, чтобы близъ ихъ домовъ не было боевъ палицами, могущихъ вести къ дракамъ и ссорамъ цѣлыхъ общинъ: «неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ, не должна быть терпима на улицѣ между дворами нѣмецкими, чтобы Россіяне и Нѣмцы не имѣли повода къ ссорамъ» (1). Слѣдовательно бои вели къ дракамъ. Изъ этого намека уже можно догадаться о мысли законодателей нашихъ касательно поля, но она будетъ еще яснѣе, если укажемъ свидѣтельства, что и поединки судебные, не менѣе потѣшныхъ боевъ, вели къ нарушенію общаго мира и согласія. Черногорскій судебникъ 1798 г. говоритъ, что, когда кто-нибудь, по существовавшему изъ древности въ Черногоріи обычаю, вызывалъ другаго на поединокъ (мейданъ) изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединщики созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись (2). И въ нашемъ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича предписывается, чтобы поручники или секунданты

(1) И. Г. Р. т. III. пр. 224.

(2) Г. Попова Путешеств. въ Черногорію стр. 145 и 291.

Digitized by Google

при тяжущихся и рѣшающихъ тяжбу полемъ были безоружны, равно какъ и вообще постороннимъ зрителямъ стоять у поль недозволялось (1). И такъ легкое воспламенение общихъ дракъ изъ поединковъ побуждало, какъ намъ кажется, нашихъ законодателей сколь возможно сдерживать обычай сихъ поединковъ не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ, гдѣ было нужно, сношеніяхъ. Оно же заставляло единоплеменныхъ намъ Славянъ разрѣшать такіе поединки въ тѣхъ сношеніяхъ, гдѣ объ мирѣ заботиться было не возможно. Такъ Русскіе, твердые по своему положенію и численному превосходству, сносясь съ Нѣмцами по мирнымъ торговымъ дѣламъ и дорожа этимъ миромъ, въ XIII столѣтіи писали о поединкахъ: «Князю то не надобѣ и никакому Русину». Напротивъ Чехи, при враждебномъ натискѣ на нихъ Нѣмцевъ, дорожа болѣе внутреннимъ, домашнимъ согласіемъ, и незаботясь о сомнительномъ и непрочномъ мирѣ съ Нѣмцами, еще въ XII столѣтіи писали о поединкахъ, что они разрѣшаются, но только въ сношеніяхъ съ иностранцами (2).

И такъ «поле» могло существовать ранѣе XIII в., ибо существовали аналогическія съ нимъ «желѣзо» и «вода». Оно могло существовать тѣмъ съ большею вѣроятностью, что

(1) Акт. Истор. т. I. стр. 156.

(2) См. выше законъ Оты и договоръ Мстислава Смоленскаго. Въ нашей исторической литературѣ есть готовое мнѣніе о томъ, что во время Русской Правды были уже въ употребленіи поединки. Таково мнѣніе Болтина, М. Евгенія, Калайдовича, Успенскаго и др. Всѣ они видятъ упоминаніе о нихъ подъ словомъ «розбой» въ статьѣ Р. Пр.: «Оже безъ вины убиетъ мужа», и въ предъидущей. Признавая весьма вѣроятнымъ существованіе обычая судебныхъ поединковъ *въ обществѣ* современномъ Русской Правдѣ, мы не видимъ упоминанія о семъ обычаѣ *въ законѣ* Русской Правды о «розбоѣ.» Не вдаваясь въ подробнѣйшій разборъ вышеупомянутой статьи Р. П., замѣтимъ, что въ ней говорится объ убійствѣ «въ пиру» или «безъ всякія свады», слѣдов, здѣсь нѣтъ въ ней судебнаго поединка. Незабвенный Исторіографъ нашъ видитъ въ этой статьѣ тоже простое убійство.

Digitized by Google

имѣло съ вышеуказанными формами однѣ и тѣ же основы. Суды Божіи вообще были приложеніемъ языческо-религіозныхъ вѣрованій и развивавшихся изъ нихъ обычаевъ народа къ учрежденіямъ юридическимъ. Такъ было не только въ Германіи, но и у Славянъ. Предъ Любушей Чешской на ступеняхъ ея трона мы видимъ «пламень правдозвѣстный» и «святочудную воду» (1). Если это еще не самое пытаніе огнемъ и водою, то уже основаніе для него. Огонь и вода, будутъли они реальныя проявленія божества, или символы его, или его аттрибуты — во всякомъ случаѣ священны и ихъ прилично вручить обвиняемому, чтобы дѣйствіемъ ихъ онъ доказалъ свою правду. Такъ дѣйствительно мы и видимъ: несмотря на различіе мѣста и времени испытанія огнемъ, у Славянъ постоянно въ основаніи этого обычая лежитъ вѣрованіе въ язычески-священное значеніе огня и воды. У западныхъ Славянъ язычниковъ кумиръ Бѣлъбога держалъ въ рукѣ своей кусокъ священнаго желѣза, которымъ производилось испытаніе. Въ такомъ случаѣ кусокъ сей брали изъ руки его, раскаляли на стоявшемъ предъ кумиромъ жертвенникѣ, и, по совершеніи испытанія, опять влагали въ руку Бѣлбога (2). Самое христіанское законодательство, принимая обычаи судовъ Божіихъ, о которыхъ І. Христосъ не училъ, дѣлало въ этомъ случаѣ ни-что иное, какъ замѣненіе, болѣе или менѣе близкое, языческихъ обрядовъ, употреблявшихся при такихъ судахъ, обрядами христіанскими. У Сербовъ, въ христіанское время, призванный къ испытанію желѣзомъ долженъ былъ предъ дверьми церковными вынуть изъ огня желѣзо, снести его до алтаря и положить тамъ (3). Равнымъ образомъ испытаніе водою, производилось ли оно холодною, или горячею водою, — явно обличаетъ свой языческій характеръ. Укажемъ для ясности на испытаніе холодною водою, какъ оно совершалось во времена христіанскія. Предъ испытаніемъ дѣлали *заклинанія* надъ холодною

(1) Палацкаго Dějiny Česk. Ч. І. стр. 214.

(2) Примѣч. издател. Русской Правды 1799 года.

(3) Палацкій. Dějiny Čes. Ч. ІІ. стр. 328.

Digitized by Google

водою и *освящали* ее; потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго, и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ, если же всплывалъ на поверхность воды, виновнымъ (1). Напоминая здѣсь снова замѣчаніе о переводѣ при «судахъ Божіихъ» языческихъ обрядовъ на христіанскіе, укажемъ на Густынскую лѣтопись, которая въ XVII в. говоритъ: «отъ сихъ *единому нѣкоему богу на жертву людей топяху*, ему же и до нынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду... По иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою обливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ (2).» Здѣсь, очевидно, погруженіе на дно, какъ принятіе погружаемаго богомъ, и самое заклинаніе церкви надъ водою назначенною для испытанія, ясно говоритъ о языческомъ происхожденіи обряда. Изъ сказаннаго мы видимъ, что желѣзо и вода сдѣлались орудіемъ, такъ называемаго, суда Божія, какъ аттрибуты языческаго богопочтенія. Если теперь эти аттрибуты (желѣзо и вода) были не единственные, если у бога языческаго могли быть *палица* или *мечъ*, то что мѣшало языческому судьѣ вручить ихъ обвиняемому, чтобы онъ доказалъ ими свою невинность подъ покровительствомъ Бога, которому принадлежитъ это оружіе?

Ничто дѣйствительно не мѣшало. По свидѣтельству Прокопія (VI в.) «Славяне чтутъ одного Бога, *производителя молніи*, господа сей вселенной» (3). По древнимъ преданіямъ Литовцевъ, этотъ богъ молніи Перунъ живетъ въ великолѣпномъ замкѣ, при выѣздѣ изъ котораго первое дѣйствіе его обнаруживалось на деревѣ: *онъ разсѣпывалъ обыкновенно зелёный дубъ* (4). Этому Перуну, по нашей Густынской лѣтописи, «яко Богу жертву приношаху и *огонь* неугасимый *съ дубоваго дре-*

(1) Изд. Русской Правды 1799 г. ср. Свидѣт. Сераніона (XIII ст.) о пытаніи водою.

(2) Ипат. лѣт. (П. С. Л. т. II) въ прибавл, стр. 257.

(3) De bello Goth. III. 14. Memor. popul. p. 28.

(4) Нарбутъ у Касторскаго стр. 54.

Digitized by Google

вія непрестанно палияху» (1). Кромѣ того нашъ Сварогъ, какъ древнѣйшее божество, есть богъ оружія металлическаго подобно Египетскому Фтасъ, — и самое оружіе, имъ покровительствуемое, есть замѣна древнѣйшихъ *палицъ*: «по немъ (Ереміи) Феоста, иже и Соварога нарекоша Египтяне: царствующу сему Феостѣ въ Египтѣ... спадоша клещѣ съ небесъ, нача ковати оружье, преже бо того *палицами* и каменьемъ бьяхуся» (2). Наконецъ, на древней Литовской монетѣ Перунъ держитъ въ одной рукѣ стрѣлы, въ другой *палицу* или *трость* (3). Итакъ, по свидѣтельству древнихъ памятниковъ, *палица*, какъ и вообще оружіе, была принадлежностью языческаго служенія Перуну. Эта палица и битвы ею еще въ древности перешли и въ народъ. Вотъ какъ говорятъ объ этомъ лѣтописи. Густынская лѣтопись подъ 990-мъ годомъ разказываетъ, что когда въ Новгородѣ идолъ Перуна сверженъ былъ въ Волховъ, то «единъ нѣкто человѣкъ верже на него палицею, онъ же, вземъ *палицу*, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько) Порази же слѣпотою Новгородцевъ, яко *отполь* въ сіе время даже до нынѣ (Густ. лѣт. пис. въ XVII вѣкѣ), въ коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются и, *раздѣлшеся на двое играюще*, убиваются» (4). Можно бы еще думать, не о кулачныхъ ли бояхъ говоритъ это свидѣтельство, но Русскій Временникъ, какъ бы поправляя Густынскую лѣтопись, разсказываетъ такъ: «въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ. Онъ же, пловя сквозѣ великій мостъ, *верже палицу свою и рече: на семъ мя поминаютъ Новогородскія дѣти, ею же*, прибавляетъ лѣтописецъ, и *нынѣ безумніи людіе убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ* (5).» Правда, Русскій Временникъ, какъ и Густынская лѣтопись, писанъ въ XVII столѣтіи; можно бы и отвергнуть его показаніе объ обычаѣ Новгородцевъ биться палицами и притомъ въ честь Перуна; предъ

(1) Густ. Лѣт. (П. С. Р. Л. т. II, въ прибавл.) стр. 257.
(2) П. С. Р. Л. т. II. Ипат. л. стр. 5.
(3) Нарбутъ у Касторскаго стр. 58.
(4) П. С. Л. т. II. приб. стр. 258, 259.
(5) Русск. Врем. Ч. I. стр. 52.

Digitized by Google

нами примѣръ Татищева, который обвинилъ лѣтописцевъ въ сложеніи разсказа о происхожденіи боевъ отъ палицы Перуновой, и все дѣло, какъ нельзя проще (sic), объяснилъ тою долбнею, которою, по его разсказу, ударяли въ Новгородѣ свергаемыхъ съ моста, и которую Грозный велѣлъ повѣсить на городскихъ воротахъ (1). Но у насъ есть много указаній, которыя говорятъ о языческомъ обычаѣ битвъ палицами очень сильномъ и очевидно язычески-древнемъ. М. Кириллъ въ 1227 году между прочими постановленіями, сдѣланными имъ на Владимірскомъ Соборѣ вмѣстѣ съ епископами Новгородскимъ, Ростовскимъ, Переяславскимъ и Полотскимъ, говоритъ слѣдующее: «паки же увѣдѣхомъ бесовьская еще *дръжаще обычая треклятыхъ Еллинъ* (т.-е. язычниковъ—форма рѣчи слишкомъ извѣстная) въ Божественныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ въпломъ, сзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, *и бьющеся дрьколъемъ до самыя смерти и възимающе отъ оубиваемыхъ порты*». (2). Въ XIII-мъ же вѣкѣ Готландскіе Нѣмцы, договариваясь съ Новгородомъ о дѣлахъ торговыхъ и о сношеніяхъ по нимъ, требуютъ слѣдующаго: «*Неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ*, не должна быть терпима на улицѣ между дворами нѣмецкими, чтобы Россіяне и гости не имѣли повода къ ссорамъ» (3). Эту-то безъ сомнѣнія игру вспоминалъ и лѣтописецъ, когда, разсказывая о битвѣ Даніила Галицкаго съ Ятвягами, говорилъ: «и Ятвази *съ сулицами гонишась на поли подобію игрѣ*». (4).

---

(1) Татищевъ. Кн. III. прим. 581.

(2) Рус. Дост. Ч. I. стр. 115.

(3) И. Г. Р. т. III. стр. 244. Въ проэктѣ этого договора Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ въ 1270 г. это мѣсто читается такъ: «Inter curias theuthonicorum in platea non debet esse pugna vel percussio cum fustibus qui dicuntur velen, quia de hujusmodi ludo *insolito ab antiquis* in loco predicto, posset oriri discordia inter hospites et ruthenos.» Андреевскій о дог. Новогор. съ нѣм. гор. и Готл. въ 1270 г. стр. 28, примѣч. 91.

(4) Тамъ же. Т. IV. пр. 102.

Digitized by Google

Так. обр. со временъ языческаго служенія Перуну хранился на Руси обычай биться палицами или палками, хотя бы то до смерти, и народъ былъ на сторонѣ этого обычая. Весьма вѣроятно, что этотъ обычай и порывался стать юридическимъ учрежденіемъ, или, если бы, по примѣру Нѣмцевъ, вошло въ русскую жизнь подобное учрежденіе, обычай этотъ готовъ былъ подложить подъ чужую форму свои основы (1). Но Русская Правда ничего не говорила о рѣшеніи тяжбъ битвами. Мстиславовъ договоръ прямо говорилъ: «Руснну нѣлзѣ позвати Нѣмцича на поле въ Смоленьскѣ.... и нѣмечскый гость битися въ Руси межи собою мѣци и сулицами». Духовенство наше, чуждое духа лести міру и его обычаямъ, коль скоро они несогласны съ духомъ любви и кротости христіанской, еще открытѣе возставало противъ боевъ палицами, даже и потѣшныхъ. М. Кириллъ въ своихъ правилахъ опредѣлялъ на Владимірскомъ соборѣ (XIII в.): «аще кто изъобрящеться по сихъ правилѣхъ бещенъе творя, да изгнани боудоуть отъ святыхъ Божиихъ церквъ, а оубиении да боудоуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудоущии. Аще нашемоу законоположению противяться, то ни приношения о нихъ приимати. рекше просфоуры и коутьи, ни свѣчи. Аще и оумрѣть, то над нихъ неходять перѣи и слоужбы за нихъ да нетворять, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквъ. Аще которыи попъ дерзнеть что створити над ними, да боудеть чюжь своего сана». (2). Если такъ говорило наше духовенство объ игрѣ, то что должно было оно сказать о прямомъ вызовѣ на битву съ цѣлію убійствомъ доказать свою правду въ той увѣренности, что и христіанскій Богъ поможетъ убить врага, какъ помогалъ богъ языческій? Но, прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, посмотримъ, что на западѣ сдѣлали въ это время и по этому случаю правительство и церковь.

Вся Европа приняла обычай, такъ названныхъ, судовъ

---

(1) Въ Мстиславомъ договорѣ, правда, упоминаются мечи и сулицы, но въ немъ упоминаются Нѣмцы и Русскіе.

(2) Рус. Дост. Ч. I. стр. 115.

Digitized by Google

Божіихъ. Законы Салическихъ Франковъ, Англо-Саксовъ, Датчанъ и т. д. ихъ признавали. Западная церковь не устояла противъ напора этаго обычая: Папы и помѣстные соборы одобрили ихъ, обстановивъ только форму такого судопроизводства формами христіанскими. Такъ желѣзо, опредѣленное для испытанія, освящали чтеніемъ особливыхъ молитвъ, кропили его освященною водою и хранили въ опредѣленныхъ на то церквахъ, въ которыхъ и испытаніе производили со многими предварительными обрядами, какъ-то: присужденный къ испытанію долженъ былъ три дни довольствоваться сухояденіемъ; потомъ, по отслушаніи литургіи, причаститься Св. Таинъ. и послѣ въ церкви отводимъ былъ къ тому мѣсту, гдѣ, обыкновенно, производилось испытаніе, окроплялся отъ священника освященною водою при чтеніи молитвъ, особо на то положенныхъ (1). Равнымъ образомъ при испытаніи холодною водою доказательство начиналось обыкновенно обѣднею, при чемъ обвиняемаго пріобщали Св. Таинъ, потомъ. по окончаніи заклинанія и освященія холодной воды, бросали его въ оную связаннаго (2). Наконецъ, при битвахъ оружіемъ, готовившійся къ бою «говѣлъ, по обычаю, и принималъ Св. Тайны въ самый день битвы, прослушавши съ благоговѣніемъ литургію» (3). По входѣ на арену, бойцы, «выслушавши увѣщанія священника, произносили на Святомъ Евангеліи клятву», что идутъ на бой за правое дѣло (4). При боѣ присутствующіе держали въ рукѣ голубую *палицу* съ серебрянымъ или золотымъ *крестомъ* (5).

Подъ вліяніемъ такихъ учрежденій и у Славянъ, ближайшихъ къ западной Европѣ, напр. у Чеховъ обычай полемъ вершить дѣла, доселѣ сдерживаемый законами Кун-

(1) Примѣч. къ Р. Пр. изд. 1799 г. См. у Успенскаго «Опытъ повѣст. о древностяхъ Русскихъ.» Харьковъ. 1818. Ч. II. стр. 494.

(2) Тамъ же стр. 495.

(3) Статья изъ «Revue des deux Mondes», перев. въ Москв. 1854 г. N 9. Отд. III. стр. 23.

(4) Тамъ же стр. 29.

(5) Тамъ же.

Digitized by Google

рата Оты, Премысла Отокара I-го и Ольдриха Бречиславскаго, въ XIV вѣкѣ оффиціально получилъ свою самобытную силу и со всѣми малѣйшими подробностями опредѣленъ былъ законами страны. До насъ дошелъ «Řád práwa zemskeho w Čechach», законодательный памятникъ, писанный между 1348 и 1355 г. (1). Въ сорока пунктахъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ памятникъ, подробнѣйшимъ образомъ описаны и предписаны всѣ обряды и условія, касающіеся производства судовъ поединками или, по чешскому выраженію, «забоемъ правнымъ» (2). Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ при содѣйствіи западнаго правительства и церкви обычай судебныхъ битвъ всюду торжествовалъ свою побѣду. Что же было у насъ?

Въ концѣ XV вѣка мы видимъ отдѣльныя, мѣстныя упоминанія о полѣ, на примѣръ въ Псковской судной грамотѣ, въ договорахъ Москвы съ Рязанью: «или поле ся коньчало, а то коньчати», а въ другомъ: «а которые дѣла суженые, или поле ся не коньчалося, а то кончать» (3). Ясно, что обычай не изчезалъ, что онъ держался въ употребленіи по мѣстамъ и склонялъ на свою сторону отдѣльныя правительства, но общаго закона, его признающаго, еще не было. Иначе впрочемъ и быть не могло: ибо дѣйствовалъ еще духъ Русской Правды, помѣстамъ измѣняемый княжими уставами; новаго общаго постановленія, кромѣ Ярославова, для раздробленной Руси до Іоанна III еще быть не могло. Общимъ было только постановленіе митрополита всея Руси, и вотъ что писалъ въ 1410 году М. Фотій, обращая свою рѣчь къ Новгородцамъ: «Еще же и сему наказаю: аще который человѣкъ позовется на поле да пріидетъ къ которому попу причаститись, ино

(1) «Wýbor z Literatury České.» Прага. 1845 г. стр. 610—626. См. о немъ не много у Палацкаго «Déjin. Česk.» Ч. II. стр. 297.

(2) Приводить этотъ въ высшей степени любопытный для нашего дѣла памятникъ здѣсь не удобно и не мѣсто. Но мы будемъ пользоваться имъ для сравненія его постановленій съ нашими постановленіями о полѣ.

(3) С. Г. и Д. Ч. I. гр. 36 и 65.

Digitized by Google

ему святого причастья нѣтъ, ни цѣлованія крестнаго; а которой попъ дастъ ему святое причастье, тотъ поповства лишенъ. А кто утепетъ, лѣзши на поле, погубитъ душу, по Великаго Василія слову душегубецъ именуется, въ церковь не входитъ, доры не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, *причащенія жъ святаго не пріиметъ осмнадцать лѣтъ*; а *убитого не хороните*, а который попъ похоронитъ, тотъ *поповства лишенъ*» (1).

Наконецъ, съ перемѣною, начавшеюся въ законодательствѣ Русскомъ въ исходѣ XV вѣка, мѣстный обычай поль получилъ въ Россіи оффиціальное общее значеніе. Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года судебный процессъ въ денежныхъ искахъ дозволяется вести *до поля*, хотя въ самомъ законѣ, допускающемъ эту форму суда, видно желаніе законодателя заставить тяжущихся мировую сдѣлку предпочесть поединку: «а *досудятъ* намѣстники и тіуны о рублѣ *до поля*, а *восхотятъ ся помирити*, и они дадутъ намѣстникомъ *гривну* и съ тіуны и съ доводчики *за всѣ пошлины*; а будетъ выше рубли или ниже, и намѣстники на нихъ емлютъ по тому же розчету. *А побьются на поль, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противу истцова*» (2). Наконецъ въ 1497-мъ году Іоаннъ III-й Судебникомъ своимъ окончательно призналъ для всего Московскаго государства обычай поля и опредѣлилъ условія его въ статьяхъ: «о судѣ городскомъ», «о послушествѣ» и «о полевыхъ пошлинахъ» (3). Въ этомъ законѣ правительство теперь утверждало весь процессъ поля, постепенно сформировавшійся въ мѣстныхъ обычаяхъ, и передало эту вновь признанную для всего Московскаго государства форму суда XVI-му вѣку, вѣку полнаго и послѣдняго торжества полеваго процесса. Такимъ образомъ, желая представить полную картину поля на Руси, мы прямо обратимся къ памятникамъ XVI-го столѣтія, дополняя ихъ, гдѣ можно, памятниками предшествующими.

(1) Акт. Арх. Эксп. т. I. стр. 426.
(2) Акт. Ар. Эк. т. I. стр. 93.
(3) Акт. Истор. т. I. N 105.

Digitized by Google

Полемъ или судебнымъ поединкомъ, по Судебнику царя Ивана Вас. 1550 г., могъ быть рѣшенъ всякій процессъ, въ которомъ ищея или отвѣтчикъ не могли представить ясныхъ доказательствъ и, въ то же время, не хотѣли признать доказательствъ противной стороны. Заемное дѣло отъ рубли, бой или оскорбленіе и увѣчье, поджогъ. душегубство, разбой и даже тяжбы о поземельномъ владѣніи — вотъ предметы, тяжбу о которыхъ, по законамъ Ивана IV, какъ и по закону дѣда его, дозволялось рѣшать полемъ (1). Въ подобныхъ случаяхъ не только ищея и отвѣтчикъ имѣли право полемъ доказывать свою невинность, но и свидѣтели той и другой стороны могли доказывать, всякому оспоривающему, правдивость своихъ показаній также полемъ (2). Въ этомъ случаѣ свидѣтели бились не только съ свидѣтелями же, но и съ самимъ отвѣтчикомъ (3). Для болѣе живаго представленія дѣла выпишемъ изъ драгоцѣнныхъ по простотѣ и живости тогдашняго языка актовъ юридическихъ двѣ тяжбы, происходившія въ XVI-мъ столѣтіи (4). Въ 1530 году игуменъ Никольскаго Корельскаго морастыря Зосима явился въ судъ съ слѣдующею жалобою на сосѣднихъ крестьянъ: «жалоба ми, господине, на того на Останьку.... да на Данилу.. .да на Марка: дѣялось, господине, сего лѣта, за недѣлю Оспожина заговѣйна въ недѣлю (въ воскресенье), — сѣлъ есми, господине, на тони, на морѣ, рыбы ловить, и тотъ, господине, Мощалка, пришедъ своими товарыщи, да меня, господине, съ тони сбилъ да отнялъ, господине, у меня два невода да двѣ лотки; а цѣна, господине, двумъ неводамъ да двумъ лоткамъ полтора рубля.» Когда судья обратился къ отвѣтчикамъ и, послѣ изслѣдованія дѣла и осмотра представленной игумномъ «*крѣпи*» на тоню, спросилъ: «а у васъ крѣпи есть ли на ту тоню и кому то вѣдомо, что вы шестой

(1) Акт. Ист. т. I, N 153, статьи 11, 12. Ср. Тамъ же N 105 стр. 153, 154.

(2) Ак. Ист. т. I. N 153 ст. 15.

(3) Тамъ же ст. 16.

(4) Вообще судные акты XVI ст., напеч. въ Ак. Экпс., Акт. Ист. и Акт. Юридическихъ, богаты упоминаніями о полѣ.

Digitized by Google

годъ на той тони ловите?» — отвѣтчики заговорили: «*крыпи, господине, у насъ на ту тоню нѣтъ*, а вѣдомо, господине, сусѣдомъ нашимъ Солжаномъ всей волости, что мы на той тони шесть лѣтъ ловимъ, *а въ томъ, господине, крестъ цѣлуемъ, и на поле съ ними битися лѣземъ*, и съ иконою идемъ.» За тѣмъ спрашиваютъ игумна: «*ты крестъ цѣлуешь ли, и на поле съ ними битися лѣзешь ли*, и съ иконою идешь ли?» Игуменъ отвѣчалъ: «*крестъ, господине, цѣлую, и на поле съ ними битися лѣзю*, и съ иконою иду». «И понимались, записано въ актѣ, обои истцы за поле (1)» Вотъ еще процессъ, въ которомъ за одно съ отвѣтчиками дѣйствуютъ свидѣтели и зазывъ на поле достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Въ 1534 году слуга Ѳерапонтова монастыря Еска Ларивоновъ началъ тяжбу съ сосѣдними крестьянами Есюнинской волости о томъ, что они, «перелѣзши за межю», на монастырской землѣ «лѣсы сѣкутъ, и пашни пашутъ, и сѣна косятъ три годы.» Отвѣтчики, разумѣется, стали доказывать, что земля, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ волости. Та и другая сторона представили свидѣтелей. При первомъ же показаніи свидѣтели монастырскіе разошлись съ свидѣтелями волостными, и потому послѣдніе заключили свою рѣчь такъ: «*дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду. цѣлуемъ, господине, крестъ да лѣземъ съ ними на поле битись.*» Судья спрашиваетъ монастырскихъ свидѣтелей: «*а вы съ ними лѣзете ли на поле битись?*» Они отвѣчаютъ: «*цѣлуемъ, господине, крестъ да лѣземъ съ ними о томъ на поле битись.*» За тѣмъ начинаются новые допросы и указаніе межей, и всякій разъ, какъ одна сторона недовольна словами или дѣйствіями другой, раздается просьба: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду, цѣловавъ крестъ (или цѣлуемъ крестъ), да лѣземъ съ ними на поле битися» (2). Такъ въ первой половинѣ XVI столѣтія обычай поля торжествовалъ свою побѣду надъ запрещавшею его доселѣ властью правительства! Любопытно по судянымъ актамъ XIV, XV и XVI

(1) Акт. Юрид. N 18.

(2) Акт. Юрид. N 20.

Digitized by Google

столѣтій слѣдить развитіе на Руси судебнаго процесса, и убѣждаться, что Судебнику Іоанна III-го принадлежитъ оффиціальное утвержденіе поля въ Московскомъ государствѣ. При Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, напр., тяжущіеся о землѣ говорятъ: «тѣ, господине, Сенькины старожильцы послушествуютъ лживо; а отводятъ, господине, тотъ лугъ митрополичь безмежно. Дай намъ, господине, съ ними *цѣлованье: мы, господине, цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что* тотъ лугъ на рѣцѣ на Шекснѣ митрополичь изстарины Спаскаго села» (1). При сынѣ же Іоанна III-го Василіѣ Ивановичѣ въ подобныхъ тяжбахъ читаемъ уже: «Дайте, господине, намъ съ ними Божью правду, цѣловавъ крестъ, *да лѣземъ съ ними на поле битися* (2)».

Такъ какъ поле, по желанію тяжущихся, допущено было при всѣхъ почти искахъ, при чемъ ищеями и отвѣтчиками могли быть лица всякаго пола, возраста и состоянія, то законъ о полѣ дозволялъ лицамъ, которымъ по ихъ положенію было неудобно, или которые сами не хотѣли лично биться на полѣ, выставлять за себя наемныхъ бойцовъ или, по тогдашнему выраженію, «наймитовъ». Вотъ какъ пишетъ объ этомъ Судебникъ 1550 года: «А противъ послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ или чернецъ, или черница, или жонка, и тому противъ послуха наймитъ, а послуху наймита нѣтъ. А которой послухъ чѣмъ будетъ увѣченъ безъ хитрости, или будетъ въ послусѣхъ попъ или чернецъ или черница или жонка: и тѣмъ наймита нанати вольножъ» (3). Новгородскіе и Псковскіе законы въ своемъ мѣстномъ правѣ исключали въ XV столѣтіи изъ положенія о наймитахъ только женщинъ. Такъ въ Новгородской записи 1477 г., согласно съ Псковскою судною грамотою, читаемъ: «жонки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону» (4). Чешское право XIV столѣтія

(1) Иванова «Опис. Госуд. Арх.» стр. 206.
(2) Тамъ же, стр. 218.
(3) Акт. Ист. т. I. N 153 ст. 17. Ср. N 105 ст. «о послушествѣ.»
(4) Акт. Арх. Эксп. т. I. стр. 80.

Digitized by Google

говоритъ тоже о подставныхъ бойцахъ, допуская ихъ къ битвѣ для лицъ не прямо прикосновенныхъ къ дѣлу и для лицъ слабыхъ по возрасту. Такъ, если при обвиненіи въ убійствѣ не находится самъ убійца, а другой за него, въ такомъ случаѣ тотъ изъ тяжущихся, кто хочетъ, можетъ имѣть за себя поручителя и вмѣсто себя выставить его къ битвѣ (1). За сироту также бьется другой его пріятель (přietel), при чемъ самъ сирота долженъ стать предъ «шранками», держа мечъ и щитъ; затитникъ его беретъ этотъ мечъ изъ его рукъ и бьется за него со врагомъ (2). Замужняя женщина пользуется правомъ присяги, за то вдова и панна отъ 18-ти лѣтъ и выше можетъ сама биться со врагомъ «въ шранкахъ округлыхъ, къ тому приготовленныхъ, съ мечетъ и щитомъ (3). Вообще законодательство старалось уравновѣсить силы тяжущихся и по этому постановило довольно подробныя опредѣленія о бойцахъ: «А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ, или не бойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ небитися; а похочетъ не боецъ съ бойцомъ на полѣ битися, нно имъ на полѣ битися. Да и во всякихъ дѣлѣхъ бойцу съ бойцомъ, а небойцу съ небойцомъ, или бойцу съ небойцомъ, по небойцовѣ волѣ, на полѣ битися по тому же (4). Или: «а бой полицикомъ давати ровенъ (5)».

Уравнивая внѣшнія средства тяжущихся, ихъ силу и искусство, правительство старалось уравнивать и внутреннее значеніе ихъ, по крайней мѣрѣ народъ самъ требовалъ этого уравненія. Такъ въ одномъ изъ судныхъ дѣлъ читаемъ: «И Иванъ да Юрій Луневы, да Митя Игнатовъ такъ рекли: *мы, господине, съ ними на поле битися не лъземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы, господине, противъ дѣтей боярскихъ битися лъземъ*» (6). Въ Чешскомъ правѣ XIV-го ст. подробно были опредѣлены права лицъ

(1) Řad. Pr. Zem. § 31.
(2) Ibid. § 33.
(3) Ibid. §§ 38, 39, 40.
(4) Акт. Ист. N 153 ст. 14.
(5) Тамъ же, ст. 13.
(6) Иванова «Описан. Государ. Арх.» стр. 218, 219. Дѣло 1503 г.

Digitized by Google

на рѣшеніе тяжбы битвою. Равный по рожденію съ своимъ противникомъ, попъ съ попомъ, владыка съ владыкою, должны были биться; низшій же съ высшимъ могъ биться только тогда, когда этого хотѣлъ самъ высшій, въ противномъ случаѣ высшему по рожденію предоставлялось право доказывать свою невинность присягою надъ крестомъ (1). Самое оружіе назначалось у Чеховъ полевщикамъ по ихъ происхожденію и гражданскимъ правамъ: люди благородные бились *мечами со щитами*; люди низкаго класса — *палками (kyji) со щитами великими*. «А то *изстародавна уставлено*, замѣчаетъ Земское Право Чѣшское въ XIV столѣтіи, *что для такой битвы не употребляются мечи*» (2).

Такимъ образомъ обычай судебныхъ битвъ, допущенный закономъ, образовалъ на Руси особый родъ бойцевъ—наймитовъ, предлагавшихъ по найму свои услуги тяжущимся. Извѣстія о нихъ, къ сожалѣнію, весьма немногочисленны, но въ общей картинѣ поля и ихъ характеръ нѣсколько обозначается.

И такъ возвратимся къ общему изображенію поля. Когда «обои истцы ималися за поле», начинались приготовленія къ нему. Ищея и отвѣтчикъ, если не хотѣли биться сами, отыскивали искусныхъ бойцовъ. Отыскивать ихъ было, кажется, не трудно, потому-что, промышляя своимъ искусствомъ, наймиты сами знали, кажется, когда, кому и гдѣ присуждено поле. Притомъ они по самому ремеслу своему стояли въ близкихъ связяхъ и конечно сношеніяхъ съ другимъ классомъ лицъ, предлагавшимъ свои услуги полевщикамъ или желавшимъ полемъ рѣшить свою тяжбу. Этотъ другой классъ составляли ворожеи. Хотя поле носило названіе суда Божія или «Божьей правды», но языческая суевѣрная основа его была и въ XVI столѣтіи свѣжа въ памяти народа, и явно брала перевѣсъ надъ христіанскимъ значеніемъ, приданнымъ полю; по этому тяжущіеся, сказавши въ судѣ: «дайте намъ Божью правду, цѣловавъ крестъ да лѣземъ съ ними на поле битися», и поцѣловавши крестъ, чувствовали нужду вмѣстѣ

(1) «Řad Pr. Zemského» §§ 54. 36.
(2) Ibid. § 37.

Digitized by Google

съ наймитомъ и въ ворожеѣ. Пр. Максимъ Грекъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Повелѣно убо оружіи разсудитися тяжбѣ, взыскуется отъ обою добробранен полевщикъ, взыскуется отъ обидящаго и чародѣй ворожея, ижъ возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику» (1). Самыя мѣста судебныхъ битвъ и доселѣ еще удержали свое древнее названіе поль или полей: укажемъ въ Москвѣ на церковь Троицы въ нолѣхъ, близъ Владимірскихъ воротъ, на Никольской улицѣ. (2) Въ Троицкомъ посадѣ мѣстомъ битвъ было сперва пространство передъ монастырскими воротами, а въ 1560 г. указано для нихъ новое мѣсто въ селѣ Клементьевѣ (нынѣ часть посада Сергіева) (3). Вмѣстѣ съ тяжущимися къ бою являлись: 1) Окольничій, 2) Дьякъ и 3) Недѣльщикъ (4). Немедленно по прибытіи, эти представители правительства спрашивали истца и отвѣтчика: «кто за ними стряпчіе и поручники (секунданты)?» Указаннымъ поручникамъ дозволялось стоять у поля, но безъ всякаго оружія (5). Между-тѣмъ около поля стекалось много народа, неприкосновеннаго къ тяжбѣ: тутъ были и праздные зрители, и бойцы, и ворожеи (6). Правда, законъ постоянно отстранялъ отъ поля лицъ неприкосновенныхъ

(1) Максима Гр. «Слово о неизглаголанномъ Божіемъ промыслѣ, благостижѣ и человѣколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ.» По ркп. библ. Троиц. Лавр. л. 177.

(2) И. Г. Р. т. IX. прим. 268 стр. 95. «Троица у старыхъ поль» построена во второй половинѣ XVI в.

(3) Ак. А. Эксп. т. I. 278. Кромѣ того у насъ въ Россіи множество мѣстечекъ, селъ и деревень носятъ названіе майдановъ или мейдановъ,—восточное слово, которымъ переведено наше «поле», и которое доселѣ въ этомъ же смыслѣ употребляется Сербами и Болгарами. Пр. П. А. Безсонова.

(4) Акт. Истор. т. I. N 105 ст. «о полевыхъ пошлинахъ.» Ср. также N 153, ст. 10.

(5) Ср. Судебникъ 1497. ст. «о полев. пошлинахъ» и Судебн. 1550 г. ст. 13.

(6) См. Судебн. 1550 г. ст. 13. Максима Гр. вышеупомянутое слово. Стоглава гл. 41. вопр. 17. Ак. Ист. т. I стр. 252.

Digitized by Google

или недолженствующихъ быть прикосновенными къ дѣлу. Въ Судебникѣ 1497 г. говорилось: «а которые имутъ опричные (посторонніе) у поля стояти, и окольничему и діяку тѣхъ отслати прочь; а не пойдутъ опричные люди прочь, и окольничему и дьяку на тѣхъ велѣти истцово доправити и съ пошлинами, да велѣти ихъ дати на поруку да поставити передъ Великимъ Княземъ». Судебникъ 1550 г. говорилъ еще строже: «а которые опричные люди не пойдутъ, и имъ тѣхъ отсылати въ тюрьму». Не смотря на такія запрещенія, мы видимъ у поль постороннія лица: такъ о волхвахъ и чародѣяхъ, бывающихъ у поль, самъ Царь Ив. Вас. въ 1551 г. жалуется Собору Епископовъ; о нихъ же онъ пишетъ въ наказѣ Берсеневу. Предъ начатіемъ боя недѣльщикъ отводилъ тяжущимся опредѣленное пространство, и, кажется, обносилъ его веревкою, за что получалъ онъ опредѣленную плату, которая носила названіе «вязчего». Въ Судебникѣ 1550 г. читаемъ: «да недѣльщику вязчего четыре алтына безъ дву денегъ» (1). Герберштейнъ тоже говоритъ объ особенномъ чиновникѣ, который объ тяжущіяся стороны ставитъ въ опредѣленныя закономъ границы и все приготовляетъ къ поединку. Такого чиновника Герберштейнъ называетъ: «veston» (2). У Чеховъ еще въ XIV столѣтіи мѣсто судебныхъ поединковъ называлось: «šranky», — словомъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго (schranken, границы) (3). По назначеніи границъ боя начинался и самый бой. У насъ на Руси вообще не видно той многосложной обрядности, какою обставлено было поле у соплеменныхъ намъ Чеховъ. Тамъ обвинитель еще заранѣе получалъ отъ правительства особаго наставника (řečník powodow), который училъ его всѣмъ пріемамъ обращенія съ судьями и съ противникомъ, говоря ему: «Слышишь! когда ты будешь входить въ «šranky», ступи сперва правою ногой, а потомъ лѣвою; а когда дойдешь до пановъ (судей и чинов-

(1) Акт. Ист. N 153. ст. 11.

(2) Rer. M. comment. «Est autem veston, qui ambas partes praescriptis conditionibus ad duellum committit.»

(3) «Řad Pr. zemskeho» § 12.

Digitized by Google

никовъ), поклонись имъ, ставши на правое колѣно, и правою рукою возьми правый конецъ своей полы, чтобы ударить его своего врага, когда прикажутъ паны» (1). Равнымъ образомъ и обвиненный получалъ такого же наставника, который училъ его: «Слышишь! когда ты пойдешь въ «šranky», ставь напередъ лѣвую ногу, а потомъ ужь правую, и, когда придешь предъ пановъ, поклонись имъ на лѣвое колѣно; потомъ лѣвою рукою бери конецъ лѣвой полы твоего платья и держи его, но не ударяй имъ своего противника и не вставай, пока не будетъ сказано» (2). Далѣе у Чеховъ обвинитель говорилъ, по предписанію закона, противнику слѣдующую формулу: «Слышишь, Петръ (или другое имя)! Я доказываю, что ты мой врагъ: ты убилъ Яна (или другое имя), моего брата (оттуда-то родомъ), убилъ ты его на ровной дорогѣ, безъ всякаго права.... Я хочу это доказать моей жизнью противъ твоей жизни, какъ имѣю на это право земское и какъ научили меня паны» (3). На это обвиненный долженъ былъ, по предписанію закона, отвѣчать: «Слышишь, Янъ или Яковъ! Что ты меня обвиняешь, будто я сдѣлалъ то-то.... въ томъ я передъ тобою невиненъ; это я хочу доказать моей жизнью противъ твоей жизни и проч.» (4). Повторяемъ, у насъ не видно предъ полемъ такой многосложной обрядности, занятой, можетъ быть, отъ Нѣмцевъ. Но и у насъ, какъ у Чеховъ, предъ полемъ назначалась присяга, и, если эта присяга не была, какъ у Чеховъ, окружена множествомъ формальностей, несоблюденіе которыхъ лишало присягающаго права битвы и тяжбы и тѣмъ какъ бы насильно ослабляло обычай битвы, то у насъ всегда оставалась возможность тяжущимся миролюбивою сдѣлкою у присяги окончить дѣло (5). Если мира не хотѣли, начиналась битва. Обыкновенное оружіе для нея

(1) Ibid. § 13.
(2) Ibid. § 14.
(3) Ibid. § 17.
(4) Ibid. § 18.
(5) Ibid. § 22. Ср. наше: «хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или ставъ у поля, у креста на цѣлованьѣ ему, или безъ цѣлованья, дастъ; а вины въ томъ отвѣтчику и пошлинъ полевыхъ убитыхъ нѣтъ.» Ак. Ист. т. I, N 155. ст. 16.

Digitized by Google

были «*дубина*» и «*ослопъ*», между тѣмъ какъ на самомъ полевщикѣ былъ «*доспѣхъ*». Языческая основа этаго обычая выразилась у насъ въ самомъ оружіи, обыкновенно деревянномъ (1). У Чеховъ, кромѣ деревяннаго оружія (kiy), употреблялось металлическое — *мечи* и *щиты*, между тѣмъ какъ самъ полевщикъ былъ одѣтъ легче нашего — въ сукнѣ и погавицахъ (2). При открытіи битвы начинали дѣйствовать тѣ сатанинскіе пособники, къ которымъ еще заранѣе обращались тяжущіеся, и о которыхъ Царь Иванъ Васильевичъ говорилъ Московскому Собору 1551 г.: «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ поученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ, и въ аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ и по звездомъ и по планитамъ глядаютъ и смотрятъ дни и часовъ» (3),—и о которыхъ потомъ изданъ наказъ Берсеневу: «и у полѣ бы чародѣи не были; а которые безчинники, забывъ страхъ Божій, учнутъ къ полямъ чародѣи приводити, и въ томъ на нихъ доведутъ и обличены будутъ достовѣрными свидѣтели, и тѣмъ быти отъ Царя и Вел. Князя въ великой опалѣ, по градскимъ законамъ, а отъ святителей имъ же быти въ духовномъ запрещеніи, по священнымъ правиламъ. (4) Большихъ подробностей о самомъ ходѣ битвы мы въ своихъ памятникахъ не имѣемъ. Знаемъ, правда, что полевщикъ, т.-е. бьющійся, могъ покинуть свой процессъ и по началѣ битвы: наймитъ могъ не достоять своего урока (5), ищея и отвѣтчикъ, если бились сами, могли убѣжать (6). Не

(1) Суд. 1497 года: «доспѣху и дубинъ и ослоповъ стрѣлчимъ и поручникомъ у себя не держати». Тоже Судебн. 1550 г. ст. 13. Ослопъ см. въ слов. Конст. Епископ. Самсона 920 г. въ «Die ältest. Denkmähler der Böhm. Spr.» Шафарика и Палацкаго. Ослопъ употребл. въ Иркут. губер. въ значеніи палицы. Областн. Словарь Акад. Наукъ.

(2) Řad Prawa Zemsk. § 22.

(3) Стоглавъ, гл. 41 вопр. 17.

(4) Акт. Ист. т. I. стр. 252.

(5) Акт. Ист. т. I. стр. 154.

(6) Акт. Юрид. N 17, стр. 35, «Якушъ на первой срокъ у поля сталъ былъ да отъ поля сбѣжалъ не вѣдаетъ кудѣ.»

Digitized by Google

знаемъ, могъ ли у насъ кто изъ бьющихся, въ случаѣ усталости, просить себѣ отдыха. У Чеховъ въ XIV еще столѣтіи это было возможно; въ такомъ случаѣ находившіеся при битвѣ чиновники влагали между бойцами рогатину или рогатку (sochor), чтобы одинъ боецъ не бросился врасплохъ на другаго (1). Равнымъ образомъ не знаемъ, въ чемъ состояло окончательное торжество побѣдителя надъ противникомъ. У Чеховъ, по Праву XIV ст., побѣдитель ущемлялъ голову обезсиленнаго противника между своими колѣнами, и это было послѣднимъ дѣломъ боя (2). Послѣ этого онъ благодарилъ судей и, если былъ король, самого короля за право битвы и давалъ росписку, что болѣе уже не будетъ мстить своему врагу (3). У насъ, кажется, побѣдитель тогда только признавался побѣдителемъ, когда повергалъ противника на землю своими яростными ударами. На это указываетъ выраженіе законовъ нашихъ о побѣжденномъ: «а *на убитомъ* истцово доправити.» Слово: «убитый» здѣсь не имѣетъ собственнаго значенія, потому-что далѣе законъ говоритъ о взысканіяхъ съ него; оно вообще означаетъ поверженнаго на землю, лежащаго какъ убитый, хотя бывали случаи дѣйствительныхъ убійствъ во время поля и вообще дѣло не обходилось безъ кровопролитія. М. Фотій пишетъ Новгородцамъ: «а кто успѣетъ (убьетъ), лѣзши на поле, погубитъ душу, по Великого Василія слову душегубецъ именуется.. а убитого не хороните...» (4) Самъ царь Иванъ Васильевичъ говоритъ на соборѣ 1551 года: «и на полѣ біютца и кровь проливаютъ» (5). И такъ побѣжденный или, по тогдашнему выраженію, «убитый» признавался виноватымъ. Начиналась расплата: виноватый платилъ прежде всего полевыя пошлины». Пошлины эти, по судебнику 1497 года, были раздѣлены; законодательство принимало въ расчетъ три случая: «если досудятся до поля, а у поля нестоявъ помирятся»,

(1) Řad. Pr. Zemsk. § 25.
(2) Ibid. § 26.
(3) Ibid.
(4) Ак. Ар. Эк. т. I. стр. 426.
(5) Стогл. гл. 41, вопр. 17.

Digitized by Google

«если у поля стоявъ помирятся», и если «побіются на полѣ.» Въ послѣднемъ случаѣ вся отвѣтственность падала на виноватаго, т.-е. на побѣжденнаго. Онъ платилъ во-первыхъ чиновникамъ правительства, бывшимъ всегда при полѣ, т.-е. Окольничему, Дьяку и Недѣльщику. Окольничему — полтина; кромѣ того ему принадлежалъ доспѣхъ побѣжденнаго, оцѣненный, по Судебнику 1550 года, въ три рубли (ст. 11); Дьяку — четверть рубля, и Недѣльщику полтина же; кромѣ того, такъ-какъ недѣльщикъ на мѣстѣ битвы все устроивалъ для нея, обносилъ веревкою мѣсто, наблюдалъ за исполненіемъ должныхъ условій, то ему принадлежала и особая пошлина — «вязчее» въ четыре алтына (1). Кромѣ того бралась пошлина въ казну, въ судную избу съ рубля по гривнѣ. Такая пошлина называлась избною (2). Тоже подтвердилъ и Судебникъ 1550 года. Этимъ кончалось поле, т.-е. самая битва; но не кончались еще его послѣдствія.

Такъ какъ поле было однимъ изъ актовъ слѣдственнаго судопроизводства и имъ открывали только правду или вину ищеи или отвѣтчика, то оказавшійся виноватымъ передавался судьямъ для окончательнаго заключенія по дѣлу, для наказанія и взысканія, или, говоря языкомъ того времени, «убитый былъ въ *казни* и *продажи* боярину и дьяку» (3) въ столицѣ, а въ областяхъ «волостелю» (4) и его тіуну (5). Эти судьи (боярин или волостель) производили уже надъ виноватымъ окончательную расправу. Въ дѣлахъ, гдѣ обвинителю должно было дать личное удовлетвореніе, на пр. въ займѣ, въ побояхъ, истцу отдавали то, что ему слѣдовало, и кромѣ того столько же взыскивали съ виноватаго въ пользу судей. Судебникъ 1497 года говоритъ объ этомъ такъ: «а побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ или въ бою, и *боярину* съ *діакомъ*

(1) Суд. 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.» Ср. Суд. 1550 г. ст. 12.
(2) Судебн. 1550 г. ст. 11.
(3) Судебникъ 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.»
(4) Акт. Ар. Эк. том. III. стр. 77.
(5) Тамъ же т. I. стр. 114. 116. 121.

Digitized by Google

взяти на убитомъ противень противу исцеи (кромѣ полевыхъ пошлинъ окольничему, дьяку и недѣльщику, которыя относились къ самой битвѣ и ея процессу)» (1). Въ дѣлахъ, гдѣ виноватый, кромѣ личнаго удовлетворенія своему обвинителю, долженъ былъ отвѣтствовать предъ правительствомъ, какъ оказавшійся виновнымъ противъ безопасности общественной, на пр. въ поджигательствѣ, душегубствѣ, разбоѣ, воровствѣ, судьи, на основаніи полеваго доказательства, должны были присуждать «казнь», т.-е. наказаніе, и въ такомъ случаѣ, до окончательнаго рѣшенія дѣла, по общей формѣ судопроизводства, или отдавали виноватаго на поруки до востребованія, или, если не было порукъ, кидали его въ тюрьму (2).

Изъ представленныхъ свѣденій о полѣ, какъ оно производилось, можно ясно видѣть, что правительство, допустивши поле своими законами и тѣмъ какъ будто ставши ниже истиннаго понятія о правдѣ Божіей, въ сущности дѣла дѣйствовало весьма благоразумно. Не предоставляя глубоко положившаго свои корни еще въ древней жизни обычая поль самоуправной волѣ народа, правительство, такъ сказать, взяло его за себя, ввело въ возможно правильныя границы и цѣною пошлинъ и отвѣтственности стѣснило его до того, что всегда могло его уничтожить какъ уже свое собственное учрежденіе.

Дѣйствительно допущенный законами и въ первой половинѣ XVI-го столѣтія повсюду восторжествовавшій обычай поль въ самомъ торжествѣ своемъ носилъ зародышъ своего паденія. При тяжести пошлинъ и строгости отвѣтственности за проигранное поле, недобросовѣстные производители суда увидѣли въ немъ средство благовидно приобрѣтать деньги; по этому стали назначать поле даже и тамъ, гдѣ можно было вершить дѣло инымъ образомъ. Въ это время противъ всѣхъ современныхъ злоупотребленій возвышалъ свой голосъ Пр. Максимъ Грекъ, и вотъ что писалъ онъ о полевомъ судопро-

(1) Суд. 1497 г. Акт. Ист. N 105. ст. «о полевыхъ пошлинахъ.»
(2) Судебн. 1497 г. ст. «о полевыхъ пошлинахъ» и Судебн. 1550 года ст. 12. Сравни Уставныя Грамоты областей въ первой половинѣ XVI столѣтія.

Digitized by Google

изводствѣ: «Гдѣ у латыномудреныхъ обрящеши сицевъ образъ неправедна суда, яковѣжъ нынѣ дерзаемъ есть у насъ Православныхъ, сотворшему насъ Богу Праведному и страшному Судіи крѣпцѣ завѣщающему и глаголющу: правъ и правдою праведное испытуеши и да не пріимеши лица на судъ, но при двою или тріехъ послусехъ да станетъ всяка рѣчь; сирѣчь судити правдою, а не по мздѣ; не пріемлеши лице на судъ, сирѣчь ниже аще нищь есть и убогъ обидяй, да не пощадишь его; якожъ и индѣ повелѣваетъ, глаголя: не помилуетъ убога на судѣ, аще повиненъ есть, ниже богата обидящаго оправдить мзды ради, занеже рече, судъ Божій есть. Сіе Божіе праведное повелѣніе отринувше, иже у насъ *властелів и судіе, желаніемъ корыстованія, аще и весь градъ предстанетъ вопіющь и свидѣтельствующь на обидѣвшаго, никакоже внемлютъ имъ*; но оружіи и браньми множайшими велятъ разсудитися обидящему и обидимому, и иже аще множайшими браньми побѣдитъ, той правъ судится у нихъ, аще обидѣвъ будетъ. Оле неприкладнаго нашего преслушанія и преступленіа и Божественнаго повелѣніа и суда! Како напрасно безъ ума клятвѣ Божіи подлагаемъ себе, аще нелжемъ глаголяй Божій Пророкъ: прокляти уклоняющеися отъ заповѣдей Твоихъ.» И далѣе: «котораго образа злобы не превосходитъ сицево наше злое умышленіе; ни въ самѣхъ невѣрныхъ ниж видѣхомъ ниж слышахомъ таковъ беззаконенъ обычай, но или достовѣрными свидѣтели, или клятвою у нихъ разрѣшается всяка тяжба.... *Корыстованія бо для неправеднаго*, заключаетъ Пр. Максимъ, *и лихоимства несытнаго умыслися вамъ сицево богомерзко судилище*» (1). Правда, голосъ Пр. Максима въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не имѣлъ рѣшительнаго и открытаго вліянія на Правительство; но тѣмъ не менѣе онъ, какъ и всегда, тайно дѣйствовалъ на умныхъ друзей Максима и въ глубинѣ души признаваемъ былъ Грозъ-

(1) Пр. Максима Грека «Слово о неизглаголанномъ Божіемъ промыслѣ, благости жъ и человѣколюбіи, въ томъ же и на лихоимствующихъ.» По ркп. библ. Троиц. Лавр. Сл. 49. л. 177 и на обор.

Digitized by Google

нымъ и М. Макаріемъ (1). Въ Судебникѣ 1550 года Грозный призналъ поле и постановилъ для него обширные законы, но вотъ что самъ онъ въ слѣдующемъ 1551 году говоритъ о полѣ на Соборѣ Московскомъ: «Нѣцыи, иже не претяжутца, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы Святыхъ, и на полѣ биютца и *кровь проливаютъ*. И въ тѣ поры волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ поученій пособіе имъ творятъ... и, на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не миритца, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ биютца *и, поклепавъ, убиваютъ*» (2). Чтожъ сдѣлалъ М. Макарій и его соборъ? Они посовѣтовали царю запретить чародѣйства при полѣ и съ своей стороны положили на чародѣйниковъ и принимающихъ ихъ запрещеніе по церковнымъ правиламъ (3), и попросили только царя не присуждать къ полю священниковъ и иноковъ, а довольствоваться обыскомъ (4). Читая эти слова трехъ современниковъ, слишкомъ высоко стоявшихъ надъ своимъ временемъ, ясно видишь, какъ имъ видна вся отживающая уже свое время неправда полеваго процесса, и какъ въ то же время они подчинены еще обычаю времени и, въ душѣ сочувствуя другъ другу, боятся открыто подать другъ другу руки на борьбу съ слишкомъ древними привычками народа.

Какъ бы то ни было, но поле вмѣстѣ съ торжествомъ клонилось къ своему паденію. Съ 1556-го года, сколько намъ извѣстно, начались мѣстныя его отмѣненія. Такъ въ уставной Двинской грамотѣ этого года читаемъ уже: «а судить имъ (намѣстникомъ) и сыскивати *во всякихъ дѣлѣхъ и управа чинити безъ поль* (5). Въ Судной грамотѣ удѣльнаго князя Вла-

(1) Мы не имѣемъ еще полной біографіи пр. Максима и не опредѣлили значенія этого мудраго мужа для Руси XVI столѣтія. Между тѣмъ, если послѣ сочиненій пр. Максима прочесть Стоглавъ и другіе законоподательные церковные и гражданскіе памятники того времени, вліяніе пр. Максима слишкомъ явно.

(2) Стогл. гл. 41. вопр. 17.

(3) Тамъ же. Отвѣтъ на вопр. 17.

(4) Стогл. гл. «о святит. судѣ.» и Акт. Арх. Экси. т. I. стр. 221.

(5) Акт. Ар. Эк. т. I. стр. 272.

Digitized by Google

диміра Андреевича крестьянамъ замосковной Вохонской волости тоже вмѣсто поля предписывается присяга по жребію: «а ищея пошлется на послухи въ заемномъ дѣлѣ безъ кабалы, или въ каковѣ дѣлѣ ни буди, и послухи, ставъ межъ себя порознь, иные молвятъ въ истцовы рѣчи, а иные въ исцовы рѣчи не молвятъ, и которые молвятъ въ исцовы рѣчи, а попросятъ съ ними послуси поля, которые (не?) молвятъ въ исцовы рѣчи, *ино имъ присуживати цѣлованья съ жеребья* (1). Подобныя отмѣненія составляли мѣстныя привилегіи той или другой области: такъ и въ уставной Двинской грамотѣ и въ уставной Вохонской мы прямо встрѣчаемъ выраженіе: «се язъ пожаловалъ есми»; и во второй грамотѣ замѣчено, что она касается только нѣкоторыхъ случаевъ суда: «о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указу не написано, и тѣ дѣла вершити *по Судебнику*» (2). Вотъ почему въ другихъ Уставныхъ мы видимъ поле продолжающимся въ 1560, въ 1580, въ 1590 даже году, какъ наприм. въ селахъ Троицкаго монастыря (3). Но примѣръ областей. сознавшихъ невыгоду или неправду поля и получившихъ себѣ судныя грамоты съ дозволеніемъ «судити и управу чинити безъ поль», не могъ не дѣйствовать на другія области, и ко времени Уложенія обычай, кажется, погасъ самъ собою.

ИЛЬЯ БЕЛЯЕВЪ.

Апрѣля 29 дня
1855 г.

P. S. Въ предложенномъ изслѣдованіи мы имѣли въ виду *поле*, какъ одинъ изъ актовъ древняго судебнаго процесса. По этому мы выдѣлили изъ нашего изслѣдованія *поединки*, въ смыслѣ самоуправнаго расчета между оскорбленнымъ и оскорбителемъ. Въ основѣ такихъ поединковъ лежатъ уже начала личности и чести, тогда какъ поле имѣетъ другія

(1) Тамъ же, стр. 280.
(2) Тамъ же, стр. 282 столб. 2.
(3) Акт. Ар. Эк. т. I, стр. 278, 372, 420.

Digitized by Google

основанія. Мы не отрицаемъ древности поединковъ у Славянъ: ибо у Сербовъ напр. *мэйданъ* имѣетъ болѣе характеръ личной мести, чѣмъ суда Божія; притомъ и у насъ въ Россіи въ XVI столѣтіи *поле* имѣетъ иногда то же значеніе (1); но отдѣляемъ, какъ сказали, такіе поединки отъ поля по ихъ смыслу и происхожденію. Собственно противъ такихъ поединковъ частыя и рѣшительныя запрещенія начинаются у насъ съ Петра Великаго,—и въ этомъ смыслѣ поединокъ мы соглашаемся назвать, согласно съ Палацкимъ, обычаемъ принятымъ Славянами отъ Нѣмцевъ.

(1) Такъ М. Даніилъ въ одномъ изъ своихъ словъ, приведя заповѣдь Спасителя о незлобіи и немстительности и указавъ ученіе Св. Апостола Павла о томъ же, говоритъ: «Ты же не точію симъ не повинуешися, но ни слышати сихъ не хощеши, но, *себе отмщаа*, сваришися, *поля сътворяеши*, убиваеши.» Сборн. М. Даніила Ркп. М. Д. А. N 197, л. 406. Здѣсь кстати напомнить о варяжскомъ вліяніи на нашу древнюю исторію.

Digitized by Google

Мнимые шпіоны.

Какъ во всякомъ военномъ городѣ, въ Севастополѣ приняты мѣры предосторожности противъ людей подозрительныхъ. Солдатамъ и матросамъ приказано наблюдать за тѣми, кто ходитъ, высматривая и разспрашивая. Они исполняютъ это съ большимъ усердіемъ, и имъ вездѣ мерещатся французскіе шпіоны. Стоитъ явиться въ невиданной здѣсь формѣ—и ужь за вами слѣдятъ, подходитъ унтеръ-офицеръ и спрашиваетъ: «позвольте узнать, вы изъ какихъ? Пожалуйте въ штабъ!»— Всего больше достается разнымъ курьерамъ, которые, по пріѣздѣ въ Севастополь, тотчасъ пускаются въ осматриваніе его пораженныхъ бомбами улицъ, подходятъ къ бастіонамъ, разспрашиваютъ, сколько орудій? — а ужь тутъ какъ есть и выросъ изъ земли солдатъ или матросъ: «позвольте узнать, ваше благородіе, вы чего тутъ ходите?—пожалуйте къ батарейному командиру!» — И его благородіе волей-неволей долженъ идти подъ пулями въ блиндажъ командира. Иногда взявшему васъ унтеръ-офицеру вдругъ вздумается представить своего плѣнника въ Главный штабъ на Инкерманъ — и его ведутъ 6 верстъ горами. Но не только пріѣзжіе, не только гусарскіе и уланскіе мундиры попадаютъ въ штабъ или къ батарейнымъ командирамъ,—нѣтъ, этого не избѣгаемъ и мы, живущіе здѣсь постоянно и носящіе довольно извѣстную форму. Одного моего пріятеля брали 6 разъ; меня брали 3 раза. Вотъ послѣдній случай:

У подножія Малахова кургана, по сю сторону, стоитъ одинокая церковь, построенная Бѣлостоцкимъ полкомъ, который здѣсь квартировалъ нѣсколько лѣтъ. Эта церковь вся разбита выстрѣлами. Изъ четырехъ колоннъ, поддерживающихъ фронтонъ, остались только двѣ; другія двѣ сбиты и лежатъ у крыльца въ обломкахъ; но фронтонъ держится, и

Digitized by Google

образъ на немъ, представляющій Бога Саваоѳа, окруженнаго ангелами, уцѣлѣлъ, и подъ нимъ можно прочесть слова: *вниду въ домъ Твой и поклонюся ко храму святому Твоему.* Крестъ на крышѣ также уцѣлѣлъ. Больше всего пострадала эта церковь въ приступъ съ 5 на 6 іюня. Все поле вокругъ нея осталось усѣяннымъ ядрами и картечью. Кое-гдѣ, между камнями, до сихъ поръ валяются французскія шапки разныхъ цвѣтовъ. Даже и внутри церкви на полу видны кучи ядеръ и гранатныхъ осколковъ. Прежде, подъ защиту этихъ развалинъ сносили убитыхъ, но со времени потери Камчатскаго редута это мѣсто стало весьма опасно для носильщиковъ, по причинѣ близости непріятельскихъ штуцерныхъ. Мнѣ давно хотѣлось снять любопытную Бѣлостоцкую церковь, но русскій человѣкъ собирается долго. Когда было это такъ просто и безопасно, я не шелъ; пришлось отправиться тогда, когда пули около церкви стали летать цѣлыми роями. Впрочемъ я разсчитывалъ идти за домиками, которыми покрытъ правый склонъ кургана, и сѣсть гдѣ-нибудь въ окнѣ, чтобы меня никто не видалъ и не тревожилъ. Я переѣхалъ черезъ бухту, прошелъ Корабельную, и благополучно пробрался между домиками къ такому мѣсту, откуда церковь открывалась въ надлежащемъ видѣ. Я сталъ рисовать, никакъ не думая, что за мною кто-нибудь наблюдаетъ. Но только что я наложилъ первыя черты, какъ сзади послышались шаги: кто-то крался по камнямъ—и я увидѣлъ передъ собой матроса, какъ обыкновенно въ одной рубашкѣ и въ форменной шапкѣ съ цыфрой экипажа.

«Вы что̀ тутъ дѣлаете, ваше благородіе?»

— Рисую вотъ эту церковь!

«Вы что̀, инженеры что ли?»

— По формѣ видишь, что я не инженеръ, а изъ штаба.

«Здѣсь планы списывать непозволено: пожалуйте къ баттарейному командиру!»

— Погоди немного: ты дѣлаешь свое дѣло, дай мнѣ додѣлать свое, а послѣ пойдемъ куда хочешь!

«Извольте!»

Digitized by Google

Онъ сталъ обокъ, а я продолжалъ рисовать. Разъ десять пролетали черезъ насъ бомбы, которыя не могли меня не тревожить, потому что производили сильный шумъ, между тѣмъ какъ были невидимы, и всякій разъ казалось, что они летятъ прямо на насъ. Я выражалъ мои опасенія матросу. «Нѣтъ, это не сюда, говорилъ онъ, слушая бомбу: это въ бухту по кораблямъ.... а вотъ это по Владимирской церкви!» —И онъ ни разу не ошибся.—Я кончилъ работу, и мы пошли вверхъ по горѣ, изрытой траншеями и загроможденной турами, по какимъ-то извилистымъ коротенькимъ корридорчикамъ, гдѣ повсюду лежали и сидѣли солдаты и матросы цѣлыми кучами, кто въ рубашкѣ, кто въ шинели, кто въ курткѣ. Иные шли передъ нами, неся на штыкахъ манерки, налитыя водой или щами. Къ краю, направо, виднѣлись амбразуры и орудія; въ нихъ было еще тѣснѣе; безпечные русскіе люди сидѣли какъ нарочно противъ самыхъ щитовъ, на пригоркахъ, совершенно открытыхъ пулямъ. Я не узналъ Малахова кургана, котораго не видалъ съ февраля: все было загорожено, изрыто. Оставались кое-гдѣ небольшія площадки. Я прошелъ то мѣсто, гдѣ когда-то рисовалъ *Коршиловъ крестъ*: ни тѣхъ землянокъ, ни креста, ничего не было видно. Очертаніе амбразуръ и мерлоновъ, примыкавшихъ къ тому мѣсту — все это передвинулось, измѣнилось. Я бы не нашелъ дороги къ башнѣ, и запутался бы въ лабиринтѣ земляныхъ корридоровъ, если бы у меня не было провожатаго. Но вотъ она, та самая башня—я не замѣтилъ въ ней никакой перемѣны. Мнѣ указали на лѣстницу, ведущую внизъ,—лѣстницу, по которой я когда-то спускался. Здѣсь была въ то время канцелярія адмирала Истомина, а теперь ее смѣнилъ блиндажъ командира линіи, капитана 1 ранга Керна, котораго матросы называютъ Кéринъ. Онъ уже былъ предувѣдомленъ обо мнѣ, и послѣ нѣсколькихъ словъ просилъ извинить ошибку, а я просилъ прежде всего воды, потому что уморился путешествіемъ въ гору, въ шинели, въ 25 градусовъ жару. Онъ далъ мнѣ воды и прекраснаго вина, и пригласилъ меня дождаться чаю. Немного погодя пріѣхалъ адъютантъ командующаго 5 корпусомъ, ротмистръ С*. Мы

Digitized by Google

говорили, разумѣется, о военныхъ дѣйствіяхъ. С* разсказалъ свою поѣздку съ генераломъ Веймарномъ на Чоргунъ для рекогносцировки, и встрѣчу съ Сардинцами, которые къ удивленію не открыли огня, хотя были менѣе чѣмъ на выстрѣлъ. Когда мы напились чаю, Кернъ предложилъ намъ обойдти бастіонъ и осмотрѣть тѣ мѣста, на которыхъ былъ самый упорный бой въ приступъ съ 5-го на 6-е. Мы пошли. Я давно не слыхалъ пуль, и признаюсь, первые ихъ свисты на этотъ разъ были мнѣ очень непріятны. (Когда я рисовалъ и послѣ шелъ на курганъ, перестрѣлки не было, покрайней мѣрѣ я не слыхалъ ни одной пули). Я поспѣшно проходилъ площадки; въ траншеяхъ держался ближе къ валу, но это было не долго: минутъ черезъ 10 я забылъ объ опасности, а еще черезъ 10 мнѣ уже нравились эти веселые свисты, — истинная поэзія бастіоновъ... Когда мы шли, впереди насъ, въ траншеяхъ, упала граната и убила трехъ человѣкъ. Ихъ тотчасъ понесли внизъ. Пришлось шагать черезъ свѣжія капли крови, которыя падали съ носилокъ. Это здѣсь такое обыкновенное дѣло.... Кернъ довелъ насъ до праваго склона кургана, откуда было видно мѣсто, до котораго доходилъ непріятель, засѣвъ въ домики, разсыпанные по скату. Теперь все это разбито и разломано съ умысломъ. Тутъ мы простились съ добрымъ начальникомъ 4-й линіи. Онъ далъ намъ двухъ провожатыхъ, потому что мы должны были идти по разнымъ дорогамъ. Мнѣ вздумалось зайдти еще на минуту къ церкви и провѣрить рисунокъ. Спустившись внизъ, я опять устроился между двумя домиками. Мой бравый проводникъ, матросъ 44-го экипажа Яковлевъ, досталъ откуда-то доску, и сдѣлалъ изъ нея родъ скамьи, меньше нежели въ минуту. Замѣтивъ, что вѣтеръ иногда подымаетъ листы бумаги, онъ клалъ на нее небольшіе камешки. Наконецъ, уладивъ все, помѣстился самъ на камнѣ сбоку, но ему не сидѣлось: минутъ черезъ 5 онъ всталъ и вышелъ изъ-за домиковъ впередъ на луговину, гдѣ безпрестанно шмыгали пули, распѣвая на разные голоса. Иная гудѣла какъ струна, тонкимъ, пріятнымъ звукомъ; другая пѣла густой октавой, и казалось, летѣла тихимъ, важнымъ полетомъ, вѣроятно сдѣ-

Digitized by Google

лавъ рикошетъ; третья высвистывала быстро и тутъ же закапывалась въ землю или впивалась въ глиняную стѣнку какого-нибудь домика. Такихъ двѣ влѣпились въ хатку, находившуюся отъ меня по лѣвую руку, и влѣпились такъ глубоко, что я никакъ не могъ ихъ достать. Четвертая мяукала какъ кошка; иная, ударясь въ твердую почву, дѣлала рикошетъ, а иногда и два, и улетала дальше, вертясь и дребезжа. Вотъ двѣ просвистѣли въ перегонки и шлепнулись въ камень. Сколько я ни отзывалъ матроса назадъ — толку не было; онъ возвращался, но черезъ минуту торчалъ опять за домиками, и поглядывалъ направо и налѣво, самъ не зная зачѣмъ.

— Ну смотри, чтобы тебѣ не досталось!

«Ничего, ваше благородіе! Мы привыкли!» отвѣчалъ онъ, какъ-будто бы привычка избавляла его отъ опасности: «Съ 5-го на 6-е ихъ тутъ поболѣ пролетѣло, да и то Богъ хранилъ, а это что!»

— А ты былъ здѣсь съ 5 на 6?

«Гдѣ же мнѣ больше быть? У втораго орудія мой землякъ Исаковъ комендоромъ, и я тутъ стою....

— А въ какомъ часу вы увидали Французовъ?

«Да передъ свѣтомъ, только было еще темно; а Исаковъ-то и говоритъ: поверни-ка орудіе-то влѣво, да пусти-ка по низу! а впереди-то, изволите знать, овражикъ: намъ *его*, каторжнаго, и не видать! Какъ пустили одну-то по низу,— бомба-то и разорвись надъ *имъ*, — намъ *его* и видно стало, и закишѣлъ *онъ*, Боже мой, какъ червь! Керинъ-то нашъ и говоритъ: валяй, ребята, валяй! Мы и пошли пускать! 1-й и 2-й бастіонъ смекнули тоже дѣломъ, и ну жарить картечью. *Онъ* увидалъ, что дѣло-то плохо, и полѣзъ прямо; такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, какъ муравья! А мы такъ и жаримъ, такъ и жаримъ; да не прошибешь *его*, проклятаго, все лѣзетъ! И проскочило *его* ужъ много въ Корабельную, а въ Корабельной у насъ магазея, для складовъ, значитъ пустая, да еще хатки матросскія, тоже пустыя. *Онъ* въ эти хатки и въ магазею-то и засѣлъ, и ну пострѣливать изъ

Digitized by Google

окошекъ. Орётъ что-то по своему и не сдается, оглашенный. Гляжу: скачетъ какой-то адмиралъ, не помню, то ли Хрулевъ, то ли другой какой, пѣхотный! Только это не Хрулевъ: у Хрулева сѣрая лошадь.—Ребяты, впередъ! И ну *его* штыками выковыривать изъ хатъ! Такъ въ иной-то хаткѣ 5, въ иной 2, а въ иной одинъ проклятый лежитъ. Тутъ ужь *ему* стало не въ могуту — *онъ* выскочилъ и бѣжать! А мы-то картечью, картечью! Много *его* положили! Такую постелю устлалъ! Это все были охотники, ваше благородіе; ихъ было 8 тысячъ, а въ другой разъ *онъ* хочетъ послать ихъ 80 тысячъ: говоритъ, что теперича *онъ* три дни будетъ отдыхать, три дни палить, и три дни, говоритъ, буду идти на Севастополь—тамъ ужь чья возьметъ!»

— А что такое было на другой день, съ 6-го на 7-е?— спросилъ я у матроса.

«На другой-то? На другой *онъ* опять пошелъ съ лѣстницами, съ веревками, съ крюками. *Онъ* закидываетъ веревку съ крюкомъ, а мы *ему* еще свой трапъ подаемъ, чтобъ ловчѣе было лѣзть; а какъ влѣзетъ въ амбразуру—мы *его* аншпугомъ по головяшкѣ: ну, и катится какъ гарбузъ! Что смѣху-то было! Много *его* тогда положили! Тысячъ 50, по крайности класть!»

Матросъ могъ быть безконеченъ въ разсказахъ, но мои работы кончились. Я просилъ *его* провести меня по возможности безопаснѣе, и мы пошли между хатъ. Пули провожали насъ довольно далеко, почти до Владимирской церкви. Въ Аполлоновой балкѣ Яковлевъ нашелъ мнѣ двойку, и я благополучно перенесся на Коварну.

Н. В.

1855, 19 іюня. Севастополь.

Digitized by Google

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА.

....Въ дополненіе къ прошлому моему письму, посылаю вамъ очеркъ всѣхъ осажденныхъ линій южной стороны, какъ онѣ представляются съ фрегата Коварны, стоящаго у Сѣверной балки, въ сѣверной половинѣ бухты. Рисуя, я долженъ былъ переходить съ мѣста на мѣсто, потому что окинуть всѣ линіи вдругъ невозможно. Въ натурѣ онѣ идутъ огромнымъ полукругомъ. Разумѣется, все это сдѣлано *приблизительно вѣрно;* виденъ только порядокъ размѣщенія батарей; разстояній не спрашивайте. Красные треугольнички показываютъ мѣста, гдѣ находятся строенія. Чтобы видѣть всѣ линіи вдругъ, сложите бумажки одну съ другой рядомъ, по нумерамъ. Я помѣстилъ здѣсь главныя изъ бастіоновъ и баттарей; кое-какія (можетъ быть около 5) пропустилъ, по ихъ незначительности. Непріятельскія поставилъ только тѣ, которыя хорошо видны. Но у нихъ баттарей необыкновенное множество. На иныхъ крепостныя и морскія орудія; на другихъ (и такихъ болѣе) полевыя.

Невольно перехожу опять къ вашему прежнему вопросу... Вся мѣстность, которую намъ надо пройдти, дабы вытѣснить непріятеля и имѣть успѣхъ—изрыта глубокими траншеями. Это ничто иное какъ сѣть безконечныхъ земляныхъ корридоровъ, рвовъ, ямъ. Большая часть этихъ корридоровъ обстрѣливается съ боковъ полевыми баттареями. Положимъ, что наши войска, (встрѣчаемыя огнемъ скрытаго врага), дошли до перваго ряда траншей и выбили изъ него непріятелей; — спустились въ ровъ — выдержали направленный по нимъ картечный огонь полевыхъ баттарей, перебрались на ту сторону рва — и чувствуютъ себя еще въ силахъ идти далѣе — но тутъ новый

Digitized by Google

рядъ траншей, откуда сыплются градомъ убійственныя штуцерныя пули; бомбы и гранаты, пускаемыя съ отдаленныхъ баттарей, рвутся въ нашихъ колоннахъ.... но мы дошли и до второй линіи, и изъ нея выбили непріятеля—перешли черезъ ровъ, и несмотря на потерю, все еще можемъ идти впередъ.... но вотъ 3-я линія траншей.... Судите-же, какія нужны физическія силы для нашихъ людей—перелѣзать эти безконечные рвы, и въ тоже время биться.—Все это не фантазіи: мы имѣемъ планы непріятельскихъ траншей, гдѣ выставлено все, почти до послѣдней пушечки. Стало-быть вы видите, что нельзя не задуматься и соваться вдругъ. Перевѣсъ осажденныхъ передъ наступающими въ минуту штурма невѣроятенъ: въ приступѣ съ 5-го на 6-е іюня Французы и Англичане потеряли, вмѣстѣ, до *одиннадцати* тысячъ, а мы только 535 человѣкъ! Для нѣкотораго понятія о томъ, какъ ведутся траншеи, посылаю вамъ при семъ чертежъ непріятельскихъ траншей передъ 5-мъ бастіономъ, снятый мною довольно давно. Теперь многое измѣнилось, баттарей прибавилось и траншей также, чуть не вдвое. И это только противъ 5-го бастіона! А вы можете увидѣть по тѣмъ бумажкамъ, какую незначительную точку занимаетъ 5-й бастіонъ на всей линіи — имѣющей вѣрныхъ 10 верстъ въ длину! Не знаю, ясно ли наконецъ вамъ, почему мы осторожно двигаемся и больше выжидаемъ нападеній, чѣмъ предпринимаемъ ихъ сами. Ясно-ли, что тутъ и Суворовъ и Наполеонъ не сдѣлали бы ничего особеннаго...

24-го октября прошлаго года, чуть-чуть не были они разбиты; они удержались на волоскѣ.... Черезъ нѣсколько дней явилась Канроберова баттарея — и рядомъ съ ней другія, занявъ то мѣсто, откуда мы сдѣлали счастливое наступленіе. ..

Теперь у насъ тихо. Съ недѣлю назадъ ходилъ на вылазку съ Греками ихъ майоръ Хрисовелли; онъ поднялъ тревогу на всей 3-й и 4-й линіи, вырѣзалъ Французовъ въ одной траншеѣ и разрушилъ ихъ ложементы. У Грековъ нѣтъ пощады: они обыкновенно рѣжутъ всѣхъ, кто попадается, кричитъ онъ или не кричитъ *пардонъ*.

Digitized by Google

Все говорятъ о бомбардировкѣ, даже предсказываютъ ее завтра. О прошлой бомбардировкѣ мы знали заранѣе.

Въ письмѣ къ Шевыреву о кончинѣ Нахимова (написанномъ на-скоро и вдругъ) есть кое-какія невѣрности. Если печатать, то печатайте свое, а его предупредите. — Спущенные у Англичанъ флаги не подтвердились. Кажется, вздоръ. —У насъ жарконько: который день все 30 градусовъ въ тѣни, но кажется обыкновенно, какъ бы и въ Россіи въ жаркіе дни.

Лагерь на Инкерманѣ.
1855. Іюля 12.

Не сбылися предсказанія
Перебѣзчиковъ-плутовъ:
Нѣтъ еще *брандированія*
Съ непріятельскихъ валовъ.

Все какъ прежде въ Севастополѣ...
Были вылазки на дняхъ —
Много нехристей ухлопали
Въ ихъ же балкахъ и во рвахъ.

Ходятъ ялики и ботики
Къ Графской пристани.... а я
Также роюсь въ библіотекѣ,
Хоть отъ бомбъ тамъ нѣтъ житья.

Часовыхъ я слышалъ жалобы,
Что дней пять тому одна
Просадила тамъ двѣ *палубы*
И разбила три окна.

Иногда хожу подъ реями
И любуюсь, какъ въ дали
Дремлетъ берегъ съ батареями,
Спятъ на рейдѣ корабли.

Digitized by Google

Сладко брезжутъ звѣзды вѣчныя
И луна изъ-за холмовъ
Озаряетъ купы млечныя
Неподвижныхъ облаковъ....

Тихо.... только что-то слышится
Въ этой мертвой тишинѣ:
Врагъ недремлющій копышется,
Роетъ мину въ сторонѣ.

Вотъ за дальнею траншейкою
Огонекъ во тьмѣ блеснулъ —
И взвилась ракета змѣйкою,
Въ небѣ слышенъ свистъ и гулъ....

Вотъ вамъ риѳмы, и довольно курьозныя. Онѣ пришли ко мнѣ сегодня на зарѣ, когда я сбирался въ лагерь; въ лагерѣ я ихъ записалъ. И такъ у насъ тихо, т.-е. перестрѣлка обыкновенная. Я припомнилъ случившееся со мной происшествіе на Малаховомъ вскорѣ послѣ приступа, и сдѣлалъ изъ этого небольшую статью для Москвитянина. Взгляните, годится ли. Она написана больше для того, чтобы представить образецъ здѣшней матросской рѣчи, понятій и разсужденій. Генераловъ они обыкновенно зовутъ адмиралами; лѣстницу иногда называютъ трапъ; полъ—палуба, не иначе. Посылаю вамъ также портретъ Нахимова. —

На дняхъ я видѣлъ необыкновеннаго 10-ти-лѣтняго мальчика. Стоитъ объ немъ разсказать. Это въ числѣ чудесъ Севастополя.—На одной изъ баттарей, примыкающихъ къ 4-му бастіону, именно на баттареѣ лейтенанта Забудскаго, находился матросъ 37-го экипажа Тимофей Пищенко комендоромъ орудія; кокорникомъ (подающимъ кокора. картузы) былъ при немъ 10-ти-лѣтній сынъ его Николай Пищенко, или, какъ тамъ звали его, Николка. Служба ихъ обоихъ на баттареѣ началась съ 5-го октября прошлаго года; 27-го марта нынѣшняго года Тимофей Пищенко былъ убитъ; Николка остался безъ должности, но все-таки жилъ на баттареѣ; мать его была также ранена, въ городѣ, шгуцерной

Digitized by Google

пулей, и лежала больная, и потому взять его не могла. Мальчикъ отъ нечего дѣлать бѣгалъ по другимъ сосѣднимъ баттареямъ, и между прочимъ забѣжалъ на Шварцовъ редутъ, гдѣ увидалъ 9 небольшихъ мортиръ. Возвратясь на свою баттарею, онъ сталъ проситься на Шварцовъ редутъ, чтобы стрѣлять тамъ изъ мортиръ. Забудскій отпустилъ его, и мальчикъ, явясь къ командиру Шварцовой баттареи, лейтенанту Ханжаглу (Шварцъ былъ раненъ), просилъ у него позволенія стрѣлять изъ маленькихъ мортиръ. Командиръ баттареи далъ ему выстрѣлить изъ одной мортиры, и потомъ найдя, что онъ очень ловокъ и расторопенъ, отдалъ въ его распоряженіе всѣ 9 мортиръ, подъ надзоромъ стараго мастроса. Матросъ былъ убитъ 9 іюля, и съ тѣхъ поръ до нынѣ мальчикъ управляетъ одинъ этими мортирами, самъ заряжаетъ ихъ, стрѣляетъ и послѣ выстрѣла тотчасъ бѣжитъ на банкетъ взглянуть, какъ легла пущенная изъ мортиры граната; если не вѣрно, то подвинетъ мортиру вправо, или влѣво, подсыпаетъ въ зарядѣ пороху, или убавляетъ, и вообще дѣлаетъ все что̀ нужно. Конечно ему прислуживаютъ солдаты.—Я просилъ прислать ко мнѣ этого мальчика на фрегатъ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ какомъ онъ находится при мортирахъ, и онъ былъ у меня 3-го дни. Я снялъ съ него портретъ во весь ростъ, и въ слѣдующій разъ пришлю вамъ. Какъ жаль, что все это пропадаетъ такъ, что у насъ нѣтъ иллюстрацій. Французы помѣщаютъ всякой вздоръ, всякую бездѣлицу. Художественный Листокъ нашъ—*теперь* печатаетъ Силистрійскіе виды! А какой мастеръ рисовать Тиммъ. Мнѣ сказывали, что на 2-мъ N есть также мальчикъ, уже награжденный медалью за храбрость. Я постараюсь разузнать и объ немъ. — Съ Пищенко я говорилъ довольно много, пока онъ у меня былъ. Онъ очень боекъ и примѣтливъ. Мнѣ хотѣлось изобразить его съ фитилемъ, и я велѣлъ принесть нашъ фрегатскій фитиль. «Нѣтъ, это не такой», сказалъ мальчикъ.—А нельзя ли сдѣлать изъ палки? спросилъ я.—«Нѣтъ, не сдѣлаешь, отвѣчалъ онъ: тутъ винты.» И онъ объяснилъ мнѣ, почему нельзя скоро сдѣлать.—Зайдя ко мнѣ въ каюту, онъ увидѣлъ штуцеръ и тотчасъ сказалъ,

Digitized by Google

что это англійскій штуцеръ. Штуцеръ въ самомъ дѣлѣ былъ англійскій.

На дняхъ у насъ на Сѣверной была свадьба. Это считаютъ здѣсь рѣдкостью и говорятъ какъ о чудѣ. Эта свадьба третья со времени осады. Скоро будетъ четвертая: офицеръ Охотскаго полка былъ влюбленъ пять лѣтъ въ одну дѣвицу въ Волынской губерніи, она отвѣчала ему сомнительно, но теперь пріѣхала сюда — и онъ женится. Замѣчу вамъ, что всѣ женщины живутъ здѣсь на Сѣверной сторонѣ. Въѣздъ въ Севастополь имъ запрещенъ еще покойнымъ губернаторомъ (Нахимовымъ). Новый (Памфиловъ) не измѣнилъ покамѣстъ ничего изъ постановленій Нахимова.

Прилагаю при семъ подлинную записку лейтенанта Ханжаглу о мальчикѣ Пищенко. Я писалъ частію по ней, частію по разсказамъ мальчика.

Вашъ душевно Н. Б.

1855, іюля 19.
Фрегатъ Коварна.

Digitized by Google

ЗУРНА. Закавказскій альманахъ. Изданіе *Е. А. Вердеревскаго.* Тифлисъ. Въ типографіи Канцеляр. Намѣстн. Кавк.— 1855 г. in-8°. 375 стран.

Прежде всего читателей вѣроятно удивитъ нѣсколько названіе Закавказскаго альманаха: что̀ такое *Зурна?* спросятъ они вѣроятно. Какъ названіе, такъ и цѣль самаго изданія удовлетворительно разрѣшается предисловіемъ издателя. «Зурною—говоритъ издатель—въ «Грузіи собственно называется духовой инструментъ, играющій го- «сподствующую роль въ туземномъ грузинскомъ оркестрѣ; но какъ «во всѣхъ языкахъ *цѣлое*—часто получаетъ названіе отъ одной изъ «своихъ частей, то и грузинскій народный оркестръ получилъ на- «званіе отъ господствующаго въ немъ инструмента,—и сказать *зурна* «—въ Грузіи значитъ назвать цѣлый оркестръ, употребляемый ту- «земцами при всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ, при всякомъ ма- «ломъ и большомъ, домашнемъ и общественномъ праздникѣ. Этотъ «оркестръ составляется изъ коротенькихъ рожковъ на подобіе клар- «нетовъ, (собственно—*зурна*), изъ *дайры*—бубна, *димплитито*—ба- «рабановъ, *чонгури* или *чіанури*—скрипки, *ствъра*—дудки и т. д.»

И такъ вотъ что такое значитъ «Зурна», названіе весьма удачно выражающее содержаніе альманаха, во-первыхъ закавказское, во-вторыхъ—чисто литературное: не статей ученыхъ, а статей литературныхъ должны мы ожидать, судя по заглавію—и въ этомъ случаѣ мы не ошибемся, — но касательно мѣстности содержанія, мы ошиблись бы нѣсколько въ ожиданіяхъ, если бы повѣрили заглавію. Самъ издатель впрочемъ предувѣдомляетъ объ этомъ въ своемъ предисловіи. «Первый закавказскій альманахъ названъ *Зурною* не потому,— «говоритъ онъ,—чтобы въ этомъ литературномъ оркестрѣ преобла- «далъ *исключительно* элементъ туземный, какъ зурна въ туземной «музыкѣ: по многимъ причинамъ нельзя было допустить исключи- «тельности въ этомъ отношеніи. Но назвать *зурною* первый Закав-

Digitized by Google

«казскій литературный сборникъ казалось приличнымъ въ особен-«ности потому, что можно допустить нѣкоторое сходство между «грузинскою *зурною* и первымъ литературнымъ сборникомъ, изда-«ваемымъ въ Грузіи: и зурна и нашъ альманахъ—дѣти Азіи.»

Съ этой точки зрѣнія мы и должны смотрѣть на альманахъ и готовы извинить, если, по выраженію же издателя, настоящій Тифлисскій литературный оркестръ на первый разъ покажется нѣсколько *зурноватъ*.» Все *зурноватое* мы извиняемъ охотно, — лишь бы оно было настоящее зурноватое: оно можетъ имѣть интересъ мѣстный; и потому, признаемся, мы съ бо́льшимъ удовольствіемъ прочли бы нѣкоторыя статьи Зурны, если бы онѣ были изложены съ меньшими претензіями на литературность. Интересенъ коротенькій разсказъ графа Стенбока «Ага Мухаммедъ Шахъ въ Шушѣ» — но и этому очерку, историческому по своему предназначенію, вредятъ претензіи на драматизмъ и еще болѣе претензіи на восточный колоритъ. «Като и Ана», повѣсть будущей грузинской писательницы, — самая повѣсть—признаемся опять откровенно, насъ заинтересовала менѣе, чѣмъ отрывки изъ автобіографіи писательницы, приведенные издателемъ въ предувѣдомленіи къ повѣсти. Вотъ что говоритъ авторъ предувѣдомленія: «Не мѣсто здѣсь—говоритъ онъ, «да и не наше дѣло говорить о достоинствахъ и недостаткахъ повѣсти. «Немудрено, что недостатки будутъ замѣчены въ достаточномъ ко-«личествѣ—но мы убѣждены, что, во всякомъ случаѣ, они будутъ «искуплены двумя большими достоинствами произведенія: его неоспо-«римой оригинальностью и его многое извиняющимъ значеніемъ «перваго опыта *первой въ Грузіи женщины, рѣшившейся писать «для печати и притомъ писать не на природномъ своемъ языкѣ.* «Намъ даже кажется, что самая повѣсть, о которой идетъ рѣчь, «какъ бы она ни была интересна, все-таки должна уступить въ зани-«мательности одному тому факту, что *явилась* (какая бы то ни бы-«ло) *повѣсть писательницы Грузинки.* Этотъ фактъ важенъ и инте-«ресенъ самъ по себѣ: въ немъ, по нашему мнѣнію, цѣлая исторія «новѣйшаго періода жизни и быта Грузіи. Въ немъ—живое олице-«твореніе и свидѣтельство того огромнаго шага на поприщѣ *Евро-«пеизма*, который совершили въ Грузіи всѣ слои и оба пола обще-«ства, подъ вліяніемъ цивилизаціи, принесенной въ эту страну рус-«скими, что бы ни толковали пристрастные и озлобленные враги на-«ши... Наконецъ, въ этомъ фактѣ видимъ мы кое-что и еще болѣе знаме-«нательное и утѣшительное: мы видимъ въ немъ самостоятельное, «независимое проявленіе *народнаго* въ Грузіи сочувствія къ тѣмъ

Digitized by Google

«новымъ началамъ, какія съ благодѣтельной цѣлію прививаются къ «ней умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ Россіи.»

Съ этой точки зрѣнія готовы и мы смотрѣть на литературную дѣятельность грузинской писательницы, готовы признать и важность того факта, что Грузинка рѣшилась писать для печати, и всю же важность другаго факта, что на нее подѣйствовала европейская цивилизація, но мы желали бы, чтобы цивилизація подѣйствовала на нее своими существенными сторонами, а не сторонами одного только внѣшняго лоска своего. Чтобы пояснить мысль нашу, нѣсколько несходную съ мыслію автора предувѣдомленія, восторгающагося успѣшной прививкой цивилизаціи, — мы обратимъ вниманіе на то, что будущая писательница, какъ разсказываетъ она въ своей біографіи, воротясь въ Грузію послѣ долгаго отсутствія, слишкомъ легкомысленно радуется, что «Въ какую «знакомую улицу ни загляну чтобы узнать когда-то виданный до«микъ,—взоры мои встрѣчаютъ высокое и красивое зданіе; на мѣстѣ «прежнихъ чердаковъ или саклей—стоятъ дома прекрасной архи«тектуры, съ Европейскимъ убранствомъ: по галлереямъ бѣгаютъ «разфранченные лакеи; сквозь окна показываются занавѣски и цвѣты; «подъ цвѣтами красуются высокія вазы, по стѣнамъ и на потолкахъ «видны раззолоченныя канделябры, лампы и люстры. Изъ каждой «улицы—слышатся звуки фортепіано».... Это—радость дикаго или радость ребенка, которому показали хорошую игрушку. Для насъ дороже этой радости достоинство, съ которымъ писательница говоритъ: «По происхожденію я самая *православная* Грузинка, одной «изъ незамѣтныхъ вѣтвей древняго и замѣтнаго дерева, которое уже «въ теченіе двухъ вѣковъ приноситъ плоды на пользу отечества, «расширяетъ блаженные корни до дна земли, высоко раскидываетъ «молодые побѣги».... Мы думаемъ, что сознаніе общаго между Грузинами и нами православія принесетъ плоды несравненно болѣе зрѣлые, чѣмъ роскошь цивилизаціи: думаемъ также, что многое въ патріархальныхъ нравахъ Грузіи, равно какъ и въ патріархальныхъ нравахъ православной Россіи—лучше и выше мишурной цивилизаціи, съ какой угодно точки зрѣнія, съ нравственной ли или съ поэтической. Вѣроятно и самъ авторъ предувѣдомленія, такъ наклонный повидимому увлекаться и живо чувствовать, понимаетъ, что ни галлереи, по которымъ бѣгаютъ разфранченные лакеи, ни люстры, ни канделябры—ни что подобное не стоитъ той высокой поэзіи, которая заключается вотъ въ этомъ напримѣръ впечатлѣніи дѣтства его Грузинки: «Рожденіе перваго дитяти, выпрошеннаго у Творца

Digitized by Google

«молитвами моихъ родителей, привело ихъ въ восхищеніе. Я помню «какъ впослѣдствіи въ домѣ нашемъ не одинъ разъ объ этомъ раз-«сказывали. Сосѣдки наши вбѣжали къ отцу моему въ высокую, вѣ-«ковую башню, похожую на древніе баронскіе замки, привѣтствовали «его радостными восклицаніями: поздравляемъ,—говорили онѣ—Богъ «не оставилъ дома добраго дворянина безъ наслѣдницы. Всевышній «подарилъ вамъ дочь на 50-лѣтнемъ вашемъ возрастѣ. Отецъ мой «сталъ на колѣна и вознесъ теплую молитву о спасеніи третьей «жены.»—Цивилизація дѣло конечно хорошее—и мы сочувствуемъ существеннымъ плодамъ ея, можетъ быть, столь же живо, какъ и тѣ, которые винятъ насъ въ какомъ-то враждебномъ отношеніи къ ней—но цивилизація хороша, когда она достается не изъ мутныхъ источниковъ. Авторъ предувѣдомленія вѣроятно понимаетъ также, что первоначальныя чтенія его Грузинки выше по смыслу и благодѣтельнѣе по вліянію, чѣмъ послѣдующія, цивилизованныя, въ родѣ Монте-Кристо и другихъ переводныхъ повѣстей. Изъ сочиненій русскихъ писателей, она знакома только съ «Горе отъ ума» и съ романомъ Лажечникова «Ледяной домъ», стало быть, съ одною только хорошею вещію, ибо романъ Лажечникова—произведеніе талантливое, но фальшивое. Тутъ еще, значитъ, не изъ чего приходить въ восторгъ отъ вліянія цивилизаціи. Цивилизація—хороша въ существенномъ, а не въ лоскѣ и роскоши, хороша, когда она даетъ ясно сознавать то единое, что есть на потребу души человѣческой, хороша наконецъ тогда, когда не подрываетъ связей человѣка съ его корнями, съ почвой, съ прошедшимъ. Опять повторимъ, дали ли Грузинкѣ цивилизованныя чтенія ту высоту взгляда, которую получала она изъ первоначальныхъ и изъ источника коренныхъ своихъ основъ? «Въ первый разъ—говоритъ она въ одномъ изъ отрывковъ автобіографіи, приводимыхъ г. Вердеревскимъ,—попала мнѣ «въ руки Библія, которая была кажется и больше и тяжеле меня.... «Она была напечатана мелкими *славянскими* буквами, но несмотря «на это, я усердно и съ наслажденіемъ ее читала, и ни одна книга «никогда не служила столько къ моему душевному успокоенію, какъ «Библія. То поражали меня въ ней творческія занятія Создателя до «дня Его отдохновенія, то интересовалъ образъ жизни человѣка до «пришествія Христа Спасителя; то приводила въ умиленіе преданность «Богу Царя Давида и кротость его передъ жестокостью Саула. «Помню, что въ это время умъ мой былъ встревоженъ страшными «недоумѣніями. Читая о жизни библейскихъ царей, я такъ живо себѣ «ихъ представляла, что мнѣ казалось, будто я ихъ когда-то знала и

Digitized by Google

«видѣла. При этомъ я вспомнила, что Грузины покойниковъ не на-«зываютъ умершими, а зовутъ *гардацвалебули*; *гардацвала* значитъ «перемѣниться, или изъ одного вида перейдти въ другой; слѣдова-«тельно языкъ нашъ прямо указываетъ, что умершіе—суть только «*перемѣнившіеся*, перешедшіе изъ одного вида въ другой.» Вообще мы находимъ, что авторъ предувѣдомленія слишкомъ *цивилизованно* взглянулъ на автобіографію будущей грузинской писательницы, слишкомъ обрадовался ея цивилизаціи и просмотрѣлъ въ такомъ увлеченіи черты болѣе дорогія и болѣе самобытныя. Во всякомъ случаѣ, отрывки «автобіографіи» — должны обратить на себя вниманіе читателей. Не говоримъ о прочихъ статьяхъ, кои всѣ читаются съ удовольствіемъ, а именно: Тифлисскій муша, драма М. Щ-на; Ревазъ Годобрелидзе, имеретинская легенда, Н. Дункель-Веллинга; Лозы любви, Кистинское преданіе, г. Цискарова; Осетинская Сафо (изъ воспоминаній объ Осетіи), г. Н. Берзенова; Оборванецъ, пшавская быль, кн. Эристова; Ночь передъ свадьбой, драматическая шутка, гр. В. А. Соллогуба.

Перейдемъ къ прочимъ статьямъ. Рѣзко отдѣляется здѣсь статья Г. Г. Г. «Воспоминанія о Брюловѣ».—Этой прекрасной статьей, важной и относительно художества вообще и подробностями о великомъ художникѣ нашемъ, мы займемся особенно. «Три сцены» отличаются своею простотой, искренностью и нѣкоторой мелодичностью. Въ альманахѣ являются также и «Пѣсни невѣсты» г. Кержака-Уральскаго, напечатанныя уже и въ нашемъ журналѣ — пѣсни, которыя мы напечатали, какъ напечатали бы всякую повѣсть, проникнутую здравой и зрѣлой мыслію, зная недостатки ея въ художественномъ отношеніи, — напечатали цѣликомъ, уважая опять-таки здравую мысль и настоящее чувство, хотя хорошо видѣли, что нѣкоторыя, какъ напримѣръ написанная quasi русскимъ размѣромъ, по формѣ своей неудачны,—въ другихъ умное мышленіе переходитъ въ резонерство, а чувство въ сладкую приторность. Стихи г. Кержака-Уральскаго подверглись посмѣянію въ журналахъ. Но это—плодъ жизни и душевнаго опыта, а не желчи и насильственнаго, вымышленнаго раздраженія; послѣдняя же изъ этихъ пѣсенъ, возвышается до истиннаго, поэтическаго лиризма во взглядѣ и въ выраженіи, лиризма, изъ высшихъ источниковъ котораго голосъ, къ сожалѣнію, рѣдко слышится въ нашей литературѣ. Перечитывая эти стихи въ альманахѣ, мы остались при томъ же мнѣніи: они—плодъ мысли зрѣлой и чувства настоящаго, плодъ разумнаго опыта сердца: они вызываютъ мыслящаго человѣка на мысль, заставляютъ съ собой спорить или соглашаться,

Digitized by Google

вызываютъ на отвѣты — и жалка кажется критика, въ которой серьезные и серьезно рѣшаемые вопросы встрѣчаются смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ одного извѣстнаго лица въ «Невскомъ проспектѣ». Если повѣсти—за дѣльную мысль прощаемъ мы промахи въ формѣ, небрежности художественнаго выполненія — то почему же за это самое достоинство не простимъ мы такихъ же недостатковъ лирической поэмѣ, связанной, также какъ повѣсть, единствомъ содержанія, единствомъ мысли, — когда такъ явно мысль, и притомъ мысль добытая жизнью, составляетъ главную задачу поэмы? Позволимъ же мы себѣ остановиться на произведеніи г. Кержака-Уральскаго: напечатанное въ альманахѣ, оно стало уже нѣкоторымъ образомъ не нашимъ, — забавнѣе всего то, что стихи кажется и встрѣчены посмѣяніемъ рецензентовъ потому только, что напечатаны у насъ: въ альманахѣ они прошли благополучно, потому, должно быть, что рецензентъ Современника не счелъ нужнымъ читать всего альманаха, а ограничился выписками изъ шутки графа Соллогуба, довольный, что эта шутка представляетъ пищу его «сатирическому уму». Оно и прекрасно — и рецензенту легче и почтенной публикѣ тѣхъ господъ, для сваренія желудка которыхъ служатъ медицинскимъ пособіемъ рецензіи петербургскихъ журналовъ, (по собственнымъ «признаніямъ» сихъ послѣднихъ) — гораздо забавнѣе.

«Пѣсни невѣстѣ» г. Кержака-Уральскаго касаются одного изъ тѣхъ жизненныхъ вопросовъ, которые болѣе или менѣе тревожатъ всякую эпоху, но въ особенности тревожатъ нашу эпоху; онѣ касаются брака, т.-е. взаимнаго сожитія двухъ лицъ, соединенныхъ на жизнь и на смерть. Извѣстно, какъ рѣшался этотъ вопросъ въ нашу тревожную эпоху — и помнится вѣроятно многимъ опредѣленіе брака въ видѣ такого страшнаго афоризма: «Бракъ есть совершенная роскошь, когда людямъ и можется и хочется жить вмѣстѣ, и добровольное насиліе жить вдвоемъ, когда хочется жить врозь». Знаемъ мы — да вѣроятно знаютъ хорошо и читатели, что этотъ ядовитый парадоксъ вызванъ — можетъ быть страдальческимъ процессомъ души, если не оправдывающимъ, то нѣсколько смягчающимъ его жесткость, — но что такой парадоксъ представляетъ собою безотраднѣйшую крайность отрицанія, что онъ противорѣчитъ сущности природы человѣческой, которая въ бракѣ, т.-е. въ освященіи вѣчнаго нерасторгаемаго союза — выразила одну изъ высшихъ сторонъ своихъ, одно изъ наиболѣе свойственныхъ ей требованій — это очевидно. Всѣ замѣны, предлагаемыя на мѣсто брака различными произвольными ученіями — такъ несостоятельны и такъ мало

Digitized by Google

отвѣчаютъ гармоніи природы человѣческой тѣмъ уже самымъ, что показываютъ явно самое наглое невѣріе въ нее, такъ мало удовлетворили бы и желаніямъ мужчины и желаніямъ женщины, что лучшимъ опроверженіемъ имъ служитъ всегда—нерѣдкое къ сожалѣнію приложеніе къ практикѣ. Но нашъ вѣкъ, спеціально въ погибель натуръ, стремящихся къ высшимъ цѣлямъ—изобрѣлъ еще возраженіе противъ брака, основанное на прозаизмѣ постоянныхъ отношеній мужчины и женщины, освященныхъ закономъ и общежитіемъ (мы беремъ вопросъ исключительно только съ человѣческой точки зрѣнія). Едва ли это возраженіе не болѣе погубило правильныхъ отношеній, чѣмъ возраженія съ точки зрѣнія грубыхъ инстинктовъ.... Съ этой стороны отчасти беретъ вопросъ и г. Кержакъ-Уральскій.

Авторъ «Пѣсенъ невѣстѣ», по нашему мнѣнію, тѣмъ въ особенности оригиналенъ, что не паритъ въ облакахъ, не строитъ идеальныхъ утопій, а хочетъ видѣть поэзію идеи въ обыденныхъ ея проявленіяхъ: надъ идеализмомъ заоблачнымъ онъ остроумно подшучиваетъ, какъ надъ «вѣчнымъ поцѣлуемъ»: онъ знаетъ и говоритъ, что

сказки чудныхъ фей,
Мой другъ, оставлены для маленькихъ дѣтей.

Онъ заранѣе въ весьма мало лестныхъ чертахъ изображаетъ прозаизмъ обыденныхъ отношеній: здѣсь пожалуй онъ даже нѣсколько и односторонень, потому-что беретъ изо всѣхъ обыденныхъ обстановокъ жизни — самую холодную и пустую, обстановку свѣтскую: пожалуй даже онъ и слишкомъ скептикъ, но вѣдь не даромъ же «премудрыхъ вѣка онъ читалъ», не даромъ же начинаетъ онъ свои пѣсни неутѣшительнымъ положеніемъ:

Въ нашъ вѣкъ, проникнутый дендизмомъ,
Бракъ, учрежденье христіанъ,
Слываетъ подъ часъ анахронизмомъ.

Тѣмъ еще замѣчательнѣе его взглядъ, что онъ выросъ въ противорѣчіи съ такими положеніями, выражавшимися не разъ въ самыхъ завлекательныхъ формахъ,—тѣмъ и выше заслуга, что «пройдя путь тернистый, всѣхъ романтическихъ страстей», онъ вынесъ здоровый взглядъ на нихъ, выразившійся рѣзко, но вѣрно въ двухъ ловкихъ стихахъ:

Всѣ утопическія связи
Полны безумства, часто... грязи.

Digitized by Google

тѣмъ наконецъ болѣе правъ имѣетъ онъ сказать свое слово о вопросѣ, что, пережившій до *сытости* заблужденія вѣка—ибо не переживши, и не дошелъ бы онъ до такого смѣлаго ихъ разоблаченія, онъ вынесъ однако изъ жизни столько свѣжести, вѣры въ душу, вѣры въ женщину, чтобы искренно обратиться къ ней съ словами:

Мой свѣтлый лучь! мой ангелъ чистый!

столько душевнаго цѣломудрія, чтобы не оскорблять дѣтскаго слуха разсказомъ лѣтописи заблужденій. Человѣкъ, который является съ такимъ яснымъ сознаніемъ прожитаго и съ такою вѣрою въ жизнь, человѣкъ, отъ лица котораго говоритъ авторъ поэмы,—стоитъ конечно того, чтобы его выслушали съ уваженіемъ, вниманіемъ и участіемъ. Сдѣлаемъ же это, вмѣсто того чтобы смѣяться надъ нимъ.

Этотъ человѣкъ видимо прошелъ много въ жизни, много видѣлъ, много перечувствовалъ: въ предостереженіяхъ его замѣтно такое опытное сердцевѣденіе, которое воспитано строгимъ мышленіемъ и выстрадано жизнью, — въ порывахъ чувства искренняго и сознательнаго слышенъ голосъ сердца, на который

Славянъ семейное начало
Всегда полнѣе отвѣчало...

Но этотъ человѣкъ уже не юноша, который въ обладаніи любимымъ предметомъ видитъ одно только обладаніе и ничего болѣе — пусть этотъ созрѣвшій въ борьбѣ съ жизнію человѣкъ любитъ и глубже, и пламеннѣе юноши, пусть онъ и чувствуетъ,—не говоритъ только, но чувствуетъ какъ Лермонтовскій Арбенинъ:

Все что осталось мнѣ отъ жизни, это — ты,
Созданье слабое, но ангелъ чистоты.
Твои слова, улыбка, взоръ, дыханье....
Я человѣкъ, пока они мои...
Безъ нихъ нѣтъ для меня ни мысли, ни любви,
Ни чувства, ни существованья...

но тяжелые опыты разбили въ немъ беззаботную преданность впечатлѣніямъ жизни, развили невольную подозрительность въ отношеніи къ другимъ и къ самому себѣ: на основаніи этихъ-то опытовъ, подъ вліяніемъ этой-то тяжкой подозрительности, того враждебнаго духа, который, какъ говоритъ Арбенинъ — трагическое выраженіе этого типа людей:

Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твои слова, улыбку, взоръ волшебный....

Digitized by Google

на основаніи, еще болѣе этого,—сознанія общихъ въ себѣ чертъ съ «дѣтьми того же суетнаго вѣка» — человѣкъ, отъ лица котораго говоритъ поэтъ, предупреждаетъ, предостерегаетъ избранную имъ женщину.

А жизнь не сказка, и за первымъ поцѣлуемъ,
Мы съ жизнью за одно тебя разочаруемъ.
Увидишь ты, что прежній твой женихъ
Не отличается отъ множества другихъ
Дѣтей того же суетнаго вѣка;
Что онъ не *ange*, а только не калѣка.
Что тотъ же онъ какъ всѣ мы всякій день,
Что любитъ книгу онъ, сигару, сонъ и лѣнь,
Бываетъ молчаливъ, а иногда и скученъ,
Что иногда съ тобой некстати неразлученъ,
А иногда угрюмъ, запрется въ кабинетъ
И до тебя ему какъ будто дѣла нѣтъ....

Предостереженія относительно другихъ людей, враговъ супружескаго счастія, повторяемъ, отличаются глубокимъ и выстраданнымъ сердцеведеніемъ. Не знаемъ, что нашли рецензенты смѣшнаго въ требованіи такого человѣка, чтобы избранная имъ и его въ свою очередь избравшая женщина, не дѣлилась ни съ кѣмъ кромѣ его

Тѣмъ, что со дня вѣнчанья я считалъ моею
Собственностью полной, вѣчной, нераздѣльной....

Неужели *дѣлежъ* всего этого съ подругами, кажется имъ законнѣе? Мы, признаемся, не видимъ ничего смѣшнаго въ этихъ требованіяхъ и въ искреннемъ душевномъ способѣ ихъ выраженія:

Мужъ твой-- другъ твой вѣчный, а не двухнедѣльный!
Каждое сомнѣнье, каждый твой вопросъ,
Каждый мигъ блаженства иль припадокъ слезъ
Самъ дѣлить хотѣлъ бы, самъ на все отвѣтить,
Всѣ твои тревоги нѣжнымъ сердцемъ встрѣтить.

Да какъ же иначе-то? готовы мы спросить въ простотѣ души и удивляясь только тому, что такія нѣжныя, законныя и такъ поэтически-простодушно выраженныя требованія встрѣчаются посмѣяніемъ. Этотъ полный раздѣлъ бытія нравственнаго и физическаго, жизни въ свѣтлыхъ и обыкновенныхъ ея явленіяхъ, эта жизнь вдвоемъ, чувствованіе вдвоемъ — составляетъ, какъ намъ кажется, существо брака, т.-е. религіознаго союза съ женщиною: эти требованія съ радостію привѣтствовали мы въ «трехъ письмахъ» посреди великолѣпной обстановки итальянской природы, — ихъ же привѣтствуемъ

Digitized by Google

и въ «Пѣсняхъ невѣстѣ» посреди обстановки совершенно домашней, прозаической.

Не знаемъ, идти ли намъ вслѣдъ за г. Кержакомъ-Уральскимъ. Мы такъ хорошо изучили тактику петербургскихъ рецензій, что заранѣе готовы предсказывать въ отношеніи къ этимъ разсужденіямъ или величественное молчаніе, или замѣтку *между прочимъ*, что «Москвитянинъ (въ такомъ-то N), недовольный тѣмъ, что напечаталъ разъ «Пѣсни невѣстѣ» г. Кержака-Уральскаго, вторично подарилъ публику ихъ перепечаткою»... Но именно потому, что всѣ подобныя замѣтки мы знаемъ наизусть, и потому еще, что твердо убѣждены въ необходимости толкованій о самыхъ простыхъ вещахъ и разъясненій самыхъ простыхъ понятій въ наше время — мы рѣшаемся *перепечатывать*.

Изображеніе друга инаго рода, другаго пола, на счетъ котораго предупреждаетъ поэтъ — дышетъ ювеналовскою правдою и безпощадностью:

Ранняя усталость, нѣсколько талантовъ,
Знаніе новинокъ, лоскъ присяжныхъ франтовъ,
Нѣжная забота—объ одномъ себѣ,
Рабская покорность жизни и судьбѣ,
Но въ рѣчахъ насмѣшка, заученный ропотъ,
Сердце въ немъ угасло, вмѣсто сердца *опытъ;*
А его умишка только напряженъ
На слова соблазна для невинныхъ женъ.

Въ этомъ изображеніи, въ которомъ равно уловлены черты рѣзкія и черты необыкновенно тонкія, какъ въ подчеркнутыхъ нами стихахъ — сатира доходитъ до художественности, и такова отъ начала до конца 4-я пѣсня.

Еще глубже сердцевѣденіе автора открывается въ анализѣ внутренней болѣзни, той болѣзни, которая зарождается отъ того, что человѣкъ попускаетъ овладѣть собою злымъ духамъ, болѣзни, которую, по замѣчанію автора,

Умный нашъ народъ
Прозвалъ давно *змѣею подколодной.*

Анализъ здѣсь поистинѣ выстраданъ: самъ поэтъ не скрываетъ этого и снова появляется отраженіе того же типа, котораго трагическій исходъ начерталъ Лермонтовъ въ своемъ необдѣланномъ, юношески порывистомъ, но геніальномъ произведеніи, — опять Арбенинъ, преслѣдуемый своимъ внутреннимъ врагомъ, тревожимый подозритель-

Digitized by Google

ностью—слѣдомъ многой и бурной жизни. Не подражая Лермонтову, поэтъ невольно впадаетъ въ этотъ Арбенинскій тонъ:

Передо мной исчезла жизни цѣль,
И какъ морякъ безъ карты и компаса
Я поплылъ въ даль.... Стремнины, скалы, мель
Меня страшили меньше часъ отъ часа....
И равнодушенъ сталъ я ко всему.
И лишь одно: въ страстяхъ полузабвенье
Доступно стало сердцу моему,
И думалъ въ нихъ найти я наслажденье;
Но я тоски въ страстяхъ не утопилъ,
Я скуку тяжкую въ забвеньи не разсѣялъ....
А сколько любящихъ и бодрыхъ юныхъ силъ
Я на пути безсмысленно развѣялъ!..
Чтожъ, если ты, души моей дитя,
Въ замѣну счастья встрѣтишь также скуку?
Что, ежели она наложитъ на тебя
Свою тяжелую, карающую руку?
Тебѣ свободы менѣе чѣмъ мнѣ,
Тебѣ нельзя какъ мнѣ пуститься въ море
Житейскихъ бурь: въ домашней тишинѣ
Должна ты скрыть томительное горе,
И тутъ, въ тоскѣ душевной пустоты
Различныя цѣлительныя средства
Придумывать невольно будешь ты;
И явятся къ тебѣ: разсѣянность, кокетство,
Непостоянство вкусовъ и затѣй....
А вслѣдъ за нимъ, чредою неизбѣжной
Невидимо войдетъ въ твой бытъ мятежной,
Забвенье долга.... мужа.... и дѣтей.

Да—это онъ, это нашъ старый знакомецъ, который

Странствовалъ.... игралъ.... былъ молодъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную, любовь....

который говоритъ:

Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
А болѣе всего страдалъ.

которому прошедшее отравляетъ настоящее, который на свою бѣду, на свою погибель:

Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ....

которому страшна самая чистота его Нины, — ибо онъ знаетъ, что въ «огромной книгѣ жизни» она «прочла одинъ заглавный листъ» и передъ нею «открыто море счастія и зла...» Да — это все онъ же

Digitized by Google

нашъ старый знакомецъ — и невольно задается вопросъ, что если и на голосъ его тревожнаго сердца

Славянъ семейное начало
Всегда полнѣе отвѣчало...

какъ полнѣе отвѣчало оно на голосъ сердца, писавшаго Онѣгина и въ то же время мечтавшаго о

поэмѣ пѣсенъ въ двадцать пять

съ мирнымъ семейнымъ характеромъ? Что, если *русская* душа невѣдомаго избранника таила въ себѣ отрицаніе самаго отрицанія? Вотъ вопросъ, который естественнымъ процессомъ возникалъ для насъ изъ поэмы г. Кержака-Уральскаго, представляющей одной стороною своей столь самобытное, прочувствованное и пережитое отраженіе Лермонтовскаго отрицанія, шагомъ дальше.

Прекрасна до высокаго лиризма послѣдняя, 9-я пѣсня, въ которой, отрѣшась отъ произвольной и тѣсной рамки жизни, возносится онъ къ непреложнымъ, вездѣ и всегда одинаково возвышеннымъ и глубокимъ нравственнымъ идеаламъ, проливающимъ на жизнь свѣтъ такой поэзіи, котораго не дастъ рефлексія.

О Боже! Ты на насъ возарѣлъ неотмѣннымъ окомъ,
И въ милосердіи отеческомъ, высокомъ
Намъ повелѣлъ: *на жизненномъ пути*
Рука съ рукой догробный срокъ пройдти,
Ты сочеталъ въ одно двѣ жизни, два созданья,
Двѣ воли, двѣ души и два самосознанья,
И заповѣдалъ намъ Твой Божескій завѣтъ:
«*Ни здѣсь, ни въ небесахъ для васъ разлуки нѣтъ*».

Достойнымъ образомъ выраженное сознаніе высочайшаго изъ ученій, къ которому стремились и стремятся мудрецы и поэты! Вотъ—единственный выходъ для рефлексіи, единственная опора для живущаго внутри насъ Гамлета: съ точки утвержденія на этой опорѣ возможенъ только становится поворотъ къ живому чувству, къ непосредственности, къ сознанію идеальнаго въ самой жизни.... Но пока, рефлексія только сознаетъ свою несостоятельность, молится объ уничтоженіи самой себя—высшій актъ, до котораго она можетъ достигнуть. Этимъ высокимъ моментомъ торжества духа заканчивается поэма:

«Внимаемъ мы и вѣруемъ завѣту:
«*Но Боже, слабы мы, принадлежимъ мы свѣту,*
«*Въ которомъ слабо все безъ помощи Твоей.*

Digitized by Google

Воззри же какъ отецъ на насъ Твоихъ дѣтей.
О благахъ суетныхъ молиться мы не смѣемъ.
Все отъ Тебя, что въ жизни мы имѣемъ,
Покорны мы, къ чему бы ни привелъ
Твой Божескій, премудрый произволъ:
Что хочешь дай, что хочешь отними Ты,
Пошли печаль, всѣ радости возьми Ты,
Пусть вѣчно чужды намъ улыбка и пиры,
Пусть слезы нашъ удѣлъ. Но лучшіе дары,
Дары нетлѣнные: *миръ внутренній душевный*
Не дай утратить намъ средь суеты вседневной,
Не дай намъ ослабѣть взаимностью сердецъ,
Въ стремленьи къ истинѣ, небесный нашъ Отецъ,
Не дай невѣрія въ могущество молитвы,
И давъ борьбу, не дай намъ пасть средь битвы,
Чтобъ не сознали мы въ послѣдній смертный часъ,
Что взоръ свой благостный Ты отвратилъ отъ насъ.

Повторимъ, что рѣдко слышался въ нашей литературѣ въ послѣднее время такой возвышенный голосъ возвышеннаго чувства. Мы старались показать въ разборѣ нашемъ, изъ какого душевнаго процесса этотъ голосъ поднялся. Не станемъ винить поэта, что въ строю его вдохновенія не слышно еще той *душевности*, которая въ состояніи изображать не утопическіе идеалы, пролить поэзію на самое простое въ дѣйствительности. Важно въ самыхъ утопіяхъ автора — стремленіе осмыслить свои мечтательные идеалы идеалами кореннымъ, народными: но богатство народнаго созерцанія таково, что не дается рефлексіи, что рефлексія можетъ заимствовать изъ него только рѣзкую, разсудочную сторону: ошибка автора въ созданіи 6, 7 и 8 пѣсни заключается именно въ томъ, что онъ свое, личное хочетъ облечь въ формы кореннаго, свое купленное слить съ непосредственнымъ—и выходитъ иногда *дѣло не подходящее*.

Это впрочемъ единственный почти недостатокъ (кромѣ нѣкоторыхъ неловкихъ стиховъ и излишняго обилія резонерства) въ произведеніи, по одному которому можно, кажется, безошибочно ждать отъ автора серьёзной дѣятельности, и которое конечно гораздо значительнѣе по содержанію многихъ повѣстей и романовъ, потребляемыхъ для успѣшнѣйшаго пищеваренія.

Самую капитальную и замѣчательную статью въ альманахѣ, какъ мы сказали, составляютъ «Воспоминанія о Брюловѣ» Г. Г. Г. Авторъ коротко зналъ нашего великаго художника — и самъ притомъ—такой тонкій и глубокій знатокъ и цѣнитель изящнаго, такъ

Digitized by Google

вѣрно понимаетъ художническія натуры вообще и такъ мастерски опредѣляетъ характеристическія свойства художнической натуры Брюлова, что небольшая статья его представляетъ двойной интересъ, по отношенію къ личности Брюлова и по отношенію къ искусству вообще. Авторъ принадлежитъ притомъ къ числу немногихъ вѣрующихъ и притомъ сознательно вѣрующихъ въ возможность самобытнаго русскаго искусства.

Авторъ познакомился съ Брюловымъ въ Римѣ, въ 1822 или 23 году. «Живо помню—разсказываетъ онъ,—какъ однажды, по слу«чаю семейнаго у насъ праздника, родители мои придумали устроить «домашній спектакль. — Такъ-какъ братъ мой и я не имѣли почти «случая упражняться въ отечественномъ нашемъ языкѣ, — то поло«жено было сыграть піесу русскую и именно *Недоросля* Фонъ«Визина.

«Въ то время находилось въ Римѣ нѣсколько русскихъ худож«никовъ, пріобрѣтшихъ въ послѣдствіи громкую извѣстность. Оба «брата Брюловы, Тоннъ, Басинъ, Щедринъ, Гальбергъ, Габерцетель «приняли участіе въ нашемъ семейномъ торжествѣ и распредѣлили «между собою роли комедіи».—Брюловъ (мы сокращаемъ нѣсколько разсказъ автора) — нарисовалъ декорацію для этого спектакля. «Онъ «изобразилъ небольшую пріемную деревенскаго помѣщичьяго дома «временъ Екатерининскихъ. Въ этой веселенькой, такъ сказать *гар«моническої* комнаткѣ, все было въ характерѣ тогдашней эпохи и «тогдашняго быта; на стѣнахъ портреты домовладѣльца и его су«пруги, писанные по модѣ и во вкусѣ того времени; кокушка съ «гирями, ширмы, картина, изображающая различные плоды, между «коими красовался большой вареный морской ракъ.—Въ углубленіи, «сквозь окна и двери, вырѣзанныя въ холстѣ, выказывался помѣщичій «русскій дворъ, украшенный неизбѣжной голубятней и хлѣвомъ для «свиней, которымъ такъ справедливо гордится *Тарасъ Скотининъ*. «Все это было въ полномъ свѣтѣ и оттѣнялось кое-гдѣ мастерскими «полутонами и отблесками. Такихъ декорацій на театрахъ не бы«ваетъ. Тутъ изобразилась цѣлая характеристическая картина, — «стройная, остроумная и насмѣшливая, какъ повѣсть Гоголя.»

Замѣчательно, что Брюловъ былъ, какъ всякій истинный художникъ, артистомъ многостороннимъ — потому что и въ исполненіи своей роли отличился, по словамъ автора «Воспоминаній», неменѣе какъ и въ созданіи обстановки, перещеголялъ даже всѣхъ другихъ исполнителей, хотя комедія вообще—какъ и слѣдуетъ ожидать, «была «представлена съ одушевленіемъ, съ оттѣнками, съ истиной и съ

Digitized by Google

«согласіемъ, какихъ могутъ достигнуть только настоящіе артисты, «люди съ тонкимъ умомъ и художественнымъ чувствомъ.» Въ это время, Брюловъ, какъ и другіе поименованные художники, находился въ Римѣ, въ качествѣ пенсіонера нашей Академіи для совершенствованія своего таланта и для изученія тѣхъ великихъ образцовъ, которыми изобилуетъ вѣчный городъ. «И точно—замѣчаетъ авторъ «статьи — никто не усвоилъ ихъ себѣ лучше Брюлова, при чемъ «однако онъ не утратилъ своей оригинальности, личнаго своего ха«рактера. *Все, чего онъ достигалъ изученіемъ, какъ бы добавлялось «имъ къ своему собственному достоянію, но никогда не мѣнялъ «онъ собственныхъ мыслей на пріобрѣтенныя.*» Замѣчательная черта всякой истинно великой художнической натуры, будетъ ли то натура Пушкина, Брюлова или Мейербера!

Обстоятельства сблизили потомъ короче автора «Воспоминаній» съ геніальнымъ живописцемъ. Брюловъ сдѣлался невольною причиной одного печальнаго и трагическаго событія....

«Шумъ поднялся ужасный, и общая молва укоряла Брюлова. «Мы отправлялись тогда въ Гротта-Феррата. Чтобы выпутать несчаст«наго виновника печальной исторіи изъ затруднительнаго положенія, «мы увезли Брюлова на дачу. Онъ чувствовалъ, что уединеніе по«среди чудесъ природы и тихой, правильной жизни уважаемаго всѣми «семейства, успокоитъ смятеніе его духа и возстановитъ его добрую «славу въ общественномъ мнѣніи.»

«Гротта-Феррата, въ 20 миляхъ отъ Рима, замокъ среднихъ «вѣковъ, съ большими квадратными и зубчатыми башнями; къ замку «прислоняется монастырь базиліанскихъ монаховъ, совершающихъ «богослуженіе на греческомъ языкѣ, котораго, однакожъ, сами не «понимаютъ. Тутъ находится церковь, къ которой примыкаетъ зна«менитая капелла, украшенная фресками Domenico Zampieri, про«званнаго Доменикиномъ. Я описывать ее не стану. Любители ве«ликихъ произведеній знаютъ ее наизусть, прочіе же только найдутъ, «что я отдаляюсь отъ своего предмета. Замокъ, обложенный сна«ружи мрачнымъ тёмнымъ камнемъ, внутри отдѣланъ со всѣми удоб«ствами современнаго быта и совершенно отдѣленъ отъ монастыря.»

«У входа въ замокъ тянется двойной рядъ огромныхъ чинаръ, «осѣняющихъ фонтанъ или водохранилище съ нѣсколькими бассей«нами, къ которымъ сходятся красавицы крестьянки, величаво при«держивающія надъ головою выпуклые, изъ красной мѣди, сосуды «(амфоры).»

«За этой аллеей входишь въ густой лѣсокъ, изобилующій зем«

Digitized by Google

«ляникой; черезъ него лежитъ путь къ Фраскати и ко всѣмъ вели-
«колѣпнымъ виллам. столь извѣстнымъ туристамъ. Удаляясь отъ
«замка, по другому направленію доходишь до Тускулумъ, до Ма-
«рино, до Кастель Гандольфо, до Альбано, до Риміа, до Монте-
«Каво, до Ронка ди Пена и до многихъ другихъ мѣстъ, столь по-
«разительныхъ своей красотой, что они обращаютъ эту мѣстность
«въ обитель благословенную, въ рай земной, такъ, что и одно вос-
«поминаніе о нихъ вѣчно свѣтится въ душѣ, отрадно озаряя самыя
«мрачныя минуты жизни.... Не слишкомъ удаляясь отъ замка, и
«слѣдуя вдоль монастырскихъ садовъ и прекрасныхъ разсадниковъ
«оливковыхъ деревьевъ. можно спуститься въ глубокій оврагъ, по
«которому журчитъ и вьется свѣтлое теченіе рѣки Мараны. Сколько
«разъ, взявъ съ собою краски и складные стулья, ходили мы вмѣстѣ
«съ Брюловымъ вдоль прозрачно бѣгущей зыби.—и тутъ мы оста-
«навливались и выбирали предметомъ для изученія—онъ какъ про-
«фессоръ, я какъ ученикъ,—то старую хату, то Мадонну, врѣзан-
«ную въ стволѣ стараго дуба, или-же тѣ прекрасные, широкіе
«листья, въ видѣ зонтиковъ, которые наклонялись надъ Мараною.
«Иной разъ мы останавливались передъ красивымъ водопадомъ у
«вдавшагося въ берегъ залива: небольшой потокъ, окруженный гу-
«стою растительностію, быстро несся и распадался бѣлою пѣной и,
«сверкая серебристой пылью, низвергался съ утеса на мелкій при-
«брежный гравій, обсаженный чудными, живучими растеніями. Во
«время знойныхъ лѣтнихъ дней это мѣсто такъ и манило къ ку-
«панью. Воображеніе Брюлова, еще полное недавнихъ академичес-
«кихъ этюдовъ, вызывало повсюду нимфъ и пастуховъ Ѳеокрита.
«Я слѣдилъ за нимъ съ трудомъ, такъ какъ познанія мои по этой
«части ограничивались одними Selecta ad usum Delphini...

«Но во время этихъ прогулокъ онъ посвящалъ меня въ тайны
«красокъ и колорита; онъ объяснялъ мнѣ то, что я видѣлъ не по-
«нимая, что я чувствовалъ и не могъ себѣ объяснить. — *Однажды,*
«*срисовывая цѣлую группу тѣхъ прекрасныхъ листьевъ, кото-*
«*рые распускаются надъ водой, онъ опредѣлилъ такъ вѣрно, и*
«*рѣчью и кистью, цвѣта, тѣни, отблески, прозрачность и всѣ*
«*тысячи мелкихъ прелестей природы, онъ все такъ осязательно*
«*объяснилъ какъ физикъ, живописецъ и поэтъ, что этотъ урокъ*
«*былъ для меня настоящимъ откровеніемъ. Съ того времени я*
«*понялъ, что въ очарованіи, внушенномъ природой, таится не*
«*одно только безсознательное впечатлѣніе. но что оно заклю-*
«*чаетъ въ себѣ много поучительнаго для ума.*»

Digitized by Google

Вторая черта истинно творческаго, геніальнаго таланта—творчество сознательное. Много толковали о томъ, что талантъ творитъ безсознательно, много даже примѣровъ приводили тому, что произведенія бываютъ выше личности производителей. Но это фальшивое мнѣніе происходитъ отъ того, что не вглядываются надлежащимъ образомъ въ производящія личности. Многимъ удивительно кажется, какимъ образомъ человѣкъ, гораздо менѣе чѣмъ они ученый и образованный, творитъ геніальное, что человѣкъ, котораго часто слышатъ они говорящимъ вещи для нихъ странныя, вещи, которыхъ они въ книгахъ не читали, а между тѣмъ говорящій ихъ съ твердымъ убѣжденіемъ, не допускающимъ даже возраженій, рѣшается *свой* авторитетъ ставить выше другихъ авторитетовъ—и сколько обвиненій въ безмѣрномъ самолюбіи, въ невѣжествѣ, даже въ тупости пониманія падало и падаетъ на геніальныхъ людей за ихъ простодушіе! Геній тѣмъ-то и геній, что немногое имъ прочитанное наводитъ его на самобытную разработку многаго, чего не дастъ многимъ многое чтеніе: самыя ошибочныя мысли геніальныхъ людей поучительны, потому что онѣ даны ихъ натурою, образовались подъ ихъ оригинальнымъ угломъ зрѣнія,—и мы совершенно раздѣляемъ съ авторомъ статьи—его сознаніе, что уроки Брюлова были для него откровеніемъ. Нечего доказывать того, что великій живой художникъ—великій авторитетъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ; что онъ воспитываетъ своихъ судей, а сначала даже ихъ не имѣетъ, ибо то новое, что вноситъ онъ въ міръ искусства, онъ разъясняетъ своими же созданіями: но кромѣ спеціальнаго дѣла—мысль великаго художника, какъ великой личности, брошенная даже вскользь на предметъ ему посторонній—поучительна. Въ своемъ же дѣлѣ—онъ дѣйствуетъ непремѣнно сознательно, иначе онъ не творецъ, а мастеровой или копистъ. Великій творческій талантъ предполагаетъ, какъ conditionem sine qua non, и великій многообъемлющій умъ. Превосходнымъ примѣромъ сознательнаго творчества генія служитъ то, что далѣе разсказывается о Брюловѣ.

«При этомъ случаѣ — продолжаетъ разсказывающій — онъ мнѣ «разсказалъ, что когда онъ былъ въ Петербургской академіи, назна«чено было задачей для состязанія изображеніе Нарцисса, глядяща«гося въ воду. *Состязатели видѣли въ подобной задачѣ только «случай для анатомическаго этюда и тѣмъ довольствовались. «Но Брюловъ чувствовалъ потребность вникнуть глубже въ свой «предметъ.* До того времени онъ не видывалъ еще положенія при«влекательнѣе Строгановскаго сада на Черной рѣчкѣ. Частенько

Digitized by Google

«правлялся онъ туда помечтать подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, «кое-гдѣ проникнутыхъ солнечными лучами и отраженныхъ въ водѣ. «*Тутъ угадывалъ онъ ту нѣгу, которою упоенъ воздухъ южных климатовъ;* тутъ онъ постигалъ и первобытную Грецію, и «удивленіе юноши, пораженнаго и восхищеннаго собственнымъ свои изображеніемъ, и всю языческую прелесть его превращенія. «Эти мечтанія отразились и въ картинѣ. Художникъ показалъ отливъ «солнечныхъ лучей между листьями, всю разнообразную игру свѣта «и тѣни (clair-obscur) и прозрачность отблесковъ въ тѣни, на тѣлѣ «молодаго красавца. Слетѣвшій съ дерева листокъ держался надъ «гладкой поверхностью воды, не возмущая ея яснаго зеркала.»

Изъ этого разсказа, наглядно представляющаго процессъ сознательнаго творчества — выводится еще третья черта творческой натуры: способность видѣть особенность каждаго предмета, его видовыя отличія тамъ, гдѣ другіе видятъ только родъ — и соединенная съ нею способность видѣть особенность предмета не въ ея рѣзкости, выдвинутости, угловатости,—а въ общей гармонической связи съ цѣлымъ рядомъ явленій. Одну только *общую* сторону видитъ въ предметѣ пошлость, одну только рѣзко-особенную—копировка; особенность живую, такъ сказать органическую, съ жизнью неразрозненную — творчество. Здѣсь же встрѣчаемъ мы намекъ на способность творчества угадывать, т.-е. быстрѣе, синтетичнѣе и цѣльнѣе схватывать, по аналогіямъ или контрастамъ, истинную сущность предметовъ даже отдаленныхъ, до которыхъ анализъ добирается почастно и помаленьку.

Между тѣмъ всѣ эти черты геніальной натуры сначала, пока не доказаны онѣ цѣлымъ рядомъ живыхъ созданій — кажутся какими-то рѣзкостями, угловатостями, уклоненіями или заблужденіями самолюбія. Здѣсь опять не можемъ не остановиться и не замѣтить мимоходомъ, что бо́льшею частію самолюбіе геніальныхъ натуръ высказывается въ дѣлахъ чисто житейскихъ (какъ у Байрона, у Пушкина), высказывается подчасъ въ смѣшныхъ, но всегда наивныхъ, оригинальныхъ и достолюбезныхъ чертахъ. Въ собственномъ же ихъ дѣлѣ высказывается не самолюбіе — а спокойное сознаніе людей съ словомъ и властію.

«Такое уразумѣніе своего предмета — продолжаетъ авторъ — въ «наше время было бы вовсе не изумительно; но въ 1819 или «1820 г. оно было истинно геніальной чертой, — такъ *что пора- «женные и даже нѣсколько ошеломленные профессора просто «ничего не поняли. Тонкое и вѣрное художественное чутье по- «казалось имъ предосудительной самонадѣянностью, оскорбляю-*

Digitized by Google

«щей ихъ почтенныя привычки. Но такъ какъ, при томъ, достоин-«ство рисунка было несомнѣнно, то они назначили Брюлову, про-«званному ими маленькимъ Наполеономъ (названіе, въ то время совсѣмъ «не лестное!), если не ошибаюсь, третій призъ. Желающіе просмо-«трѣть всѣ произведенія Брюлова въ теченіи цѣлой его жизни, замѣ-«тятъ во многихъ изъ нихъ слѣдъ его размышленій въ Строганов-«скомъ саду»

Разставшись съ Брюловымъ, авторъ не видался съ нимъ до 1830 года, когда опять возвратился въ Римъ.

«Страсть моя къ рисунку и живописи возрасла еще болѣе, «вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ мною понятій; это я старался выказать «предъ Брюловымъ, и его дѣйствительно поразила новость моихъ «композицій. Онъ смѣялся надъ моею неопытностью и смѣлостью «въ предпріятіяхъ, но уважалъ мое рвеніе, и по вечерамъ, когда, «по обычаю, нашъ семейный кружокъ группировался за круглымъ «столомъ, загроможденнымъ бумагой, красками, кистями и каран-«дашами, — онъ *вдругъ принимался развивать мои помыслы и «дѣлалъ изъ нихъ чудеса.*»

Почемъ знать даже — можетъ быть нѣкоторые изъ этихъ чу-жихъ ученическихъ помысловъ, перейдя чрезъ горнило художниче-скаго сознанія, пошли въ дѣло, выросли въ законченные, полные образы? Припомнимъ—что нѣкоторыя, даже совершеннѣйшія драмы Шекспира выросли изъ грубыхъ продуктовъ комедіянтовъ, что Россини упрекали въ заимствованіяхъ. Припомнимъ наивныя слова Мольера: je prends mon bien où je le trouve.

«Въ игривости воображенія онъ былъ неподражаемъ, и потому «каждый вечеръ у нашего круглаго стола создавалось или одно «большое, или нѣсколько мелкихъ артистическихъ произведеній. «*Въ нихъ заключались то впечатлѣнія прогулки, то фантазіи «разнаго рода: романтическія или классическія, смотря по на-«строенію души; или же иллюстраціи прочтеннаго, воспоми-«нанія о Россіи, имѣвшей поэтическую прелесть отдаленности, «воспоминанія дѣтства или просто проба новаго способа от-«дѣлки.* Часто лицо, нарисованное безъ мысли, вело къ смѣлой импровизаціи, гдѣ являлось множество лицъ и *принадлежностей, «самимъ художникомъ неожиданныхъ.* Вдругъ, напримѣръ, по «средиотдѣльнаго пейзажа выходитъ изъ-подъ карандаша какой-«нибудь франтикъ, кокетливый, отпускающій остроты — и все это «необыкновенно быстро и вѣрно.

«Чудны были эти вечера! Чудно было то время!»

Digitized by Google

Сколько въ этихъ немногихъ, проникнутыхъ правдою одушевленіемъ и симпатіею строкахъ — намековъ на совершенно домашнія тайны художнической дѣятельности, намековъ интересныхъ и въ высокой степени поучительныхъ. Какъ много напримѣръ эти — *воспоминанія о Россіи, имѣвшей поэтическую прелесть отдаленности* — говорятъ о свойствѣ художническихъ натуръ видѣть вещи лучше издали, чѣмъ вблизи, какъ напоминаютъ они слова Гоголя: «*Русь, Русь, вижу тебя изъ моего прекраснаго, чуднаго далека, тебя вижу*», какъ освѣжаютъ они замѣчаніе Ж. Ж. Руссо на счетъ этого свойства его натуры въ Confessions, замѣчаніе, впервые кажется сдѣланное этимъ писателемъ. Съ другой стороны, эти образы, возникающіе какъ бы случайно — по самою рельефностью своею указывающіе на свою долгую жизнь въ душѣ художника.... Да, «чудны были эти вечера откровеній», скажемъ мы съ даровитымъ, чувствующимъ и мыслящимъ авторомъ «Воспоминаній.»

«Днемъ искуство принимало серьезный характеръ: вмѣсто фан-«тазій являлись этюды. Въ портретистикѣ преимущественно Брю-«ловъ былъ силенъ и сталъ на ряду съ первѣйшими художниками. «Уже своими этюдами, рисованными въ С.-Петербургской Академіи, «онъ показалъ себя опытнымъ рисовальщикомъ; онъ зналъ превос-«ходно анатомію костей и мускуловъ, и потому, карандашъ его «сознательно и смѣло владѣлъ, такъ сказать, человѣческимъ тѣломъ; «изгибы, сокращенія и всякаго рода трудности были ему ни почемъ; «вѣрность рисунка давала самымъ фантазіямъ его тотъ характеръ «простоты, который принадлежитъ этюдамъ, снятымъ съ натуры. «Между тѣмъ по внутреннему настроенію своему, онъ былъ коло-«ристъ. Любимые его художники были: Тиціанъ, Поль Веронезъ, «Веласкецъ, Мурилло, Ванъ Дикъ, Рембрандтъ и Рубенсъ. По мнѣ-«нію Горвальдсена, послѣ Рубенса первый колористъ Брюловъ. «Если его занимало какое-нибудь лицо, то въ немъ зарождалось «непреодолимое желаніе срисовать его, и онъ предлагалъ портреты: «кому *веласкецовскій*, кому *тиціановскій*,—и выполнялъ обѣщанія; «когда же писалъ серьезно, то обѣщалъ *брюловскій*.»

Строки — опять въ высшей степени замѣчательныя. Способность легко усвоивать себѣ чужую манеру, способность работать артистически въ этой манерѣ — способность, развитіе которой въ себѣ есть крайній предѣлъ таланта кописта, — творцемъ употребляется только на этюды, но существуетъ въ немъ несомнѣнно и существуетъ въ несравненно высшей степени чѣмъ въ копистѣ.

Digitized by Google

«Основательность его таланта, проницательный умъ, *хотя не развитый воспитаніемъ, но созрѣвшій размышленіемъ и чтеніемъ* (какъ умъ Шекспира, какъ умъ Пушкина — замѣтимъ мы отъ себя), «даютъ характеръ исключительности его генію, опередившему «свою эпоху. Всѣ сознавали его превосходство. Завистниковъ и соревнователей было много, но если на него нападали, то эти напа«дѣнія не касались сущности, а сводились къ какимъ-нибудь при«надлежностямъ внѣшнимъ, постороннимъ самому искуству.

«Въ то время Брюловъ написалъ много портретовъ, изъ кото«рыхъ самые замѣчательные: портретъ моей матери съ тремя мень«шими братьями, портретъ графа М. Ю. Вьельгорскаго, и много «другихъ; также нѣсколько граціозныхъ картинъ изъ итальянской «жизни, множество альбомныхъ акварелей, (страсть къ альбомамъ «была всеобщая), въ томъ числѣ замѣчательны: мечта невѣсты, мечта «новиціатки въ монастырѣ, и еще нѣсколько видоизмѣненій той же «идеи. Въ этомъ послѣднемъ родѣ, доведенномъ Брюловымъ до ме«лочной миніатюрной отчетливости, онъ лучше всего выказывалъ «свой характеръ, свою фантазію.»

Вотъ наконецъ авторъ «Воспоминаній» приближается къ эпохѣ полнаго развитія генія Брюлова.

«Знаменитость — справедливо замѣчаетъ онъ — такъ же какъ и «благородство, налагаетъ нѣкоторыя обязанности. Не сомнѣваясь въ «достоинствѣ своего таланта и въ сочувствіи немногихъ истинныхъ «любителей искусства, онъ захотѣлъ подѣйствовать такъ же и на «массы публики и сдѣлаться извѣстнымъ, громкимъ. Зная, что раз«мѣры картины — обстоятельство важное въ глазахъ большинства, «что картина сажённая предпочтется аршинной и вершковой, онъ «рѣшился написать большую картину. Стоило только приготовить «большой холстъ, избрать обширный сюжетъ, — въ остальномъ за«трудненія не было. Поѣздка его къ Помпеѣ и опера Паччини: «Послѣдній день Помпеи» (l'ultimo giorno di Pompei), бывшая тогда «въ большомъ ходу въ Италіи, и впослѣдствіи затерянная, кромѣ «одного дуэта, уцѣлѣвшаго въ репертуарѣ любителей музыки, — «доставили ему эффектный сюжетъ, который онъ вздумалъ пред«ставить не такъ, какъ онъ представлялся на театральной сценѣ.

«По тогдашнимъ понятіямъ, необходимо было для *важныхъ* «картинъ избирать *предметы, освященные авторитетомъ Библіи «или древней исторіи.—Въ этомъ смыслѣ Помпея немного про«тиворѣчила общепринятымъ понятіямъ.*»

Digitized by Google

Опять замѣчательная черта, свойственная всѣмъ истинно творческимъ талантамъ: нѣкоторая робость въ пріемѣ, или лучше сказать осторожность, проистекающая изъ свойства мѣры, гармоніи, стройности — лежащей въ натурѣ геніальнаго человѣка. Метеоры мысли, кометы художествъ смѣло разбиваютъ старыя формы; геній работаетъ сначала въ тѣхъ формахъ, которыя онъ засталъ: одинъ ранѣе, другой позднѣе выбивается изъ этихъ формъ, — но дѣло въ томъ только, что это—такъ и подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ старой манерѣ геній выбираетъ непремѣнно живую сторону, въ сюжетахъ, имѣющихъ авторитетъ, такой сюжетъ, который подѣйствительнѣе. Такъ и здѣсь, сюжетъ выбранный Брюловымъ имѣлъ большое преимущество предъ другими древними сценами: «несомнѣнную дѣйствительность, о которой свидѣтельствуютъ улицы «и памятники, сохранившіеся доселѣ въ такомъ совершенномъ видѣ, «какъ будто они представляются намъ сейчасъ же послѣ страшнаго «происшествія, или же нарочно были закупорены весьма тщательно, «чтобы передать отдаленному потомству вѣрнѣйшія свѣденія о язы«ческой образованности. — *Сюжетъ Помпеи соединялъ фантазіи «новой романтической школы со строгими этюдами почтеннаго «классицизма;* въ немъ можно было выказать себя и колористомъ «и рисовальщикомъ; *противоположность яркаго вулканическаго «пламени и блѣднаго свѣта молніи обѣщала новый, восхитительный эффектъ.*»

Иначе это и быть не можетъ. У геніальныхъ натуръ—созерцаніе не разорванное, а цѣльное: нося въ себѣ будущее они однако видятъ связь этого будущаго съ прошедшимъ: чувствуютъ, что послѣдній шагъ прошедшаго ведетъ къ настоящему, что этого шага миновать нельзя, но нельзя на немъ и остановиться. Слѣпой бунтъ противъ формъ не въ натурѣ творческой. Мѣрно, осторожно, сознательно идетъ впередъ геній — отъ Руслана и Людмилы — обработки единственнаго живаго, что онъ засталъ, единственнаго такого, въ чемъ, не оскорбляя старыхъ формъ, освященныхъ Аріостовымъ именемъ, можно выказать новые художественные эффекты, постепенно доходитъ до «Бориса Годунова», — отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», обработки опять-таки единственно живаго въ направленіи историческихъ романовъ, до «Мертвыхъ Душъ», отъ «Crociato» до «Роберта и Гугенотовъ», отъ «Гита-Андроника» до «Гамлета», геній только осмыслитъ послѣдній шагъ стараго,—выжметъ, такъ сказать, весь сокъ изъ стараго и покажетъ наглядно необходимость перехода къ новому, уловивши въ старыхъ формахъ совершенно новые

Digitized by Google

эффекты, послѣдніе, которые могутъ быть ими даны и которые связываютъ ихъ какъ звѣнья въ общую историческую цѣпь съ новыми формами. Дѣятельность метеоровъ прямо напротивъ начинаетъ съ слѣпаго разрушенія формъ, прямо съ «Кромвеля», прямо съ положенія «Le beau c'est le laid» — и какъ метеоръ исчезаетъ въ воздухѣ. «И память его погибе съ шумомъ», или, какъ говоритъ Горацій: Vis consili expers, mole ruit suâ.

«Въ восторгѣ отъ своего сюжета, Брюловъ смѣло приступилъ «къ дѣлу и вскорѣ готовъ былъ планъ композиціи. Но, по мѣрѣ «того, какъ дѣло подвигалось впередъ, щекотливость художника «и человѣка съ хорошимъ вкусомъ все болѣе и болѣе его безпокоила. «Онъ вполнѣ чувствовалъ, что сильные контрасты и кризисы хотя «и будутъ имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ у народа, но что люди утонченнаго вкуса упрекнутъ его за то, что оставляя центръ — сферу «настоящаго искусства, онъ бросился въ периферію—сферу діорамы «и декораціи, и между прочимъ за то, что въ цѣломъ нѣтъ единства. «Интересъ, возбуждаемый всеобщимъ бѣдствіемъ, представленнымъ «въ малыхъ размѣрахъ картины Мартена, — очень понятенъ; здѣсь «представляется только общій эффектъ происшествія, не стѣсняя «свободы зрителей создавать и угадывать подробности; но въ огромныхъ размѣрахъ картины Брюлова, надо было окупить недостатокъ «единства особеннымъ интересомъ множества отдѣльныхъ сценъ, «связанныхъ общею опасностію при засыпающемъ ихъ пеплѣ, и «слабою надеждою на спасеніе. Надо было подобрать разнообразные и трогательные эпизоды, понятные съ перваго взгляда; словомъ, надо было, какъ сказалъ Вальтеръ-Скоттъ, сдѣлать больше «чѣмъ картину: сдѣлать поэму, написанную кистью и не требующую «никакихъ объясненій. И, въ самомъ дѣлѣ, всякій пойметъ съ перваго раза эту длинную улицу, раздѣляющую всю картину на двѣ «различныя массы.... Мчащаяся колесница роняетъ на дорогѣ свои «обломки; ось сломалась и опрокинутый человѣкъ силится удержать «напуганныхъ лошадей, тутъ же молодая женщина, упавшая безъ «чувствъ на мостовую, и при ней прекрасный ребенокъ, вызывающій «глубокое чувство состраданія. Двое другихъ людей бѣгутъ въ «противную сторону, скрываясь подъ однимъ плащемъ отъ жгучаго «пепельнаго дождя; ихъ задерживаетъ испугъ дѣтей. Группа матери «и двухъ дочерей, стоящихъ на колѣнахъ и остолбенѣлыхъ отъ «страха, взята съ вырытыхъ въ Помпеѣ трехъ скелетовъ, найденныхъ именно въ позѣ, представленной на картинѣ. Христіанинъ, съ «кадиломъ и свѣточемъ, показанъ дѣятельнымъ и отважнымъ, между

Digitized by Google

«тѣмъ какъ лице жреца языческаго выражаетъ испугъ и недоумѣніе. «Группа на лѣстницѣ и въ дверяхъ дома содержитъ тонкія красоты: «изъ нихъ главная — молодая дѣвушка, въ изнеможеніи роняющая «сосудъ съ головы; рядомъ виденъ прекраснѣйшій этюдъ спины. «Скупой, собирающій въ эту минуту свое золото, можетъ быть, «нѣсколько утрированъ. Но живописецъ съ ящикомъ красокъ, за- «нятый необыкновеннымъ зрѣлищемъ, вѣрно представляетъ артиста. «На правой сторонѣ видна сцена сыновней любви: двое юношей «тащатъ стараго, безсильнаго отца; всѣ три лица поражаютъ и си- «лою рисунка, и смѣлостію колорита. Рядомъ съ ними Плиній Млад- «шій (описавшій изображенное Брюловымъ происшествіе) умоляетъ «изнемогающую мать сдѣлать еще послѣднее усиліе для своего спасенія. «Въ глазахъ и жестахъ матери читается желаніе видѣть спасеннымъ «сына и безпокойство о томъ, что она затрудняетъ его бѣгство.

«Нельзя не замѣтить стараніе Брюлова представить величіе «материнскаго самоотверженія. Старуха и юноша составляютъ, безъ «сомнѣнія, самую трогательную часть этого большаго произведенія, «столь богатаго выразительными эпизодами. Съ другой стороны, «должно сознаться, что группа новобрачныхъ есть неумѣстная при- «дѣлка; конь, взвившійся на дыбы подъ своимъ всадникомъ, вставленъ «только для равновѣсія линій въ правой и лѣвой группахъ; что «падающія статуи мало увеличиваютъ отчаянность положенія, а ме- «жду тѣмъ противорѣчатъ вкусу, и что, вообще, картина много бы «выиграла, если бы закрыть верхній правый уголъ и такимъ обра- «зомъ оставить то, что внушила главная идея, безъ тѣхъ принадле- «жностей, которыя должно счесть плодами утомленнаго духа худо- «жника.

«Въ самомъ дѣлѣ, для развлеченія и успокоенія себя послѣ «сильныхъ впечатлѣній главнаго сюжета, Брюловъ обращался къ «предметамъ болѣе граціознымъ, болѣе близкимъ его нѣжной и «сладострастной натурѣ. Въ одну изъ такихъ-то минутъ онъ напи- «салъ ту прелестную женщину, съ явными признаками беременности, «которая сидитъ у окошка, окруженнаго виноградомъ, подымаетъ «пальцами маленькую дѣтскую рубашонку и всматривается въ нее «съ выраженіемъ той любви, которая уже готовится для буду- «щаго ребенка. Въ этомъ восхитительномъ произведеніи Брюловъ «выразилъ всѣ прелести своего ума и сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ «показалъ свое знаніе моделировки и тонкое неподражаемое иску- «ство въ употребленіи полутоновъ. Это настоящая природа, только

Digitized by Google

«природа въ лучшемъ видѣ, украшенная искуснѣйшимъ направле-«емъ и отраженіемъ свѣта»

Какъ въ этомъ разборѣ одного изъ главныхъ произведеній Брюлова, въ тонкой оцѣнкѣ достоинствъ художника и въ тонкомъ же пониманіи недостатковъ, такъ и впослѣдствіи въ общемъ взглядѣ— авторъ является однимъ изъ рѣдкихъ знатоковъ искусства; но нельзя не видать, что такое глубокое пониманіе развито въ немъ Брюловымъ же. Геніальные таланты воспитываютъ себѣ судей и развиваютъ въ нихъ критическій тактъ.

«Сколько мнѣ извѣстно — продолжаетъ разсказывающій — ни «одинъ художникъ при жизни не пользовался такою славою, какъ «Брюловъ, когда онъ написалъ картину Помпеи.

Въ Италіи она произвела неимовѣрный энтузіазмъ. Во всѣхъ «городахъ, гдѣ только картина была выставлена, давали празднества «въ честь артиста, писали для него стихи, носили его по улицамъ «съ музыкой, букетами цвѣтовъ и факелами. Въ театрѣ la Scala вся «публика привѣтствовала его громкими восклицаніями. Вездѣ его при-«нимали и угощали такъ, какъ генія признаннаго, торжествующаго «и популярнаго.

«На выставкѣ въ Луврѣ. *Послѣдній день Помпеи* получилъ «одобреніе истинныхъ знатоковъ, но такъ-какъ въ Парижѣ во все «вмѣшивается политика и у французовъ мнѣніе общественное склоня-«лось въ это время на сторону Польши, то русскому, даже геніаль-«ному артисту, тамъ было не мѣсто; оттого французскіе журналы «отозвались о Брюловѣ слишкомъ строго и несправедливо.

«Съ тѣхъ поръ Брюловъ ненавидѣлъ Францію и французовъ....» За что вѣроятно, добавимъ мы, многіе винили великаго художника въ непомѣрной раздражительности самолюбія, тогда какъ тутъ больше участвовала раздражительность художническаго чувства: иначе какъ съ ненавистью, художникъ не могъ относиться къ странѣ и народу, у которыхъ политическія симпатіи или антипатіи входятъ въ оцѣнку произведеній искусства: если даже не политика, а вообще безвкусіе французовъ, народа самаго антипоэтическаго въ свѣтѣ, было причиною холоднаго пріема произведенія Брюлова, то и въ этомъ, по нашему мнѣнію, болѣе правдоподобномъ случаѣ, отвращеніе художника было совершенно основательно.

«Будучи тогда въ Петербургѣ,—говоритъ далѣе авторъ «Воспоминаній» — «я получилъ во множествѣ экземпляровъ итальян-«скую брошюру, написанную съ цѣлію показать и объяснить кра-«соты картины Брюлова. Я раздавалъ многимъ эту брошюру;

770964A

Digitized by Google

«томъ она была переведена на русскій языкъ и приготовила пуб-
«лику въ отечествѣ артиста къ достойному принятію великаго ху-
«дожественнаго произведенія.

«Въ 1835 г. я встрѣтилъ Брюлова въ Аѳинахъ. Онъ оставался
«здѣсь, покинувъ общество нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ,
«предпринявшихъ было составленіе живописнаго и ученаго сочи-
«ненія о Востокѣ, по приглашенію одного щедраго любителя наукъ
«и художествъ. Предпріятіе это, однако жъ, почему-то не приво-
«дилось въ исполненіе, а впослѣдствіи и совсѣмъ рушилось. Въ тоже
«время злокачественная желтая лихорадка сильно развилась въ Аѳи-
«нахъ и особенно свирѣпствовала между Баварцами, недавно при-
«бывшими съ королемъ Оттономъ, и еще не свыкшимися съ клима-
«томъ Греціи. Пришельцы умирали какъ мухи, и вскорѣ Брюловъ
«такъ-же едва не сдѣлался жертвою страшной эпидеміи. Въ это
«время обнаружилъ онъ черту характера, свидѣтельствовавшую, что
«ему не были чужды чувства признательности. На одрѣ болѣзни
«сдѣлалъ онъ духовное завѣщаніе, по которому, въ случаѣ смерти,
«предоставлялъ все свое имущество и всѣ произведенія отцу моему.
«Жестокая болѣзнь, однакоже, не отняла у искусства одного изъ
«лучшихъ его представителей. Брюловъ выдержалъ болѣзнь и сталъ
«медленно поправляться. Оставляя въ это время Грецію, я пригла-
«силъ его, выздоравливающаго, съ собою на бригъ Ѳемистоклъ, подъ
«командою капитана Корнилова отправлявшійся въ Константи-
«нополь, и вскорѣ мы вышли въ Архипелагъ. Время было прекрас-
«ное, тихое. Тиносъ, Паросъ и другіе очаровательные острова Архи-
«пелага приводили насъ въ восхищеніе. Воздухъ, море, небо, впе-
«чатлѣнія прекраснѣйшей природы, — все это соединилось вмѣстѣ,
«чтобъ вдохнуть въ нашего художника здоровье и хорошее располо-
«женіе духа. Брюловъ былъ необыкновенно оживленъ и веселъ во
«все время нашего путешествія. Здѣсь нарисовалъ онъ свой аква-
«рельный портретъ вмѣстѣ съ портретами моимъ, капитана и всѣхъ
«офицеровъ брига. Между тѣмъ плаваніе наше значительно замед-
«лилось въ Дарданеллахъ совершенно противнымъ вѣтромъ и про-
«тивнымъ теченіемъ. Множество судовъ всѣхъ націй неподвижно
«оставались въ проливѣ уже цѣлые одиннадцать дней, ожидая вѣтра
«попутнаго. Это обстоятельство послужило поводомъ къ проявленію
«новой замѣчательной черты геніальнаго художника: его проница-
«тельности. *Не имѣя никакого понятія о мореходномъ искусствѣ,*
«*но обладая огромной наблюдательностью, Брюловъ замѣтилъ,*
«*что въ томъ мѣстѣ Дарданеллъ, гдѣ проливъ дѣлаетъ ново-*

Digitized by Google

«рогъ, огибая берегъ — стремленіе воды, хотя и противное «намъ, самою быстротою своею образуетъ на нѣкоторомъ про«тяженіи обратное теченіе вблизи самаго берега. Кромѣ того «онъ замѣтилъ еще, что въ моментъ захожденія солнца, въ про«ливѣ водворяется, минутъ на пять, совершенное безвѣтріе. И «вотъ великому художнику пришло въ голову, что для выхода «за поворотъ пролива, на попутное теченіе, стоило бы только «нашему бригу попасть на эту узкую прибрежную полосу, «и пользуясь вечернимъ пятиминутнымъ штилемъ, добраться по «этой полосѣ до попутнаго стремленія. Замѣчаніе свое Брюловъ «сообщилъ капитану брига. Капитанъ согласился съ возможностью та«кого маневра, но въ тоже время не рѣшался привести его въ испол«неніе, основательно опасаясь неудачи, послѣдствіемъ которой былъ бы «стыдъ для русскаго экипажа передъ лицомъ многочисленныхъ ино«земныхъ свидѣтелей неудачной его попытки. Но Брюловъ настаи«валъ и не ослабѣвалъ въ своихъ убѣжденіяхъ и доказательствахъ «до тѣхъ поръ, пока не уговорилъ почтеннаго хозяина брига по«пробовать счастья. Бригъ тронулся по направленію къ берегу, и въ «тоже время сотни любопытныхъ глазъ и десятки зрительныхъ трубъ «устремились на насъ со всѣхъ судовъ, которые въ теченіе 11 дней «раздѣляли съ нами невольную неподвижность и бездѣйствіе. Оче«видно было, что никто не понималъ такого маневра и всѣ почи«тали его безразсудствомъ. Каково же было всеобщее изумленіе, «когда, попавъ на струю прибрежнаго стремленія, нашъ бригъ весьма «ловко проскользнулъ по ней до поворота пролива — и вышелъ на «болѣе широкое мѣсто, гдѣ уже могъ по немногу двигаться впередъ «съ помощію искуснаго лавированія.... Громкіе аплодисементы при«вѣтствовали насъ со всѣхъ кораблей,— и Брюловъ торжественно «принялъ на свой счетъ эту почесть, которой впрочемъ никто «у него и не оспоривалъ.... Тотъ же маневръ другимъ судамъ не «удался потому, что они пропустили пять минутъ штиля, составляв«шаго существенное условіе успѣха.

«Разсказанный случай доказываетъ въ Брюловѣ наблюдатель«ность и проницательность необыкновенныя, и эти качества въ «немъ тѣмъ были удивительнѣе, что принадлежали человѣку «далеко не высшаго образованія.»

Для насъ этотъ фактъ подтверждаетъ только ту мысль, что геній есть нѣчто всестороннее, что взглядъ геніальнаго человѣка дорогъ даже и тогда, когда не касается собственно ему принадлежащаго дѣла. Несомнѣнно для насъ также и то, что Брюловъ торжество-

Digitized by Google

валъ въ эту минуту быть можетъ болѣе, чѣмъ тогда, когда на рукахъ носили его въ Италіи за Помпею. Геніальные люди геніальны во всемъ, за что они возьмутся съ твердою увѣренностью; они сами сознаютъ это,—но въ этихъ случаяхъ, сознаніе ихъ нерѣдко переходитъ въ самолюбіе: увѣрены мы также, что основа этого самолюбія почти всегда справедлива, хотя проявленія не всегда такъ удачны, какъ въ разсказанномъ о Брюловѣ случаѣ. Но возвратимся къ «Воспоминаніямъ.»

«Плаваніе наше окончилось прибытіемъ въ Буюкъ-Дерѣ, гдѣ «мы и поселились. Я расположился не только въ одномъ домѣ, но «даже въ одной комнатѣ съ Брюловымъ. Въ это время, общество «въ Буюкъ-Дерѣ готовилось къ домашнему спектаклю; разъучивали «l'Ours et le Pacha. Брюловъ съ радостью принялся за декораціи «и такъ ревностно занялся ими, что даже не торопился осмотрѣть «Константинополь и дѣйствительно не видалъ его до тѣхъ поръ, «пока не раздѣлался съ декораціями.—Одно изъ этихъ случайныхъ «и торопливыхъ произведеній кисти великаго художника можетъ на«зваться торжествомъ (chef-d'œuvre) декораціоннаго искусства, и до «сихъ поръ сохраняется въ домѣ Австрійскаго посольства, гдѣ въ то «время былъ устроенъ театръ.»

«Послѣ декорацій—Брюловъ принялся за изученіе Константи«нополя, въ которомъ все приводило его въ восхищеніе; въ особен«ности гречанки и армянки останавливали на себѣ вниманіе. По «цѣлымъ днямъ Брюловъ не оставлялъ Константинопольскихъ улицъ «и базаровъ и только поздними вечерами возвращался въ нашу об«щую комнату. Тутъ онъ обыкновенно, ложась въ постель, бралъ «какую-нибудь книгу, но рѣдко читалъ ее, а по большей части «принимался болтать о томъ, о семъ, *прихотливо переходя отъ «великаго до пошлаго, но во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ остава«лась оригинальнымъ. Часто, говоря о религіи, Брюловъ выказывался «пламеннѣйшимъ христіаниномъ, восторгался отъ идеи Откровеніи, и потомъ вдругъ начиналъ разсуждать о самыхъ грязныхъ «сценахъ уличной жизни Константинополя.*»

Жалѣемъ, что авторъ не сберегъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», хотя отрывковъ изъ этихъ вѣроятно глубокихъ бесѣдъ и интересныхъ наблюденій.—Но за то, онъ сохранилъ слѣдующій любопытный—и въ жизни художниковъ—нерѣдкій фактъ:

«По временамъ въ это время иногда читалъ онъ Карамзина, и «послѣдствіями этого чтенія были сначала многочисленныя разсуж«денія о возможности существованія русской національной живописи,

Digitized by Google

«потомъ первая идея будущей картины *Осада Пскова*. Идея этой картины создалась въ его фантазіи мгновенно, вдругъ, и во всей полнотѣ; «въ Буюкъ-Дерѣ разсказывалъ онъ мнѣ всѣ подробности и даже «дѣлалъ эскизы картины, и если бы въ это время принялся онъ писать ее,—то картина вышла бы изъ рукъ его, какъ нѣкогда Минерва изъ головы Юпитера: въ полномъ величіи. Но впослѣдствіи «онъ подвергнулъ первоначальную мысль свою многочисленнымъ «измѣненіямъ, и потому-то, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, посѣтилъ «я его петербургскую мастерскую,—онъ показалъ мнѣ *осаду Пскова* не иначе, какъ послѣ предварительныхъ и какъ бы извинительныхъ предисловій и объясненій, будто заранѣе боясь, что я «не узнаю въ его произведеніи той идеи, зарожденія которой я былъ «свидѣтелемъ еще въ Буюкъ-Дере.»

Припомнимъ въ подтвержденіе факта, что Пушкинъ разсказывалъ своимъ друзьямъ о созданной имъ во время прогулки сценѣ между Самозванцемъ и Мариною, но не думаемъ, чтобы въ разсказываемомъ случаѣ измѣна художника своей первоначальной идеи произошла только отъ того, что онъ принялся работать не въ то мгновеніе, въ которое идея его посѣтила. Авторъ «Воспоминаній» справедливо замѣчаетъ, что явленіе это довольно обыкновенно, если *идея* посѣщаетъ художника прежде чѣмъ онъ изучилъ подробности — и въ этомъ случаѣ *подробности* будутъ мѣшать развитію *идеи*, — но бываетъ еще и то, что колоссальная идея не выполнима, потому что сама-по-себѣ еще смутна, что представляетъ аггрегатъ, изъ котораго выйдетъ нѣсколько идей, менѣе колоссальныхъ, но за то болѣе опредѣленныхъ и выполнимыхъ. Смутное лирическое чувство не есть еще ясная идея художника, отчетливая, стройная, отдѣленная отъ всѣхъ другихъ.

«Зиму провели мы въ другомъ Константинопольскомъ предмѣстіи, въ Перѣ, живя по прежнему въ одной общей комнатѣ. Здѣсь «Брюловъ видимо скучалъ и тяготился посреди оффиціальнаго дипломатическаго міра; не рѣдко искалъ онъ развлеченія въ шумныхъ «удовольствіяхъ, и возвращался домой въ искусственно-развеселенномъ расположеніи духа. Въ такомъ состояніи, Брюловъ никогда «не былъ въ самомъ дѣлѣ *веселъ*, какъ другіе; напротивъ того, онъ «дѣлался строптивъ, угрюмъ и непріятенъ въ обществѣ.

«Вскорѣ пришелъ изъ Россіи вызовъ Брюлова въ Петербургъ, «въ званіе профессора Академіи.

«Лестное это назначеніе не вполнѣ однакожь его обрадовало— «честолюбіе его было, конечно, удовлетворено,—но, въ то же время,

Digitized by Google

«онъ боялся, что профессорскія обязанности будутъ стѣснительны «для свободы его творчества; тѣмъ не менѣе—вскорѣ мы проводили «его въ Одессу.

«Послѣ того, я совершенно потерялъ его изъ вида,—и только «черезъ нѣсколько лѣтъ, и то на самое короткое время, видѣлъ я «великаго художника и его мастерскую, въ Петербургѣ, какъ уже «и говорено мною выше —Но воспоминанія о Брюловѣ никогда не «изгладятся изъ моей памяти, и драгоцѣннымъ залогомъ ихъ до «сихъ поръ остается у меня около 30 превосходныхъ его рисун«ковъ, сдѣланныхъ имъ еще въ Гротта-Феррата, въ цвѣтущую эпоху «его развитія.—Любопытенъ способъ,—присовокупляетъ авторъ въ «выноскѣ,—которымъ знакомые Брюлова пріобрѣтали его рисунки. «Сдѣлайте мнѣ то-то или это—обыкновенно говаривалъ Брюловъ, «обращаясь къ кому-нибудь съ просьбою,—а я вамъ за это нарисую «что-нибудь въ альбомъ. Разумѣется, что за такую плату всякій «старался дѣлать для художника все, что ему было угодно.»

Этимъ оканчиваются собственно «Воспоминанія» о Брюловѣ. Далѣе слѣдуетъ взглядъ автора на развитіе таланта Брюлова, на его достоинства и недостатки—взглядъ, какъ сказали уже мы, показывающій въ авторѣ «Воспоминаній» рѣдкаго знатока изящнаго, воспитаннаго при томъ Брюловымъ же — и за тѣмъ взглядъ автора на возможность русскаго національнаго искусства, взглядъ, котораго основы, вѣроятно, родились тоже подъ вліяніемъ бесѣдъ въ Буюкъ-Дере. Не имѣя права выписывать всего, отсылаемъ читателей къ самой статьѣ, за которую усердно благодаримъ автора. Что еслибы поболѣе являлось такихъ «воспоминаній» о лицахъ, дорогихъ нашему народному сознанію!

Въ заключеніе скажемъ объ альманахѣ, что изданіе его отличается изящною простотою, и что часть выручаемой за него суммы назначается въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

АП. ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

ЖУРНАЛИСТИКА.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ ОТНОШЕНІИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ КЪ ИСКУССТВУ.

Нашъ взглядъ на каждый журналъ въ отдѣльности, на общее направленіе дѣятельности, на общія достоинства и недостатки каждаго, выражался довольно часто и довольно ясно, иногда даже съ нѣкоторою рѣзкостью, понятною впрочемъ, какъ мы имѣли удовольствіе замѣтить, — даже многимъ изъ нашихъ противниковъ, разумѣется тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ литература вообще стоитъ выше ихъ личныхъ симпатій и антипатій къ тому или другому направленію. Кромѣ того, множество общаго во всѣхъ другихъ журналахъ, общаго, высказывающагося иногда очень ясно, не смотря на видимыя, и повидимому даже враждебныя различія между ними, такого общаго, которое всѣ различныя ихъ направленія отталкиваетъ одинаково отъ какого-либо изъ нашихъ положеній и заставляетъ высказываться враждебно съ бо̀льшею или меньшею энергіею, съ бо̀льшею или меньшею откровенностью, съ бо̀льшею или меньшею послѣдовательностью,—это общее, несомнѣнно существующее, убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ сущности мы имѣемъ дѣло только съ однимъ и притомъ безличнымъ антагонистомъ, котораго положенія, разсѣянныя по разнымъ статьямъ журналовъ, приводятся всѣ къ одному знаменателю, какъ приводятся къ одному же знаменателю и наши. Когда можно вести честную полемическую борьбу съ положеніями, т.-е. когда положенія выходятъ на борьбу ясно обозначенныя, — тогда скучно толковать о томъ, что такая-то книжка такого-то журнала бѣдна содержаніемъ, и между тѣмъ вяло передавать это самое бѣдное содержаніе. Необходимость говорить о такомъ скудномъ содержаніи вводитъ часто въ другую еще болѣе печальную необходимость — толковать какъ будто о дѣлѣ, о томъ, что̀ въ сущности есть или невинное литературное бездѣлье, надъ которымъ слегка только можно посмѣяться въ назиданіе публики, а не авторовъ, вѣроятно увѣренныхъ въ важномъ значеніи подоб-

Digitized by Google

наго бездѣлья, — или то, что подходитъ подъ пословицу: «на безрыбьѣ и ракъ рыба», и что со стороны серьезной критики должно быть обходимо краснорѣчивымъ молчаніемъ, — потому что толки придаютъ этому безрыбью совершенно незаслуженную значительность. Пусть же эту значительность придаетъ имъ другая критика, а не наша: мы остановимся съ любовію надъ какою-нибудь небольшою поэмою, мы внимательно прослѣдимъ произведеніе, въ которомъ, не смотря на художественную слабость, выразится мысль, или новая или даже и запоздалая, но еще живущая и стало быть подлежащая изслѣдованію; мы посвятимъ нѣсколько страницъ какому-либо очерку, нарисованному настоящимъ, призваннымъ художникомъ — и пустимъ въ ходъ реторическую фигуру умолчанія или другую, въ реторикахъ еще не обозначенную фигуру сухаго упоминанія въ отношеніи къ иному тяжеловѣсному роману, растянувшемуся на нѣсколько книжекъ журнала, въ отношеніи къ какому-либо этюду, отличающемуся въ глазахъ знатоковъ и спеціалистовъ великосвѣтскости и тонкости качествами необыкновенной великосвѣтскости и изящнѣйшей тонкости. Однимъ словомъ, мы хотимъ бесѣдовать съ мыслителями о мысляхъ, съ художниками о художествѣ. Задача очень гордая! подумаютъ вѣроятно многіе. — Но болѣе или менѣе мы ее до сихъ поръ исполняли, скажемъ мы въ видѣ предупредительнаго отвѣта, исполняли такъ, что добросовѣстнѣйшіе изъ дѣятелей литературныхъ, не раздѣляющихъ нашихъ мнѣній, должны были сознаться: одни (Соврем. Іюль. Замѣтки Нов. поэта, стран. 119)—что: «если съ критикой молодой редакціи «Москвитянина», выражающейся всегда нѣсколько хитро, заносчиво и «кудревато, и не соглашаешься очень во многомъ, но всегда видишь «въ ней стремленіе къ истинѣ, любовь и уваженіе къ искусству, и «что хотя въ этой критикѣ и проскакиваютъ иногда небольшія «предубѣжденія къ лицамъ ей подсудимымъ, но вообще для нея «искусство выше всѣхъ личныхъ воззрѣній и отношеній»; — другіе (Отеч. Записки Май, Журналист. стр. 54), упрекая насъ, что мы не кончаемъ иногда начатыхъ статей, сознаются въ томъ, что начала этихъ статей обнимаютъ литературный горизонтъ очень обширный, что вопросы задаваемые нами не менѣе широки; третьи, какъ-то г. Дружининъ, съ своихъ точекъ зрѣнія, почти окончательно сходятся съ нами въ результатахъ. И между тѣмъ, мы намѣрены начать наше обозрѣніе совершенно полемически: «Есть тому дѣлу причина!» какъ говоритъ Митя въ «Бѣдность не порокъ.» Причина заключается въ томъ, что какъ въ полемикѣ, открывшейся противъ

Digitized by Google

насъ за начало статей о комедіяхъ Островскаго, такъ и въ другихъ появлявшихся въ это время статьяхъ, по поводу въ особенности Пушкина и Гоголя, обнаружились слишкомъ ясно больныя мѣста той критики, которую мы, не во гнѣвъ ей будь сказано, не перестаемъ называть одряхлѣвшею, обнаружились даже многія изъ свойствъ болѣзни нашего безличнаго антагониста.

Прежде всего займемся нашимъ дѣломъ: — дадимъ прямой и ясный отвѣтъ на упреки, которымъ мы подверглись. Полемика выразилась въ двухъ главныхъ журналахъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ», выразилась въ томъ и другомъ, сообразно съ характеромъ каждаго. Полемика Записокъ прямая: ей, «невольно и самъ-собою представляется вопросъ: почему Пушкинъ, «у котораго инстинкту народному мы всѣ удивляемся, вывелъ въ «своей драмѣ въ *сценахъ любви*, лица не русскія, по крайней мѣрѣ «лица, воспитанныя внѣ Россіи? Всѣ остальныя величавыя лица не«прикосновенны къ этому дѣлу.» (Отеч. Записки Май, Журн. стр. 61.) Далѣе рецензентъ продолжаетъ: «Такой поступокъ нашего поэта «возлагаетъ, какъ первую обязанность, на критика разсмотрѣть ста«ринныя наши семейныя отношенія, на сколько они могутъ быть «сюжетомъ повѣсти или драмы. Вотъ въ этомъ-то случаѣ мы и по«просили бы г. Григорьева обратить особенное вниманіе на «Домо«строй», какъ на памятникъ весьма важный для рѣшенія этого ли«тературнаго вопроса. Пусть бы авторъ, на основаніи правилъ, из«ложенныхъ для семейной жизни въ «Домостроѣ», опредѣлилъ, на «сколько они допускаютъ возможность той *интриги*, которая сдѣла«лась главнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ повѣстей, романовъ и «драмъ съ XVIII столѣтія до настоящаго времени включительно. «*Если окажутся противорѣчія между правилами Домостроя и «завязкою всѣхъ нашихъ повѣстей и романовъ, тогда самъ собою «представится вопросъ: чѣмъ мы должны въ нынѣшнее время «жертвовать — правилами «Домостроя» или принесенною съ «Запада постройкою литературныхъ произведеній?*»

Основное начало полемики выражено такъ прямо и ясно, что прямѣй и яснѣй кажется и нельзя выразить; болѣе еще: не смотря на то, что возраженіе, съ нашей точки зрѣнія — совсѣмъ нелѣпо, — оно высказано необыкновенно честно. Статья наша, какъ и многія другія, которыя пишутся подъ вліяніемъ горячаго и правдиваго убѣжденія, представляла всѣ удобства къ гаерскимъ противъ нея выходкамъ — и никакой такой выходки не сдѣлано. Не осмѣлно то, что мы по поводу комедій Островскаго подняли лѣтописи, Посош-

Digitized by Google

кова и проч., — не осмѣяно то, что мы приняли на себя, въ началѣ ея, тонъ слишкомъ рѣшительный (тонъ, надобно замѣтить, совершенно невольный и вызванный безнарядицею критики) и т. п. Дѣло, свидѣтельствуемъ съ удовольствіемъ, начато честно. Дай Богъ намъ въ статьяхъ нашихъ поспорить порядкомъ о такомъ важномъ вопросѣ и побѣдить въ нашихъ противникахъ ихъ нерасположеніе къ старому русскому быту, или, лучше сказать, вообще къ нашей исторической народности. Для этого надобно показать конечно, что идеалы русскаго быта заключаются не въ одномъ Домостроѣ, что *интриги* въ смыслѣ XVIII столѣтія можно отыскать въ самомъ Домостроѣ (вспомните женокъ торговыхъ и т. п.), но что Домострой смотритъ только на эти интриги съ иной точки зрѣнія чѣмъ XVIII вѣкъ, и очерчиваетъ ихъ сурово-комически. Сами антагонисты наши знаютъ, что много нужно тутъ показать такого, о чемъ доселѣ говорилось очень мало, что съ нашей стороны возможенъ будетъ только посильный трудъ, что заслуга нашихъ соображеній и нашего труда будетъ заключаться въ томъ, чтобы навести на другіе труды и на другія соображенія: сами они понимаютъ вѣроятно, что даже и посильныя соображенія могутъ быть сообщаемы въ этомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ заключенія о современномъ. А вопросъ, чѣмъ должно будетъ пожертвовать: правилами ли Домостроя, который между прочимъ и не одинъ памятникъ, увѣковѣчившій идеалы русскаго семейнаго воззрѣнія, а трудъ человѣка весьма почтеннаго, но нѣсколько односторонняго, — или завязкою всѣхъ новѣйшихъ повѣстей и романовъ, завязкою, которая порядочно уже опошлилась, — этотъ вопросъ рѣшатъ не споры наши, а искусство — и оно уже рѣшаетъ его, все-таки больше въ пользу, положимъ и односторонняго нѣсколько, Домостроя, какъ сочнаго и крѣпкаго продукта жизни, чѣмъ въ пользу тепличныхъ завязокъ, уже и теперь оказавшихся несостоятельными. Статья Отеч. Записокъ состоитъ преимущественно изъ различныхъ желаній, — между прочимъ она высказываетъ желаніе, чтобы мы *опредѣлили народность*. Неправда ли, что это — желаніе весьма скромное? На него можно отвѣтить только положеніемъ одного знаменитаго юриста, что: Definitio periculosa est. Опредѣленіе вообще должно только дать почувствовать всѣмъ изложеніемъ дѣла. Не споримъ, что опредѣлить народность съ отрицательной точки зрѣнія, какъ дѣлывали Отеч. Зап., легко,—но попробуй-ка они сами подвести подъ схему все многообразіе свойствъ такой народности, какова наша славянская? На-сколько пряма и послѣдовательна полемическая статья «Запи-

Digitized by Google

сокъ», на столько же неопредѣленна и смутна статья въ замѣткахъ Новаго Поэта Современника за Іюль. Это—статья то увѣщательная, то извинительная, то насмѣшливая, но во всякомъ случаѣ не прямая. На сколько статья «Записокъ» поняла въ чемъ дѣло, и толкуетъ о *дѣлѣ*, на столько же статья Современника обходитъ настоящее *дѣло*, вертится около положеній нашей статьи, выхватываетъ мысли изъ нея на удачу, оправдывается или старается кольнуть — безъ малѣйшаго отношенія къ *дѣлу*. По этому самому, отвѣчать на статью «Записокъ» надобно самымъ *дѣломъ*, т.-е. продолженіемъ начатой нами статьи: статью же Современника надобно прослѣдить, чтобы уловить въ ней какія-либо положенія. Обѣ статьи впрочемъ сходятся въ одномъ, въ обвиненіи насъ за великолѣпныя начинанія. Въ Современникѣ, обвиненіе это выражено особенно замысловато.

«Москвитянинъ», такъ начинаетъ Новый Поэтъ, — «какъ было «уже не разъ говорено въ нашихъ журналахъ, находится подъ «вліяніемъ двухъ редакцій — *старой* и *молодой* — и потому, «вѣроятно, онъ не имѣетъ того единства, той цѣльности, того «опредѣленнаго колорита, которые невольно отыскиваетъ читатель «въ каждомъ періодическомъ изданіи... »

Позвольте остановить васъ на минуту, Новый Поэтъ, и спросить васъ, какія существенныя различія находите вы между *старой* и *новой* редакціей Москвитянина? Вѣроятно отвѣта вы не дадите, потому что и здѣсь, какъ и въ дѣятельности Островскаго. новое слово есть только старое слово. Нечего говорить уже о томъ, что въ требованіи единства и колорита отъ журнала Современникомъ, въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливали, — въ которомъ сегодня скажетъ дѣльное слово г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ тьму безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей, что въ этомъ требованіи для всякаго мыслящаго читателя заключается много комическаго. Но продолжаемъ выписку:

«Въ Москвитянинѣ, иногда старая редакція явно преобладаетъ «надъ молодою, иногда молодая беретъ верхъ надъ старою, и все «это совершается какъ будто бы случайно, безъ всякой борьбы» (NB. Да вѣдь борьба для мыслящаго человѣка возможна только при различіи принциповъ съ другимъ мыслящимъ человѣкомъ) «явится «нѣсколько книжекъ, похожихъ болѣе на сборникъ, чѣмъ на журналъ, и послѣ этихъ книжекъ съ историческими матеріалами (болѣе «или менѣе интересными и довольно впрочемъ рѣдкими въ послѣднее «время), съ историческими афоризмами, съ различными краткими

Digitized by Google

«отрывистыми и всегда очень оригинальными отмѣтками и замѣт-
«ками старой редакціи, напоминающими прежній «Москвитянинъ»,
«вдругъ выйдетъ нѣсколько номеровъ, имѣющихъ болѣе журналь-
«ный характеръ, съ критическими статьями, въ которыхъ молодая
«редакція желаетъ высказывать свои теоріи и взгляды на искусство...
«Но къ сожалѣнію любопытствующихъ поближе познакомиться съ
«этими взглядами и теоріями, критическія статьи молодой редакціи
«обыкновенно прерываются или на половинѣ или на самомъ началѣ
«—и такъ и остаются неоконченными. Задуманныя всегда, (судя по
«началамъ) широко, глубоко и добросовѣстно, они имѣютъ видъ
«тѣхъ огромныхъ и хитрозадуманныхъ зданій, которыя такъ же при-
«хотливо начаты какъ и брошены, и съ безчисленными полусгнив-
«шими и почернѣвшими лѣсами, представляютъ печальный видъ без-
«полезно пропавшаго труда и безполезно погибшихъ матеріаловъ...
«Смотря на эти громадные лѣса, на эти груды кирпичей, думаешь:
«а можетъ быть вѣдь изъ этого что-нибудь и вышло бы! и въ
«то же время досадуешь, что полусгнившіе лѣса и обвалившіеся
«кирпичи—ничего недоказавшіе, занимаютъ безъ толку пространство,
«изъ котораго можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, ко-
«торое не пропадало бы даромъ. Что намъ за дѣло до того, если
«обломки недоконченнаго зданія намекаютъ на талантъ, вкусъ и до-
«бросовѣстность архитектора? Что намъ за дѣло до того, что онъ
«что-то хотѣлъ сказать этимъ зданіемъ? *Мысль въ зачатіи, какъ*
«*бы она ни казалась широка и глубока, ровно ничего не значитъ*
«*въ сравненіи съ самой обыкновенной, вседневной мыслію развитой*
«*и окончательно высказанной.*»

Сказано складно и сравненіе блестящее — да вѣрно ли оно? спросимъ мы г. Новаго Поэта. Продолжая употребленное имъ сравненіе, скажемъ, что архитектору могутъ помѣшать достроить зданіе недостатокъ кирпича и камня, постоянно ненастная погода и другія обстоятельства отъ него независящія. Оставляя же въ сторонѣ сравненіе блестящее, но неудачное, скажемъ мы, что мысль надобно сообщать даже въ ея зачатіи, если нѣтъ средствъ высказать ее въ конченной формѣ: мысль — дѣло живое, т.-е. мысль, чувствуемая всѣмъ существомъ человѣка, понимаемая всѣмъ горячимъ убѣжденіемъ души: когда она такъ понимается, она высказывается сама, не заботясь о томъ, высказавшій впервые или другой кто-нибудь достроитъ ея умственное зданіе: мысль вѣритъ только въ то, что зданіе ея достроится непремѣнно... Но это идеальная сторона вопроса. Да позволено будетъ намъ спросить г. Новаго Поэта, какія статьи

Digitized by Google

нами недокончены, кромѣ начатой статьи объ Островскомъ, о прекращеніи которой онъ не имѣетъ никакого права умозаключать, и отрывка изъ сочиненія о пѣснахъ, отрывка, который самъ по себѣ оконченъ — а не кончено и едвали скоро кончится все сочиненіе, но вѣдь оно, какъ понимаетъ вѣроятно самъ г. Новый Поэтъ, есть одно изъ дѣлъ цѣлой жизни. Упрекаютъ автора этихъ статей Отеч. Записки въ неоконченныхъ взглядахъ на Гёте и на нѣмецкую литературу, но взгляды эти вызваны были поводомъ, и другимъ поводомъ вызовется вѣроятно ихъ продолженіе и разъясненіе. Дѣло, кажется, очень простое. Всякое слово, новое ли, старое ли, высказывается постепенно, разъясняется въ борьбѣ съ противорѣчіями, — если оно только живое, а не мертвое, книжное, которое легко и удобно ложится въ узкія схемы. Вѣроятно не сочтутъ въ насъ за самолюбіе, а примутъ только за крѣпкую вѣру въ наше направленіе — если мы скажемъ, что вызывай насъ почаще полемика ли, литературныя ли явленія, на вопросы, которые дѣйствительно заслуживаютъ названіе вопросовъ, отвѣтовъ за нами не заждутся.

Но, чѣмъ мы заслужили отъ г. Новаго Поэта слѣдующее поученіе — рѣшительно недоумѣваемъ.

«Но если, — продолжаетъ онъ, — архитекторъ недоконченнаго «зданія, неуспѣвшій еще — при всемъ своемъ усиліи — ясно, опре«дѣленно и окончательно высказать своей мысли, взявшійся за ка«кой-нибудь колоссальный трудъ и даже еще неокончившій фунда«ментъ для своего труда, — *будетъ отзываться съ презритель«ной гордостью объ оконченныхъ трудахъ своихъ предшествен«никовъ, которые добывали мысль въ потъ и крови и высказывали «ее съ увлеченіемъ, съ добросовѣстною горячностью, впадая иногда «въ неизбѣжные для человѣка промахи и ошибки*, — тогда можно «и даже должно остановить такого заносчиваго архитектора и спро«сить его... ты такъ строгій къ своимъ предшественникамъ къ «людямъ, *подготовлявшимъ можетъ быть тебя самаго*, — что «же сдѣлалъ ты самъ, сказалъ ли ты хоть что-нибудь новое послѣ «нихъ?.. Во имя чего же твоя надмѣнность, твое презрѣніе къ тѣмъ «благороднымъ труженикамъ мысли, которые, не смотря на свои «ошибки и заблужденія, сдѣлали хоть что-нибудь? Труды ихъ пе«редъ нашими глазами... Они высказали намъ все, что могли и умѣли «высказать, а ты, все *усиливающійся что-то сказать* и *въ те«ченіи нѣсколькихъ лѣтъ остающійся при этомъ усиліи* — имѣешь «ли ты право бросать камень въ твоего собрата, въ твоего ближ«няго, уже совершившаго свое дѣло и окончившаго свое поприще?..»

Digitized by Google

Все это очень трогательно, и мы вполнѣ понимаемъ тотъ нравственный процессъ, посредствомъ котораго г. Новый Поэтъ, который доселѣ «шутилъ, весь вѣкъ шутилъ», — писавши эту краснорѣчивую діатрибу, самъ неприметно для себя возвышался до своего лирическаго настройства, и весьма искренно причислилъ и самого себя къ благороднымъ труженикамъ мысли, добывавшимъ мысль въ потѣ и крови, разсердился на насъ внезапно и въ порывѣ благороднаго негодованія обратился къ намъ съ упрекомъ, который точно былъ бы язвителенъ, еслибы къ намъ сколько-нибудь относился! Но дѣло въ томъ только, что стрѣла пронеслась мимо. Слово нашего направленія есть уваженіе къ преданію, уваженіе ко всему до насъ сдѣланному, даже если смѣемъ такъ выразиться,—возстановленіе связи между нашимъ временемъ и прошедшимъ, связи, на время легкомысленно нѣкоторыми разорванной. Вотъ съ этимъ-то разрывомъ и съ его представителями мы и боремся. Sapienti sat. Въ самой дѣятельности недавнихъ предшественниковъ мы отличали всегда и съумѣемъ отличить благородныя усилія отъ вредныхъ и фальшивыхъ увлеченій: за первыя — поклонъ до лица земли, — за вторыя — раздѣлка неминуемая, историческая, т.-е. исторіей, временемъ, а не нами совершаемая. Дѣло опять кажется очень ясное. Когда направленіе, возстановляющее связь съ преданіемъ, столкнется съ направленіемъ, вышедшихъ изъ началъ противуположныхъ — то неужели же оно, изъ какого-то фальшиваго благородства, должно кадить ему? Но вѣдь кадя ему, оно оскорбитъ историческое преданіе! Можно признавать, что такой-то человѣкъ такого-то направленія былъ одаренъ натурой могучей, волканической, словомъ живымъ и любовью къ правдѣ, — но если онъ былъ мало грамотенъ, то нельзя же этого не сказать, если онъ впадалъ въ безпрестанныя противорѣчія, нельзя же ихъ признавать за непреложныя истины, если крайности, въ которыя впадалъ онъ, имѣютъ доселѣ вредное вліяніе на литературу, нельзя же не относиться къ нимъ враждебно. Стало быть и діатриба Новаго Поэта пронеслась мимо насъ, какъ паче всего уважающихъ преданіе и уважающихъ все *честное* въ трудѣ своихъ предшественниковъ, близкихъ и дальнихъ.

«Съ такою же рѣчью можемъ мы обратиться», — продолжаетъ г. Новый Поэтъ — «и къ критику «молодой редакціи», г-ну Гри-«горьеву, который такъ гордо и презрительно относится о критикѣ «1838—1846 годовъ и никогда не упускаетъ случая уязвлять ее «при всякомъ удобномъ случаѣ...»

Опять таки «есть тому дѣлу причина!» Судьбы нашей кри-

Digitized by Google

тики какъ отъ 1838 до 1846, такъ и отъ 1828 до 1838 довольно хорошо извѣстны критику молодой редакціи, и онъ познакомился съ той и другою въ такія лѣта, когда душа воспринимаетъ живѣе всѣ впечатлѣнія, и стало быть знакомъ съ ней по опытамъ сердца, видѣлъ хорошія и дурныя стороны ея вліянія какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ. Вѣнчанія и развѣнчанія кумирчиковъ, скачки отъ статьи, напримѣръ, о Бородинской годовщинѣ къ статьѣ о Парижскихъ Тайнахъ Сю, отъ восторженныхъ гимновъ народности въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Молвы, этомъ прекрасномъ памятникѣ блестящаго таланта, хотя и тогда уже впадавшаго въ крайности по недостатку грамотности,—къ сатурналіямъ въ родѣ статей о Сказаніяхъ Русскаго народа, изд. г. Сахаровымъ, статей о Голиковѣ и Кошихинѣ,—отъ правдивой оцѣнки великаго таланта Гоголя къ вакханаліямъ по поводу его Переписки — вакханаліямъ, которымъ критикъ молодой редакціи причастенъ не былъ, чѣмъ онъ и гордится, отъ перчатки брошенной критикою Телескопа за «Бориса Годунова», принятаго холодно безграмотною критикою, до новыхъ, оправданій этой безграмотной критики, оправданій, появившихся въ статьяхъ о Пушкинѣ въ нынѣшней книжкѣ Современника, въ которой г. Новый Поэтъ громитъ насъ своими діатрибами, — всѣ эти скачки, показывающіе шаткость, безнарядицу критики, совершались на глазахъ критика молодой редакціи, проходили болѣе или менѣе по его сердцу. Раздѣляя когда-то многое съ критикой, на которую онъ теперь вооружается, онъ не могъ никогда раздѣлять ни сатурналій на счетъ народности, ни увѣнчанія кумирчиковъ гг. Д. Н. и т. д., ни вакханалій по поводу Переписки съ друзьями, какъ достаточно было засвидѣтельствовано статьею его въ Московскомъ Городскомъ листкѣ, удостоившеюся того же глумленія какъ и книга Гоголя. Вотъ почему критикъ молодой редакціи не упускаетъ никогда удобнаго случая говорить о критикѣ 1838—1846 годовъ, и вотъ почему онъ считаетъ себя въ правѣ говорить о ней, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не думалъ говорить о ней гордо и презрительно. Errare humanum est — и отрицая заблужденія, должно видѣть въ заблуждающемся еще другую сторону, кромѣ заблужденій.

Все это, хотя и не съ такою рѣзкостью, обозначено было въ нашей статьѣ. Но Новый Поэтъ принялъ такой маневръ, чтобы всѣ упреки наши взвалить на одну «Библіотеку для чтенія»—отстаивая статьи о Пушкинѣ, въ которыхъ казнилась безъ милосердія вся русская литература до Пушкина и отъ его Татьяны дѣлались весьма странныя требованія; забывая исчисленныя нами сатурналіи и под-

Digitized by Google

держивая справедливость вакханалій по поводу книги Гоголя. Гоголю, изволите видѣть, критика высказала тогда много горькихъ истинъ. Бѣдная критика—ея заблужденія продолжаются еще до сихъ поръ, и ей до сихъ поръ непонятно, что болѣзненный процессъ, великій нравственный переломъ, совершавшійся въ такой натурѣ, какова была натура Н. В. Гоголя, долженъ былъ расширить его кругозоръ. Пусть же наконецъ убѣдится она въ этомъ, читая отрывки второй части «Мертвыхъ душъ», увидѣвшіе наконецъ свѣтъ Божій, отрывки, свидѣтельствующіе о томъ, чего требовалъ отъ себя великій художникъ и великій общественный человѣкъ: отрывки, которыми при томъ еще самъ художникъ не былъ доволенъ — не былъ доволенъ, значитъ, хотѣлъ совершеннѣйшаго! Пусть же она устыдится своихъ обвиненій Гоголя въ неискренности, своихъ подходовъ подъ его личность, читая «Авторскую исповѣдь!» Но объ отношеніяхъ современной критики къ Гоголю и Пушкину рѣчь еще впереди. Пока займемся нашимъ собственнымъ дѣломъ.

«Положимъ, что эта критика—продолжаетъ г. Новый Поэтъ—(имѣвшая, нельзя не замѣтить, вліяніе довольно сильное) заблуждалась, впадала въ промахи, — (какая же критика не впадаетъ въ промахи?), но она сдѣлала что-нибудь, она высказала свою мысль «какъ могла... труды ея не совсѣмъ еще забыты....»

Такъ мало еще забыты — добавимъ мы отъ себя, что доселѣ еще критика теперешняя продолжаетъ ихъ, въ какомъ-то лѣнивомъ полуснѣ. И такъ много она сдѣлала, и такъ высказала свою мысль, что отъ терній этой мысли долго еще не расчистишь поля литературы. Зачѣмъ говорить голословно? Прослѣдимъ вкратцѣ всю исторію той критики, за которую ратуетъ г. Новый Поэтъ.

Начало ея въ «Молвѣ», издававшейся при Телескопѣ, временное пристанище въ Московскомъ Наблюдателѣ, завершеніе въ Отечественныхъ Запискахъ. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» впервые раздался ея голосъ, впервые брошены сѣмена того хорошаго и того дурнаго, что̀ принесла она съ собою въ жизнь. Хорошее заключалось въ твердости эстетическихъ положеній, въ мысли о томъ, что художество должно мѣрять условіями художества, въ живомъ сочувствіи къ жизни и въ вѣрѣ въ то, что литература — отраженіе жизни. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» — разрушавшихъ во имя этихъ убѣжденій множество авторитетовъ, стремившихся поставить все на надлежащее мѣсто, часто заносчивыхъ, опрометчивыхъ въ своихъ сужденіяхъ, часто пристрастныхъ — были дороги молодость, страсть, увлеченіе, соединенныя съ рѣдкимъ эстетическимъ тактомъ.

Digitized by Google

Но того ли требовали отъ литературы «Мечтанія», чего требовала потомъ порожденная ими критика? Литературныя мечтанія привѣтствовали зарождавшійся тогда, по ихъ мнѣнію, *народный* періодъ литературы, — народность была ихъ конькомъ (*). Въ Московскомъ Наблюдателѣ та же критика заговорила туманнымъ абстрактнымъ языкомъ Гегеля, осѣдлала другаго коня — художественность, во имя художественности ругала немилосердо Занда и Шиллера, мечтала о примиреніи съ дѣйствительностью, буквально принимая змѣеобразное положеніе учителя: Was ist — ist vernünftig: адепты ея ходили какіе-то одурманенные, съ головой на изнанку, погружались въ unendlichen Geist Гёте и т. д. Такою перешла она въ Записки. Скоро сказывается сказка, но еще скорѣе дѣлалось дѣло. Заѣздили совсѣмъ бѣдную *художественность* — осѣдлали другаго коня, коня быстраго, *Пафосъ*. На Пафосѣ и доѣхали до сатурналій и до тѣхъ положеній, что гвоздь, выкованный рукою человѣка, лучше и изящнѣе лучшаго цвѣтка природы, что нужна многочисленная беллетристика, а не художественныя произведенія, что Татьяна виновата предъ судомъ совѣсти, не отдавшись Онѣгину. Которому же изъ историческихъ фазисовъ этой критики прикажете вы кадить, г. Новый Поэтъ? Первому нельзя — потому что наши требованія народности отъ литературы выросли, сравнительно съ требованіями эпохи историческихъ романовъ; второму — смѣшно, потому что попадешь въ schöne Seelen; — въ третьемъ вы сами разувѣрились, какъ это ясно свидѣтельствуется въ вашей же критикѣ многими статьями, въ которыхъ съ подобающимъ уваженіемъ говорится о старой литературѣ, возстановляются многіе легкомысленно разрушенные авторитеты, осмѣиваются многія моральныя крайности. Приписать ли это апатіи, до которой уѣздили послѣдняго коня, другому ли чему, только,— это такъ.

Наше направленіе застало критику на поворотѣ къ апатіи: Пафосъ употреблялся уже только на пародіи стихотвореній, желчь негодованія изливалась въ повѣстяхъ только на несчастныхъ господъ, у которыхъ нѣтъ сзади пробора, восторги истощились. Одинъ лишь голосъ возвышался рѣзче другихъ, и страненъ былъ этотъ голосъ. Мы говоримъ объ Иногородномъ Подписчикѣ, который кончаетъ теперь какъ серьезный и честный литераторъ, начавши дѣло какъ гаеръ. Почему же именно даровитѣйшій изъ представителей вашего

(*) О томъ, какъ скудны и смутны были въ оны дни представленія о народности, основанныя преимущественно на псевдо-историческихъ романахъ, — какъ *малымъ* довольствовались въ этомъ отношеніи — нечего и говорить.

Digitized by Google

направленія въ критикѣ, вступая на арену литературы, не нашелъ въ душѣ никакого инаго убѣжденія, кромѣ пересмѣшничества?... Ясное дѣло потому, что эстетическое чувство претило ему сдѣлаться прозелитомъ безобразій натуральной школы, а знакомство съ хорошими образцами своей литературы и другихъ литературъ отвращало его отъ обыденныхъ продуктовъ г-жи Евгеніи Туръ, г. Чернышева и иныхъ: къ сожалѣнію — выше всего этого онъ сталъ сначала только съ фешенебельной точки зрѣнія. Съ этой-то точкой зрѣнія мы и враждовали. Что же касается до полемики противъ остальной критики, то мы боролись собственно не съ нею, а съ слѣдами прежней критики, въ ней уцѣлѣвшими, потому-что полемика возможна только противъ мысли и во имя мысли.

Вы спрашиваете: «что же послѣ этой критики сказала новаго «заносчивая критика Москвитянина? Въ чемъ и гдѣ ея *новое* слово? «Въ г-нѣ Островскомъ!...» Да, пожалуй въ Островскомъ какъ художникѣ, мы отъ этого не отрицаемся. Вводитъ новое въ жизнь не критика, которой дѣло заключается только въ разъясненіи новаго— а произведенія искусства. Глубоки въ этомъ отношеніи слова Гоголя въ его «Авторской исповѣди», на которыя мы желали бы обратить ваше вниманіе. А что Островскій новъ со всѣми своими достоинствами и недостатками, это ясно *для* публики, если не ясно для одряхлѣвшей критики. Мало ли что темно *для* критики? Критикѣ напримѣръ, какъ видно изъ вашей же статьи, и огромный по значенію въ общественной жизни и огромный же по значенію историческому купеческій классъ, классъ средній, классъ составляющій, такъ сказать, цвѣтъ собственно народныхъ соковъ, классъ, въ которомъ, при многихъ можетъ быть комическихъ сторонахъ, сохранились наиболѣе остатки народнаго быта и развились притомъ на свободѣ, широко, вольно,—критикѣ этотъ классъ кажется мелкимъ! Не съ такой критикой мы толкуемъ, или лучше сказать, толкуемъ съ ней по стольку, по скольку видимъ въ ней слѣды прежнихъ, т.-е. хоть какихъ-нибудь сильныхъ и живыхъ началъ. Что же касается до критики теперешней, то она находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, и ее такъ легко обличить, что даже рецензенты Библіотеки для чтенія (Библіотеки для чтенія! подумайте объ этомъ, г. Новый Поэтъ!) обличаютъ ее весьма успѣшно въ іюльской книжкѣ. Вотъ оно куда пошло! Послѣ этого, Пантеонъ скоро начнетъ борьбу съ этой критикой!

Да и нельзя иначе. Выходитъ Пушкинъ — и какія же статьи являются по поводу новаго изданія, за исключеніемъ превосходной

Digitized by Google

статьи г. Дружинина въ Библіотекѣ для чтенія? Вышелъ Гоголь — и какихъ же статей ждать о Гоголѣ, послѣ статей появлявшихся о немъ въ послѣднее время, статей или подъискивающихся подъ личность автора Мертвыхъ Душъ, какъ статья въ Отечественныхъ Запискахъ по поводу «Опыта Біографіи Гоголя», статья непристойная по тону, возмущающая душу содержаніемъ, бо́льшею частію не литературнымъ;—послѣ множества странныхъ выходокъ въ разныхъ журналахъ и въ разныхъ газетахъ? Да позволено будетъ намъ коснуться поподробнѣе этихъ отношеній современной критики къ двумъ первостепеннымъ нашимъ дѣятелямъ. Начнемъ съ Гоголя, тѣмъ болѣе, что имѣемъ къ этому личный поводъ, давно лежащій у насъ на сердцѣ.

Въ Отечеств. Запискахъ прошлаго 1854 года, въ отдѣлѣ «Журналистики» N 7, на стр. 48, напечатаны слѣдующія строки:

....«Нашъ Гоголь въ своемъ отрывкѣ: «Римъ» вздумалъ дать почувствовать Италію, изобразивъ ее самыми яркими красками, и однѣми яркими, и *картина ему не удалась.*

«Кстати, по поводу этой картины «Рима», написанной Гоголемъ, мы прочли у г. Г. (въ «Москвитянинѣ») *неожиданно оброненное* имъ слѣдующее выраженіе: «На Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ самомъ дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобъ передать тотъ или другой оттѣнокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но малоупотребительнымъ, вынужденъ чтобы передать», (? что? — спрашиваемъ мы — и въ правѣ спросить, потому-что, печатая чужія слова, да еще въ обличеніе, нужно же хоть продержать поаккуратнѣе корректуру) — «укладывать мысль въ нескончаемо длинный періодъ.

«*Мы съ удовольствіемъ прочли эти строки г. Г., который такъ сильно восхищался нѣкогда «Римомъ» Гоголя.*»

Очень непріятно бываетъ всегда разрушать чужое удовольствіе — но нельзя не пояснить, хотя и поздненько, что въ этомъ мы не имѣли въ виду доставить удовольствіе рецензентамъ «Отечеств. Записокъ» и къ ихъ удовольствію не подавали ни малѣйшаго повода.

Клочекъ (это настоящее слово) изъ нашего разсужденія, приводимый «Отеч. Записками» въ подтвержденіе ихъ мысли, не только не подтверждаетъ ее, взятый въ связи съ тѣмъ довольно длиннымъ разсужденіехъ, изъ котораго онъ вырванъ, но положительно опровергаетъ. Клочекъ вырванъ изъ статьи нашей о « Трехъ письмахъ»

Digitized by Google

неизвѣстнаго автора, находящагося въ отношеніи къ манерѣ подъ очевиднымъ вліяніемъ Гоголевскаго Рима, о тѣхъ самыхъ «Трехъ письмахъ», которыя мы признали разъ за одно изъ замѣчательныхъ произведеній современной словесности, и постарались доказать это по крайнему разумѣнію. Теперь: если защищается и хвалится произведеніе, напоминающее манерою своею другое, написанное подъ сильнымъ вліяніемъ этого другаго, — то кольми паче (прямой логическій выводъ) хвалится это другое. Такъ это или нѣтъ?

«Самое желаніе подражать такому образцу (ибо «Римъ» счи-
«таемъ мы однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній нашего
«великаго поэта) показалось намъ въ авторѣ залогомъ натуры ис-
«тинно поэтической, тѣмъ болѣе, что подражаніе это — не мертвая
«копировка.»

Вотъ наши слова на 84 страницѣ нашей статьи, слѣдующей за 83, изъ которой вырванъ *Записками* выше приведенный клочекъ. Самый этотъ клочекъ имѣетъ смыслъ только въ связи съ разсужденіемъ, доказывающимъ, что нельзя называть вычурностью стремленіе къ пластичности въ словѣ, оправдывающемъ не только великаго художника слова, каковъ былъ Гоголь, но художниковъ кисти или рѣзца, какъ напримѣръ г. Рамазановъ, которые стремятся словомъ передать пластическія тонкости.

Увы! *для* кого же и *для* чего же писали мы все это съ горячимъ убѣжденіемъ, съ твердою увѣренностью въ ясности и зрѣлости многихъ мыслей, выработанныхъ и прочувствованныхъ нами, съ любовью къ правдѣ, съ благоговѣніемъ передъ искусствомъ? Изъ цѣлой статьи, касающейся многихъ весьма важныхъ вопросовъ — выписано одно только мѣсто и выписано *для* того, чтобы навязать намъ мысль не нашу. Честно ли это? спросимъ мы прямо и смѣло «Отечественныя Записки.»

Съ негодованіемъ и съ грустью читали мы эти строки въ критикѣ журнала, хотя и враждебнаго намъ по направленію, но до сихъ поръ еще не пятнавшаго себя сообщничествомъ съ нѣкоторыми газетами, нападающими на все великое въ русской литературѣ, въ особенности на память творца «Рима» и «Шинели». Вслѣдъ за тѣмъ прочли мы въ одной изъ такихъ газетъ — статейку о «причинахъ успѣха сочиненій Гоголя», и еще въ одномъ журналѣ, отличающемся такимъ же антинаціональнымъ духомъ (если только есть у него какой-либо духъ), какъ и упомянутая газета — статейку, въ которой Ревизоръ называется между прочимъ ничтожною комедіею и т. д. Тяжело, и, признаемся, стыдно стало намъ —

Digitized by Google

тяжело и стыдно за литературу, въ которой голосъ того, кто училъ обращаться съ словомъ честно, былъ гласъ вопіющаго въ пустыни!

Боже! прахъ великаго человѣка недавно еще прикрытъ могильною плитою—а уже впечатлѣніе, оставленное въ душахъ его горестною кончиною, остыло — и безстыдное глумленіе преслѣдуетъ его за гробомъ — благо замолкъ этотъ карающій смѣхъ, обличительный смѣхъ надъ зломъ и порокомъ, надъ тупоуміемъ и ложью, — благо закрылись эти проницательныя соколиныя очи, неумолимо слѣдившія людскую пошлость,—благо въ пыли валяется грозный бичъ, стегавшій больно всякую неправду.

Много печальныхъ размышленій пробѣжало въ головѣ пишущаго эти строки надъ могилою великаго, благороднаго, честнаго труженика — которой пошелъ онъ поклониться еще разъ, прочтя нѣсколько статей разныхъ газетъ и журналовъ. Возражать на нихъ— значило бы мало чтить память великаго человѣка: если я позволилъ себѣ и теперь, по прошествіи года почти, начать укоромъ Отечественнымъ Запискамъ, то единственно изъ сравнительнаго уваженія къ нимъ — и отчасти изъ чувства личнаго негодованія. Какъ ни малы мои собственныя заслуги въ русской литературѣ, но я позволяю себѣ считать за заслугу одно: — честное служеніе Гоголю при жизни его и по смерти,—и съ гордостью повторю, что при появленіи «Переписки съ друзьями» только двѣ критическихъ статьи отнеслись къ Гоголю съ прежнимъ уваженіемъ — статья Степана Петровича Шевырева въ Москвитянинѣ, и моя — въ издававшемся тогда Московскомъ Городскомъ Листкѣ. И какъ въ этой статьѣ, такъ и во всѣхъ моихъ статьяхъ, въ которыхъ говорилось что-либо о Гоголѣ, при жизни ли его (Возраженіе Просперу Мериме — Москвит. 1851 г. — Обозрѣніе литературы — Москвит. 1852), по смерти ли (Обозрѣніе литературы, Москвит. 1853 г. и многія другія статьи), я повторяю одно и то же — что «Римъ» считаю я однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гоголя, наравнѣ съ «Шинелью» — и повторенія эти связаны для меня съ моимъ общимъ взглядомъ на двойственность натуры нашего поэта, высказаннымъ мною съ достаточною, какъ кажется, ясностью во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ. Римъ дорогъ для меня, кромѣ своей художественной красоты, еще тѣмъ, что нигдѣ поэтъ-идеалистъ и лирикъ «Вечеровъ на Хуторѣ», «Тараса Бульбы», «Невскаго Проспекта», «Портрета» «Разъѣзда» — не высказалъ съ такою полнотою и ясностью своихъ положительныхъ требованій отъ жизни общественной и внутренней, — какъ нигдѣ съ

Digitized by Google

такой безпощадной послѣдовательностью не проводилъ онъ ихъ отрицательно, какъ въ «Шинели».

Нападокъ на «Римъ», на лирическія мѣста «Мертвыхъ Душъ», на мистицизмъ «Портрета», на суровый, аскетическій идеализмъ «Переписки» — однимъ словомъ, на положительную сторону Гоголевскаго идеализма — въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наберется весьма много — и притомъ въ тѣхъ литературныхъ направленіяхъ, которыя превосходно цѣнили и тонко понимали отрицательную сторону этого идеализма.

Вопли на отрицательную сторону сосредоточивались, какъ извѣстно, въ одномъ журналѣ, который много лѣтъ трудился надъ похвальнымъ дѣломъ — изуродовать русскій языкъ полонизмами, и не успѣвая въ этомъ, съ ожесточеніемъ кидался на все замѣчательное въ русской литературѣ, — и въ одной газетѣ, которая, выхваляя различныя кондитерскія и другія заведенія, ратоборствуетъ между прочимъ за чистоту русскаго языка и главное... за чистоту нравственности, понимаемой ею особеннымъ образомъ.

Какъ въ Гоголѣ самомъ видѣли и видимъ мы двѣ стороны, такъ въ нападеніяхъ на него также двѣ стороны. Какъ та, такъ и другая сторона нападеній имѣютъ свои основанія, свои причины — которыя разъ на всегда мы и рѣшаемся *разъяснить* до той очевидности, послѣ которой говорить будетъ не объ чемъ. Эти-то причины и составляли для насъ предметъ тяжелыхъ и печальныхъ размышленій.

Раздѣлимъ же наши замѣчанія на двѣ половины.

1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима» и «Портрета».

2.) О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Увѣрены напередъ — не по ложному самолюбію, а по важности предмета, что первая половина будетъ весьма поучительна, вторая — весьма обличительна, а обѣ вмѣстѣ весьма печальны.

1.) О причинахъ нападеній на положительный идеализмъ Гоголя — автора «Рима», «Портрета» и проч.

Поищемъ въ самомъ Гоголѣ этихъ причинъ — и возьмемъ для сей цѣли его «Римъ», не нравящійся въ особенности той сторонѣ, для которой положительный идеализмъ Гоголя былъ оскорбителенъ. Главная идея Рима — сопоставленіе мишурной, хотя блестящей и мятущейся цивилизаціи, лицомъ къ лицу съ спокойнымъ, величавымъ міромъ искусства, воспоминаній, простыхъ, но полныхъ красоты

Digitized by Google

формъ жизни, сопоставленіе, при которомъ преимущество выходитъ явно и правильно на сторонѣ послѣдняго — торжество искусства надъ всѣми чудесами промышленности, простоты надъ блескомъ, спокойной тишины надъ вѣчнымъ шумомъ, чистой красоты надъ искусственностью.

Съ такимъ содержаніемъ явился «Римъ» въ ту эпоху литературы, когда проповѣдывалось, что «гвоздь выкованный человѣческими руками — лучше и дороже самаго роскошнаго цвѣтка въ природѣ», что «лучше, еслибы въ Русской литературѣ было поменьше художественныхъ произведеній, а побольше беллетристики», и другія нелѣпости, всѣ выходившія изъ одного взгляда, или лучше сказать, нанесенныя однимъ повѣтріемъ.

Римъ былъ кромѣ того первымъ *неожиданнымъ* шагомъ Гоголя. До Рима — многимъ поклонникамъ его генія казалось, что онъ казнитъ невѣжество и другіе грубые пороки передъ идеаломъ современно-образованнаго человѣка, идеаломъ, который всѣмъ образованнымъ людямъ доступенъ и многимъ можетъ быть по плечу. Не хотѣли видѣть, что уже въ «Невскомъ Проспектѣ» проглядываетъ желчное негодованіе на мишуру и фальшь поверхностной образованности— не хотѣли видѣть, что Хлестаковъ есть одинъ изъ ея представителей, а Городничиха, мечтающая объ *амбре* — одна изъ ревностныхъ адептокъ прогресса, со стороны его комфорта и внѣшняго блеска,— не хотѣли ничего этого видѣть,—писали тысячи повѣстей на тему борьбы развитыхъ и тонкихъ натуръ съ грубостью и невѣжествомъ окружающаго ихъ быта—и потому весьма непріятно были удивлены, 1) тѣмъ, что Римъ, т.-е. величавое искусство, простота, воспоминанія—поставленъ поэтомъ неизмѣримо выше Парижа, т.-е. настоящаго, кипящаго тревожною жизнію цивилизаціи, 2) тѣмъ, что душа героя «Рима» не удовлетворилась жизнью, кипящей тревогой, газетными толками, роскошью комфорта и т. д. — а ожила напротивъ, только что вдохнула въ себя воздухъ родныхъ воспоминаній, простаго безъискуственнаго быта и т. д.

«Римъ» наконецъ такъ явно высказывалъ точку зрѣнія великаго комика на родной нашъ русскій бытъ, такъ оправдывалъ его во всѣхъ взводимыхъ на него клеветахъ въ томъ, что будто бы онъ чернитъ Россію. Многихъ поразило тогда приложеніе Рима къ Москвѣ, къ Руси вообще, полной воспоминаній прошедшаго, чистыхъ стремленій, невозмутимой семейной тишины.... Римъ однимъ словомъ служилъ прологомъ къ «Мертвымъ Душамъ» въ ихъ настоящемъ, русскомъ значеніи. а не въ томъ, которое хотѣли и хотятъ

*

еще доселѣ придать имъ — забывая, одни по злобѣ, а другіе по тупоумію, — что герой ихъ Чичиковъ — трагическая жертва стремленій къ комфорту, внѣшнему блеску, вообще къ тому, что на европейскомъ языкѣ зовется прогрессомъ; не обращая вниманія на могучую поэзію картинъ кореннаго быта, разбросанныхъ по всей поэмѣ, на духъ цѣлаго.

Sapienti sat — и мы полагаемъ, что слишкомъ очевидны причины вражды не только къ тому, что Гоголь высказывалъ въ Римѣ, въ Мертвыхъ Душахъ, въ видѣ предчувствій, какъ лирикъ — но и къ тому даже, что Островскій полагаетъ теперь уже съ полнымъ спокойствіемъ какъ драматургъ — ибо онъ продолжаетъ самостоятельно то, на чемъ остановился и по натурѣ своей долженъ былъ остановиться Гоголь.

2.) О причинахъ нападеній на отрицательный идеализмъ Гоголя — автора «Шинели» и «Ревизора».

Въ этомъ случаѣ причины гораздо многосложнѣе и запутаннѣе, потому что онѣ — мельче.

Первая причина заключается вообще въ ненависти къ правдѣ и къ обличенію — свойственной всякой неправдѣ, самолюбивой посредственности, грубымъ порокамъ и тонкимъ порокамъ, продажности, хвастливости, тупоумію — причина общая, психологическая.

Вторая причина — историческая. Есть національность, которая намъ — родная, хотя и много отличается отъ нашей своими чистоюжными свойствами, родная по вѣрѣ и общей святынѣ, по исторической борьбѣ, по языку, по пѣснямъ, даже по безжалостной насмѣшливости — національность даровитаго славянскаго племени, изъ котораго происходилъ нашъ общій Гоголь, родной намъ великоруссамъ столько же, сколько и малороссіянамъ. Но кромѣ этихъ двухъ родныхъ національностей есть еще другія, — такъ какъ, по мнѣнію Ивана Антоновича кувшиннаго рыла — не одинъ Иванъ Григорьевичъ, а есть еще и другіе...

За симъ начинаются уже мелкія причины:

1.) До Гоголя можно было писать разные нравоописательные разсказы.

2.) До Гоголя былъ въ ходу нелѣпый романтизмъ и писались различныя «Аббадоны», «Блаженства безумія» и проч.

3.) До Гоголя не знали, что такое юморъ, и считали простодушно за юморъ непристойное паясничанье разныхъ фантастическихъ путешествій.

Digitized by Google

4.) До Гоголя можно было безнаказанно и весьма удобно писать историческіе романы, снимая изображенія знаменитыхъ предковъ прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ.

5.) До Гоголя ловчѣе было иному господину, прикрывая себя маской блюстителя благочинія нравственности въ литературѣ, въ мутной водѣ рыбу ловить.

6.) До Гоголя не выведены были на свѣжую воду различные невинные манёвры господъ кричащихъ о нравственности и обижающихся всякимъ прямымъ обличеніемъ гадости и неправды — въ особенности, манёвръ, при всякомъ подобномъ случаѣ, обвинять обличителя въ оскорбленіи отечества. Гоголевскій «Разъѣздъ» былъ поэтому—горемъ *непереносимымъ* для любителей такихъ манёвровъ.

7.) До Гоголя—можно было безнаказанно и даже съ нѣкотораго рода милымъ остроуміемъ объявлять во всеуслышаніе, печатно, теорію «битья по карманамъ» въ литературѣ. Слова, что «съ словомъ надобно обращаться честно»—были тоже непереносны для такихъ остроумныхъ людей.

8.) Гоголь, будучи другомъ Пушкина, Жуковскаго и другихъ литераторовъ, говоря имъ словесно и печатно: ты,—не былъ въ сношеніяхъ со многими другими, съ тѣми другими, которыхъ разумѣетъ Иванъ Антоновичъ кувшинное рыло, и притомъ до такой степени, что даже и по смерти они не могли выискать повода навязаться въ друзья къ нему, какъ навязывались они—и притомъ довольно успѣшно, въ друзья къ другимъ покойникамъ, подобно неотвязнымъ червямъ.

9.)... Но не довольно ли исчислять причины?.. Дѣло въ томъ, что Гоголь былъ поэтъ оскорбительный съ двухъ сторонъ: такъ ужь Богъ его создалъ!—и могъ бы сказать о себѣ:

> Въ меня всѣ ближніе мои
> Кидали бѣшено каменья!

Ясно, что изъ такихъ отношеній критики къ Гоголю, не можетъ въ настоящую минуту произойдти правильная оцѣнка произведеній одного изъ первостепенныхъ представителей русской мысли и русскаго слова. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, жаркіе поклонники невольно увлекутся весьма понятнымъ пристрастіемъ, которое безъ сомнѣнія выше обозначенныхъ нами отношеній, но все-таки отводитъ отъ рѣшенія вопроса о значеніи Гоголя, о причинахъ болѣзненнаго нравственнаго процесса, въ немъ совершавшагося, о причинахъ недовольства художника самимъ собою и своими трудами: ибо

Digitized by Google

если подъ причины душевнаго переворота станутъ подъискиваться такимъ непохвальнымъ образомъ и съ такою непріязненностью, какія видны въ статьѣ Отеч. Записокъ по поводу «Опыта Біографіи»—или, если будутъ продолжать пѣть ту старую пѣсню о «Перепискѣ», которую поетъ г. Новый Поэтъ,—или, если будутъ различать Гоголя, автора «Рима» отъ автора «Шинели» и «Ревизора», не видя внутренней связи между этими произведеніями,—естественно, что всякое добросовѣстное желаніе объяснить значеніе Гоголя замолкнетъ, ибо всякое объясненіе будетъ истолковано враждебно, судя по фактамъ. Въ критикѣ таится еще что-то противъ Гоголя, что-то, иными смутно, иными ясно сознаваемое, но во всякомъ случаѣ препятствующее правдивой оцѣнкѣ его дѣятельности.

Ничего такого нѣтъ, да и не можетъ быть въ отношеніяхъ критики къ Пушкину, для котораго наступаетъ уже потомство—и между тѣмъ, всѣ статьи, появлявшіяся по поводу превосходнаго изданія его сочиненій, за исключеніемъ отличной статьи даровитаго г. Дружинина, напечатанной въ «Библіотекѣ для чтенія», свидѣтельствуютъ о крайнемъ безсиліи и истощеніи критики. Кажется, современная критика увѣрена, что не только о Пушкинѣ, но и обо всѣхъ писателяхъ его періода, все уже сказано и нечего больше говорить. Вотъ какъ выражается напримѣръ этотъ взглядъ, по поводу новаго изданія сочиненій Козлова: (Соврем. Іюль, Библіографія, стр. 7.)

«Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ «свое время, не отличалось совершенною полнотою, и между прочимъ пропустило одно изъ довольно значительныхъ произведеній, «въ которомъ поэтически расказывается жизнь Байрона. Такимъ «образомъ, для желающаго *открывается полная возможность пуститься въ мелочные розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіямъ стихотвореніяхъ автора «Чернеца»*. Открывается и другое поле для новыхъ разъисканій по случаю новаго «изданія сочиненій Козлова—подробной біографіи его не существуетъ; всѣмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда «имѣлъ несчастіе ослѣпнуть».

И показнивши достаточно собирателей мелкихъ библіографическихъ извѣстій, статья говоритъ: (стран. 9.)

«Прежній библіографическій жаръ уже значительно остылъ, но «возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергнуть нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д., все еще продолжаются—потому неизлишне

Digitized by Google

«возразить на нихъ фактами. *Русскимъ писателямъ остается еще «такъ много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, «что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что «уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приноситъ по-«ложительный ущербъ литературѣ.* Нива настоящаго—выражаясь «фигуральнымъ языкомъ—нуждается въ дѣятеляхъ, *а не безплодные «пустыри прошедшаго, поле котораго* (мы говоримъ объ исторіи «русской литературы) *давно изслѣдовано на сколько требовалось «и допускалось имъ изслѣдованіе.*»

И въ доказательство, что все въ прошедшемъ уже изслѣдовано давно, приводится статейка о Козловѣ изъ старыхъ Отеч. Записокъ, какъ *диво нѣкое,* сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое,—по словамъ библіографа Современника—«дѣлаетъ совершенно безполезными «всякія дальнѣйшія изслѣдованія и переизслѣдованія о ихъ достоин-«ствахъ и значеніи для русской литературы» Полно такъ ли? Статейка дѣйствительно писана однимъ изъ даровитѣйшихъ людей, но какъ все, что писалъ этотъ даровитый, но мало грамотный человѣкъ, представляетъ какой-то хаосъ съ яркими проблесками свѣта; двѣ три удивительно вѣрныхъ мысли, два-три тонкихъ замѣчанія въ хламѣ парадоксовъ, горячихъ обмолвокъ, пристрастныхъ крайностей; такія статьи должны быть сами подвергнуты оцѣнкѣ—и необходимость подвергать ихъ таковой оцѣнкѣ, подтверждаетъ какъ нельзя болѣе выше высказанную нами мысль, что въ настоящей критикѣ полемика можетъ бороться только съ слѣдами критики прежней: настоящая истощенная, одряхлѣвшая критика ссылается только на прежнюю,—убѣждена, что прежняя критика все уже сдѣлала, что больше и дѣлать нечего. И она права въ отношеніи къ себѣ: *ей* точно нечего дѣлать.

Разсмотримъ же для примѣра приводимую Современникомъ статью. Это не будетъ уклоненіе, ибо наглядное объясненіе причинъ, почему современная критика не видитъ для себя дѣла въ сочиненіяхъ второстепенныхъ писателей какъ Козловъ, подведетъ насъ къ причинамъ, объясняющимъ безцвѣтность критической дѣятельности въ отношеніи къ Пушкину.

«Слава Козлова» — такъ начинаетъ приводимая библіографомъ Современника статья—«была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ «эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде чѣмъ была «напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрас-«ныхъ глазъ; ее знали наизустъ и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ «въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина,

Digitized by Google

«съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ «въ уровень со всѣми натурами, со всѣми чувствами и понятіями, «былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ на«шей литературѣ послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ «произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей пуб«лики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положитель«ной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ ихъ появленіи и скорый «конецъ—совершенно одинаковы: ибо повторяемъ, оба эти произ«веденія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: *вся «разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чер«нецъ» разумѣется, несравненно выше.*»

Мысль сближенія «Чернеца» съ «Бѣдной Лизою» удивительно вѣрна съ точки зрѣнія исторической критики, — но неизмѣримая высота «Чернеца» передъ Лизою, основанная на одномъ только времени ихъ изданія, вышла изъ мысли дикой вообще, а къ искусству и вовсе неприложимой. Вѣдь если мѣрять достоинство произведеній по времени ихъ выхода, такъ современная французская комедія будетъ выше Мольеровской и т. д. Мало ли вообще до какихъ нелѣпостей можно довхать на конькѣ времени! За симъ критикъ сѣдлаетъ паѳоса и продолжаетъ:

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе Байро«нова «Джяура» — есть общее между ними и въ изложеніи. Но это «сходство чисто внѣшнее: «Джяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» «даже и «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», хотя «Чернецъ» и есть «явное подражаніе «Джяуру». Причина этого заключается сколько «въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ «духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, насквозь проник«нутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновен«наго успѣха. Но это чувство только тепло; не глубоко, не сильно, «не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ со«страданіе къ нему, а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше рас«положеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (Resignation) «великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между «самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчая«нію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго «пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только «неизбѣжное слѣдствіе несчастія, но самоотреченіе втораго — вели«кая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности «надъ чувственностью. *Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если «оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и*

Digitized by Google

«превительно несущей свое несчастіе,—въ тысячу разъ сильнѣе «и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное «смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе— «самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ «совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ «тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но «и вѣчнаго разрыва.»

Въ этой тирадѣ, кромѣ указанія на заимствованное изъ Гяура содержаніе Чернеца, все остальное есть пафосъ. Пафосъ этотъ во-первыхъ къ дѣлу не идетъ, ибо Козлова надобно было и мѣрить условіями натуръ ему родственныхъ, а не условіями натуры Байрона, ему чуждой—и вмѣсто опредѣленія натуръ, подобныхъ Байрону, слѣдовало бы въ самыхъ стихотвореніяхъ Козлова уловить его собственный нравственный образъ, показать, во что именно, въ натурахъ нѣжныхъ и кроткихъ, претворяется Байроновское разочарованіе и т. д. Во-вторыхъ, пафосъ этотъ, хотя и пафосъ истинный, но односторонній. Чѣмъ же голуби виноваты, что они не львы? Въ-третьихъ, самая сила этого пафоса была вредна тѣмъ, что заставила можетъ быть не одного литературнаго и нравственнаго голубя раздуваться всѣми мѣрами во льва. Рецензентъ такъ краснорѣчиво разсказываетъ о волканическихъ натурахъ, что невольно дразнитъ ими и дразнитъ неумѣстно: то, что было бы хорошо въ статьѣ о Байронѣ,—дѣйствовало весьма вредно, когда появлялось безпрестанно во всѣхъ статьяхъ, какъ въ этой статьѣ о Козловѣ,—а между тѣмъ родъ дѣятельности Козлова и нравственно-поэтическій образъ его нисколько не опредѣляло.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными «стихами, дышащими теплотою чувства, плѣнили публику и возло«жили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное поло«женіе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ «самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова, «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернецъ»: въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэти«ческія мѣста, но въ *нихъ нѣтъ никакого содержанія*, почему онѣ «растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ ника«кой истины: героиня—Нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, *а не русская «деревенская дѣвка.*»

Это уже оцѣнки голословныя. Поэма «Наталья Борисовна Долгорукая»—страждетъ не недостаткомъ содержанія, прекраснаго и поэ-

Digitized by Google

тическаго, а ходульностью пріемовъ въ изображеніи предметовъ, ходульностью, не выкупаемою даже прекрасными поэтическими мѣстами. Въ Безумной же точно нѣтъ никакой истины, но опять не потому, почему думаетъ рецензентъ, допускающій только въ Нѣмкахъ ту возвышенность чувства и ту степень страстности, въ которой онъ отказываетъ *русской деревенской дѣвкѣ*, а отъ неумѣнья Козлова взяться за дѣло проще.

Далѣе рецензентъ весьма справедливо замѣчаетъ о балладѣ «Венгерскій лѣсъ» что кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, но несправедливо упрекаетъ Козлова въ недостаткѣ сжатости перевода Крымскихъ сонетовъ. Кто знакомъ съ подлинникомъ, тотъ пойметъ, что лучше Козлова передать ихъ по-русски почти нельзя. Справедливо замѣчаніе о недостаткѣ энергіи въ переводѣ Абидосской Невѣсты, но надобно было упомянуть, что это замѣчаніе не относится ко многимъ другимъ переводамъ изъ Байрона: нельзя было не остановиться на такихъ удивительныхъ воспроизведеніяхъ, какъ «Ночь въ замкѣ Лары», «Явленіе Франчески», сцена изъ Манфреда; нельзя было пройдти молчаніемъ задушевность, мелодичность, благоуханіе многихъ другихъ воспроизведеній слѣпаго пѣвца, каково извѣстное мѣсто Дантова Ада: «Франческа», переданное во «Снѣ» съ удивительною грустью и мелодичностью, переданное такъ потому, что оно было почувствовано глубоко даровитымъ поэтомъ.

Франческа! Я грустилъ твоей тоскою

говоритъ онъ, и воспроизводитъ въ чудныхъ, задушевныхъ стихахъ ея исповѣдь. Нельзя было опустить изъ виду того пламеннаго русскаго чувства, которымъ проникнуты обращенія Козлова къ Москвѣ, къ родинѣ—прекрасныя лирическія мѣста его поэмъ и посланій. Вообще то, что Козловъ русскій поэтъ, и въ какой степени онъ русскій поэтъ, и что именно въ его чувствахъ — русскаго, все это не входило въ разсмотрѣніе, равно какъ не опредѣлена степень его самобытности, его особенности,—а статья Современника, выписывая эту статью, увѣряетъ, что послѣ нея говорить больше нечего. Бѣдный Козловъ почему-то не отнесенъ даже къ числу художниковъ, — за нимъ не утверждена даже его оригинальность, очевидная для его читателей, несмотря на то, что большая часть его произведеній—переводы,—а между тѣмъ Современникъ думаетъ, что о немъ нечего говорить—и вотъ какъ кончаетъ свою статью:

«Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности «и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить

Digitized by Google

«къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія «о различныхъ редакціяхъ «Чернеца» (отъ чего же нѣтъ? и это не безполезно, только не въ статьѣ конечно, а въ новомъ, хорошемъ изданіи Козлова), «или новыя подробнѣйшія сличенія «Безумной» съ «Чернецемъ» (Да — если такія сближенія и сличенія наведутъ на указаніе настоящихъ, а не воображаемыхъ недостатковъ Козлова) и перевода Абидосской Невѣсты съ оригиналомъ? (не мѣшаетъ). Или «разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ «въ первый разъ напечатано то «или другое стихотвореніе.» (Въ хорошемъ, добросовѣстномъ изданіи, опять таки и это не мѣшаетъ—и смѣшнаго тутъ ровно нѣтъ ничего. Козловъ стоитъ хорошаго изданія.) «Или разсужденія съ цѣлію доказать, «что Венгерскій лѣсъ не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, «высокое, значеніе котораго доселѣ необъяснено? Можно, если угодно, «дѣлать и это; но прежде должно подумать о томъ, не лучше ли «употребить время и трудъ на что-нибудь болѣе важное.»

Мы отъ души желаемъ, чтобы критика наша употребляла время и трудъ на что-нибудь вообще важное, но къ сожалѣнію этого не видимъ. Въ важныхъ случаяхъ видимъ только ссылки на прежнее— тамъ, дескать, все уже рѣшили.

Перейдемъ же теперь къ критическимъ статьямъ, явившимся по поводу новаго изданія сочиненій Пушкина. Повторимъ опять, что всѣ онѣ, за исключеніемъ статьи г. Дружинина, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ подъ конецъ нашего разсужденія, обличили крайнее безсиліе критики. Критикъ «Современника» былъ всѣхъ откровеннѣе; онъ рѣшительно сказалъ, что: «давно уже произведенія «Пушкина превосходно оцѣнены, и, на сколько то возможно было, «объяснены эстетическою критикою». Другіе только перефразировали «Матеріалы для Біографіи Пушкина» г. Анненкова и излагали ихъ содержаніе. Неужели въ самомъ дѣлѣ только и можетъ дѣлать въ наше время критика въ отношеніи къ Пушкину, что ссылаться на старую критику, да перепечатывать трудъ г. Анненкова? Что же такого фундаментальнаго сдѣлала старая критика? Да ежели бы даже и сдѣлала она что-либо, то неужели трудами ея и исчерпывается вся возможная дѣятельность эстетическая въ отношеніи къ такому писателю, каковъ Пушкинъ? Ежегодно въ Германіи и не рѣдко въ самой Англіи являются новыя сочиненія о Шекспирѣ, и никому въ голову не приходитъ, чтобы труды Колериджей, Дрековъ, Ульрици, Гервинусовъ, даже Зиферсовъ были безплодны. Во Франціи—до сихъ поръ занимаются историческою и эстетическою оцѣнкою

Digitized by Google

писателей XVII вѣка — а тутъ объявляютъ, что нечего больше и говорить послѣ старой критики о такомъ великомъ поэтѣ Россіи, каковъ былъ Пушкинъ. Согласитесь, что подобной мысли никогда и нигдѣ еще не провозглашалось печатно, кромѣ несчастной русской литературы, страдающей постояннымъ недугомъ безнарядицы!

Но однакожь, что̀ сдѣлано критикою въ отношеніи къ Пушкину такого, что̀ исключало бы возможность всякой дѣятельности или по крайней мѣрѣ настоятельную потребность ея? Критическія статьи о Пушкинѣ намъ довольно хорошо извѣстны. Мы знаемъ, что много хорошихъ частностей найдется въ статьяхъ современныхъ появленію его произведеній, знаемъ, что много прекрасныхъ эстетическихъ замѣчаній наговорено въ статьяхъ о Пушкинѣ, тянувшихся въ прежнихъ Отечественныхъ Запискахъ, изъ которыхъ четыре первыхъ, самыя громадныя, къ Пушкину не относятся, а толкуютъ, какъ «*ничто*», написанное Воркуловымъ Евдокимомъ—«*обо всемъ!*» что прекрасныя эстетическія замѣчанія надобно часто искать въ этихъ статьяхъ въ хаосѣ необузданнаго паѳоса, безконечныхъ отступленій, дикихъ нравственныхъ положеній и т. д., — что надъ этими статьями, однимъ словомъ, нужно тоже совершить работу и извлечь изъ нихъ существенное и нужное. Мы знаемъ кромѣ того статьи г. Мартынова въ Маякѣ, обвинявшія героевъ Пушкина въ уголовныхъ преступленіяхъ, самаго же поэта въ безбожіи и безнравственности, мы знаемъ статьи Полеваго, статьи г. Недоумки,—мыслителя безъ сомнѣнія честнаго, но человѣка безъ эстетическаго вкуса, какъ доказываютъ всѣ статьи его, преимущественно же «Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ»—гдѣ онъ бросаетъ перчатку за Пушкина, а самъ не понимаетъ въ «Борисѣ» рѣшительно ничего,—и знаемъ, что ничѣмъ нами исчисленнымъ, не только не исчерпана эстетическая критика въ отношеніи къ Пушкину, но едвали и начата порядкомъ. Совершенъ ли трудъ надъ Пушкинымъ, какъ надъ поэтомъ обще-европейскимъ, т.-е. опредѣлены ли особенность его взгляда на жизнь, художественной манеры и проч. сравнительно съ другими великими его собратіями—съ Шекспиромъ, Гёте, Шиллеромъ, Байрономъ, Мицкевичемъ и иными? Показано ли значеніе его какъ поэта народнаго, опредѣлены ли элементы, изъ которыхъ истекла его творческая дѣятельность, вліянія, которымъ онъ подвергался, и вліянія имъ произведенныя? Изслѣдованы ли плоды его дѣятельности—изъяснены ли изъ собственныхъ его произведеній — его поэтическо-нравственный образъ? Возьмите, напримѣръ, одно чувство любви, отношенія къ женщинѣ, и прослѣдите его у Пушкина, сравнительно съ другими его собратіями:

Digitized by Google

если найдете рѣзкія особенности — объясните ихъ народностью поэта или свойствами его натуры и т. д. Надъ Пушкинымъ надобно работать, надобно *начать* на немъ перевоспитываться морально и эстетически, если воспитывались не на немъ, а на г. Некрасовѣ, Щербинѣ и иныхъ. О языкѣ Пушкинскомъ, о стихѣ его сказано ли что-нибудь дѣльное и основательное.... *Дѣло* въ отношеніи къ Пушкину сдѣлано только г. Анненковымъ, сдѣлано честно, умно, талантливо, за что ему и поклонъ отъ лица всей Россіи, — но нельзя же только обирать трудъ г. Анненкова, а надобно дѣлать что-либо и самимъ. Что же сдѣлано при появленіи изданія критикою? Критика Отеч. Записокъ избрала себѣ цѣль довольно скромную, указать на достоинства и недостатки изданія. Критикъ Современника въ двухъ статьяхъ перефразируетъ трудъ г. Анненкова, въ третьей приступаетъ къ труду самостоятельному. Какую же самостоятельную задачу избралъ себѣ критикъ Современника?... Странно и вымолвить, въ чемъ заключается эта самостоятельная задача. Непонятно даже, какъ такая задача можетъ придти первая въ голову критика, принимающагося за Пушкина. Эта задача — не болѣе не менѣе какъ — оправданіе отношеній критики къ дѣятельности Пушкина, доказательство несправедливости горькихъ жалобъ или горькаго равнодушія поэта къ его цѣнителямъ!!! Читатели можетъ быть не вѣрятъ?

«Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія Руслана «и Людмилы, началось шумное и чрезвычайно сильное критиче- «ское движеніе въ тогдашнихъ журналахъ: многіе даже вообража- «ютъ, будто борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ «шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ же занимала перья журналис- «товъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ «защиту натуральной школы, два или три года постоянно одуше- «влявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. «Если собрать все, что было написано въ журналахъ двадцатыхъ «годовъ, о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса «будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, на- «примѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго: «Бѣдность «не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ, стра- «ницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и «вялыми статейками о неимовѣрно сухихъ предметахъ. Отзывы о «явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немно- «гими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣя- «тельности Пушкина критика получила болѣе развитія.»(NB. Положимъ,

Digitized by Google

что все это и правда, но что же это доказываетъ? Не отсутствіе движенія, а отсутствіе толщины въ журналахъ и пухлости въ статьяхъ. Движеніе было—постоянное, сильное, хотя и не выражалось огромными статьями. Мы вотъ теперь пишемъ большую статью въ доказательство отсутствія движенія въ нашей критикѣ!) «*Другая ошибка,* «*еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто* «*критика, современная Пушкину, не умѣла цѣнить его.* Мы во- «все не имѣемъ желанія превозносить прошедшее: готовы сказать «о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми «людьми, которые наиболѣе строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не «менѣе должны мы сказать, что люди умные и, по своему времени, «очень проницательные существовали всегда; *что каковы бываютъ* «*писатели, точно таковы же бываютъ критики — тѣ и другіе* «*рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ*».

Стало быть по Сенькѣ шапка, по Пушкину Полевой! прекрасное заключеніе — и на основаніи его-то построилъ свою статью безъименный критикъ. Вся цѣль его статьи доказать, что критика Телеграфа и другихъ журналовъ въ отношеніи къ Пушкину была не такъ придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. — И чѣмъ же доказываетъ онъ свое положеніе? 1) На стран. 6 своей статьи, пародіей на стихотвореніе Пушкина: Поэтъ и чернь, помѣщенной въ Телеграфѣ, пародіей, которую, какъ безчестящую ея, можетъ быть, одумавшагося сочинителя, не слѣдовало перепечатывать, пародіей, ругающейся надъ великимъ поэтомъ, имѣвшимъ право сказать о себѣ:

«Что чувства добрыя я лирой возбуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ—

пародіей, не только не возбуждающей негодованія критика, но даже снабженной толкованіемъ, въ которомъ почтенный и даровитый Дельвигъ названъ литературнымъ кліэнтомъ Пушкина!... Спрашиваемъ г. критика, думалъ ли онъ о Пушкинѣ или вообще о чемъ-нибудь, переписывая такіе стихи пародіи, обращенные къ поэту:

«Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шутя.
Съ твоимъ божественнымъ искуствомъ,
Зачѣмъ презрѣнной славы льстецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?

Digitized by Google

Критикъ замѣчаетъ еще снисходительно, что форма пародіи очень жестка, но что самъ Пушкинъ выражался жестко въ статьяхъ Ѳеофилакта Косичкина! Читалъ ли г. критикъ правдивыя, благородныя статьи Ѳеофилакта Косичкина? Статьи Косичкина устремлены не на лицо, а на темныя стороны жизни и литературы, которыхъ лицо является случайнымъ представителемъ, а пародія обращена на Пушкина, на человѣка, которому мы всѣ, если не безъименный критикъ, обязаны лучшею частію самихъ себя! 2) Далѣе, безпристрастіе и правдивость журналовъ критикъ доказываетъ насмѣшками надъ Евгеніемъ Онѣгинымъ и требованіями какой-то *степенности* отъ поэта — и только. Изъ двухъ-трехъ статей такого же рода, г. критикъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Кажется трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно».

Нѣтъ, г. критикъ! Вы видно не взглянули на исторію критики какъ настоящій историкъ! Вы,—извините насъ,—не прослѣдили даже хорошо критическихъ статей того времени. Даже о статьяхъ г. Недоумки, котораго эстетическій вкусъ вы защищаете,—вы знаете кажется только по наслышкѣ! Если бы исторія критики знакома была вамъ точно по источникамъ, вы бы не то увидѣли! Вы увидали бы не тѣ явленія, которыя приводите:—васъ поразило бы странностью непониманіе Пушкина даже и такою критикою, которая умѣла горячо, пламенно ему сочувствовать, васъ поразило бы по преимуществу, что критика *дорастаетъ* постепенно до Пушкина. Каковъ, напримѣръ, покажется вамъ, вотъ этотъ отрывокъ изъ «Литературныхъ мечтаній» человѣка, пламенно сочувствовавшаго Пушкину, писанный, какъ вамъ, вѣроятно, не безъизвѣстно, въ 1834 году, отрывокъ, въ которомъ поклоненіе Пушкину, не смотря на громкія слова, такъ еще робко, гдѣ еще разсказывается, что Пушкинъ творилъ шаля и играя (а мы знаемъ теперь, благодаря г. Анненкову, какъ дорого доставались *баловню природы* эти шалости и игры), гдѣ еще не узнаютъ Пушкина въ его сказкахъ и въ его Анджело. А статья писана пламеннымъ поклонникомъ поэта, который послѣ, повыросши, понималъ серьезность Пушкинскихъ шалостей и игръ, восторгался суровою жесткостью манеры, въ которой написанъ Анджело, и простотою сказокъ, хотя не понималъ послѣднихъ, по малой граматности.

« Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. « Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною « способностью принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія,

Digitized by Google

«онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка;
«онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, яв-
«леніямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда
«Россія, *переставшая вѣрить въ несомнѣнность вѣковыхъ правилъ,*
«*самою мудростью извлеченныхъ изъ писаній великихъ геніевъ,*
«и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ нравахъ, о другихъ мірахъ
«мыслей и понятій, и новыхъ неизвѣстныхъ ей дотолѣ взглядахъ
«на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ,
«будто онъ подражалъ *Шенье, Байрону* и другимъ: *Байронъ* вла-
«дѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ
«вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому
«великому явленію. Да — Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго
«ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, но міра
«Русскаго, но человѣчества Русскаго. Что дѣлать? Мы всѣ геніи
«самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все пріобрѣли, не
«проливши ни капли крови (??), а весѣлясь и играя, (?) словомъ:

Мы всѣ учились по немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

«Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности, переходилъ къ
«суровому труду,

Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наровнѣ.

«отъ труда опять къ младымъ пирамъ, сладкому бездѣлью и легко-
«крылому похмѣлью. *Ему недоставало только нѣмецко-художест-*
«*веннаго воспитанія* (NB и слава Богу). *Баловень природы, онъ шалъ*
«*и играя похищалъ у ней пленительные образы и формы*, и, снисхо-
«дительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣ-
«тами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями
«юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... *Какъ*
«*чародѣй, онъ въ одно и тоже время исторгалъ у насъ смѣхъ и*
«*слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ, и какъ*
«*изумлена была Русь звуками его голоса: и не диво, она*
«*еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушива-*
«*лась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ нервы ея*
«*жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши*
«*провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни изъ рас-*
«*творенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, подобные*
«*шуму волнъ или журчанію ручья...* (NB. Восхитительныя поэти-
ческія строки! Вотъ какъ учитесь писать, т.-е. чувствовать, г. кри-
тикъ, для того чтобы выступить съ статьею о Пушкинѣ, и тогда

Digitized by Google

вы можете разрѣшить вопросъ—можно или нѣтъ еще что-либо намъ писать. Не знаемъ, цѣните ли вы такъ, какъ мы цѣнимъ и чувствовали въ свое время всю даровитость этого живо-чувствовавшаго критика. Это—не Полевой и не г. Недоумко—а между тѣмъ и онъ *выросталъ* съ произведеніями Пушкина, и его Пушкинъ опредѣлялъ такъ же вѣрно и мѣтко, какъ вѣрно и мѣтко опредѣлялъ онъ часто однимъ словомъ различныхъ дѣятелей!)

«Не возможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечесть и описать всѣ дере«вья и цвѣты *Армидина* сада. У Пушкина мало, очень мало мел«кихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его «поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его могучая бесѣда съ «моремъ, его вѣщая дума о Наполеонѣ — поэмы. Но самые «драгоцѣнные алмазы его поэтическаго вѣнка, безъ сомнѣнія суть «Евгеній Онѣгинъ и Борисъ Годуновъ. *Я никогда не кончилъ бы, «еслибы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.*» (NB. А вы, г. критикъ, думаете, что все покончено, что и говорить больше не объ чемъ,—развѣ только о *справедливости* критики, современной произведеніямъ Пушкина!)

«Пушкинъ царствовалъ десять лѣтъ: Борисъ Годуновъ былъ «послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго «собранія его стихотвореній, замерли звуки его гармонической «лиры. *Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или мо«жетъ быть только обмеръ на время.* Можетъ быть его уже «нѣтъ, а можетъ быть онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, «это Гамлетовское быть или не быть, скрывается во мглѣ «будущаго. *По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его «поэмѣ Анджело и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающи«мся въ Новосельѣ и Библіотекѣ для чтенія*» (NB. А въ Библіотекѣ для чтенія напечатанъ былъ «*Гусаръ*», одно изъ художественнѣйшихъ произведеній поэта!) «*мы должны оплакивать горькую, «невозвратную потерю.* Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слыша«лось, бывало, то удалое разгулье, то сердечная тоска, гдѣ эти «вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, «сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тон«каго и язвительнаго, этой иронія, вмѣстѣ злой и тоскливой, кото«рыя поражали умъ своею игрою; гдѣ теперь *эти картины жизни «и природы, передъ которыми блѣдна была жизнь и природа.*» (Ясное дѣло, что критика была еще молода, когда Пушкинъ вступалъ въ возрастъ мужества; выросла—и стала понимать Пушкина—

Digitized by Google

мужа. Но какъ ей искренно жаль молодости Пушкина! Какъ свѣжа и могуча въ самомъ дѣлѣ эта критика! какъ вѣритъ она въ искусство, въ то: что произведенія искусства могутъ быть выше произведеній жизни и природы—и что бы сказала она, эта критика, на которую критика теперешняя ссылается, еслибъ увидала дикія положенія недавно вышедшей книги г. Чернышевскаго, встрѣченной весьма благосклонно критикою на нее ссылающеюся?) «Увы! вмѣсто «ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и «полубогатыми риѳмами» (NB. Увы! можемъ и мы воскликнуть.—критикѣ невѣдомо было, какъ начинало надоѣдать поэту однообразіе этихъ богатыхъ и полубогатыхъ риѳмъ, какъ тревожимъ онъ былъ исканіемъ новыхъ формъ—увы! все это и мы узнали только изъ труда г. Анненкова, да не оцѣнили еще по достоинству ни Пушкина, ни труда его издателя! Увы! увы! увы!), «съ піитическими вольностями, «о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубоко- «мысленно разсуждали архимандритъ *Аполлосъ* и г. *Остолоповъ!* «*Странная вещь, непонятная вещь!* Неужели Пушкина, котораго «не могли убить ни изступленныя похвалы энтузіастовъ, ни хвалебные «гимны торгашей, ни сильныя, не рѣдко справедливыя нападки и пори- «санія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Но- «восельe» г. Смирдина? *И однакожъ, не будемъ слишкомъ поспѣшны «и опрометчивы въ заключеніяхъ нашихъ о Пушкинѣ. Пушкина «судить не легко. Вы вѣрно читали его элегію въ Октябрьской «книжкѣ Библіотеки для чтенія. Вы вѣрно были потрясены глу- «бокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это зданіе? Упомяну- «тая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею «о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что за- «ключаетъ въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина какъ ху- «дожника:*

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

«Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрад- «ную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей «плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала «его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, «томился этою тоскою души пресыщенной наслажденіями и «все еще не вѣдавшей наслажденія; что онъ горѣлъ неистовымъ «огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался «дикою любовью Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за «свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его

Digitized by Google

«*рыданіями и смѣхомъ*». (NB. Опять мѣсто, отличающееся удивительнымъ сочувствіемъ къ изящному, поэтическимъ пониманіемъ изящнаго, неотразимо увлекающею вѣрою въ жизнь и искусство!) «Пусть «скажутъ, что это пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, «но я лучше хочу вѣрить тому, что *Пушкинъ* мистифируетъ Биб- «ліотеку для чтенія, чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. *Я вѣрю*, «*думаю, и мнѣ отрадно вѣрить и думать*, что Пушкинъ по- «даритъ насъ новыми созданіями, которыя будутъ выше прежнихъ.» (Молва 1834 г. N 50, стр. 397, 398, 399, 400).

Что́ вы скажете объ этомъ отзывѣ добросовѣстной, сочувствующей, вѣрующей критики, отзывѣ, въ которомъ удивительное пониманіе идетъ объ руку съ удивительнымъ же непониманіемъ,—вы, г. критикъ, взявшій на себя задачу оправдать критику въ ея отношеніяхъ къ Пушкину, вы, равнодушно перепечатывающій злые пасквили на «мирнаго поэта», вѣроятно потому, что критикѣ больше нечего дѣлать въ отношеніи къ Пушкину, какъ перепечатывать на него пасквили?

Приведенное нами мѣсто изъ старой критики, временъ Сатурна, критики низвергшей по всему праву ту критику временъ Урана, которую принялся такъ неудачно защищать г. новый критикъ Современника—само по себѣ очень назидательно, но будетъ еще назидательнѣе, когда мы объяснимъ его современными ему свидѣтельствами.

Когда въ 1839 году вышла вторая часть «Новоселья», въ которой напечатана въ первый разъ повѣсть «Анджело», въ 22 N Молвы появилась слѣдующая статья. По пламенному сочувствію къ Пушкину, по поэтическому пониманію поэта, статья принадлежитъ очевидно тому же перу, которое писало «Литературныя мечтанія». Замѣчателенъ въ высокой степени отзывъ объ «Анджело» своею неустрашимою вѣрностію.

«*Анджело*», повѣсть въ стихахъ Ал. Пушкина, въ трехъ частяхъ. «Піэса сія заслуживаетъ полное вниманіе критики, *хотя едвали «воспользуется таковымъ же отъ публики.*» (NB. Каково предвѣ- «деніе? Что, еслибъ оно смогло не сробѣть)? «Замѣтимъ предварительно, «что эта горсть людей у насъ читающихъ и слѣдовательно читаю- «щихъ Пушкина, такъ еще малочисленна, такъ мало внимательна къ «авторамъ ею читаемымъ, что у ней не можетъ образоваться раз- «личныхъ мнѣній, и слѣдовательно сужденій о писателѣ Нѣтъ, она «съ плеча, однимъ махомъ, по двумъ, тремъ піэсамъ, составляетъ «свое мнѣніе объ сочинителѣ; *и послѣ, что хотите дѣлайте, вы не*

Digitized by Google

«*собьете ее съ этого понятія, или, что еще хуже, если будете «усиливаться, сами проиграете непремѣнно.*» (NB. Да, замѣтимъ мы, даже сами отступитесь, если вы еще молоды, если ваши основанія шатки, если вы малограмотны, что и сдѣлалось.) «Безспорно, «что несравненный, единственный современный талантъ Пушкина, «сдѣлался извѣстенъ у насъ первыми произведеніями его юности, «хотя быть можетъ и не всегда отчетистыми, но всегда горячими, «пылкими, истинно-поэтическими. Первое впечатлѣніе рѣшило славу «его, положило основный камень мнѣнію публики о Пушкинѣ. Каж- «дый стихъ его, каждое слово ловили, записывали, выучивали и «*всюду думали видѣть тѣнь или блескъ того же характера* «пылкой, *стремительной юности, по произведеніямъ которой* «*составили о немъ понятіе. Но поэтъ, какъ Пушкинъ, не могъ* «*оставаться въ зависимости, даже и отъ общественнаго мнѣнія:* «*онъ шелъ своимъ путемъ, и чѣмъ сильнѣе, самобытнѣе, выше* «*развивался талантъ его, тѣмъ далѣе послѣдующія его произве-* «*денія расходились съ тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ, которое* «*такъ шумно, такъ торжественно сдѣлалъ онъ, еще не знаемый* «*изъ садовъ Лицея!* Онъ былъ не доволенъ публикою, не доволенъ «ея образомъ воззрѣнія на себя, и негодованіе поэта изливалось не «разъ въ стихахъ могущественныхъ:

Такъ толковала чернь пустая,
Поэту славному внимая.

«Но публика стояла крѣпко на своемъ, и поэтъ, не внимая ей, «идучи своимъ путемъ, болѣе и болѣе отдалялся отъ ея участія. «*Вотъ, по нашему мнѣнію, единственная разгадка, почему пос-* «*лѣднія, лучшія поэмы его, какъ н. п. «Борисъ», были принимаемы* «*съ меньшимъ жаромъ и участіемъ. Пушкинъ не внималъ и про-* «*должалъ путь свой.* Не смѣемъ здѣсь пускаться въ разсужденіе, «кто правъ: публика ли съ своимъ упрямствомъ и желаніемъ слы- «шать отъ поэта тотъ же строй пѣсней, которымъ онъ пробудилъ «ея вниманіе, или непокорность поэта сему требованію. Ограничимся «сознаніемъ, *что общее участіе къ произведеніямъ Пушкина уже* «*значительно измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его* «*сочиненій.* Это предварительное изложеніе, по нашему разумѣнію, «было необходимо для того, чтобы дать, въ настоящемъ случаѣ, вѣр- «ный отчетъ о повѣсти его «Анджело» и показать, что мы, уважая «поэта, изучали не только его произведенія, но плодъ ихъ вліянія на «публику и ея къ нему отношенія. Дополнимъ это замѣчаніемъ; что «есть еще люди, независимые отъ первыхъ впечатлѣній, которые и

Digitized by Google

«теперь понимают и цѣнятъ Пушкина: но много ли ихъ? Обра-
«тимся къ «Анджело». Боккачіо, отецъ Декамерона, былъ первымъ
«начавшимъ писать въ родѣ, къ коему принадлежитъ «Анджело».
«*Простой, самый естественный, безстрастный, не размышляю-*
«*щій разсказъ происшествій, какъ они были, есть отличительная*
«*черта сего рода произведеній*, являвшихся въ свое время не слу-
«чайно, не по прихоти литературной, а вслѣдствіе особыхъ обсто-
«ятельствъ, развивавшихъ въ разные періоды времени различные
«роды стихотвореній: сагу, романсъ, балладу и т. д. Возможно ли
«подобное возсозданіе какого-либо рода стихотвореній во всякое время
«по волѣ самаго сильнаго дарованія? Имѣетъ ли право талантъ, не
«обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно
«усиливаться воскресить прошедшее, идти назадъ, не стремиться
«впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Вправѣ
«ли писатель винить публику, если она не раздѣляетъ его strem-
«ленія къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго влеченія къ
«будущему, остается равнодушною, не признательною къ его тя-
«гостному боренію съ вѣкомъ, *усилію, часто обнаруживающему*
«*тѣмъ разительнѣе всю великость его дарованія?* Вотъ вопросы,
«которые въ настоящее время было бы кстати предложить на раз-
«рѣшеніе, и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библіогра-
«фической, хотя въ нихъ-то существенно должна заключаться истин-
«ная оцѣнка піэсы Пушкина, *полной искуства, доведеннаго до*
«*естественности, ума скрытаго въ простотѣ разительной, и*
«*сверхъ того неотъемлемо отличающейся истиннымъ признакомъ*
«*зрѣлости поэта—тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ*
«*въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей. Судить о стихосло-*
«*женіи Пушкина было бы излишне:* мы ограничиваемся наведе-
«ніемъ читателей на мысль, стоющую по мнѣнію нашему подроб-
«наго изслѣдованія.» (Молва 1834 г. N 22, стр. 338—341).

Нельзя не удивляться здѣсь и вѣрности взгляда во взглядѣ на значеніе Пушкина и на отношеніе къ нему публики и критики, и превосходному опредѣленію существенныхъ красотъ манеры, въ которой писанъ Анджело, даже указанію связи этой манеры съ манерой Боккачіо, хотя недостатокъ грамотности очевиденъ и здѣсь: не указанъ ближайшій источникъ Анджело — Шекспирова драма. Самые вопросы, останавливающіе критика, въ извѣстной степени законны: самое стихосложеніе Пушкина поразило его своею особенностью—тутъ нѣтъ еще и помину объ архимандритѣ *Аполлосѣ* и т. *Остолоповѣ*. Передъ чѣмъ же отступила эта критика, по види-

Digitized by Google

мому столь самостоятельная, столь мужественная, столь созрѣвшая до пониманія Пушкина?

Передъ статьею «Жителя Сивцева вражка», напечатанною въ 24 N той же «Молвы» на стр. 370—375!!!

«Рецензентъ вашъ—говоритъ этотъ новый критикъ — въ суж-«деніи объ «Анджело» Пушкина, помѣщенномъ въ сей части Ново-«селья, оказалъ слишкомъ явное пристрастіе. Я совершенно согла-«сенъ съ нимъ въ томъ, что говоритъ онъ вообще о ходѣ вліянія «Пушкина на публику, о постоянно усиливающемся разнорѣчіи его «съ нею и о значительномъ измѣненіи общаго участія къ его про-«изведеніямъ. Но, признаюсь, вопреки ему, не нашелъ въ «Анджело» «ни «искусства доведеннаго до естественности», ни «ума скрытаго въ «простотѣ разительной», тѣмъ болѣе не замѣтилъ «истиннаго при-«знака зрѣлости поэта — того спокойствія, которое мы постигаемъ «въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей.» По моему искреннему «убѣжденію, «Анджело» есть самое плохое произведеніе Пушкина; «еслибъ не было подъ нимъ его имени, я бы не повѣрилъ, чтобъ «это стихотвореніе принадлежало къ послѣднему двадцати-пятилѣтію «нашей словесности и счелъ бы его стариною, вытащенною изъ «отыскаинаго вновь портфейля какого-нибудь изъ второстепенныхъ «образцовыхъ писателей прошлаго вѣка.» Такъ мало походитъ оно «на Пушкинское даже самою версификаціею, изобилующею до не-«вѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными «предлогами! Не угодно ли вамъ перечесть вновь слѣдующіе стихи:

«Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенье:
«Что еслибъ отдали тебѣ на разрѣшенье,
«Оставить брата влечь *ко* плахѣ на убой,
«Иль искупить его, пожертвовавъ собой
«И плоть предавъ грѣху (с. 61).

«*Или* пожалуй хоть эти:

«Средство есть одно къ его спасенью.
(«Все это клонится къ тому предположенью
«И только есть вопросъ и больше ничего)
«Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его,
(«Наперсникъ судій, иль самъ по сану властный
«Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный)
«Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ
«И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
«Своимъ паденіемъ: не то—рѣшить законъ. (с. 63).

«Или слѣдующій афоризмъ:

«Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
«На коемъ наконецъ уже садятся птицы.

Digitized by Google

«Спрашиваю, чѣмъ эти и многіе подобные стихи лучше стиховъ «не только Хераскова и Кострова, даже нѣкоторыхъ Сумарокова? «Я уже не упоминаю о томъ, что въ отношеніи къ содержанію, «Анджело» есть не что иное, какъ передѣлка Шекспировой Measure «for Measure изъ прекрасной драмы въ вялую, пустую сказку. Не «думайте чтобы я былъ предубѣжденъ противъ творца этой пере«дѣлки; напротивъ, увѣряю васъ, что никто больше меня не чувствуетъ «живѣйшей признательности къ Пушкину за неоцѣненныя минуты, «кои онъ доставлялъ мнѣ своими первыми произведеніями, благоу«хавшими свѣжей сладостью мощнаго, роскошнаго таланта. И по«тому, читая Анджело, я повторялъ съ чувствомъ глубочайшей го«рести его же прекрасный стихъ, въ то время глубоко запавшій «мнѣ въ душу: увы!

«Таковъ ли былъ онъ расцвѣтая?..

«Въ полной надеждѣ, что вы не откажетесь ввѣрить крыльямъ вашей «Молвы сію апелляцію на Молву, съ отличнымъ уваженіемъ имѣю «честь быть

«Вашъ покорнѣйшій слуга
«Житель Сивцева Вражка.

«Іюня 19. 1834 г.»

И предъ такой-то ничтожной статейкою отступила критика. И потомъ явились «Литературные мечтанія».

Не въ правѣ ль же была сама эта критика въ другую свою эпоху, въ эпоху, которую, въ противоположность временамъ Сатурна, мы назовемъ эпохою титаническою—въ эпоху пафоса, въ статьѣ о Киршѣ Даниловѣ и Сахаровѣ, въ Отеч. Запискахъ, говорить: «Критика «того времени безусловно восторгалась произведеніями Пушкина до «той поры, какъ геній его возмужалъ: не подозрѣвая того, что онъ «имъ сталъ уже слишкомъ не по плечу, они, по свойственному чело«вѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палъ.»

А неизвѣстный критикъ Современника — взялся оправдывать критику современную Пушкину! (*).

Но обратимся къ другимъ статьямъ о Пушкинѣ.

(*) Мы увѣрены даже, что онъ готовъ быть ратоборцемъ за приведенную статью «жителя Сивцева вражка»,—вмѣстѣ съ нимъ находить «Анджело» самою плохою вещью, вмѣстѣ съ нимъ не понимать, почему великій художникъ такъ утомился своею легкою версификаціей, почему обратился онъ къ манерѣ писателей прошлаго вѣка.

Digitized by Google

Статья о сочиненіяхъ Пушкина въ Іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» собственно о сочиненіяхъ Пушкина не толкуетъ да и толковать не хочетъ. Предлагаемыя журналомъ статьи имѣютъ предметомъ *разсматривать со всѣхъ сторонъ изданіе*... Какъ это кажется ухитриться написать нѣсколько статей объ изданіи—и кому будутъ предлагаться эти статьи? Подробный эстетическій разборъ самихъ произведеній поэта не входитъ въ планъ этихъ статей, потому что, какъ говоритъ критикъ—«въ нашемъ же журналѣ былъ «напечатанъ полный разборъ сочиненій Пушкина. Взглядъ нашъ съ «тѣхъ поръ не измѣнился, потому что творенія Пушкина, хотя уже «почти четверть вѣка прошло надъ его могилою, до сихъ поръ не «утратили своей обаятельной силы и свѣжести, и еще далеко то «время, когда критика въ состояніи будетъ сказать что-либо новое «или измѣнить свои сужденія о его произведеніяхъ, изъ которыхъ «многимъ суждена вѣчная юность, какъ всему истинному въ наукѣ» Прекрасно сказано, замѣтимъ мы—но ссылка на прежнюю критику, какъ на исчерпавшую все, что можно сказать какъ о Пушкинѣ, такъ и обо многомъ другомъ, если не обо всемъ,—подтверждаетъ какъ нельзя болѣе нашу мысль объ одряхлѣніи и истощеніи теперешней. Какъ это не найдти въ Пушкинѣ чего либо новаго даже съ эстетической стороны, когда цѣлыя библіотеки сочиненій о знаменитыхъ писателяхъ существуютъ въ другихъ европейскихъ литературахъ? И особенно въ настоящее время были бы полезны эстетическія статьи о Пушкинѣ. Около четверти вѣка прошло послѣ его смерти—какъ справедливо, хотя не точно выразился критикъ,—и должно признаться къ сожалѣнію, что поколѣніе, воспитавшееся въ эту четверть вѣка, воспиталось—увы! не на Пушкинѣ, какъ воспитывались на немъ мы, нынѣ пишущіе и поучающіе. Скажемъ даже болѣе: различныя эфемерныя произведенія и тяжеловѣсныя статьи объ этихъ эфемерныхъ произведеніяхъ, статьи, въ которыхъ широко и глубокомысленно обсуживались по поводу литературы различные политико-экономическіе вопросы—разорвали связь между Пушкинымъ и поколѣніемъ, воспитавшимся въ эту четверть вѣка: вкусъ у этого поколѣнія (мы говоримъ о той части его, которая подверглась журнальнымъ вліяніямъ) испорченъ или лучше сказать зараженъ: юношамъ и дѣвамъ, которые съ пафосомъ читали только больничныя или исправительныя стихотворенія г. Некрасова, и *греческія* пѣснопѣнія г. Щербины, нужно долго и долго втолковывать на Пушкинѣ, въ чемъ заключается значеніе искусства, въ чемъ состоитъ истинная красота; даже читавшимъ даровитыхъ изъ новыхъ поэтовъ,

Digitized by Google

но только новыхъ—красота Пушкинской поэзіи будетъ новостью: мы сами въ тѣхъ обществахъ, гдѣ наиболѣе читаютъ вообще и кромѣ того читаютъ даже по-русски мужескій полъ и женскій, встрѣчали и встрѣчаемъ госпожъ и господъ, которымъ напомни только то или другое стихотвореніе Фета, Огарева, Майкова—они наизусть его знаютъ,—но которые какъ-то смутно, неопредѣленно отзываются о Пушкинѣ. Да объ одной простотѣ, правдѣ и искренности Пушкинской поэзіи сравнительно со всею современною—можно написать нѣсколько статей, болѣе конечно нужныхъ для публики, чѣмъ нынѣ предлагаемая статья и будущія статьи объ изданіи Пушкина, статьи, которымъ мѣсто не въ отдѣлѣ критики. А что можно сказать о Пушкинѣ какъ о повѣствователѣ, особенно сравнительно съ продуктами натуральной школы и съ водяною беллетристикою послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ! Явно, что ссылка на прежнюю критику есть въ настоящемъ случаѣ смиренное, хотя неискреннее сознаніе критики въ безсиліи и истощеніи. Замѣчательно, что никто изъ *настоящихъ* литераторовъ, никто изъ *извѣстныхъ* критиковъ, кромѣ г. Дружинина, не сказалъ ни слова о Пушкинѣ, предоставивши это дѣло борцамъ темнымъ или только что выступившимъ на сцену литературы, хотя отъ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ отъ г. Галахова, принадлежащаго къ поколѣнію воспитавшемуся на Пушкинѣ и знакомаго съ фактами не ученически,—отъ г. Кудрявцева, котораго нѣкоторыя статьи показывали много эстетическаго такта въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній, въ правѣ были ожидать многіе статей о Пушкинѣ, скорѣе чѣмъ отъ таинственнаго критика Современника, — но г. Галаховъ почилъ на лаврахъ послѣ своей статьи о Карамзинѣ, г. Кудрявцевъ печатаетъ въ Запискахъ очень хорошія статьи о «Дантѣ», другіе изъ грамотныхъ критиковъ давно уже ничего не печатаютъ. На сценѣ только темные борцы въ родѣ господина, пописывающаго критики въ Современникъ, и многихъ господъ, *имѣ же имя Легіонъ*, наводняющихъ безнаказанно безвкусіемъ и незнаніемъ дѣла столбцы С.-Петербургскихъ газетъ. Печальное, по истинѣ печальное состояніе критики! Еще печальнѣе представляется оно, когда среди этихъ темныхъ борцовъ появляется боецъ посѣдѣлый въ родѣ г. П. съ мнѣніями дикими, устарѣлыми, и говоритъ какъ *власть имѣющій* о томъ, что повѣсти Пушкина — дрянь, а г. Вонлярлярскій чуть-чуть не геній!

Боже мой! и неужели же все это отъ того, что нечего писать критикѣ. Да вѣдь знаетъ же и прекрасно знаетъ критика, о чемъ писать, какія интересныя струны затронуть, говоря о писателѣ ино-

Digitized by Google

страшномъ. Посмотрите напримѣръ, какъ основательно говоритъ упомянутый нами г. Кудрявцевъ въ статьяхъ о «Дантѣ»: Каждая «вновь наступающая эпоха пробуетъ свои силы надъ Дантомъ; *каж-*«*дый вновь выработанный пріемъ въ общей исторіи литературы* «*прилагается и къ Данту*. Только-что, кажется, установилось «новое воззрѣніе на него, какъ старое опять усиливается взять пе-«ревѣсъ надъ новымъ. Опытъ слѣдуетъ за опытомъ, одинъ пріемъ «смѣняется другимъ, *но никто, конечно, не скажетъ, что современ-*«*ныя работы, предпринятыя надъ Дантомъ, какъ бы впрочемъ* «*онѣ* ни были *удачны*, полагали *предѣлъ дальнѣйшему изслѣдова-*«*нію о немъ*. Пока не умрутъ историческіе и литературные инте-«ресы, *дѣятельная мысль не перестанетъ трудиться надъ его* «*твореніями и всегда будетъ надѣяться найдти въ нихъ много* «*новаго для себя*.» Какая ужасающая разноголосица между этими здравыми словами, прилагающимися конечно къ изученію всякаго великаго народнаго писателя—и между словами критиковъ «Отеч. Записокъ» и «Современника». Между тѣмъ г. Кудрявцевъ же напримѣръ, такъ хорошо сознающій эти истины и такъ здраво ихъ выражающій,—удивительно ясно обозначающій пріемы исторической критики,—предпочитаетъ работѣ надъ Пушкинымъ—извлеченіе изъ двухъ книгъ о Дантѣ: Форіэля и Вегеля, работу конечно болѣе легкую и пожалуй доставляющую въ своемъ кружкѣ дешевую славу, но за которую взяться можно и безъ дарованій г. Кудрявцева, статью, которую подъ силу было бы смастерить какому-нибудь г. Тихонравову или другому темному адепту! Въ настоящую минуту, это особенно досадно, и тѣмъ болѣе досадно, что въ предисловіи къ своему извлеченію г. Кудрявцевъ излагаетъ превосходно пріемы исторической критики. «Въ наше время, — го-«воритъ онъ—лучше нежели когда-либо понято, что жизнь писателя «и его авторская дѣятельность—два явленія, соединенныя между «собою тѣснѣйшимъ образомъ, или что въ дѣятельности писателя, «въ его произведеніяхъ, слагаются его же жизненные результаты. «Если ужъ слогъ самъ по себѣ обличаетъ человѣка; то чего же не «скажетъ намъ о немъ самое содержаніе его произведеній? Надобно «только искусно собрать лучи свѣта, проливаемаго твореніями пи-«сателя на его жизнь, и умѣть направить ихъ на настоящіе пункты. «Нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ этого метода, послѣ блестящихъ «опытовъ приложенія его къ Гёте и Шиллеру и въ недавнее время «къ Шекспиру извѣстнымъ историкомъ нѣмецкой литературы. По-«слѣдній опытъ особенно говоритъ въ пользу метода, потому что

Digitized by Google

«только съ помощію его автору удалось наконецъ заглянуть во внутренній міръ поэта и открыть въ этомъ мірѣ послѣдовательность «явленій, о которыхъ его біографы не имѣли никакого подозрѣнія. «Въ строкахъ и между строками твореній Шекспира, Гервинусъ нашелъ секретъ прочесть внутреннюю его біографію. *Почему не приложить того же способа и къ другимъ писателямъ, о дѣятельности которыхъ мы гораздо больше знаемъ изъ ихъ произведеній, нежели изъ исторіи ихъ жизни?* Въ свою очередь жизнь писателя даетъ ключь къ объясненію его твореній. Это старая истина, которой сила извѣстна была уже въ древней литературѣ. Въ наше время значеніе ея сознается все больше и больше. Кто не «читалъ жизни автора, для того потерянъ смыслъ многихъ его произведеній. *Тѣмъ оригинальнѣе писатель, тѣмъ глубже въ его жизни лежатъ корни самыхъ его созданій:* не тотъ только пустой фразеръ и риторъ, кто любитъ пышныя рѣчи, но тотъ въ особенности, у кого онѣ легко ложатся подъ перо, безъ участія мысли и сердца. Спросите у комментаторовъ, знающихъ лучше насъ домашнія тайны писателей, и они скажутъ вамъ, съ ироническою улыбкою или безъ нея—все равно, *что мотивы задушевнѣйшихъ лирическихъ произведеній взяты обыкновенно изъ жизни самаго поэта. У романиста, у драматическаго писателя, можетъ быть, тѣже самыя ощущенія превратились въ идеальные образы, полные жизни и движенія. Еще больше надобно допрашиваться отвѣта о жизни писателя, если въ рѣчахъ его слышится одно твердое убѣжденіе, которое покрываетъ собою всѣ прочія мысли. Убѣжденіе не родится изъ теоріи; оно приходитъ вмѣстѣ съ успѣхами жизни и нерѣдко на перекоръ ея направленію. Если убѣжденіе истинно, если это не призракъ, оно наполнитъ всего человѣка и не можетъ не сказаться въ его произведеніяхъ. Оторвите убѣжденіе отъ жизненной его основы—и оно, если не потеряетъ вовсе своего разумнаго смысла, легко можетъ показаться странностью и поведетъ только къ произвольнымъ толкованіямъ.»*

Читая подобныя строки, невольно приходитъ въ голову мысль, какъ легко усвоиваемъ мы все то, что̀ долгимъ умственнымъ процессомъ выработано въ остальной Европѣ, становимся тотчасъ же во всякомъ дѣлѣ хозяевами, относимся даже ко всякому дѣлу критически, (и, прибавимъ не безъ чувства народной гордости, имѣемъ право относиться критически)—и между тѣмъ на дѣлѣ, на практикѣ, прилагаемъ наше ясное и тонкое пониманіе къ какимъ-нибудь тру-

Digitized by Google

дамъ ex otio, отговариваясь тѣмъ, что нечего дѣлать, не для чего дѣлать и т. д. «Матеріалы для Біографіи Пушкина» (скромное и справедливое заглавіе труда г. Анненкова) подавали именно поводъ къ испытанію надъ Пушкинымъ такого рода пріема, котораго свойства и значеніе такъ хорошо объяснены г. Кудрявцевымъ—а у насъ нашелся особенный пріемъ: перепечатывать старые пасквили на Пушкина, да еще другой—ссылаться на прежнюю критическую дѣятельность!

Честь и слава г. Дружинину! Заслуга двухъ статей его о Пушкинѣ въ Библіотекѣ для чтенія заключается въ томъ, что онъ, какъ мыслящій и серьезный литераторъ, обошелся съ трудомъ г. Анненкова—изъ матеріаловъ, предложенныхъ издателемъ для желающихъ изображать колоссальный образъ нашего народнаго поэта, г. Дружининъ вылѣпилъ изваяніе Пушкина—европейскаго поэта и Пушкина -человѣка труда. Распространяться о статьяхъ его, проникнутыхъ единою, стройною и живою мыслію, обдуманныхъ честно, выполненныхъ съ умомъ и изяществомъ—мы не будемъ, желая сообщить статьѣ нашей единство полемическаго колорита. Г. Дружининъ—блестящее исключеніе: общія же замѣчанія наши касались не исключеній, а обыденныхъ явленій въ критикѣ—и кажется съ достаточною ясностію доказали ея несостоятельность. Признаемся откровенно, что не безъ нѣкотораго злобнаго удовольствія слѣдили мы за ея промахами, но вѣроятно противники наши поймутъ, какъ они уже поняли впрочемъ, что наша полемическая жестокость имѣетъ источникомъ своимъ не личное раздраженіе, а любовь и уваженіе къ искусству. Что же касается до насъ лично, то, ведя борьбу не съ теперешнею критикою, а съ тою, на которую теперешняя ссылается, съ критикою, какъ и наша, не чуждою рѣзкостей и увлеченій идеями, мы не раздражались и не будемъ раздражаться глумленіемъ надъ увлеченіями. Отсутствіе способности къ пониманію увлеченій есть одна изъ болѣзней нравственной дряхлости.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Корелы Кемскаго и Онежскаго уѣзда—Järvilaiset. Русскіе переселенцы въ Карелін — поморцы. Поморье. Природа поморья; Флора поморья; почва. Прежніе рудники и рудопромышленность Архангельской губерніи. Вонцкой рудникъ. Озера. Рѣки Жемчугъ. Семга. Звѣри и птицы поморья. Хлѣбопашество. *Заболонь. Решка.* Промыслы Корелов: холебщики, торговцы, кузнецы, оружейники, модъужемскіе кораблестроители, вольно-наемные матросы — вѣчные работники хозяевъ. Гостепріимство Корелов. Пиры во время церковныхъ праздниковъ. Предубѣжденіе противъ Корелов. Древнія преданія о волшебствѣ Финовъ. «Порча», «Стрѣлы или стрѣлье». Свадебные отпуски: вниманье къ колдунамъ. Средства отъ порчи и колдуновъ. Безпокойное господство колдуновъ. Беззубой колдунъ безсиленъ. Населенье поморья русскими. Политическое значеніе Соловецка при самомъ его основаніи. Исторія Соловецкаго монастыря. Сумская деревянная крѣпость. Кемской острогъ. Промыслы русскихъ поморовъ. Отвальный обѣдъ. Проводины. *Торосы.* Весновальный, сальный промыселъ. *Ромша. Юро.* Спуски ладей. *Отпускъ* скота. *Ловля* семги. *Страда.* Сушеніе грибовъ. Мореходство поморовъ. Антипъ Тимоѳѣевъ Горковатовъ. Иванъ Рябовъ. Ожиданіе «Вѣтреницъ». Возвращеніе украдкой. Баня и обѣдъ. Панихида за погибшихъ въ морѣ. Охота за звѣрями и птицами, выварка соли и ловля сельдей. Веселости жителей поморья. *Просины* невѣсты. *Плаканье* невѣсты. Раскольничество. Осада Соловецкаго монастыря. Повѣрья и поговорки поморовъ. Кемь—поѣстье Марѳы Посадницы, нынѣ уѣздный городъ Архангельской губерніи. Городъ Онега. Средняя часть Архангельской губерніи. Придвинскіе лѣса. Свча. Уборка хлѣба въ прозелень. Земледѣльческія орудія. Среднее число посѣвовъ. Огородничество. Звѣриная ловля и охота. Птицеловство. Жилища жителей средней полосы Архангельской губерніи. Монастыри и обители въ уѣздахъ Архангельскомъ, Холмогорскомъ, Шенкурскомъ и Пинежскомъ. Города: *Архангельскъ.* Иноземные градодѣятели. Адмиралтейство на Соломбольскомъ островѣ. Новодвинская крѣпость. Соломбольское общество. Кругъ Архангельскаго купечества. Архіерейскій домъ. Памятникъ Ломоносову. Заводы. Торговля города. Пакгаузы и биржи. *Холмогоры.* Соборъ. Куроостровская волость—родина Ломоносова. Вавчуга. Братья Баженины. *Шенкурскъ*—древняя Вага. Шенкурскія ярмарки. *Пинега.* Торговля рябчиками. Ландшафты дикой природы.

Заканчивая послѣднюю статью мою, я обѣщался, любезный читатель, продолжать съ вами бесѣду объ Архангельской губерніи. Во исполненіе пословицы: «недавши слово держись, а давши крѣпись», я держу свое обѣщаніе.

Digitized by Google

Уѣзды Архангельской губерніи, лежащіе отъ Кольскаго уѣзда, къ югу по Бѣлому морю, суть Кемской и Онежской. Здѣсь вы также встрѣчаете потомковъ Финскаго поколѣнія—Кореловъ. Но Русскіе нашли возможность въ этихъ мѣстахъ завести осѣдлость, они перемѣшались съ Корелами, и послѣдніе, находясь подъ вліяніемъ переселенцевъ, потеряли свои родовыя особенности, удержавъ только свой бѣдный языкъ. Корелы сами себя именуютъ Järvilaiset, т.-е. жителями озеръ или мѣстъ покрытыхъ озерами. Имя Кореловъ дано имъ по мѣсту, которое называлось Кореліею и занимало всю сѣверную часть Финляндіи (*). Подвергшись вліянію Русскихъ, здѣшніе Финны, въ свою очередь, произвели на нихъ тоже нѣкоторое вліяніе. Отъ этого взаимнаго дѣйствія одного народа на другой произошла перемѣна въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ каждаго изъ нихъ, т.-е. вышло то, что Кореляки отстали отъ древнихъ Финновъ, а Русскіе поморцы пріобрѣли такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ прочихъ Русскихъ, живущихъ въ той-же Архангельской губерніи. Все здѣшнее поморье было нѣкогда занято Финнами; когда-же пришли сюда Русскіе, то Финны должны были уступить имъ береговое пространство Бѣлаго моря и покориться новымъ пришельцамъ. Впослѣдствіи побѣдители и побѣжденные слились въ одну массу: такимъ-то образомъ составилось племя здѣшнихъ поморовъ, между которыми и до сихъ поръ существуютъ финскія фамильныя прозвища. Только тѣ Финны, которые жили вдали отъ морскихъ береговъ, долго еще оставались въ въ прежнемъ состояніи; но нынѣ и тѣ ничѣмъ, кромѣ родоваго языка своего, не отличаются отъ поморовъ.

Подъ именемъ *поморья* здѣсь разумѣется все береговое пространство Бѣлаго моря отъ Колы до Архангельска и Мезени; но, въ тѣсномъ и болѣе опредѣленномъ значеніи, имя поморовъ придается только пространству отъ Кандалакшской губы до Онеги, т.-е. уѣздамъ Кемскому и Онежскому, потому что эти берега Бѣлаго моря наиболѣе населены. Восточный берегъ моря, почти совершенно пустынный, называется просто зимнимъ берегомъ. Берега собственно поморья имѣютъ особыя названія, именно отъ вершины Кандалакшской губы до устья ея по южную сторону идетъ берегъ Кандалакшскій, простирающійся на 150 верстъ; отсюда до города Кеми тянется берегъ Карельскій; далѣе начинается Поморскій берегъ, идущій до города Онеги.

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

Природа поморья отличается отъ лапландской только климатомъ, который здѣсь не такъ суровъ и ужасенъ; но и этотъ естественный переходъ въ климатѣ совершается постепенно. Такъ, напримѣръ, Кандалакшскій южный берегъ, по положенію своему открытый холоднымъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, имѣетъ климатъ ничемъ неотличающійся отъ климата Лапландіи. Вообще вся береговая полоса поморья, подверженная вліянію моря, не можетъ похвастаться благорастворенностію воздуха. Во внутренности же страны, чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ лучше становится климатъ. Это явленіе общее для всякаго приморскаго края. Растительное царство хотя и не разнообразно, но за то хорошо тѣмъ, что вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ поморцевъ. Здѣшніе лѣса чрезвычайно обширны, и достигаютъ полнаго своего развитія и громадности; особенно хороши лѣса въ Карелiи (по здѣшнему въ Карелахъ): тамъ проходятъ отпрыски Скандинавскаго хребта, образуя множество холмовъ; всѣ эти холмы увѣнчаны лиственницами, елями, соснами и березами. Вся эта растительность, или лучше сказать, флора поморья имѣетъ такой суровый видъ, что на каждомъ шагу вашемъ напоминаетъ, что вы находитесь среди угрюмыхъ сѣверныхъ странъ. Плодоносныхъ кустарниковъ мало, а если и есть кой-гдѣ, то они не всегда приносятъ плоды, потому что ихъ истребляютъ то морозы, то черви. Тундристая почва, встрѣчающаяся очень часто въ поморьѣ, производитъ много ягодъ, особенно морошку, чернику и бруснику, послѣднюю въ такомъ изобилiи, что ее собираютъ граблями.

Общій видъ поверхности поморскаго края представляетъ намъ тоже, что и Лапландія, т.-е. холмистыя возвышенности, болота, множество озеръ, рѣкъ и ручьевъ. Грунтъ земли—гнейсо-гранитъ, покрытый различными наносными почвами. Въ нѣдрахъ этого грунта во многихъ мѣстахъ находятся металлы: золото, серебро, мѣдь и желѣзо. Въ прежнее время здѣшніе рудники были разработываемы, но нынѣ эта вѣтвь промышленности вовсе оставлена, и, кромѣ желѣза, здѣшніе жители ничего болѣе не добываютъ (*).

Однако первое въ Россіи горное производство, начавшееся въ XV столѣтіи при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ, первоначально находилось только въ нынѣшней Архангельской губернiи, гдѣ добывались серебряныя и мѣдныя руды (найдены грекомъ Мануиломъ Ларьевымъ), на рѣкѣ Цыльмѣ, впадающей въ рѣку Печору.

(*) Тамъ-же.

Digitized by Google

Прежде въ Архангельской губерніи существовала довольно значительная разработка золота, въ такъ называемомъ Воицкомъ рудникѣ. Этотъ оставленный рудникъ находится въ Кемскомъ уѣздѣ, близъ самой границы Архангельской губерніи съ Олонецкою, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою Выгомъ, вытекающей здѣсь изъ озера Выго, и заливомъ сего послѣдняго въ разстояніи около 500 верстъ къ сѣверу отъ города Петрозаводска и около 750 верстъ отъ С.-Петербурга. Мѣсторожденіе его составляетъ жила кварца, проходящая въ тольковомъ сланцѣ, содержащая въ себѣ самородное золото, мѣдный колчеданъ и стекловатую мѣдную руду. Простираніе ея идетъ отъ W на O, паденіе на N около 80°. Толщина мѣстами доходитъ до одной сажени. Длина по простиранію горными работами открыта на 32 сажени, въ глубину же она разработана на 60 сажень. Должно замѣтить, что этою выработкою она не вынута еще вся на очистку, потому что какъ въ глубину, такъ и въ бока, по простиранію ея въ забояхъ, вездѣ продолжается еще жильный кварцъ. Первыя работы на Воицкомъ мѣсторожденіи были начаты въ 1742 году и въ началѣ добывались изъ него одни мѣдныя руды; только въ 1745 году замѣчено было самородное золото, и съ того времени началось извлеченіе этого металла. Но въ 1770 году всѣ работы въ рудникѣ были прекращены отъ дороговизны средствъ для извлеченія изъ него металловъ; главнѣйшія же препятствія къ дальнѣйшей разработкѣ рудника состояли въ сильномъ притокѣ воды и въ испорченномъ рудничномъ воздухѣ. Въ 1793 году, при возобновленіи работъ въ Воицкомъ рудникѣ, была паровая машина для откачиванія воды; но за всѣмъ тѣмъ, въ слѣдующемъ 1794 году работы были остановлены въ третій и уже въ послѣдній разъ. Въ этотъ разъ почти не было въ рудникѣ производимо собственно горныхъ работъ, и остается неизвѣстнымъ, что понудило остановить разработку.

Не излишнимъ считаемъ замѣтить, что во время третьей попытки разработывать Воицкой рудникъ, пробы кварца, казавшагося совершенно безрудянымъ (которымъ пренебрегали прежніе рудокопы), дали по протолчкѣ и промывкѣ $7^{1}/_{2}$ золотниковъ золота въ 150 пудахъ его; слѣдовательно на 100 пудовъ (количество, на которое разсчитываютъ въ Россіи благородные металлы), придется 5 золотниковъ; между тѣмъ какъ на Березовскихъ золотыхъ рудникахъ, близъ Екатеринбурга, съ выгодою разработываютъ даже такія кварцовыя жильныя руды, которыя со 100 пудовъ даютъ только $2^{1}/_{2}$ золотника, а иногда и менѣе.

Digitized by Google

Итакъ вотъ какія были бѣднѣйшія воицкія руды, которыми пренебрегали прежніе рудокопы; какое же содержаніе золота можемъ мы предположить въ ихъ богатыхъ рудахъ?... Взявши въ соображеніе нынѣшнее улучшенное искусство добыванія рудъ и всѣхъ механическихъ устройствъ, хорошій надзоръ за работниками и дешевизну тамошняго края, можемъ предполагать, что въ настоящее время Воицкой рудникъ при разработываніи приносилъ бы немаловажныя выгоды.

Въ 1827 году возобновилась на сѣверѣ развѣдка золота, и опять оказались признаки его въ толстыхъ кварцовыхъ жилахъ, проходящихъ въ діоритѣ въ обнаженіи берега рѣки Выга, по близости оставленнаго Воицкаго рудника (*).

Кромѣ металловъ, во многихъ мѣстахъ здѣсь добывали слюду, которая въ прежнее время шла для военныхъ кораблей, строющихся на Архангельской верфи.

Вся Поморская сторона, особенно на сѣверѣ, покрыта множествомъ болотъ и озеръ; число послѣднихъ въ Кемскомъ и Онежскомъ уѣздахъ простирается до шести сотъ, изъ которыхъ самыя значительныя суть: Верхній, Средній и Нижній Кунто, Анодозеро, Сумозеро, Кереть, Шумозеро, Топозеро, Рогозеро. Во всѣхъ озерахъ водится рыба въ большомъ изобиліи. Рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ въ поморьѣ также чрезвычайно много; но всѣ они имѣютъ, такъ сказать, особенный свой характеръ, и по теченью своему, по качеству и вкусу воды весьма рѣзко отличаются отъ рѣкъ южной и восточной части Архангельской губерніи. Теченіе здѣшнихъ рѣкъ чрезвычайно быстро, и эта быстрота увеличивается еще отъ пороговъ, которыми усѣяны здѣшнія рѣки; приливы моря, возвышающіе воду рѣкъ до 3-хъ и 6-ти футовъ, не измѣняютъ ихъ теченій, ибо паденіе ихъ очень высоко. Каменистыя ложа, по которымъ текутъ рѣки, прекрасно очищаютъ воду и придаютъ ей необыкновенную прозрачность.

Туземцы увѣряютъ, что во всякой здѣшней рѣкѣ, въ которой водится семга, непремѣнно есть и жемчужныя раковины: это справедливо, по-крайней-мѣрѣ весьма вѣроятно, потому что семга особенно любитъ порожистыя рѣки, а раковины, какъ извѣстно, прицѣпляются обыкновенно къ подводнымъ камнямъ и скаламъ. Впро-

(*) Пушкаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

Digitized by Google

чемъ должно замѣтить, что здѣшній жемчугъ не совсѣмъ хорошъ: во-первыхъ потому, что некрупенъ, а во-вторыхъ,—не имѣетъ бѣлизны, а покрытъ синеватымъ цвѣтомъ. Ловлею жемчужныхъ раковинъ здѣшніе поморы почти вовсе не занимаются, а если нѣкоторые ловятъ ихъ, то отъ безъдѣлья. Вотъ способъ, который употребляется здѣсь для ловли. Устроиваютъ изъ бревенъ небольшой плотъ, въ срединѣ котораго прорубаютъ отверстіе; въ это отверстіе вставляютъ трубу, такъ чтобы большая часть ея выходила въ воду. На такой плотикъ садится промышленникъ и внимательно смотритъ на дно рѣки въ трубу, между тѣмъ какъ помощникъ его тянетъ плотъ веревкою, идя тихонько по берегу. Лишь только промышленникъ, сидящій на плотикѣ, замѣтитъ въ свою трубу, что раковины притаились у какого-нибудь подводнаго камня, тотчасъ даетъ знакъ своему товарищу, чтобы онъ остановился; послѣ этого онъ тотчасъ опускаетъ въ отверстіе плота длинный шестъ, на концѣ котораго придѣланъ особеннаго устройства крючекъ или тиски; направивъ шестъ на раковину, промышленникъ подхватываетъ ее этими тисками и вытаскиваетъ на плотъ. Этотъ способъ ловли, хотя и безопасный для промышленника, требуетъ много хлопотъ и времени, а потому вовсе невыгоденъ: такъ какъ посредствомъ шеста заразъ можно вытащить только одну раковину, то случается иногда, что промышленникъ, потерявъ цѣлый день, выловитъ нѣсколько раковинъ, да и то не жемчужныхъ. Конечно, можно было бы здѣсь производить ловлю жемчуга по употребляемому нынѣ способу посредствомъ водолазныхъ колоколовъ, но напередъ надобно быть увѣрену, что этотъ жемчугъ найдетъ покупателей. Нужно ли упоминать читателямъ, что въ здѣшнихъ рѣкахъ водится много рыбы, въ особенности семги? Впрочемъ семга не во всякой рѣкѣ одинаковаго качества: знатоки съ перваго разу отличатъ семгу, выловленную, напримѣръ, въ рѣкѣ Варзугѣ, отъ семги, пойманной въ рѣкѣ Онегѣ. Въ продажѣ семга называется именемъ той рѣки, въ которой ловлена, такъ напримѣръ семга—онега, семга—поной и пр. Кромѣ семги здѣшнія рѣки богаты другими рыбами, именно: кумжами, щуками, лещами, окунями. Лѣса Поморья и Карелiи населены свойственными здѣшнему краю животными; также какъ и въ Лапландiи, здѣсь носятся стада дикихъ оленей, искрятся въ мракѣ ночи глаза волковъ и часто слышенъ трескъ деревьевъ, ломаемыхъ медвѣдемъ; кромѣ того въ здѣшнихъ лѣсахъ, какъ и во всей остальной части Архангельской губерніи, во множествѣ водятся лисицы, куницы, бѣлки, зайцы, горностаи и россомахи. Классъ птицъ хотя

Digitized by Google

здѣсь не слишкомъ разнообразенъ, на за то многочисленъ: озера и болота даютъ убѣжище уткамъ, куликамъ, бекасамъ и цаплямъ; морскіе берега оглашаются крикомъ гагаръ и чаекъ; въ извѣстные періоды времени несутся по воздуху вереницы журавлей, лебедей и гусей. Въ лѣсахъ обитаютъ *рябы* (рябчики), *чухари* (глухіе тетерева), *коппели* (глухія тетерьки), *пеструхи* (обыкновенныя тетерьки), совы, орлы, ястреба и проч.

Самая большая часть поморскаго края покрыта лѣсами, болотами и озерами; остальная часть его находится подъ лугами и пашнями. Но земледѣліе здѣсь въ самомъ ничтожномъ состояніи, а поморскимъ берегомъ оно даже вовсе оставленно; въ сѣверныхъ частяхъ Кемскаго уѣзда только одни Кореляки занимаются хлѣбопашествомъ. Главною причиною дурнаго состоянія здѣшняго земледѣлія—климатъ. Сосѣдство моря, часто превращающаго лѣто въ ненастную осень, препятствуетъ созрѣванію растительности; кромѣ того самая кратковременность здѣшняго лѣта (отъ іюня до августа) служитъ главнымъ препятствіемъ для земледѣлія: часто, даже можно сказать—постоянно, случается, что хлѣбъ, еще не успѣвшій созрѣть, побивается жестокими утренниками (*), начинающимися около 15-го августа. Иные земледѣльцы, чтобы не совсѣмъ потерять посѣвъ отъ мороза, рѣшаются снимать хлѣбъ еще не дозрѣлый. Конечно, случаются иногда урожаи, но это—исключеніе изъ общаго правила. Отъ этой естественной безуспѣшности земледѣлія происходитъ какое-то пренебреженіе поморовъ къ хлѣбопашеству. Опытъ научаетъ ихъ, что какъ ни старайся, какъ ни ухаживай за своими нивами, но все-таки не получишь ни малѣйшей выгоды, если вдругъ настанутъ морозныя ночи. Пренебреженіе поморовъ къ хлѣбопашеству имѣетъ еще свою уважительную причину: за чѣмъ безуспѣшно хлопотать имъ о нивахъ, когда стоитъ только сѣсть въ ладью и отправиться въ море, чтобы въ немъ найдти себѣ все необходимое для существованія? Приморскій житель нигдѣ не бываетъ земледѣльцемъ, а уже тѣмъ болѣе на сѣверѣ. Спросите какого-нибудь здѣшняго помора, отъ чего у нихъ не родится хлѣбъ,—и вы получите въ отвѣтъ, *что ужь тутъ земля такова, что хлѣба не даетъ*. Если, къ несчастію этихъ бѣдняковъ, въ иной годъ случится совершенный неурожай, а цѣны на хлѣбъ поднимутся,—то Кореляки принуждены бываютъ прибѣгнуть къ ужасному способу, чтобы соблюсти экономію въ покупномъ хлѣбѣ.

(*) Утренникомъ называется морозъ ночной во время осени и весны.

Digitized by Google

Для этого они снимаютъ съ свѣжихъ сосенъ верхнюю кору, потомъ срѣзываютъ находящійся на ней слой мягкой коры, называемый *заболонью*. Эту заболонь раскладываютъ потомъ на землѣ для просушки. Высушенная такимъ образомъ кора походитъ на лоскутки кожи. Предъ употребленіемъ заболонь окончательно высушивается въ печи, и потомъ на ручной мельницѣ между двумя жерновами превращается въ мелкій порошокъ, или муку. Эта сосновая мука смѣшивается потомъ со ржаною, но такъ, что фунтъ такой смѣси состоитъ изъ $^{3}/_{4}$ сосноваго порошка и $^{1}/_{4}$ настоящей муки. Смѣшавъ съ извѣстнымъ количествомъ воды эту странную муку и составивъ тѣсто, бѣдняки пекутъ изъ него небольшія круглыя лепешки, подобныя лопарскимъ, называемыя *решкою*. Одна только крайняя нужда и необходимость заставляетъ прибѣгать къ этому хлѣбу.— иначе даже проголодавшійся человѣкъ не рѣшился бы отвѣдать красноватой, сыплющейся какъ песокъ и отвратительно-горькой *решки*. Разумѣется одно незнаніе заставляетъ Кореляковъ употреблять примѣсь сосновой коры, тогда какъ у нихъ есть множество кореньевъ и мховъ, которыми съ выгодою можно замѣнить сосновую заболонь, потому-что въ нихъ есть питательныя частицы или начала, которыхъ сосновая кора въ себѣ не имѣетъ, а потому, не принося существенной выгоды, можетъ быть еще вредною для здоровья. Однакожъ увѣряютъ, что заболонь есть прекрасное средство отъ цынготной болѣзни.

Естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго состоянія земледѣлія произошло то, что Кореляки оставляютъ его совершенно и ищутъ другихъ способовъ къ существованію. Всякой избираетъ себѣ занятіе сообразно съ способностями и обстоятельствами. Чтобы зашибить копѣйку, Корелякъ пускается въ торговлю, и вотъ какъ онъ производитъ ее. Накопивъ какъ-нибудь нѣсколько денегъ, онъ отправляется съ ними на Шуигскую ярмарку, на границу Олонецкой губерніи. Закупивъ здѣсь платковъ, ситцу, нитокъ, иголокъ, булавокъ, и прочихъ подобныхъ мелочей, онъ укладываетъ свой товаръ въ ящикъ, взваливаетъ на спину и отправляется въ дальную Карелію, съ барышемъ продавая свои «красные товары», на которыхъ вездѣ найдетъ покупщиковъ и покупщицъ. Такого странствующаго торгаша можно найдти въ глуши сѣверной Финляндіи и даже въ пустыняхъ лапландскихъ. Продавъ весь товаръ свой, Корелякъ закупаетъ у финляндскихъ поселянъ нѣсколько сотъ шерстяныхъ юбокъ, называемыхъ датскими, и перепродаетъ ихъ русскимъ поморамъ, а самъ снова отправляется на ярмарку. При счастливыхъ

Digitized by Google

торговыхъ оборотахъ мало-по-малу Корелякъ пріобрѣтаетъ столько выгоды, что уже пускается въ обширную торговлю. Тогда уже онъ не хочетъ самъ разносить свои товары, но нанимаетъ другихъ; уже онъ не довольствуется поѣздкою на Шунгскую ярмарку, но ѣздитъ въ Москву. Въ домѣ его изобиліе и роскошь; имя его гремитъ по всему поморью Карелiи; онъ живетъ бариномъ и умираетъ, завѣщавъ дѣтямъ свои капиталы и выгодную торговлю.

Второе занятіе здѣшнихъ Кореляковъ состоитъ въ кузнечномъ мастерствѣ, которымъ славились древніе Финны; это мастерство такъ же, какъ и ткаческое, было самымъ древнѣйшимъ ремесломъ и было очень уважаемо ими, потому что изобрѣтеніе желѣза Финны приписывали богамъ. Финны приготовляли стрѣлы, копья, мечи, которыми торговали, если вѣрить сагамъ, въ коихъ прославляется финское оружіе. Въ горахъ Карелiи и особенно въ болотахъ, находится много желѣзныхъ рудъ. Кореляки, хотя и не имѣютъ желѣзныхъ заводовъ, но достаютъ эту руду и обработываютъ ее въ своихъ кузницахъ. Они приготовляютъ топоры, ножи, разныя вещи для мореходныхъ судовъ и наконецъ охотничьи ружья (винтовки), которыми не только снабжаютъ своихъ земляковъ, но и всѣхъ поморовъ, нарочно пріѣзжающихъ сюда за этими ружьями. Особенно процвѣтаетъ кузнечное мастерство въ деревняхъ Маслянной и Юшкозерѣ.

Тѣ изъ Кореляковъ, которые не ищутъ успѣха въ торговлѣ и не хотятъ возиться съ наковальнями, избираютъ себѣ особое занятіе, также черезвычайно полезное, — именно кораблестроеніе; но такъ какъ это занятіе требуетъ особаго искусства, опытности и навыка, то, разумѣется, дается не всякому. Поэтому число корабельныхъ мастеровъ очень не велико; это искусство, такъ же какъ и кузнечное, передается отъ отца къ сыну и составляетъ нѣкотораго рода наслѣдство, завѣщанное предками своимъ потомкамъ. Верстахъ въ 15-ти отъ города Кеми есть большая корельская деревня Подъужемье, въ которой живутъ потомственные судостроители. Къ нимъ всегда обращаются поморы, когда желаютъ строить ладьи. Эти мастера не знаютъ ни плановъ, ни чертежей, но руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ.

Обезпеченные означенными ремеслами, Кореляки кажутся настоящими аристократами въ сравненіи съ остальною частію своихъ земляковъ, которые не имѣютъ коммерческихъ способностей и не знаютъ ни кузнечнаго, ни корабельнаго мастерства. Эти люди

Digitized by Google

достойны сожалѣнія по несчастной своей участи. Они въ полномъ смыслѣ рабы богатыхъ поморовъ, имѣющихъ мореходныя суда. Не занимаясь скуднымъ земледѣліемъ, эти бѣдняки нанимаются матросами на поморскія ладьи, и за какія-нибудь тридцать рублей серебромъ обязаны вести тяжкую жизнь въ работѣ на морскихъ промыслахъ въ теченіе всего лѣта, т.-е. съ мая до октября. Деньги, которыя получаетъ такой бѣднякъ, составляютъ все его достоянія. Можно судить—достаточно ли ихъ для того, чтобы на нихъ прокормить цѣлый годъ семейство и уплатить подати? Разумѣется ихъ мало, и потому бѣднякъ обращается къ своему хозяину, чтобы тотъ ссудилъ его деньгами или хлѣбомъ, за что обязуется заработать. Съ каждымъ годомъ несчастный болѣе и болѣе увеличиваетъ свой долгъ новыми займами, и доходитъ до того, что долженъ сдѣлаться вѣчнымъ работникомъ у своего хозяина. Семейство несчастнаго бѣдствуетъ въ безотрадномъ положеніи; поля запущены; все, однимъ словомъ, представляетъ крайнюю степень бѣдности; странно было бы спросить у такого бѣдняка, отъ чего поля его запущены или отданы сосѣдямъ, зачѣмъ нѣтъ у него ни коровъ, ни лошадей, отчего такъ дуренъ его домъ? подъ тяжелымъ гнетомъ своей бѣдности, несчастный не заглядываетъ впередъ, не утѣшаетъ себя никакими предположеніями и надеждами, не видитъ никакого средства къ улучшенію своего существованія; ложась спать, онъ говоритъ: «день прожитъ, слава Богу!» — радуясь, что никто изъ его семейства не умеръ съ голоду. Примѣры подобной бѣдности и зависимости отъ богатыхъ мы встрѣчаемъ и между русскими поморами.

Въ домашнемъ быту своемъ Кореляки ничѣмъ не отличаются отъ поморовъ. Наружный видъ корельскихъ деревень, расположенныхъ на берегахъ озеръ, черезвычайно бѣденъ: вообразите себѣ десять или двадцать маленькихъ домиковъ, и вы получите понятіе о корельской деревнѣ. Домъ Кореляка состоитъ большею частію изъ одной жилой комнаты (пэрти), освѣщаемой тремя маленькими окнами; въ углу пэрти стоитъ печь, иногда съ трубою, а иногда и безъ нея, какъ въ черной банѣ. Подлѣ пэрти, черезъ узенькія сѣни, находится скотный дворъ. Дома однакожь довольно высоки, такъ что подъ пэрти находится анбаръ для помѣщенія разнаго домашняго хлама и для ручной мукомольной мельницы. У болѣе зажиточныхъ Кореляковъ бываетъ еще особая чистая комната для гостей, пристраиваемая къ одному боку дома въ рядъ съ пэрти, которая служитъ постояннымъ жилищемъ хозяевъ.

«Не красна изба углами, а красна пирогами», говоритъ посло-

Digitized by Google

вица. Эту пословицу вполнѣ можно примѣнить къ домамъ Кореляковъ. Гостепріимство есть одна изъ обязанностей, добровольно налагаемыхъ на себя каждымъ Корелякомъ; будь онъ бѣденъ или богатъ,—Корелякъ одинаково гостепріименъ, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ онъ не въ состояніи предложить своему гостю того, что̀ предложилъ бы въ послѣднемъ. Странникъ можетъ смѣло стучаться въ дверь карельскаго дома и быть заранѣе увѣренъ, что хозяинъ этого дома не откажетъ ему въ пристанищѣ. Все, что̀ есть у Кореляка, будетъ предложено гостю, безъ всякаго вознагражденія за то. Корелякъ накормитъ путника, «чѣмъ Богъ послалъ»; принесетъ ему своей *рокки* (*), подастъ молока и хлѣба, напоитъ и накормитъ лошадь своего гостя, если она у него есть. Особенно развертывается гостепріимство Кореляковъ во время церковныхъ праздниковъ, бывающихъ разъ или два въ годъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. За недѣлю до праздника начинаются приготовленія къ нему: въ избахъ моютъ полы и стѣны, ловятъ рыбу,—однимъ словомъ, хлопочутъ, какъ бы лучше угостить многочисленную толпу гостей, которые явятся на праздникъ. Въ самый день праздника гости являются и пируютъ въ продолженіи недѣли, истребивъ все, что̀ было для нихъ запасено, и опорожнивъ нѣсколько боченковъ «кануны» (**). Этими праздниками, шумными и разгульными, прерывается постоянно-тихій и однообразный ходъ домашней жизни Кореляковъ. Въ отношеніи умственномъ Кореляки стоятъ на высшей степени въ сравненіи съ Лопарями, но подобно имъ, представляютъ жалкій примѣръ невѣжества. Самая главная причина невѣжества и слѣдствій, отъ него происходящихъ, есть ихъ неграмотность.

Туземцы считаютъ Кореловъ злыми колдунами, насылающими болѣзни и несчастія.

Въ средніе вѣка вѣрили несомнѣнно, что Финны были волшебники, такъ что оба эти слова: волшебникъ и Финнъ, значили тогда одно и то же. Саги, очень часто упоминая о Финнахъ, увѣряютъ, что они дѣлали чудеса: узнавали будущее, повелѣвали природою, производили по волѣ своей бури и непогоды, и что нѣкоторые чужеземцы ѣздили нарочно къ Финнамъ учиться волшебному или *финскому* искусству (Finne-Kounst). Не мудрено, что Кореляки, какъ истинные потомки этихъ Финновъ, удержали за собою сие-

(*) Рокка есть родъ похлебки.
(**) Молодой браги.

Digitized by Google

вѣрное мнѣніе о волшебныхъ своихъ знаніяхъ, и до сихъ поръ пугаютъ еще воображеніе людей, всюду готовыхъ видѣть присутствіе враждебныхъ силъ. На цѣломъ поморьѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы былъ чуждъ этого глубоко-вкоренившагося предразсудка. Въ этомъ предразсудкѣ замѣчательна еще та особенность, что отъ волшебника ожидаютъ только одного дурнаго. «На хорошее-то у насъ нѣтъ никого, а на худое-то много найдется», — скажетъ каждый поморъ, разговорившись объ этомъ предметѣ. Народное мнѣніе приписываетъ карельскимъ волшебникамъ слѣдующія способности: превращеніе людей въ животныхъ, заклинаніе или заговариваніе змѣй и насыланіе болѣзней и порчу. Излеченіе болѣзни также во власти ихъ, но это дѣлается ими или по добротѣ и любви къ лицу больному, или за деньги.

Подъ именемъ «порчи» разумѣются здѣсь болѣзни внезапныя, безъ видимыхъ причинъ, и приходящія «съ вѣтру», какъ говорятъ простолюдины. Одна изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ болѣзней съ вѣтру есть такъ называемыя *стрѣлы* или *стрѣлье*. Эта болѣзнь обнаруживается внезапнымъ колотьемъ во всемъ тѣлѣ больнаго, и оканчивается смертію. Однакожь не всегда она бываетъ смертельною, смотря по тому, какъ была «напущена». По народному мнѣнію, стрѣлы напускаются волшебниками двоякимъ образомъ: 1) для мести какому-либо лицу, и 2) просто изъ удовольствія, на какое-нибудь имя. Перваго рода стрѣлы бываютъ смертельны, а послѣднія не такъ опасны. Увѣряютъ всѣ испытавшіе эту болѣзнь, что при леченіи ея посредствомъ вытиранія тѣла выходятъ изъ него кусочки стекла, песокъ и оленья шерсть. Присутствіе этихъ веществъ объясняетъ самымъ дѣйствіемъ, какъ пускаются стрѣлы. Именно: волшебникъ беретъ пустой коровій рогъ, наполняетъ его пескомъ, шерстью и стеклянными обломками, потомъ говоритъ заклинаніе, становится по направленію вѣтра, и приложивъ ко рту узкое отверстіе рога, дуетъ въ него. Всѣ вещества вылетаютъ; вѣтеръ подхватываетъ ихъ, и въ тотъ же мигъ летитъ болѣзнь къ лицу, заранѣе на него обреченному злымъ волшебникомъ. Если стрѣлы были обыкновенныя, т.-е. пущены не для мести за обиду, то имъ подвергается всякій первый встрѣчный, напримѣръ, онѣ были назначены на имя Ивана, — и первый Иванъ, вышедшій или попавшій на струю вѣтра, несущаго стрѣлы, дѣлается боленъ. Суевѣрная мысль о «порчѣ» такъ сильно владычествуетъ надъ умами здѣшнихъ жителей, особливо поморовъ, что послужила поводомъ къ нѣкоторымъ странным обычаямъ и кромѣ того произвела

Digitized by Google

замѣтное вліяніе на самый характеръ и поступки простолюдиновъ. Къ числу этихъ обычаевъ принадлежитъ такъ называемый *отпускъ* свадьбы. Ни одинъ свадебный поѣздъ, какъ въ Карелін, такъ и въ Поморьѣ, не отправится въ церковь безъ этого *отпуска*, состоящаго въ томъ, что около него обходитъ вокругъ какой-нибудь «знающій человѣкъ» и шепчетъ заклинаніе о неприкосновенности поѣзда отъ всякой враждебной силы. Увѣряютъ, что иногда при совершеніи *отпуска* надъ всѣмъ поѣздомъ носится нѣчто похожее на туманъ: это силы колдуна, посланныя для погибели новобрачныхъ. Свадьбу уѣхавшую безъ отпуска, по народному мнѣнію, всегда постигаетъ несчастіе. Охотники, бродя въ лѣсу, встрѣчаются иногда съ волками, одѣтыми въ кафтаны и женскія платья, — это люди уѣхавшіе безъ отпуска. Привыкнувъ вѣрить ужаснымъ дѣйствіямъ колдуновъ, здѣшній простолюдинъ всегда недовѣрчиво смотритъ на каждаго незнакомаго ему человѣка, особенно если тотъ имѣетъ въ своемъ характерѣ какую-нибудь странность, или слишкомъ выразительную физіономію, или взглядъ быстрый и ироницательный. Въ такомъ лицѣ онъ готовъ подозрѣвать колдуна и рабскою услужливостью старается задобрить его, чтобы въ противномъ случаѣ не подпасть его гнѣву. Пользуясь такою слабостью суевѣрныхъ, нѣкоторые хитрые Кореляки и Поморы очень ловко играютъ роль «знающихъ», дѣйствуя сообразно съ настроеніемъ воображенія людей суевѣрныхъ, т.-е. часто прибѣгая къ двусмысленнымъ фразамъ въ родѣ слѣдующихъ: «я вѣдь знаю, что не то у тебя въ умѣ, о чемъ говоришь»; — «я тебя вездѣ найду, хоть изъ-подъ земли достану.» У Поморцевъ и Кореляковъ (разумѣется тѣхъ, которые не считаютъ себя знахарями) есть различныя симпатическія средства отъ порчи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые считаютъ превосходнѣйшимъ медикаментомъ отъ порчи кусочекъ лезвія косы, который должно постоянно носить въ правомъ сапогѣ; другіе втыкаютъ 12 булавокъ въ различныхъ мѣстахъ своей одежды; третьи добыли себѣ заговоръ отъ стрѣлъ; иные, наконецъ, лечатся отъ нихъ хрусталемъ, растолченнымъ въ порошокъ, принимая его съ водою. Но если случится, что ни эти прекрасныя средства, ни другія домашнія лекарства не помогаютъ больному, тогда отправляются за какимъ-нибудь знаменитымъ знахаремъ, живущимъ за сотни верстъ, и везутъ его къ больному. Обыкновенныя средства, которыми лечитъ корельскій знахарь, суть вода и нашептыванья.

Тайная наука волшебства, по понятіямъ народнымъ, не есть

Digitized by Google

принадлежность всякаго, но только избранныхъ; она передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну или другому молодому человѣку, имѣющему всѣ качества, необходимыя для такихъ знаній. Народное мнѣніе почитаетъ колдуновъ властелинами и въ то же время рабами нечистыхъ силъ, которыя требуютъ отъ колдуна безпрерывныхъ дѣлъ и мучатъ его, если онъ не можетъ найдти довольно занятій для своихъ безпокойныхъ сподвижниковъ. Увѣряютъ, что вмѣстѣ съ выпаденьемъ зубовъ престарѣлый колдунъ теряетъ все прежнее свое могущество и знаніе (*).

Морскія прибрежья Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, какъ мы говорили выше, преимущественно называютъ поморьемъ. Это поморье нѣкогда принадлежало туземнымъ жителямъ, — Кореламъ, и потому впослѣдствіи долго носило названіе Корельскаго берега.

Новгородцы, проникнувъ сюда по рѣкамъ Двинѣ и Онегѣ, разселились по всему западному берегу Бѣлаго моря и завели тамъ, какъ я говорилъ выше, родъ колоній. Этимъ положено начало деревнямъ, и теперь еще существующимъ подъ древними именами своими. Жители этихъ деревень, разумѣется, были Новгородцы, но кромѣ ихъ сюда являлись и подданные другихъ княжествъ русскихъ, бѣжавшіе, можетъ быть, отъ наказаній за свои преступленія, или просто прельстившіеся свободною жизнью вольныхъ Новгородцевъ. Теперь еще, кромѣ фамилій извѣстныхъ въ исторіи Новгорода, хотя уже утратившихъ и славу предковъ, и знаменитость рода, можно часто встрѣтить фамиліи Могилевыхъ, Ростовцовыхъ и проч., ясно указывающія на мѣста ихъ происхожденія.

Собирая подати съ жителей, владѣя Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, Новгородъ извлекалъ огромныя выгоды и потому чрезвычайно дорожилъ своимъ Заволочьемъ, скрывая и защищая его отъ взоровъ князей московскихъ. Въ послѣдніе годы существованія Новгорода въ судьбѣ поморья произошла перемѣна: оно отдалось въ защиту Соловецкому монастырю, только-что возникшему. Подъ кровомъ этой святой обители поморье выдерживало безчисленныя нападенія враговъ. Но и не для одного поморья Соловецкій монастырь служилъ оплотомъ; онъ защищалъ въ теченіе двухъ вѣковъ всю Россію отъ вторженія враговъ ея. По тому вліянію, какое оказывалъ этотъ монастырь на поморье, необходимо взглянуть намъ на его исторію. Въ 1429 году блаженный инокъ Германъ, жившій въ часовнѣ близъ озера Вила, встрѣтился съ преподобнымъ Савватіемъ, пришедшимъ на берега Бѣлаго моря; вмѣ-

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

стѣ переплыли они море, и, достигнувъ пустыннаго Соловецкаго острова, водрузили на немъ крестъ и поселились въ келіяхъ. По смерти Савватія, въ 1435 году, на островъ прибылъ съ Гѣрманомъ преподобный Зосима, переселившійся сюда для высокихъ подвиговъ отшельнической жизни. Слава о добродѣтеляхъ его вскорѣ привлекла сюда людей, презиравшихъ суету міра и жаждавшихъ уединенія и бесѣды съ Богомъ. По этому мало по малу построились келіи, а потомъ деревянная церковь: такъ положено было начало монастырю, называвшемуся тогда обителью св. Спаса и св. Николая. Усердіе къ святынѣ есть коренная добродѣтель Русскихъ; бѣдный сперва монастырь Соловецкій вскорѣ пришелъ въ цвѣтущее состояніе отъ приношеній новогородскихъ бояръ, имѣвшихъ помѣстья въ поморьѣ. Въ то время значительная часть карельскаго берега принадлежала извѣстной посадницѣ Новгорода Марѳѣ Борецкой. Въ 1450 году она отдала въ вѣчное владѣніе монастырю два *лука* (*) земли при устьѣ рѣки Сумы. Между тѣмъ поморцы, считая группу Соловецкихъ острововъ своею собственностью, обижали и притѣсняли иноковъ. Это побудило Зосиму просить у Новгорода защиты. Новгородъ внялъ ходатайству, и вскорѣ прислалъ монастырю грамату на вѣчное владѣніе всѣми островами Соловецкими. Однако же своеволіе новгородскихъ боярскихъ людей не прекращалось. Преподобный Зосима рѣшился лично просить Новгородъ о защитѣ обители. Всѣ посадники съ готовностью выслушали жалобы, только одна Марѳа не хотѣла слышать справедливыхъ просьбъ преподобнаго и даже дерзко отогнала его отъ своего дома. Но раскаявшись въ своемъ поступкѣ, она пригласила Зосиму на пиръ для испрошенія прощенія и подарила монастырю нѣсколько участковъ земли въ своихъ владѣніяхъ. Это было въ 1470 году, а въ слѣдующемъ совершилось паденіе вольнаго Новгорода (**).

Цари московскіе подтверждали права монастыря Соловецкаго на владѣнія, данныя еще во время независимости Новгорода, и сверхъ того дарили еще новыя. Такъ Іоаннъ Грозный отдалъ монастырю деревни: Шижню, Сухой Наволокъ, Островъ, Колежму, Сороку и Суму съ соляными варницами, сѣнокосами и со всѣми угодьями. Кромѣ того далъ монастырю «несудимую грамматy», по которой всѣ крестьяне земель, принадлежащихъ обители, осво-

(*) *Лукъ* — древняя мѣра, имѣющая длинника 250 сажень, а поперечнику 64 сажени. Въ лукѣ двѣ *обжи*.

(**) Житіе св. Зосимы.

Digitized by Google

бождены были отъ зависимости свѣтской власти, но подлежали суду одного только настоятеля съ братіею, разумѣется кромѣ уголовныхъ преступленій; самъ же настоятель и монашествующая братія не знали надъ собою другаго судьи кромѣ самаго царя. Ѳедоръ Іоанновичъ, подтвердивъ дары отца своего, пожаловалъ монастырю остальныя части волостей Сумской, Умбской, Нюхоцкой, Унежемской, Кемской, Подъуженской, Пебозерской, Маслозерской и Муезерской, — т.-е. около 78 луковъ земли, со всѣми угодьями. Михаилъ Ѳедоровичъ присоединилъ къ этому волость Шую-Карельскую, Яреискій погостъ, ¾ Керетской волости и рѣку Кумжелую, впадающую въ Унскую губу. Наконецъ Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи подарили Орлецкія угодья, по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, съ известковыми каменоломнями и лѣсами.—Обладая всѣмъ пространствомъ поморья отъ Кандалакшской губы до Онежской, Соловецкій монастырь былъ центромъ дѣятельности сѣвернаго края нашего отечества; число крестьянъ подвластныхъ ему, простиралось до 5000, но въ 1762 году Петръ III Ѳеодоровичъ повелѣлъ отобрать всѣ вотчины отъ монастырей, по этому Соловецкій монастырь лишился своихъ владѣній. При Екатеринѣ II, снова получилъ онъ ихъ, но не надолго: Императрица потомъ, учредивъ штаты для духовнаго вѣдомства, подтвердила повелѣнія своего супруга. Тогда изъ всѣхъ обширныхъ владѣній Соловецкаго монастыря оставлено было ему нѣсколько земли въ Сумской деревнѣ и Анзерскій скитъ, близъ монастыря находящійся. Не безполезно и не для себя только владѣлъ монастырь такими богатствами, но какъ вѣрный сынъ отечества, онъ сохранялъ ихъ для его пользы, и по первому слову царскому присылалъ большія суммы денегъ для казны государственной. Во время войны Россіи съ Швеціею и съ Польшей выслано было монастыремъ болѣе шестидесяти тысячъ древнихъ серебряныхъ рублей. Всего же во время существованія монастыря, поступило изъ него въ казну болѣе 100,000 рублей серебромъ. не считая оброковъ съ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, съ которыхъ получалось до 400 рублей въ годъ. Но кромѣ этихъ услугъ монастырь оказалъ гораздо важнѣйшія: онъ былъ стражемъ сѣверной Россіи отъ хищныхъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, въ особенности отъ Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ, искони желавшихъ власти надъ Бѣлымъ моремъ.

Такъ въ 1571 году, близъ Соловецкихъ острововъ явились шведскіе корабли, имѣвшіе намѣреніе ограбить обитель, уже славную тогда своими богатствами. Семенъ Лупандинъ былъ посланъ

Digitized by Google

для отраженія ихъ. Шведы ушли, не сдѣлавъ нападенія на монастырь; черезъ семь лѣтъ послѣ этого для защиты монастыря былъ посланъ воевода Озеровъ съ четырмя пушкарями и съ десятью стрѣльцами, которые привезли съ собою сто ружей, пять затинныхъ пищалей, двѣсти ядеръ и сто пятнадцать пудовъ *зелья* (пороху). Къ нимъ набрали еще девяносто пять человѣкъ поморовъ, и съ этими силами Озеровъ, узнавъ о вторженіи Шведовъ въ Маслозерскую волость, пошелъ на нихъ, но былъ разбитъ на голову. Эта неудача заставила царя послать въ монастырь другаго воеводу, которому велѣно было набрать изъ поморцевъ сто человѣкъ и научить ихъ стрѣльбѣ. Такъ-какъ Шведы большею частію лѣтомъ приходили подъ Соловецкій монастырь, а въ зимнее время нападали на береговыхъ жителей, то войско монастырское должно было лѣтомъ жить въ монастырѣ, а въ зиму выѣзжать въ Помору. Приготовленія были не напрасны: въ 1580 году, зимою, Шведы появились на границахъ. Воевода Аничковъ съ небольшимъ отрядомъ укрѣпился во временномъ деревянномъ острогѣ, въ Ругозерской волости, близъ границы Финляндской. Три тысячи Каянцевъ три дня осаждали этотъ острогъ, но были отбиты храбрымъ Аничковымъ, сдѣлавшимъ отчаянную вылазку: двое шведскихъ начальниковъ и множество рядовыхъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ съ оружіемъ. Въ первый же годъ своего царствованія Ѳедоръ Іоанновичъ обратилъ вниманіе на поморье, которое такъ часто подвергалось гибельнымъ вторженіямъ Шведовъ. Онъ повелѣлъ обвести монастырь каменными стѣнами; десять лѣтъ (отъ 1584—94) продолжалась постройка этой громадной крѣпости, складенной изъ дикихъ не отесанныхъ камней. Но чтобы дать и поморскимъ жителямъ надежное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго вторженія, то велѣно было построить деревянную крѣпость въ селеніи Сумѣ. Вотъ описаніе ея, сохранившееся въ одномъ современномъ документѣ: «Въ волости Сумѣ, на погостѣ, поставленъ острогъ косой, «чрезъ заметъ въ борозды, и въ острогѣ стоитъ шесть башенъ «рубленныхъ; подъ четырмя башнями подклѣты теплые, а подъ «пятою башнею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола Чудотворецъ, «да дворъ монастырской, а на дворѣ пять житницъ, да за воротъ «двѣ житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клетью и съ сѣньми, «а живутъ въ ней острожныя сторожы. Да въ томъ острогѣ по«ставлено для осаднаго времени, крестьянскихъ теплыхъ подклѣ«товъ, а въ верху клѣтки комнаты, въ два этажа построенныя, да «тринадцать житницъ.» — Имѣя крѣпости, монастырь имѣлъ сво-

Digitized by Google

ихъ собственныхъ ратниковъ, число которыхъ простиралось до 100 и до 130 человѣкъ, а впослѣдствіи увеличилось до тысячи. Одна половина ихъ жила въ монастырѣ, другая охраняла границы и составляла гарнизоны Кемскаго и Сумскаго остроговъ. Однако, не глядя на эти вооруженія и ратную силу, Шведы не оставляли въ покоѣ нашего дальняго сѣвера. Въ первые же три года царствованія Михаила Ѳеодоровича и Соловецкому монастырю наровнѣ съ прочими обителями отечества суждено было испытать тяжкія несчастія отъ буйства Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, проникшихъ въ дальній сѣверъ для грабежа и разбоя. Въ 1658 году неугомонные сосѣди наши снова напали на Поморье, но двинскіе стрѣльцы успѣли разсѣять ихъ. Цѣлью Шведовъ было овладѣть всѣмъ сѣверомъ Россіи, уничтожить нашу архангельскую торговлю. Наконецъ послѣдній разъ въ царствованіе Петра Великаго, Шведы въ 1701 году пришли на судахъ въ устье Двины, чтобъ овладѣть Архангельскомъ, но потерявъ, противъ тогда еще недостроенной Новодвинской крѣпости, три судна, на остальныхъ пяти съ безславьемъ удалились во-свояси. Послѣ того наше мирное Поморье болѣе ста лѣтъ не видало враговъ. Въ 1810 и 1811 годахъ Англичане напомнили поморцамъ и тактику Шведовъ и варварство древнихъ разбойниковъ; они и тогда какъ нынче, не вступая въ честную битву съ твердынями, грабили поселянъ, требовали у Соловецкой обители выкупа, и боясь близко подойти къ ея стѣнамъ, бомбардировали издали (*).

Кромѣ Соловецкой обители Поморье имѣетъ слѣдующіе примѣчательные монастыри:

Крестный монастырь, въ Онежской губѣ, на островѣ Кіѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ города Онеги. Патріархъ Никонъ, будучи еще монахомъ въ Анзерскомъ скитѣ, спасся на сей островъ во время бури, и поставилъ тамъ на память крестъ. Путешествуя потомъ за мощами св. Филиппа, въ санѣ новгородскаго митрополита, посѣтилъ онъ снова островъ Кій, узналъ, что отъ поставленнаго имъ креста бываютъ знаменія милосердія Божія на молящихся ему во время бурь и волненій, и далъ обѣтъ воздвигнуть тамъ великолѣпную обитель. Въ 1656 году онъ исполнилъ этотъ обѣтъ, бывши уже патріархомъ. Обитель была воздвигнута обширная и великолѣпная, одарена богатыми вкладами. Царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ ей четыре тысячи пять-сотъ душъ крестьянъ. Но главная драгоцѣнность этого монастыря есть крестъ, который, по

(*) Верещагинъ – Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

заказу Никона, сдѣланъ былъ въ Палестинѣ, изъ кипарисnаго дерева, въ точную мѣру Животворящаго Креста Господня, обложенъ золотомъ и серебромъ, и въ него было вложено до трехъ-сотъ частицъ отъ мощей и другихъ святынь. Военный конвой и ликъ святителей и іереевъ сопровождали сію святыню изъ Москвы до острова Кія, куда во всемъ величіи явился и самъ обители создатель патріархъ Никонъ, дабы освятить главный храмъ новаго монастыря;—это было въ 1661 году.

Но разсказавши житье-бытье одной части поморскаго народонаселенія — Кореловъ, посмотримъ, какъ живутъ и собственно Русскіе поморы.

Въ концѣ февраля и началѣ марта мѣсяца, говоритъ г. Верещагинъ, въ своихъ Очеркахъ Архангельской губерніи, (которые составляли главный источникъ при составленіи этой статьи), во всѣхъ поморскихъ мѣстахъ начинается дѣятельность, намѣкающая на скорое открытіе навигаціи. Конопатятъ, смолятъ и починиваютъ старыя ладья или торопятся окончить новыя, и ждутъ только вскрытія рѣкъ, чтобы спустить ихъ на воду. Между тѣмъ большая часть народа собирается въ дальнюю дорогу, на Мурманскій берегъ. — Это промышленники, служащіе своимъ хозяевамъ за извѣстную долю промысловъ; они имѣютъ особыя названія: *покрученники* — это наемщики изъ участка; *вешняки*, получающіе треть промысла отъ хозяина, которому идетъ двѣ части; вешняки и покрученники идутъ на мурманской берегъ сухимъ путемъ, а хозяева съ *лѣтняками*, т.-е. работниками нанятыми только на одно лѣто, послѣ всѣхъ отправляются на ладьяхъ. Прежде нежели эти *ватаги* отправятся въ дальной путь, хозяева ихъ угощаютъ обѣдомъ и вдоволь поятъ виномъ; не смотря на Великій постъ, въ дни котораго обыкновенно уходятъ промышленники, на этихъ обѣдахъ царствуетъ разгулъ и славянское молодечество, звучитъ балалайка, раздаетъ *скоморошная* (плясовая пѣсня), удалый поморъ съ штофомъ въ одной рукѣ, съ ножемъ въ другой, выплясываетъ трепака, отхватывая его, на удивленіе товарищей, минутъ десять въ присядку, и вмѣстѣ съ этимъ присвистывая и потягивая изъ штофика зелено винцо или крѣпку водочку. Но прощальный или «отвальный» обѣдъ кончился, и благочестивые поморы снова обращаются къ трудамъ и молитвѣ, многіе изъ нихъ говѣютъ и причащаются св. Тайнъ,—Богъ знаетъ всѣ ли они вернутся изъ своего опаснаго и труднаго промысла. Въ назначенный день промышленники наконецъ выходятъ изъ родныхъ своихъ деревень, въ сопро-

Digitized by Google

вожденіи своихъ родственниковъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за деревнею начинается прощаніе. Мать обнимаетъ сына, жена прощается съ мужемъ, и обливаясь слезами, креститъ малютку-сына, съ ранней поры принужденнаго раздѣлять труды съ бѣднымъ отцемъ своимъ.... Распростившись, промышленники уходятъ; долго родные смотрятъ въ слѣдъ за ними, пока они не скроются изъ виду. Возвращаясь домой съ «проводинъ», каждый родственникъ ушедшаго промышленника беретъ съ мѣста расставанія какую-нибудь щепку или древесную вѣтвь и приноситъ ее домой, какъ залогъ благополучнаго возвращенія ушедшихъ. Огромное пространство отъ поморья до мурманскаго берега промышленники должны проходить пѣшкомъ; они всегда идутъ по берегамъ моря, по самымъ пустыннымъ мѣстамъ, особенно въ Лапландіи. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ, какъ сказано, берутъ съ собою маленькихъ сыновей, для нихъ покупаютъ собакъ, и запрягши въ кережки, сажаютъ ребятъ, а сами бѣгутъ подлѣ, погоняя животное.

Между тѣмъ оставшіеся въ Поморьѣ жители, дождавшись весны, или правильнѣе вскрытія рѣкъ, начинаютъ свои дѣятельныя занятія. Въ это время по Бѣлому морю носятся по волѣ волнъ и вѣтровъ, пока не выдутъ въ Океанъ, отторгнутые отъ берега огромные пласты льда, который зимою обрамливаетъ все прибрежье моря. На этихъ льдинахъ, называемыхъ *торосами*, любятъ иногда полежать и понѣжиться морскія животныя — бѣлухи, нерпы, сѣрки (тюлени), морскіе зайцы. Пользуясь этимъ, поморы выѣзжаютъ на промыселъ этихъ звѣрей. Этотъ промыселъ, по времени года называемый *весновальнымъ*, а по предмету—*сальнымъ*, есть самый опасный и не рѣдко гибельный для весновальщиковъ. Вотъ какъ онъ производится: промышленники составляютъ родъ небольшихъ компаній или отрядовъ, садятся по три или четыре человѣка на пять или шесть карбасовъ и пускаются въ море. Такой отрядъ называется *ромшею*. Ромши составляютъ для того, чтобы промышленники подавали другъ другу взаимную помощь. Цѣлыя недѣли весновальщики проводятъ въ морѣ, переѣзжая отъ одной «ледины» къ другой и посматривая, нѣтъ ли на нихъ *юра* (стада) животныхъ. Замѣтя юро, тотчасъ пристаютъ къ льдинамъ, вытаскиваютъ на нихъ карбасъ, подкрадываются къ добычѣ и бьютъ ее изъ винтовокъ. Эти по видимому неповоротливыя животныя очень скоро уходятъ отъ своихъ преслѣдователей, а потому ловкіе стрѣлки бьютъ ихъ непремѣнно въ голову, чтобъ положить на мѣстѣ, иначе раненый звѣрь, нырнувши въ воду, пропадаетъ для промышленника.

Digitized by Google

Не проходитъ ни одной весны, чтобъ кто-нибудь изъ промышленниковъ не сдѣлался жертвою ненасытнаго моря. Но тутъ въ поморахъ укрѣпляется высокое чувство любви къ ближнему. Сколько примѣровъ ея представляютъ эти промыслы! Спасти товарища, даже постороннаго, совершенно незнакомаго, есть обязанность, и никто этимъ не хвастаетъ, не поставляетъ себѣ въ особенный подвигъ: ибо здѣсь спасеніе жизни погибающему есть круговая порука; бываютъ примѣры, что спасенный черезъ минуту спасаетъ своего спасителя. Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двое промышленниковъ, промышлявшихъ на торосѣ, были внезапно отнесены въ море, на небольшомъ кускѣ тороса, оторвавшагося отъ массы. Вѣтеръ и теченіе быстро уносили несчастныхъ — гибель была у нихъ передъ глазами. Вдругъ увидѣли они передъ собою мысъ, мимо котораго и вблизи долженствовала пронестись льдина, служившая имъ ненадежнымъ плотомъ. Любовь къ жизни заговорила въ промышленникахъ: съ ними была только одна веревка, которую они рѣшились употребить въ дѣло. Выждавъ минуту, одинъ изъ нихъ, оноясавъ около себя одинъ конецъ веревки, бросается въ воду достигаетъ берега и прикрѣпляетъ веревку къ первому камню, но обезсилѣвъ и совершенно замерзнувъ отъ стужи, онъ замертво падаетъ на берегъ. Между тѣмъ товарищъ его, держась за веревку, счастливо подплылъ на льдинѣ къ берегу, и начинаетъ стараться спасти жизнь своему умирающему избавителю; онъ оттираетъ его, снимаетъ съ него обмерзлое платье и надѣваетъ на себя, его же закутываетъ въ свою шубу и кафтанъ—и въ свою очередь возвращаетъ своего сопутника къ жизни (*).

Наконецъ рѣки очищаются отъ льда; хозяева съ остальными работниками собираются въ путь, и почти въ каждой поморской деревнѣ начинаются спуски ладей,—и спускъ ладьи есть праздникъ для цѣлой деревни. Хозяинъ приглашаетъ гостей на ладью спуститься: гости собираются на палубѣ; приходитъ священникъ и служитъ молебенъ. Тогда два плотника подрубаютъ разомъ два бревна, упирающіяся въ корму ладьи—и она, скользя по двумъ бревнамъ, подложеннымъ подъ низъ ея, спускается съ берегу въ рѣку при громкихъ крикахъ народа. Послѣ благополучнаго спуска, гости «вспрыекиваютъ» (**) ладью, угощаемые хозяиномъ на новомъ суднѣ; посторонніе зрители угощаются на берегу и «обмываютъ» ее (***).

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерніи.

(**) Вспрыскивать—пить вино за благополучное плаваніе на судне.

(***) Тоже что вспрыскивать.

Digitized by Google

Неблагополучный спускъ ладьи почитается знакомъ несчастія, которое скоро постигнетъ хозяина: либо ладья разобьется въ морѣ, либо умретъ самъ ея владѣлецъ.

Кромѣ этого спуска новыхъ ладей бываютъ спуски и старыхъ, съ зимнихъ стоянокъ. Чтобы ледъ замерзшей рѣки не повредилъ судовъ и чтобы въ половодье не унесла ихъ вода, всѣ ладьи, замерзающія въ рѣкахъ, становятся на стоянки—сваи, вбитыя въ рѣку, которыя подымаются выше весенняго разлива. Для спуска ладьи подкатываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачекъ, ладья какъ будто бы въ ужасѣ долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется такіе спуски не бываютъ торжественны, и на ладьѣ, спускаемой такимъ образомъ, нѣтъ никого кромѣ ребятъ, народа въ высшей степени неустрашимаго, которыя громкимъ смѣхомъ изъявляютъ свое удовольствіе, когда ладья, совершая свой прыжокъ, бортами своими зачерпываетъ воду.

Но вотъ старыя и новыя ладьи всѣ спущены на воду. Тѣ изъ хозяевъ, которые еще зимою запаслись мукою и крупой изъ *города* (изъ Архангельска), прямо ѣдутъ на Мурманскій берегъ, и въ *Норвегу* (въ Норвегію); а тѣ, которые не сдѣлали этого запаса, прежде плывутъ за хлѣбомъ, а потомъ уже отправляются къ своимъ рыбопромышленнымъ стоянкамъ.

Лѣтомъ поморье пустѣетъ въ полномъ смыслѣ; оставшіеся старики, жены и дѣти, сдѣлавъ *отпускъ* скота въ поля, уходятъ на рѣчки и рѣки ловить семгу, собирать и сушить грибы, и рѣдкія изъ нихъ остаются чтобъ работать въ огородахъ и на необширныхъ поляхъ своихъ. *Отпускъ* скота также дѣлается своеобразно. Здѣсь коровъ, овецъ и малое количество свиней пастухи не пасутъ: скотина все лѣто, кромѣ дойныхъ коровъ, ходитъ свободно по лѣсамъ и лѣснымъ полянамъ. Чтобъ она не пропала до осени, чтобъ убереглась отъ волка и злаго человѣка, Поморы считаютъ достаточнымъ пригласить какого-нибудь знахаря, который, выгнавъ скотъ въ поле, собираетъ его въ одно мѣсто, раскладываетъ съ нашептываніями огонь, и, вырывая клочекъ шерсти у каждаго животнаго, проводитъ все стадо близъ костра. Всѣ хозяева обязуются скотину до осени не бить и не продавать, иначе, по словамъ знахарей, пропадетъ все стадо.

Ловлю семги въ рѣкахъ и рѣчкахъ производятъ различнымъ образомъ, напримѣръ въ рѣкахъ дѣлаютъ изъ *хвы* (хвойныхъ

Digitized by Google

деревьевъ или прутьевъ) *заколы*, родъ забора поперегъ рѣки отъ одного берега къ другому, въ серединѣ забора оставляютъ свободный проходъ, въ который вкладываютъ мережи, въ эти мережи рыба, поднимаясь вверхъ, попадается въ изобилiи; другіе ловятъ ее неводами, третьи по ночамъ ее *багрятъ*, т.-е. садятся въ лодку, зажигаютъ пукъ лучины, который, горя надъ водою, освѣщаетъ ее до дна, и промышленники баграми убиваютъ рыбу, которая густыми стадами стремится къ огню.

Въ концѣ іюля, или еще и ранѣе, начинается *страда*, т.-е. сѣнокосъ и уборка хлѣба; тогда замолкаютъ человѣческіе голоса на берегахъ рѣкъ и звонкія пѣсни косцевъ женскаго пола раздаются въ пустынныхъ дремучихъ лѣсахъ Поморья; мальчишки и дѣвченки, растерявшись въ этихъ вѣковыхъ борахъ, громко аукаются между собою и набираютъ цѣлые ворохи грибовъ, которые нанизывая на нитки, сушатъ на солнцѣ и на тихомъ огнѣ.

Но оставимъ сельское народонаселеніе и посмотримъ, какъ Поморы совершаютъ морскіе свои путешествія. Они ограничиваются плаваніемъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану, отъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи до Новой земли; немногіе изъ нихъ ходятъ въ Петербургъ и на Шпицбергенъ (по здѣшнему Грумантъ). Эти самоучки корабельщики не считаютъ большимъ подвигомъ идти въ отдаленное путешествіе, но привыкши къ своимъ роднымъ водамъ, они рѣдко оставляютъ ихъ; да и самое устройство ихъ судовъ заставляетъ болѣе держаться къ берегамъ (идти *бережьемъ*), кормщики же Поморовъ чудесно изучили эти берега; но если случится плыть *голоменью*, т.-е. открытымъ моремъ, тогда они прибѣгаютъ къ компасу. Здѣсь я кстати разскажу анекдотъ о знаменитомъ Антипѣ Тимоѳѣевѣ Горьковатомъ. Это былъ отличный кормщикъ во времена Петра Великаго. Въ 1604 году Государь, будучи въ Архангельскѣ, посѣтилъ Соловецкій монастырь; съ архіепископомъ Аѳанасіемъ и большою свитою 19-го мая изволилъ онъ выдти въ море, на архіерейской яхтѣ. Жестокая буря захватила плавателей. Всѣ отчаялись въ жизни, молились, пріобщались Св. Тайнъ и прощались другъ съ другомъ. Царь былъ бодръ, утѣшалъ всѣхъ, и узнавши, что на кораблѣ находится опытный лоцманъ. архіерейскій соловецкій *лодейный* перевощикъ, Антипъ Тимоѳѣевъ Горьковатовъ, отдалъ ему команду, приказывая вести судно въ какую-нибудь пристань. Антипъ направился къ губѣ Упскіе рога. Царь вмѣшался въ его распоряженія. «Коли ты отдалъ мнѣ команду, то убирайся прочь, не мѣшай мнѣ; здѣсь мое мѣсто, а не твое, и я знаю, что я

Digitized by Google

дѣлаю.» Царь смиренно удалился, и тогда только, когда Горьковатовъ счастливо присталъ къ берегу, проведя яхту среди опасныхъ каменьевъ, Царь смѣясь напомнилъ Антипу его грозный окрикъ. Трепещущій кормщикъ упалъ передъ Государемъ на колѣни; но Царь, поднявши его, сказалъ: «Ты былъ правъ, а я виноватъ,—и въ самомъ дѣлѣ вмѣшался не въ свое дѣло.» Онъ подарилъ на память Антипу бывшее на немъ мокрое платье, выдалъ пять рублей на одежду, двадцать пять рублей въ награду, и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ (*).

Въ царствованіе Петра Великаго, другой кормщикъ изъ Поморовъ отличился своею истинною сыновнею преданностію къ отечеству. Я говорю о знаменитомъ Иванѣ Рябовѣ. — Шведы подошли къ Новодвинской крѣпости, твердыни которой не были окончены, а только возводились. Два русскіе лоцмана явились ко врагамъ и повели ихъ на вѣрную гибель, подъ новопоставленныя батареи, и два судна посадили на мель. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой спасся; это былъ Иванъ Рябовъ. Потомки обоихъ удальцевъ сдѣланы обѣльными крестьянами.

Не смотря, что суда Поморовъ суть суда промышленныя, на нихъ все-таки есть свой порядокъ и своя дисциплина. Кормщикъ имѣетъ полную власть надъ экипажемъ, и не бывало примѣровъ, чтобы послѣдній выходилъ изъ повиновенія. Точно какъ и на всякомъ благоустроенномъ кораблѣ, наблюдается вахта, хотя иногда не болѣе какъ изъ двухъ человѣкъ, управляющихъ рулемъ.

Къ сентябрю мѣсяцу, всѣ поморскія суда съ грузами рыбы и мягкой рухляди (мѣхами), то съ Мурманскаго берега, то изъ «Норвеги» спѣшатъ прибыть въ Архангельскъ, гдѣ въ то время начинается ярмарка. Распродавши свой товаръ, Поморы отправляются домой, гдѣ родные ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Этотъ послѣдній путь хотя и не великъ, но за то очень опасенъ, по причинѣ поздняго времени года, осеннихъ тумановъ и «первыхъ зазимокъ» — перваго снѣга, который, гонимый шкваломъ, налетаетъ на судно, леденитъ мачты, паруса, снасти, и лишаетъ ладью обычнаго бодраго и скораго движенія.

Въ деревняхъ начинаютъ ждать «вѣтренныхъ» (т.-е. пришедшихъ съ вѣтромъ) гостей; чуть лишь подуетъ «моряна» (вѣтеръ съ моря), матери посылаютъ дѣтей своихъ на колокольню смотрѣть, не покажется ли гдѣ въ морѣ парусъ. Замѣтивъ его, ребята хоромъ

(*) Дѣянія Петра Великаго, собранныя Голиковымъ.

Digitized by Google

возвѣщаютъ о томъ, крича съ своей обсерваторіи на всю деревню: «Матушка, ладейка чапъ-чапъ-чапъ чебанитъ.» Этотъ протяжный крикъ продолжается до тѣхъ поръ, пока ладья или не скроется изъ виду, или не пристанетъ къ берегу и не броситъ якорь. — Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ или кормщикъ пришедшей ладьи, помолясь Богу, тотъ-часъ съѣзжаетъ съ нея на берегъ и спѣшитъ домой, но по суевѣрному обычаю, не прямо по улицѣ, а крадется за заборами такъ, чтобъ взойдти въ домъ незамѣченнымъ никѣмъ изъ проходящихъ. Картину свиданія съ родными я не описываю—предоставляя читателю вообразить самому. Но не думайте чтобъ начались повѣствованія пришельца о его подвигахъ, случаяхъ изъ его морской жизни въ послѣднихъ мѣсяцахъ, или разсказы о выручкѣ. Нѣтъ, помолившись домашнимъ иконамъ, перецѣловавшись съ женою, дѣтьми, родными—онъ идетъ въ баню, потомъ выпедши изъ нея, садится за обѣдъ, и этотъ обычай вкорененъ до того, что ежелибъ Поморъ возвратился домой въ глубокую полночь—ему сейчасъ топятъ баню и готовятъ обѣдъ.

Родственники другихъ Поморовъ, еще не возвратившихся, узнавъ о прибытіи судна, тотчасъ приступаютъ къ пріѣхавшимъ съ разспросами о здоровьи своихъ родныхъ. Ежели съ кѣмъ-либо изъ этихъ отсутствующихъ случилось несчастіе, то возвратившіеся не вдругъ, а исподволь сообщаютъ горькую вѣсть, и жена или мать погибшаго Поморца узнаетъ о своемъ несчастіи, постепенно приготовленная. Такъ какъ умершіе въ морѣ лишаются по необходимости церковнаго обряда погребенія, то родственники покойнаго совершаютъ по немъ панихиду. Созвавъ вечеромъ всѣхъ своихъ родныхъ, они, на другое утро, идутъ къ обѣднѣ съ громкимъ плачемъ; впереди толпы идетъ мальчикъ, неся икону. Придя въ церковь, икону ставятъ на налоѣ и окружаютъ ее зажженными свѣчами. (При обыкновенномъ погребеніи покойниковъ, присутствующіе въ церкви не держатъ свѣчь въ рукахъ, но прикрѣпляютъ ихъ къ краямъ гроба.) (*).

Остатокъ осени и начало зимы проходитъ въ отдохновеніи. Потомъ опять начинаются труды, хотя спокойные, но столь же тяжкіе, какъ и морскіе. Они состоятъ въ охотѣ за птицами и лѣсными звѣрями, въ вываркѣ соли и въ ловлѣ сельдей. Охотниковъ между Поморами очень мало, и потому промыселъ этотъ мало развитъ, хотя нѣтъ, кажется, ни одного Помора, который не умѣлъ

(*) Верещагинъ—Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

бы владѣть винтовкой. Для ловли птицъ дѣлаютъ иногда особыя западни, устроивая ямы и слегка покрывая ихъ хворостомъ, или прилаживая надъ ними крышку, такъ что она закрывается отъ прикосновенія неосторожной птицы, неминуемо попадающей въ яму. Бьютъ изъ винтовокъ дикихъ оленей и ходятъ на медвѣдя; но на послѣдняго нападаютъ съ большой осторожностью; охотники, выходя изъ деревни, наблюдаютъ, чтобы объ этомъ не знала ни одна женщина. Въ противномъ случаѣ, ежели хотя одна баба узнаетъ, что охотники пошли на медвѣдя, то ужь нельзя ждать успѣха, а лучше не ходить. Если охотники пойдутъ на медвѣдя, когда онъ еще не забрался въ берлогу, то вблизи ея кладутъ на вѣтви деревьевъ жерди и устраиваютъ помостъ, расположившись на которомъ, выжидаютъ медвѣдя, чтобы пустить въ него пулю. Но когда уже медвѣдь расположился на зимовку въ берлогѣ, тогда охотники, вооружившись толстымъ шестомъ, бросаютъ въ отверстіе пукъ хвороста, чтобы раздражить звѣря, что̀, разумѣется, имъ вскорѣ и удается. Резсерженный медвѣдь выползаетъ, и едва лишь высунетъ свою морду изъ отверстія, какъ охотники быстро суютъ конецъ шеста въ берлогу, выше головы медвѣдя, и, наклоняя другой конецъ шеста къ землѣ, стараются такъ притиснуть животное, чтобы оно не подвинулося ни впередъ ни назадъ; въ то же время товарищи охотниковъ стрѣляютъ его въ голову.

Выварка соли занимаетъ много рабочихъ рукъ въ Поморьѣ. Это занятіе такъ же старо, какъ рыбные промыслы. Въ прежнее время соловарни составляли одинъ изъ главныхъ доходовъ монастырей, къ которымъ онѣ были приписаны. Впослѣдствіи онѣ были отобраны въ казну. Нынѣ казна отдаетъ эти варницы частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы они платили пошлины за каждый пудъ соли по одиннадцати копѣекъ серебра. Всѣхъ соловарныхъ заводовъ на берегахъ Бѣлаго моря считается до тридцати пяти. Соль, добываемая прямо изъ моря, называется «*морянкою*», а вывариваемая изъ колодцевъ—«*ключевкою*». Послѣдняя нѣсколько лучше, или крѣпче первой. Вотъ самый способъ выварки соли: въ большомъ сараѣ, построенномъ на берегу моря, устанавливаютъ на четырехъ столбахъ огромный желѣзный ящикъ «*черенъ*», такъ что онъ виситъ отъ земли въ нѣкоторомъ разстояніи на желѣзныхъ полосахъ, прикрѣпленныхъ къ столбамъ. Къ самому почти чѣрену прокапываютъ отъ берега канаву, для того чтобы морская вода подходила къ самому ящику. Наполнивши чѣренъ водою, «*разсоломъ*», подкладываютъ подъ него огонь. Разсолъ мало по малу нагрѣвается, кипитъ и пре-

Digitized by Google

вращается въ пары. Во время кипѣнія всплываютъ на верхъ грязь и прочія вещества, которыя снимаютъ лопатками. Когда замѣтятъ, что уже вся вода испарилась, то уменьшаютъ огонь и потомъ оставшуюся въ чѣренѣ массу выгребаютъ изъ него и сушатъ на воздухѣ.—Въ водѣ Бѣлаго моря, по химическимъ изслѣдованіямъ, содержатся слѣдующія составныя части: соленокислая сода и магнезія, сѣрнокислая магнезія и известь, и углекислая известь и магнезія. На здѣшнихъ варницахъ каждый день вываривается до семидесяти пудовъ соли, и на каждый пудъ ея употребляется одна сажень дровъ. Въ теченіе цѣлаго года во всѣхъ соловарняхъ получается до ста четырнадцати тысячъ пудовъ и болѣе, а продается до ста тысячъ пудовъ, на сумму тридцать четыре тысячи рублей серебра.

Сельдяной промыселъ занимаетъ первое мѣсто послѣ тресковаго. Особенно сельдяная ловля велика въ поморскихъ деревняхъ Кандалакшѣ, Поньгомѣ, Сорокѣ и въ другихъ мѣстахъ Онежскаго залива. Самое благопріятное время для этого промысла считается августъ и сентябрь, потому-что сельди тогда бываютъ жирнѣе. Сельди складываются по очищеніи въ небольшіе боченки и пересыпаются солью: каждый боченокъ сельдей стоитъ около тридцати копѣекъ серебромъ, иногда дороже и дешевле, смотря по обстоятельствамъ. Зимою выловленные сельди лежатъ въ поморскихъ деревняхъ цѣлыми грудами на улицахъ; ихъ продаютъ не счетомъ, а мѣрою. Сотни возовъ каждый день, нагрузившись этой рыбой, уѣзжаютъ въ сосѣднія губерніи. Торговля сельдями идетъ шумно и дѣятельно. Не смотря однакожь на легкость сельдянаго промысла, часто промышленники платятся за нею своею жизнію, потому-что прибрежные торосы внезапно отрываются отъ берега и уносятся въ море вмѣстѣ съ рыболовами.

Обозрѣвши одну сторону изъ жизни Поморовъ, взглянемъ и на другую. Какъ люди трудолюбивые, они имѣютъ полное право на часы свободы и веселья. Зима, — любимица русскаго человѣка, особенно жителя сѣвера,—даетъ Поморамъ возможность и досугъ провести ее весело. Разумѣется, Поморы, какъ люди православные, не веселятся въ посты; только святки и заговѣнье проводятъ они сообразно съ своими понятіями и обычаями. На второй или третій день Рождества начинаются посидѣлки или *вечерины*. На нихъ собираются толпы дѣвушекъ и мужчинъ, заранѣе созванныхъ хозяевами. Каждая дѣвушка является на вечерину съ своею собственною свѣчею и непремѣнно съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ, съ пря-

Digitized by Google

жею или шитьемъ. О святкахъ на вечерины являются *хухольники*. Это какія-то пугала въ вывороченной на изнанку шубѣ или въ другихъ одѣяніяхъ, надѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ. Но хухольники никогда не надѣваютъ маски (по здѣшнему личины), считая это грѣхомъ; они закрываютъ свое лицо или нарядомъ, или платкомъ. При появленіи хухольника, вечерина оживляется; измѣнивъ голосъ, онъ сыплетъ остроты, прибаутки. Иногда начинается танецъ *шинъ* (*), очень похожій на французскій кадриль; мѣсто музыки, разумѣется, занимаютъ пѣсни, сообразно съ фигурами этого живаго танца. Веселыя святки проходятъ, но вечерины продолжаются по прежнему до Великаго поста. Каждый день, исключая канунокъ предъ праздниками, у кого-нибудь непремѣнно есть вечеринка. Мужчины, прежде нежели войдутъ въ комнату, постучатъ сперва въ окно съ троекратнымъ возгласомъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Безъ этого возгласа они не имѣютъ права войдти въ домъ. Вечерина продолжается непремѣнно за полночь, и поморъ (**), проболтавши всю ночь, приходитъ домой *очень рано* — когда его домашніе уже проснулись. Но ему не до сна, потому-что долженъ тотчасъ ѣхать куда-нибудь въ лѣсъ за дровами или привезти воды и проч. «Неужели онъ не спитъ?» спросите вы. Не безпокойтесь; этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ очень просто. Запрягши лошадь, онъ преспокойно ложится въ сани, и направивъ привычнаго коня по извѣстной дорогѣ, спитъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ къ лѣсу. Сдѣлавъ что нужно, — онъ отправляется домой, какъ ѣхалъ впередъ. Вознаградивъ такимъ образомъ прошлую ночь, онъ опять идетъ на привлекательную вечеринку.—Въ это же праздничное время бываютъ свадьбы. Если невѣста—дѣвушка бѣдная и родители ея не имѣютъ средствъ снабдить ее всѣмъ нужнымъ, то она, въ сопровожденіи подругъ своихъ, ходитъ изъ дома въ домъ къ богатымъ людямъ, которые надѣляютъ ее чѣмъ могутъ; это называется *просины* невѣсты. Прекрасный примѣръ великодушія и сострадавія къ бѣдности! Богатыя невѣсты, не нуждаясь въ пособіи, ходятъ однакожъ къ своимъ родственникамъ и знакомымъ «*поплакать*»,—почему это и именуется *плаканьемъ*. Во все это время невѣста ходитъ въ парадномъ платьѣ;

(*) Кромѣ *шина* употребительны, какъ здѣсь такъ и въ прочихъ мѣстныхъ губерніи, хороводныя игры: *круги, тройки, и застѣнокъ*. Эти танцы чрезвычайно тихи и монотонны.

(**) Само собою разумѣется, что это молодой человѣкъ, да и то не всякій.

Digitized by Google

голова покрыта повязкою изъ широкихъ хазовъ (*), унизанныхъ бисеромъ; прочая одежда состоитъ изъ сарафана, обшитаго хазами, и широкихъ бѣлыхъ рукавовъ, подвязанныхъ лентами. Обряды свадебные весьма различаются одни отъ другихъ даже въ самыхъ близкихъ деревняхъ Поморья, хотя главное остается вездѣ. Таковы напримѣръ: безчисленные обѣды и ужины, которые заставляютъ удивляться вмѣстимости русскаго желудка, и безъ которыхъ свадьба не въ свадьбу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поморья свадьба составляетъ торжество для всѣхъ жителей селенія. Когда свадебная процессія не по необходимости, а по обычаю возвращается пѣшкомъ изъ церкви, то окна всѣхъ домовъ иллюминуются; даже бѣднякъ считаетъ долгомъ поставить на свои окна какой-нибудь огонекъ. Въ послѣдній день предъ Великимъ постомъ умолкаетъ шумъ веселья и праздности. Въ этотъ день приготовляются къ посту, просятъ другъ у друга прощенія въ грѣхахъ и за тѣмъ же ѣздятъ на могилу умершихъ родственниковъ (**).

Какъ вы видите, внутренняя и внѣшняя жизнь Поморовъ очень недурна; труды сопряженные съ удальствомъ, всегдашнее присутствіе духа во время промысловъ, ежели не богатство, то по крайней мѣрѣ почти повсемѣстное довольство, вотъ ихъ жизнь внѣшняя; добродушіе, гостепріимство, простота нравовъ—достоинства ихъ внутреннія; но что говоритъ не въ ихъ пользу—это привязаность къ тому, что̀ заведено прежде, нежеланіе улучшить что-либо нововведеніями, даже отвращеніе и боязнь ко всему новому, и главная причина такой слѣпой приверженности къ заведенному порядку есть — расколъничество, неразлучное съ тысячью предразсудковъ, оковывающее умы Поморовъ. Расколъ появился въ Поморьѣ почти такъ же, какъ и въ Москвѣ. Исправленіе книгъ послужило первымъ поводомъ къ нему. Соловецкіе грамотѣи-монахи, получавшіе значительныя деньги за переписку церковныхъ книгъ, возстали противъ печатанья, противъ Никоновскаго исправленья, обитель наполнилась недовольными, противъ нее надобно было употребить военную силу, и послѣ семи-лѣтней осады, въ 1677 году, монастырь былъ очищенъ отъ раскольниковъ. Во время осады многіе мятежники бѣжали съ острова въ Поморье и сѣяли тамъ сѣмена раскола. Главнѣйшія теперь изъ сектъ существующихъ здѣсь суть: Аввакумовская, Филипповская и Аристовская.

(*) Хазъ — золотистая лента изъ позумента.

(**) Верещагинъ — Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

Каждый народъ, каждое племя народа, имѣетъ свои повѣрья и преданья, у каждаго есть свои поговорки. Въ этихъ преданіяхъ и поговоркахъ выражается внутренній смыслъ тѣхъ людей, которымъ принадлежатъ они. Въ преданіяхъ Поморовъ нѣтъ ни богатства вымысла, ни занимательности внѣшняго содержанія, въ нихъ только вы увидите, что Поморы главною добродѣтелью ставятъ трудъ, необходимостью—гостепріимство, порокомъ—своеволіе, преступленіемъ—присвоеніе чужой собственности. Въ поговоркахъ выражается ихъ религіозный характеръ, напримѣръ:

Отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Николы.

Бѣдненькій охъ—а за бѣдненькимъ Богъ.

Безъ креста да молитвы не будетъ ловитвы.

Сколько Богу помолился—столько рыбой нагрузился.

На торсахъ держись, а самъ молись.

Кто знается съ Николой милостивымъ, тотъ будетъ счастливымъ.

За ладью хватайся, а Богу канайся (*).

Какъ мы говорили выше, собственно Поморье состоитъ изъ двухъ уѣздовъ, Кемскаго и Онежскаго. Разумѣется главными мѣстами здѣсь два уѣздныхъ города, Кемь и Онега.

Кемь была нѣкогда помѣстье Марѳы посадницы; это помѣстье было пожертвовано своею владѣтельницею, около 1450 года, Соловецкому монастырю, вмѣстѣ съ другою волостью Сумскою. Въ 1579 и 1581 годахъ Шведы выжгли Кемскую волость. Въ 1591 подтверждено владѣніе ею Соловецкому монастырю, а для защиты ея, на островѣ Ленѣ, лежащемъ на рѣкѣ Кеми, построенъ острогъ, и Кемь названа *Кемскимъ городкомъ*. Острогъ сломало напоромъ льда въ 1749 году и совершенно разрушило въ половодье 1763 года. По отобраніи церковныхъ имѣній въ 1780 году Кемской городокъ былъ причисленъ къ Вологодской, а въ 1785 къ Олонецкой губерніи, и въ немъ учрежденъ уѣздъ. Замѣчательно, что этотъ городъ ѣздилъ открывать Державинъ, бывшій губернаторомъ въ Олонцѣ, и едва не погибъ въ бурю, которая застигла его на морѣ. Въ 1802 году Кемь перечислена въ Архангельскую губернію (**). Кемь бѣдный городъ, съ двумя тысячами жителей. Торговля его ничтожна, ибо Поморы сбываютъ плоды своихъ промысловъ и закупаютъ все для себя нужное не въ Кеми, а въ Архангельскѣ.

(*) Канаться — молиться.

(**) Пушкаревъ.—Описаніе Россійской имперіи.

Digitized by Google

Городъ Онега, получившій свое названіе отъ рѣки, впадающей въ Онежную губу, стоитъ на устьѣ ея. Городомъ она сдѣлана изъ слободы въ 1780 году. Этотъ городъ тоже, что и Кемь — хуже иного великороссійскаго села. Собственно въ Онегѣ торговли нѣтъ никакой; хотя и назначена въ декабрѣ ярмарка — но это назначеніе остается безъ исполненія—съѣзду на эту ярмарку не бываетъ. Къ Онежскому уѣзду принадлежатъ: Крестной монастырь, въ Онежской губѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Онеги, на островѣ Кіѣ; Соловецкій монастырь и Троицкій скитъ на Анзерскомъ островѣ, въ пяти верстахъ отъ Соловецкаго. Мы уже говорили о Соловецкой обители, скажемъ теперь только то, что въ стѣнахъ ея погребено тѣло знаменитаго келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына.

Уѣзды Архангельскій, Холмогорскій, Шенкурскій и Пинежскій, составляютъ сердце Архангельской губерніи. Здѣсь сосредоточена вся торговля этого отдаленнаго края, климатъ здѣсь умѣреннѣе, чѣмъ въ Лапландіи и Поморьѣ, народонаселеніе гуще и жители живутъ въ большемъ изобиліи, чѣмъ въ западныхъ частяхъ губерніи.

Вся эта страна, заключающаяся между рѣками Мезенью и Онегой, по обѣ стороны Сѣверной Двины, которая, также какъ и двѣ предшествующія, впадаетъ въ Бѣлое море, по большой части покрыта хвойными лѣсами, которые здѣсь достигаютъ своего полнаго развитія, своей громадной величины. Вступая въ эти лѣсныя пространства, вы кажется теряетесь въ ихъ сѣнистыхъ пустыняхъ. Ничто не перерываетъ окружающаго васъ безмолвія; песчанистая дорога вьется между вѣковыхъ сосенъ, елей и пихтъ, которыя обдаютъ васъ своимъ смолянистымъ бальзамическимъ запахомъ, закрывая широкимъ сводомъ своихъ вѣтвей отъ солнечныхъ лучей, которые, какъ будто зная кратковременность своего владычества, льются на пробудившуюся природу съ усиленнымъ жаромъ. Но вотъ вдали послышались голоса и веселая пѣсня, при поворотѣ вамъ повстрѣчалась толпа крестьянъ, они идутъ дѣлать «сѣчу». У каждаго изъ нихъ за поясомъ топоръ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ вилы и длинные шесты. Буйный народъ мальчишекъ съ хохотомъ и визгомъ бѣжитъ передъ взрослыми работниками. Повстрѣчавшись съ вами, они вѣжливо снимаютъ шляпы и съ удивленіемъ смотрятъ на вашъ экипажъ—проѣзжій господинъ рѣдкость въ здѣшнемъ краю.

Послѣдуемте за этою толпою. Весело и шумно она двигается впередъ; вотъ она своротила съ проѣзжей дороги на едва замѣтную лѣсную дорожку, и достигаетъ цѣли своего предназначенія.

Digitized by Google

Нѣсколько десятинъ срубленнаго лѣса, которымъ у насъ не побрезгивали бы употребить на постройку барскихъ хоромъ, лежитъ безо всякаго порядка. Одни изъ пришедшихъ работниковъ принимаются «валять» (рубить) еще другой участокъ лѣса. Тѣ, которые пришли съ вилами, и мальчики, начинаютъ разводить огонь, раскладываютъ его въ разныхъ мѣстахъ и зажигаютъ уже прежде срубленный лѣсъ. Густой дымъ поднимается къ небу, вороны и птицы, спугнутыя имъ и голосами человѣка, кружатся по воздуху, изсохшій валежникъ и буреломъ хруститъ подъ стопами медвѣдя, который по добру по здорову спѣшитъ убраться подальше, въ какой-нибудь уединенный глубокій оврагъ, и рѣзвая бѣлка, прыгая съ дерева на дерево, кажется съ удивленіемъ глядитъ на этотъ лѣсной пожаръ, произведенный человѣкомъ. Но для чего же этотъ пожаръ? для чего это губленіе лѣса? — Это дѣлаютъ *сѣчу*. Тамъ, гдѣ росъ густой лѣсъ, нынѣшній годъ будетъ только пепелъ, осенью легкая соха сѣвернаго земледѣльца по этому пространству пеньковъ нацарапаетъ кой-какъ борозды, засѣютъ ихъ рожью, и тамъ, гдѣ величались развѣсистыя деревья, зазеленѣетъ озимь. Года два, три здѣсь будутъ сѣять хлѣбъ, но отъ корней пойдутъ отпрыски, эта *сѣча* обратится въ сѣнокосную поляну, покуда эти отпрыски, не смотря на соху, косу и стада, не образуются въ мелкій лѣсъ, который, получивъ названіе молодяка, совершенно воспрепятствуетъ всякой обработкѣ земли.

Кромѣ сѣчей, у здѣшнихъ земледѣльцевъ есть и поля, которыя, очищенныя отъ корней, каждогодно сильно унавоживаемыя, представляютъ собою подобіе нашихъ великороссійскихъ нивъ. Я говорю подобіе, потому что эти поля, по причинѣ холодной своей почвы, поздней весны и раннихъ осеннихъ, или лучше сказать, лѣтнихъ морозовъ, даютъ плохіе урожаи, такъ что хлѣбъ здѣсь убираютъ въ прозелень и даютъ доспѣвать ему въ копнахъ.

Земледѣльческія орудія этихъ пахарей очень просты: односошная и двусошная соха; первая преимущественно употребляется для пашни пнистой сѣчи; легкая борона, серпъ, коса обыкновенная и коса короткая, т.-е. маленькая коса, насаженная на короткій косникъ; косецъ, употребляя ее, долженъ нагибаться, а потому это орудіе хотя и удобнѣе серпа, но въ свою очередь довольно утомительно. Среднее число посѣва бываетъ въ цѣлой губерніи:

	Озимаго.	Ярового.	Картофелю.
У государственныхъ крестьянъ.	6176 четв.	36169 четв.	3177 четв.
Въ удѣлѣ.	8415 —	18,959 —	2435.—(*)

(*) Пушкаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

Digitized by Google

Слѣдственно на душу всего народонаселенія высѣвается озимаго и яроваго хлѣба около двухъ четвериковъ.

Среднее число урожая бываетъ самъ-четвертъ; отдѣливъ необходимое количество для посѣва, едва ли останется на душу четверть хлѣба; понятное дѣло, что этого недостаточно, а потому много хлѣба привозится изъ сосѣдственныхъ губерній, въ особенности Вологодской и Тобольской. Также и въ этой средней, лучшей части Архангельской губерніи, *заболонь* въ общемъ употребленіи, хотя у крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, благодаря заботливости попечительнаго правительства, заболонь повсемѣстно замѣнена картофелемъ, который въ пищѣ нашихъ сѣверныхъ простолюдиновъ составляетъ отличный суррогатъ.

Само собою разумѣется, что тамъ гдѣ плохо идетъ земледѣліе, вслѣдствіе мѣстныхъ неудобствъ и климата, огородничество, требующее и лучшей почвы и болѣе благорастворенаго воздуха, имѣетъ еще меньшее развитіе, нежели землепашество, а потому въ Архангельской губерніи капуста имѣется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, огурцы ростутъ только въ паркахъ, а арбузы и дыни въ теплицахъ, одна только рѣпа и другой ея видъ, брюква, разводятся повсемѣстно и вмѣстѣ съ картофелемъ составляютъ единственные овощи, доступные простонародью.

Потребность сильнаго удобренія и плохіе урожаи заставляютъ мѣстныхъ домохозяевъ предпочитать сѣнокосы нивамъ, а потому изобиліе сѣна, особенно въ уѣздахъ Архангельскомъ и Холмогорскомъ, позволяетъ имѣть большое количество скота. Холмогорскій рогатый скотъ, порода котораго улучшена при Петрѣ Великомъ выпискою голландскихъ коровъ и быковъ, славится во всей имперіи. Весело иногда въ лѣсной чащѣ встрѣтить стадо этихъ прекрасныхъ животныхъ, которыя, оберегаемыя пастухомъ, вооруженнымъ винтовкою, и огромными собаками, не боятся нападенія медвѣдя, волкъ же не осмѣлится напасть на нихъ, потому что все стадо, склонивъ свои головы и выставивъ рога, дружно нападаетъ на хищника, который, напуганный ревомъ быковъ и коровъ, забоданный и измятый, дорого платится за свою дерзость. Конныхъ заводовъ въ Архангельской губерніи нѣтъ; лошадей вообще недостаточно, хотя мезенскія лошади, объ которыхъ мы будемъ говорить послѣ, составляютъ особенную породу, и славясь своею силою, выписываются въ другія мѣста имперіи. Г. Пушкаревъ въ своемъ Описаніи Архангельской губерніи увѣряетъ, что на Шенкурскую ярмарку приводится изъ другихъ губерній до пяти-сотъ головъ лошадей.

Digitized by Google

Но главный промыселъ жителей этихъ четырехъ уѣздовъ, (Архангельскаго, Холмогорскаго, Шенкурскаго и Пинежскаго) составляетъ звѣриная ловля и охота на птицъ. Число ежегодно промышляемыхъ звѣрей простирается до 40,000 штукъ, въ томъ числѣ около ста пятидесяти медвѣдей, трехъ-сотъ пятидесяти волковъ, болѣе четырехъ тысячъ лисицъ и до тридцати пяти тысячъ куницъ, песцовъ, норки, бѣлки и другихъ звѣрей. Мѣткость здѣшнихъ стрѣлковъ удивительна, рѣдкій изъ нихъ потратитъ даромъ зарядъ, и, не хуже Кореляковъ, бѣлку они стрѣляютъ только въ мордочку.

Нерѣдко въ лѣсахъ Архангельской губерніи вамъ встрѣтится одинъ, а по большой части два, три или четыре человѣка, вооруженные винтовками. Если у васъ настроено, или лучше сказать, разстроено воображеніе, вы пожалуй почтете ихъ за какихъ-нибудь романическихъ бандитовъ; успокойтесь, при завѣдываніи нашихъ гг. исправниковъ, вы рѣдко гдѣ найдете разбойниковъ, тѣмъ болѣе на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ честность и безкорыстіе развиты болѣе нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и эти люди, которыхъ вы встрѣтили съ такимъ страхомъ, просто или звѣриные промышленники, или охотники занимающіеся стрѣльбою птицъ.

Бродячая жизнь этихъ людей имѣетъ свою поэтическую сторону. Какъ я говорилъ уже выше, вдвоемъ, втроемъ, а иногда и вчетверомъ они отправляются на охоту. Снаряды ихъ состоятъ или изъ винтовки, или изъ одноствольнаго съ кремнемъ, рѣдко двухъ-ствольнаго ударнаго ружья, сумы, по большей части сдѣланной изъ кожи тюленя, замѣняющей ягдташъ, широкаго и длиннаго ножа, у нѣкоторыхъ рогатины и у рѣдкихъ собаки; одѣтые лѣтомъ въ кафтаны, а зимою въ самоѣдское платье, и подвязавши лыжи, они углубляются въ свои темные лѣса. На берегу какого-нибудь пустыннаго озера или быстрой рѣчки они устраиваютъ временное становище, т.-е. сооружаютъ довольно просторный шалашъ, навѣсъ для развѣшиванія шкуръ убитыхъ звѣрей, и горнушку, нѣчто въ родѣ печи на открытомъ воздухѣ. Съ разсвѣтомъ они оставляютъ свое временное жилище и идутъ по росѣ высматривать слѣдъ звѣря. Ежели это окажется медвѣдь и слѣдъ говоритъ, что мохнатый житель лѣсовъ часто изволитъ прогуливаться около этихъ мѣстъ, то гдѣ-нибудь на густомъ деревѣ устроиваютъ палати и дожидаютъ своей добычи; если же между ними есть какой-нибудь славный и неустрашимый стрѣлокъ, то идутъ куда ведетъ слѣдъ, и рѣдко случается, чтобъ медвѣжья шкура ускользнула отъ нихъ. На волка они нападаютъ безо всякой предосторожности, бить лисицу дѣло

Digitized by Google

шуточное, на куницу, песца и норку пороху не тратятъ, ихъ ловятъ капканами, но шаловливую и проворную бѣлку надобно стрѣлять. Въ сумерки наши охотники возвращаются къ своему становищу; убитая дичина, грибы и набранныя ягоды составляютъ ихъ ужинъ; разумѣется, иногда бываетъ въ употребленіи и фляжка съ виномъ. Пообѣдавши и поужинавши,—ибо обѣдъ и ужинъ у нихъ бываетъ одно и то же,—они начинаютъ разсказы о своихъ охотничьихъ похожденіяхъ, о томъ, какъ «дѣдушка лѣсовикъ» (лѣшій) обошелъ Ивана или Петра, какъ онъ Богъ знаетъ какъ забился въ такую трущобу, что въ ней и среди лѣта холодно какъ въ погребѣ, а звѣрь такъ «и кишитъ кишмя». Хотѣлъ было онъ стрѣлять «красноподпалыхъ» (лисицъ), да ружье все осѣкается и съ каждой осѣчкой лиса или замяукаетъ какъ кошка, или захрюкаетъ какъ свинья, а надъ нимъ на «большой-большущей» пихтѣ хохочетъ сова да размахиваетъ крыльями, вотъ и понялъ онъ, что занесло его сюда «нелегкимъ», оробѣлъ онъ «маторно» (очень), инда пятки затряслися, сотворилъ молитву да подержался за крестъ указательнымъ пальцемъ и мизинцемъ, въ глазахъ стало темно, а какъ открылъ онъ ихъ, то и догадался, что зашелъ въ Юдкину пущу, гдѣ давнымъ-давно жилъ Корела Юдка, колдунъ изъ колдуновъ и страшный кудесникъ; да съ крестомъ ему стало «не боязно» (не страшно), и онъ легко вышелъ на войперскую дорогу, а оттуда было какъ рукой подать, не болѣе семи верстъ до ихъ становища. Иногда подобные разсказы, ежели только охотники не раскольники, смѣняются пѣснями, занесенными сюда или съ береговъ Волги, или подслушанными въ городѣ (Архангельскѣ) у лихихъ матросовъ. Когда промышленники набьютъ много «звѣрья», то на время, не болѣе какъ дня на два, а иногда и на одинъ, возвращаются домой, а тамъ снова утопаютъ въ лѣсныхъ пространствахъ,—вольное, славное житье, при разсказахъ объ которомъ я невольно вспоминалъ нашего описателя подмосковной охоты: то-то бы онъ тамъ набрался и охотничьихъ разсказовъ и интересныхъ личностей, которыя точно какъ живые портреты улеглись бы подъ его перомъ.

Птицеловствомъ преимущественно занимаются въ Пинежскомъ уѣздѣ, впрочемъ этотъ промыселъ существуетъ и въ другихъ уѣздахъ. Птицъ промышляютъ въ этихъ мѣстахъ ежегодно до 83,000 штукъ, въ томъ числѣ болѣе половины рябчиковъ, до 12,000 куропатокъ и до 10,000 тетеревей. Гагаръ бьютъ въ приморскихъ мѣстахъ. Гагачій пухъ доставляетъ значительныя выгоды промышленникамъ. Около морскихъ же береговъ тѣ рыбопромышлен-

Digitized by Google

ники, которые не ушли на Мурманскій берегъ съ настоящими поморами, ловятъ рыбу, которая вездѣ въ изобилiи.

Жители этой полосы губернiи живутъ гораздо чище и опрятнѣе жителей поморья; здѣсь вы не встрѣтите деревень въ десять или восемь дворовъ—нѣтъ, тутъ безпрестанно попадаются многолюдныя села, двухъ-этажные бревенчатые дома весело смотрятъ на широкую улицу; обыкновенно въ такомъ домѣ въ одной половинѣ нижняго этажа помѣщается «стряпушка», комната, въ которой стряпаютъ кушанье, въ другой «теплое стойло», отдѣленiе для мелкаго скота, преимущественно для телятъ, которые не вынесли бы на дворѣ суровой сѣверной зимы; иногда въ это теплое стойло вводятъ и коровъ, особливо ежели которая изъ нихъ чѣмъ-либо захвораетъ. Въ верхнемъ этажѣ на одной половинѣ одна или двѣ чистыя горницы, а на другой холодныя свѣтлицы, въ которыхъ живутъ только лѣтомъ. Божiи храмы по большой части деревянные, но выстроены хорошо и роскошно изукрашены внутри благочестивыми прихожанами и доброхотными дателями. Чувство религiозное развито на сѣверѣ сильно, народъ набоженъ и усерденъ къ Божiимъ храмамъ. Кажется всю эту полуночную страну осѣняетъ духъ тѣхъ святыхъ отшельниковъ, которые, оставивши всѣ прелести земныя, углубились въ пустыни Поморья и лѣса нынѣшней Архангельской губернiи, чтобъ предаться уединенiю и молитвѣ. По водворенiи этихъ анахоретовъ въ нашихъ сѣверныхъ Оиванлахъ, вокругъ нихъ собрались ученики и устроились обители. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше, въ Архангельскомъ уѣздѣ находятся еще слѣдующiя обители:

Архангельскiй монастырь, во имя Архангела Михаила, на мысѣ, составляющемъ средину нынѣшняго Архангельска, издревле называвшагося *Пурь-наволокъ* (мысъ Пуръ). Этотъ древнiй монастырь основанъ въ началѣ XV столѣтiя, по благословенiю новгородскаго архiепископа Iоанна. Нѣсколько разъ эта обитель терпѣла разоренiе отъ Шведовъ, нѣсколько разъ она служила убѣжищемъ окрестнымъ жителямъ во время нападенiя безпокойнаго сосѣда, и около нея, какъ всегда и вездѣ около пустынныхъ мѣстъ поклоненiя Богу, къ которымъ стремятся богомольцы въ извѣстное время года, образовалась ярмарочная торговля, а потомъ мало по малу заселилась и довольно многолюдная слобода, которая, возведенная въ достоинство города, подъ названiемъ Новыхъ Холмогоръ, служила главнымъ мѣстомъ торга съ Англичанами, послѣ того какъ судьба нечаянно завела Ченселера на берега Двины.

Digitized by Google

Названіе этого города Новыми Холмогорами удержалось не долго: монастырь далъ ему свое имя.

Николаевскій Корельскій монастырь, ближе къ устью Двины, въ тридцати четырехъ верстахъ отъ Архангельска, достопамятный тѣмъ, что здѣсь приставъ Ченселеръ и что до основанія Архангельска здѣсь была корабельная верфь, почему Англичане долго называли Архангельскъ *Портомъ св. Николая*. Монастырь основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены два утонувшіе въ Двинѣ сына Мареы посадницы, Антонъ и Феликсъ, какъ названы они въ записи Мареы. Гробница ихъ находится въ соборной монастырской церкви. Каменное строеніе церквей обители произведено было при усердномъ храмостроителѣ, царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, между 1664—1673 годами. Подъ церковью Успенія была прежде тюрма, гдѣ содержались государственные преступники; здѣсь былъ заключенъ, при Екатеринѣ I лишенный сана, архіепископъ новгородскій Ѳеодосій, потомъ погибнувшій во времена Бирона (*). На монастырской колокольнѣ находится колоколъ, съ надписью: «*Лѣта 7182 (1674) іюля въ 25 день, вылитъ сей колоколъ, набатной, Кремля города Спасскихъ воротъ, вѣсу 150 пудовъ.* Другая *вырѣзанная* надпись говоритъ, что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отдалъ сей колоколъ въ 7189 году въ Николаевскій Карельскій монастырь. Основываясь на томъ, что знаменитый *вѣчевой Новгородскій колоколъ* былъ повѣшенъ у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ и назвался *набатнымъ*, полагаютъ, что онъ разбился въ одинъ изъ московскихъ пожаровъ, перелитъ въ 1674 году, и слѣдовательно, находящійся въ Корельской обители *набатной колоколъ* есть знаменитый вечевой новгородскій. Предположеніе сомнительно, ибо подвержено сомнѣнію: былъ ли привезенъ вечевой колоколъ въ Москву? исполнялъ ли онъ въ нашей бѣлокаменной должность набатнаго? и не висѣлъ ли, какъ и всѣ колокола завоеванные Москвою у другихъ княжествъ и городовъ русскихъ, на Ивановской колокольнѣ?

Пертомскій монастырь находится на Бѣломорскомъ берегу близъ Унской губы, во ста двадцати верстахъ отъ Архангельска. Два инока соловецкіе, Вассіанъ и Іона, утонули, плывя въ Соловецкую обитель, въ 1566 году; тѣла ихъ выкинуло на берегъ, и жители Унскаго посада погребли ихъ тамъ, гдѣ они были найдены. Съ 1599 года, по происходившимъ надъ гробницею св. иноковъ знаменіямъ, устроили здѣсь монастырь.

(*) Пушкаревъ—Описаніе Архангельской губерніи.

Digitized by Google

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ:

Успенскій дѣвичій монастырь въ Холмогорахъ. Первоначально основанъ во имя Владимирскія Божія Матери и находился въ трехъ верстахъ отъ города. Архіепископъ Аѳанасій перевелъ его въ Холмогоры, наименовалъ Успенскимъ, и первою игуменьею была родительница владыки Аѳанасія. По причинѣ обветшанія строенія монастырскаго въ 1798 году велѣно было перевесть монастырь въ огромный архіерейскій домъ, гдѣ нѣкогда обитали холмогорскіе владыки. Это зданіе весьма замѣчательно въ историческомъ отношеніи. Его воздвигъ архіепископъ Аѳанасій, употребивъ на постройку шесть лѣтъ времени и шесть тысячъ пять-сотъ рублей серебромъ, сумму весьма значительную по тогдашнему времени. Съ 1691 до 1744 года оно было жилищемъ холмогорскихъ архіереевъ, но тогда велѣно было его взять въ казенное вѣдомство, и этотъ домъ, съ 1744 года, былъ мѣстомъ заключенія бывшей правительницы государства, принцессы Анны Леопольдовны, супруга ея, принца Антона Ульриха, и дѣтей ихъ. Плѣнники перевезены были сюда изъ Ораніенбурга. Здѣсь, кромѣ двухъ принцессъ, привезенныхъ малолѣтними, родились, въ 1745 и 1746 годахъ, и жили принцы Петръ и Алексѣй; здѣсь скончалась принцесса Анна въ 1746 году, и здѣсь наконецъ умеръ принцъ Антонъ Ульрихъ, въ 1746 году. Сожалѣя объ участи сиротъ его, Императрица Екатерина II повелѣла отправить ихъ въ Данію. Ихъ перевезли на яхту, приготовленную на Двинѣ, и отвезли въ Архангельскую Новодвинскую крѣпость, откуда іюня тридцатаго, 1781 года, отправлены были они на Фрегатѣ въ Бергенъ. Въ этомъ холмогорскомъ домѣ велѣно было помѣстить основанную тогда въ Холмогорахъ школу, которая однако не долго занимала его, ибо ее перевели въ Архангельскъ, и съ 1798 года въ этомъ домѣ помѣщается тихая обитель инокинь.

Антоніевъ Сійскій монастырь, въ девяносто двухъ верстахъ отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ, на островѣ, среди Михайлова озера, близъ Сійской волости. Онъ основанъ въ 1520 году, святымъ Антоніемъ, который былъ первымъ игуменомъ его и скончался въ 1556 году. Слава о святости Антонія привлекла братію и обогатила обитель вкладами; она имѣла до трехъ тысячъ пяти-сотъ душъ крестьянъ, и ей подчинилось пять другихъ монастырей. Въ соборной церкви монастырской почіютъ подъ спудомъ мощи ея основателя св. Антонія. Іоаннъ Грозный особенно обогащалъ Анто-

Digitized by Google

ніевъ монастырь, приказывая инокамъ молиться за погибшаго его сына и «избіенныхъ опальныхъ людей». Въ 1599 г., по волѣ Годунова, привезенъ былъ сюда, здѣсь постриженъ и томился въ заключеніи знаменитый бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, родитель царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи великій Первосвятитель Филаретъ Никитичъ. На память своего здѣсь пребыванія, бывши уже патріархомъ, присылалъ онъ въ Сійскій монастырь богатые вклады. Монастырская ризница и библіотека монастыря особенно замѣчательны (*).

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ:

Троицкій монастырь, основанъ въ 1637 году и былъ женскимъ до 1765. Упраздненный въ этотъ годъ, онъ былъ возобновленъ и учрежденъ мужскимъ въ 1779 году. Съ 1727 года, въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, была здѣсь игуменьею Евфимія, памятная благочестіемъ и благосклонностью къ ней Императрицы Анны Іоанновны.

Новогородцы именовали «Важскою десятиною» пространство земель по берегамъ Ваги, которое откупилъ у туземныхъ обитателей, Финновъ, богатый Новогородецъ Василій Своеземцевъ, въ началѣ XIV столѣтія. Онъ завелъ здѣсь селенія, построилъ церкви, распространилъ промышленность. Многіе его соотечественники откупали у него земли и заводили поселенія. Послѣ покоренія Новгорода *Важская область* составила особенную собственность Великихъ Князей и Царей. Потомъ она была пожалована Борису Годунову; Василій Шуйскій отдалъ ее своему брату Димитрію; въ 1614 году она дана была въ видѣ награды князю Димитрію Трубецкому. Потомъ Важская область взошла въ составъ Шенкурскаго уѣзда. Вага славилась числомъ бывшихъ въ ней обителей, которыя нынѣ всѣ упразднены, и оставлены или приходскими или приписными церквами. Таковы суть: *Богословскій* монастырь, въ шестнадцати верстахъ отъ Шенкурска, на берегу Ваги, при впаденіи рѣки Пенешки. Основанъ, въ 1450 году, однимъ изъ потомковъ Своеземцева, Васильемъ, который принялъ въ сей обители санъ инока, съ именемъ Варлаама, и скончался въ 1462 году. Въ 1552 году обрѣтены его мощи. Монастырь упраздненъ въ 1765 году. — *Троицкая пустынь*, на рѣкѣ Кодемѣ, въ пятидесяти

(*) Пушкаревъ—Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

верстахъ отъ Шенкурска, основана въ 1590 году, упразднена въ 1764 году. — *Предтеченская пустынь*, въ пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, на горѣ Квалъ, при Юмзенскомъ озерѣ, основана въ 1654 году и съ 1790 году причислена къ Шенкурскому собору. — *Макарьевская пустынь*, въ пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, при озерѣ Умѣ, основана въ 1667 году, а въ 1779 году монахи переведены отсюда въ Троицкій Шенкурскій монастырь и пустынь обращена въ приходскую церковь, которая сгорѣла въ 1787 году; въ 1827 году построена на мѣстѣ ея новая, послѣ 38 лѣтъ запустѣнія. — *Николаевская пустынь*, при впаденіи въ Вагу рѣки Паденги, въ девяноста верстахъ отъ Шенкурска, основана въ XVII вѣкѣ, упразднена въ 1765 году. — *Преображенскій монастырь*, въ семидесяти пяти верстахъ отъ Шенкурска, въ Нижнетомской волости, основанъ въ XVII столѣтіи, упраздненъ въ 1764 году. — *Троицкій монастырь*, въ ста пятнадцати верстахъ отъ Шенкурска, при озерѣ Клонѣ и рѣчкѣ Кондрусѣ, основанъ въ XVII столѣтіи и упраздненъ въ 1764 году. — *Успенская пустынь*, въ семидесяти верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Шермѣ, въ Верхотомской волости, основана въ XVII столѣтіи, упразднена въ 1764 году.—*Введенскій монастырь*, въ восмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, при рѣкахъ Пуѣ и Уздрѣ, основанъ въ XVII столѣтіи и упраздненъ въ 1764 году. — *Вознесенская пустынь*, въ девяноста верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Шеренгѣ, основана въ 1650 году. Замѣчательно, что въ ней собранія монаховъ никогда не было, и первоначально жилъ *одинъ* основатель ея, по возведеніи котораго въ санъ архимандрита, пустынь была необитаема двадцать пять лѣтъ, пока опять поселился и прожилъ въ ней *одинокимъ* благочестивый инокъ шестнадцать лѣтъ. Упразднена въ 1764 году. — *Николаевская пустынь*, въ двухъ-стахъ сорока верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Пежмѣ, основана въ 1503 году, упразднена въ 1764 году.— *Воскресенская пустынь*, въ двухъ-стахъ двадцати верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкѣ Термингѣ; упразднена въ 1764 году.—*Спасская на бору пустынь*, въ ста восмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, основана въ 1653 году и упразднена въ 1685 году.—*Николаевскій монастырь*, въ двухъ-стахъ восмидесяти верстахъ отъ Шенкурска, на рѣкахъ Кокшенгѣ и Мохрушѣ, основанъ въ 1576 году и упраздненъ въ 1761 году.—*Зосимо-Савватіева пустынь*, приписанная къ Маркушевскому монастырю, въ тридцати верстахъ отъ него, на рѣкѣ Кокшенгѣ, основана въ 1574 году, упразднена въ 1764 году.—*Спасская и Николаевская пустыни*, на рѣкѣ Печенегѣ и

Digitized by Google

при Бабьемъ озерѣ, обѣ приписанныя къ Маркушевскому монастырю, упразднены въ 1764 году.

Въ Пинегскомъ уѣздѣ.

Красногорскій монастырь, въ десяти верстахъ отъ Пинеги, на берегу рѣки Пинеги, на горѣ, основанъ въ 1606 году, послѣ явленія въ немъ иконы Владимирскія Богоматери. Другая чудотворная икона, хранящаяся въ монастырѣ—*Грузинскія Божія Матери*, вывезена изъ Персіи, въ 1629 году, послѣ чего установлено праздновать ей августа двадцать втораго. Ежегодно приносятъ ее изъ Красногорскаго монастыря въ Архангельскъ.—Здѣсь погребенъ князь *Василій Васильевичъ Голицынъ*, любимецъ царевны Софіи, умершій въ ссылкѣ, въ Пинегѣ.

Архангельскій монастырь, въ ста пятидесяти верстахъ отъ Пинеги, основанъ въ началѣ XVII вѣка, въ селѣ Веркольскомъ, послѣ открытія нетлѣнныхъ мощей святаго Артемія, отрока, погребеннаго въ приходской церкви Веркольскаго села, въ 1544 году.

Церковь въ *селѣ Ламбаевскомъ*, на берегу Пинеги, въ семидесяти пяти верстахъ отъ города Пинеги, близъ рѣки Уры, была монастыремъ; основанный въ 1615 году, онъ упраздненъ въ 1777 году (*).

Теперь отъ храмовъ Божіихъ обратимся къ жилищу человѣка. Въ этой средней части губерніи находится губернскій городъ Архангельскъ и уѣздные: Холмогоры, Шенкурскъ и Пинега.

Какъ мы уже говорили выше, Архангельскъ выстроенъ былъ по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича близъ Архангельскаго монастыря и назывался Новыми Холмогорами. Городъ этотъ состоялъ изъ деревянной крѣпости или острога, въ которомъ заключался Архангельскій монастырь; съ трехъ сторонъ его обрыли рвомъ, четвертую его сторону составлялъ берегъ Двины; внѣ острога построены два гостинные двора, *Русскій* и *Нѣмецкій*, также деревянные. Въ 1587 году учрежденъ былъ здѣсь *посадъ*, и торговля сюда переведена съ устья Двины. Въ 1637 году пожаръ опустошилъ городъ, посадъ и монастырь. Послѣдній перенесли изъ города на версту выше по рѣкѣ, на урочище *Нячеры*. Снова началъ строиться городъ, снова горѣлъ нѣсколько разъ, и опять возникали на пожарищахъ дома и домики, какъ въ 1669 году—онъ совер-

(*) Пушкаревъ — Очерки Архангельской губерніи.

Digitized by Google

шенно былъ опустошенъ поджигателями (воровскіе люди). Царь Алексій Михайловичъ прислалъ на слѣдующій годъ «иноземныхъ градодѣльцевъ» Петра Марселиса и Вильгельма Шарфа. Они заложили каменное обширное зданіе на мѣстѣ гостинныхъ дворовъ, составляющее продолговатый четыреугольникъ въ шесть-сотъ саженъ въ окружности, въ два этажа, съ шестью башнями къ берегу Двины. Тутъ находилась таможня, Русскій и Нѣмецкій гостинные дворы. Строеніе продолжалось до 1684 года, кирпичи привозили изъ Голландіи, и когда оно было кончено, то, уже не говорю о Русскихъ, иностранцы удивлялись его громадности и стройности. Этотъ гостинный дворъ на сѣверѣ ставилъ Архангельскъ на степень примѣчательныхъ городовъ по своему строенію.

Царь Алексій Михайловичъ понималъ всю важность нашей Бѣломорской, или лучше сказать, заморской торговли и старался въ глазахъ просвѣщенной Европы, громадными постройками выказать силы своей Россіи, которая подъ премудрымъ его правленіемъ начала эти силы развивать въ своеобразныхъ формахъ.

Петръ Великій, въ первый пріѣздъ свой въ Архангельскъ, заложилъ на Саламбольскомъ островѣ, отдѣляемомъ рѣкою *Кузнечихою* отъ города, Адмиралтейство, и около него населилъ слободы матросовъ и рабочихъ, а въ селеніи на Моисѣевскомъ островѣ, лежащемъ какъ-разъ передъ устьемъ Кузнечихи, построилъ себѣ дворецъ. Въ пріѣздъ свой въ 1701 году Государь, для защиты Архангельска и своего Адмиралтейства, въ восемнадцати верстахъ ниже Архангельска, въ Березовскомъ устьѣ Двины, на *Линскомъ* островѣ заложилъ крѣпость *Новодвинскую*. Въ томъ же году эта неоконченная крѣпость Новодвинская, или, какъ называетъ ее простонародье, *Новодвинка*, выдержала нападеніе Шведовъ. Архангельскъ былъ Петромъ Великимъ защищенъ, но торговля его подорвана Петербургомъ, и великолѣпные гостинные каменные дворы, построенные Алексіемъ Михайловичемъ, обветшали и были разобраны въ 1786 году. Средняя часть зданія уничтожена, и нынѣ на ея мѣстѣ находится тюремный замокъ. Нѣмецкій гостинный дворъ во время Петра былъ отдѣланъ особо и назывался *Монетнымъ дворомъ*—нынѣ это груда развалинъ. Русскій гостинный дворъ обновленъ въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, и въ настоящее время помѣщается тамъ таможня съ погребами, почему и называютъ ее *Таможеннымъ замкомъ*. Къ таможнѣ пристроена на берегъ Биржевая зала.

Теперь архангельское адмиралтейство, на Саламбольскомъ

Digitized by Google

островѣ, съ принадлежащими къ морскому вѣдомству зданіями, домами начальника порта и чиновниковъ, казармами для рабочихъ матросовъ, госпиталями и селеніями, занимая пространство около двухъ квадратныхъ верстъ, составляетъ отдѣльную часть города.

Здѣсь просвѣщенное общество моряковъ и чиновниковъ адмиралтейства живетъ какъ подобаетъ жить вездѣ порядочнымъ людямъ, съ тою только разностью, что среди этихъ господъ наше славянское гостепріимство еще сильнѣе развернулось подъ вліяніемъ сѣверныхъ обычаевъ. Кто разъ попалъ въ этотъ задушевный и образованный кругъ, тотъ долго не забудетъ своихъ милыхъ собесѣдниковъ. Присовокупите къ этому возможность имѣть книги, пользоваться удовольствіемъ клуба, иногда театральными представленіями, хотя представленіями не отличныхъ артистовъ, но тамъ, гдѣ въ удовольствіяхъ мало разнообразія, тамъ не бываютъ разборчивы. Разумѣется лѣтомъ жизнь въ Архангельскѣ гораздо веселѣе чѣмъ зимой; какъ только вскроется рѣка, одѣнется лиственный лѣсъ въ свой весенній нарядъ, весна дохнетъ своимъ ароматнымъ благоуханіемъ, въ свободное время начинаются загородныя поѣздки на гичкахъ, катерахъ и легкихъ ладьяхъ; устроиваются пикники, и гдѣ-нибудь на живописномъ прибрежьи Двины раздается лихая пѣсня матросовъ, между тѣмъ какъ дамы приготовляютъ чай, и мужчины, покуривая гаванскія сигары, слушаютъ разсказы какого-нибудь моряка, о томъ, какъ онъ ходилъ кругомъ свѣта съ Лазаревымъ, Литке или Коцебу, какъ онъ любезничалъ съ королевою острова Отаити, или мѣнялся церемонными поклонами съ китайскими мандаринами. Разумѣется, въ этихъ компаніяхъ не участвуетъ архангельское купечество, оно ведетъ свой собственной кругъ и забавляется по-своему, расточая другъ другу русское хлѣбосольство, употребляя громады разныхъ мясныхъ и рыбныхъ кушаній, орошая ихъ привозными винами и ромомъ. Природныя архангелогородки, жены и дочери мѣстнаго купечества и мѣщанства, очень красивы, но большая часть изъ нихъ лишены всякаго образованія, многія изъ нихъ, а равно и семейства ихъ, придерживаются раскольничества. Также какъ и въ селахъ, вечеринки составляютъ одно изъ главныхъ удовольствій молодыхъ людей обоего пола торговаго сословія. На этихъ вечеринкахъ немудрено встрѣтить нарумяненную, набѣленную и насурмленную красавицу, на которой надѣто жемчугу и брилльянтовъ на двадцать тысячъ рублей—любуйтесь этой куколкой издали, но не подходите къ ней, не заговаривайте съ нею: въ первомъ случаѣ, видя, что вы не принад-

Digitized by Google

лежите къ ея кругу, она страннымъ образомъ переконфузится, схвативши платокъ въ обѣ руки, завертитъ неистово своими пальцами, а во второмъ, потупя глаза въ землю, изрѣдка взглядывая на васъ изъ-подлобья, будетъ или молчать или ограничится отвѣтами да или нѣтъ. Вотъ ежели вы принадлежите къ купечеству, носите бороду, ходите въ сибиркѣ, да еще можетъ быть и въ красной рубашкѣ съ косымъ воротомъ — о, въ такомъ случаѣ это иное дѣло: она развернется передъ вами, скажете вы какую-нибудь глупость— она громко захохочетъ, вздумаете вы съ ней пройтися поплясать, она вамъ отколетъ такое коленцо, что просто на чудо.

Видъ какъ города, такъ и Саламбольской слободы, соединяющейся съ нимъ плашкоутнымъ мостомъ, очень хорошъ. Большое число Божіихъ храмовъ, каменныхъ зданій какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, каменная набережная, сдѣланная на протяженіи 1655 сажень, дѣлаютъ Архангельскъ очень красивымъ городомъ.

Изъ замѣчательныхъ зданій въ городѣ Архангельскѣ укажемъ на архіерейскій домъ. Онъ заложенъ въ 1779 и оконченъ въ 1784 году. Въ Крестовой церкви этого дома хранятся *знамя* и *іерусалимскій флагъ*, подаренные архіепископу Аѳанасію, и *флагъ*, взятый съ шведскаго фрегата, при овладѣніи имъ въ 1701 году. Петръ Великій завѣщалъ хранить его, какъ *первый европейскій флагъ*, взятый въ морской битвѣ Русскими.

На главной соборной площади стоитъ памятникъ Ломоносову. Первая мысль о сооруженіи памятника Ломоносову принадлежитъ преосвященному Неофиту, епископу архангельскому и холмогорскому (скончавшемуся въ 1825 году). Сборъ денегъ производился архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ Я. Ф. Ганскау и графомъ Д. И. Хвостовымъ. Памятникъ изображаетъ нашего знаменитаго поэта стоящимъ на усѣченномъ географическомъ глобусѣ, на которомъ представлена ситуація Архангельска и Холмогоръ. На полуобнаженной статуѣ Ломоносова накинута греческая тога, онъ обутъ въ греческія сандаліи, крылатый геній, преклонивъ передъ нимъ колѣна, подаетъ ему лиру. Этотъ памятникъ работы Мартоса, который славился своимъ строгимъ классицизмомъ. Надобно сказать правду, памятникъ этотъ далеко не такъ удаченъ, какъ памятникъ Минину и Пожарскому, поставленный въ Москвѣ, и сдѣланный тѣмъ же ваятелемъ: положеніе правой руки поэта не натурально, геній не граціозенъ, и кажется полуобнаженный Ломоносовъ чувствуетъ неумѣстность греческой хламиды въ арктической странѣ его родины.

Digitized by Google

Городъ имѣетъ слѣдующіе заводы: сахарный 1 (принадлежащій купцу Брандту), канатныхъ и прядильныхъ 7, салотопенныхъ 6 и водочный 1. Цѣнность мануфактурной дѣятельности Архангельска ограничивается суммою 261,000 руб. сереб.

Въ Архангельскѣ сосредоточиваются и внутренняя торговля губерніи и заграничная сѣверная торговля государства. Послѣдней способствуетъ положеніе города, близъ моря, на большой судоходной рѣкѣ, которой составныя части: Сухона, Вычегда и Югъ, далеко вдаваясь въ губерніи Вятскую и Вологодскую, даютъ возможность удобно доставлять произведенія, нужныя для заграничнаго отпуска.

Барки и плоты, приходящіе въ Архангельскъ, уже не возвращаются, а употребляются на разныя городскія надобности: на поддержаніе мостовъ, для перевоза тяжестей на корабли, на обшивку домовъ, для тротуаровъ и т. п.

Всѣ приходящіе къ Архангельскому порту корабли останавливаются въ Саламбольской купеческой гавани; прочія же мореходныя суда проходятъ мимо ея и останавливаются въ Архангельскѣ, близъ существующихъ тамъ пристаней.—Привозимые изъ-за границы товары выгружаются въ барки, которыя обыкновенно подводятъ къ самымъ кораблямъ, и на баркахъ уже отвозятся въ Архангельскъ, для храненія тамъ, впредь до очистки пошлиною, въ покгаузахъ тамошняго замка. Въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, за храненіе товаровъ, кромѣ установленныхъ пошлинъ, никакихъ сборовъ не производится; но если хозяева пожелаютъ оставить товары въ покгаузахъ долѣе 6-ти мѣсяцевъ, то за занятые покгаузы платятъ оброчныя деньги, смотря по величинѣ покгаузовъ, отъ тридцати до пятидесяти рублей серебромъ въ годъ. Деньги эти отсылаются съ другими сборами въ уѣздное казначейство. Нагрузка товаровъ въ корабли производится съ барокъ, приплавляемыхъ въ Архангельскъ изъ другихъ губерній. Барки эти, въ ожиданіи нагрузки, останавливаются на рѣкѣ Двинѣ и по рукаву ея Кузнечихѣ, близъ береговъ; но ежели количество товаровъ въ баркахъ, приплавленное для нагрузки въ корабли, превышаетъ потребность, то излишекъ выгружается на берегъ Саламбольской гавани, гдѣ находятся для этого биржи или складочныя мѣста съ амбарами и сараями, устроенными тѣми торговцами, которымъ товары принадлежатъ. Биржи (числомъ двадцать три) занимаютъ подъ собою пространства болѣе 10,660 квадратныхъ саженей. Онѣ преимущественно заняты пиленными досками, круглымъ лѣсомъ и другими лѣсными матерьялами, привозимыми

Digitized by Google

къ Архангельскому порту для отпуска за границу. Сараи, (которыхъ всего 5), заняты также лѣсными товарами и частію смолою; а 9 амбаровъ ссыпными и разными другими товарами.

Нагрузкой и выгрузкой товаровъ занимаются, по большей части, казенные крестьяне разныхъ уѣздовъ здѣшней губерніи, и частію архангельскіе мѣщане, нанимаемые купечествомъ въ Архангельскѣ. Браковка товаровъ для отпуска за границу производится чрезъ браковщиковъ, старостъ и ихъ помощниковъ, утверждаемыхъ въ этихъ должностяхъ департаментомъ внѣшней торговли, и нанимаемыхъ по выбору купечества, артельщиковъ изъ мѣщанъ и крестьянъ города Архангельска. — Такъ-какъ браковка, нагрузка и выгрузка товаровъ въ корабли производится на рѣкѣ Двинѣ изъ барокъ, обыкновенно стоящихъ у береговъ Архангельска, то доходомъ отъ нихъ пользуется архангельская городская Дума.

Первые корабли въ Саламбольскую гавань приходятъ послѣ половины мая, а отходятъ послѣ первыхъ чиселъ октября. На зиму кораблей почти никогда не остается въ Архангельскѣ, кромѣ россійскихъ.

Къ Архангельску приходитъ ежегодно до четырехъ-сотъ иностранныхъ кораблей. Собственные корабли изъ архангельскихъ купцовъ имѣетъ одинъ только торговый домъ. Много причинъ, по которымъ русская торговля производится преимущественно не на собственныхъ, а на иностранныхъ кораблямъ, главная—зависть иностранцевъ, которые берутъ болѣе значительную пошлину съ товаровъ, привозимыхъ на русскихъ корабляхъ въ ихъ земли.

Сверхъ казенныхъ кораблей на Саламбольской верфи въ Архангельскѣ строятся и оснащиваются и частныя суда. Этимъ занимаются два купеческіе дома.

Послѣ Архангельска лучшій городъ въ губерніи безъ сомнѣнія Холмогоры; вопреки баснословнымъ преданіямъ, что Холмогоры были древнимъ *Голмгардомъ*, мы встрѣчаемъ достовѣрное историческое извѣстіе о *Колмогорахъ*, какъ писали встарину имя ихъ, не ранѣе половины XIV вѣка. Въ первый разъ находимъ Колмогоры въ граматѣ великаго князя Іоанна, отца Димитрія Донскаго. Колмогоры были издревле главнымъ мѣстомъ пребыванія новогородскихъ намѣстниковъ въ Заволочьи и Двинской области. Нынѣ замѣчателенъ въ Холмогорахъ древній соборъ, во имя *Преображенія*, въ послѣдній разъ перестроенный архіепископомъ Аѳанасіемъ, съ отдѣльною церковью *Двѣнадцати Апостоловъ*, и старинною колокольнею. Здѣсь почіютъ останки семи владыкъ холмогорскихъ.

Digitized by Google

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ должно обратить вниманіе на слѣдующія селенія:

Куростровская волость. Послѣ сліянія съ рѣкою Пинегою, теченіе Двины раздѣляется, до самаго Архангельска, на множество протоковъ, образующихъ на ней острова. Два, болѣе другихъ обширные острова находятся противъ Холмогоръ, и одинъ изъ нихъ, *Куростровъ*, заселенный нѣсколькими селеніями, составляетъ Куростровскую волость. Въ одномъ изъ ея селеній, *Денисовкѣ*, въ 1711 году у казеннаго крестьянина, рыбака по промыслу, *Василья Дороѳеева Ломоносова*, родился сынъ *Михайло*, страстно желавшій *учиться*; онъ бѣжалъ съ родины при обозѣ съ мерзлою рыбою въ Москву, и въ 1765 году скончался въ Петербургѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, въ званіи академика, оплакиваемый отечествомъ, уважаемый Императрицею Екатериною, признанный патріархомъ русской словесности, человѣкомъ геніальнымъ, прославя дотолѣ безвѣстное имя *Ломоносова*. Послѣ него не осталось потомства. Другіе Ломоносовы, жители Холмогоръ, называютъ себя его потомками, и гордятся однороднымъ съ нимъ происхожденіемъ, но едва ли справедливо. Кромѣ сына Михаила, у Василья Дороѳеева Ломоносова была еще дочь Марья, выданная за крестьянина Матигорской волости, Головина, потомки коего навсегда исключены изъ подушнаго оклада и рекрутской повинности, въ 1796 году, по представленію, бывшаго въ то время архангельскимъ губернаторомъ, Николая Исаевича Ахвердова, въ уваженіе памяти ихъ великаго родственника.

Вавчуга, село выше Холмогоръ, на правомъ берегу Двины, при впаденіи рѣки *Вавчуги*, въ восмидесяти верстахъ отъ Архангельска. Здѣсь предпріимчивые холмогорскіе посадскіе люди, братья Баженины, въ концѣ XVII столѣтія, «безъ заморскихъ мастеровъ, по немѣцкому образцу», устроили лѣсопильный заводъ и завели верфь для строенія судовъ. Петръ Великій въ первое путешествіе свое въ Архангельскъ, узналъ тамъ Бажениныхъ, далъ имъ грамату, заѣхалъ нарочно осмотрѣть ихъ заведеніе, пировалъ у нихъ, и щедро наградилъ своихъ дѣятельныхъ и умныхъ подданныхъ. Поощряемые царскою милостью, Баженины начали строить купеческіе корабли, и въ послѣднее путешествіе свое въ Архангельскъ Петръ Великій не только опять пріѣхалъ нарочно въ Вавчугу, но самъ спустилъ два корабля, приготовленные Баженинымы, изъ коихъ одному выданъ былъ дипломъ на званіе корабельнаго мастера. Новыя льготы даны Баженинымъ, и сдѣлавшись

Digitized by Google

богатыми негоціантами архангельскими, они вели обширный торгъ лѣсомъ и кораблями, которые покупали у нихъ Голландцы и Датчане, кромѣ того отпускали они товары за море на своихъ корабляхъ, и старались завести китовую и сельдяную промышленность. Впослѣдствіи при упадкѣ Бѣломорской торговли, и особливо когда уничтожены были привиллегіи, данныя Баженинымъ, дѣла ихъ упали и Вавчугская верфь сдѣлалась ничтожною. Имя *Баженинихъ* достойно памяти соотечественниковъ, на ряду съ именами Строгановыхъ, Демидовыхъ, Шелиховыхъ. У потомковъ ихъ до нынѣ хранятся, какъ драгоцѣнность, подлинныя граматы Петра Великаго (*).

О древней Вагѣ, нынѣшнемъ Шенкурскѣ, мы говорили выше. Шенкурскъ важенъ для Архангельской губерніи по своимъ ярмаркамъ, которыхъ бываетъ ежегодно двѣ: Евдокіевская 1-го марта, и Срѣтенская 2 Февраля. Первая одна изъ знаменитыхъ ярмарокъ на нашемъ сѣверѣ; на нее привозятъ товару на сто-пятдесятъ тысячъ рублей серебромъ. Главныя статьи привоза: хлѣбъ, сукно, бакалейные товары, ситцы и шелковые товары московскаго издѣлія; туземные товары: рыба, дичина, въ особенности куропатки, холстина (**), ленъ, льняное сѣмя и деревянныя издѣлія. На шенкурскихъ ярмаркахъ, кажется, всѣ разнородные обитатели являются на общее свиданіе: здѣсь вы встрѣтите и добродушнаго Лопаря, и пронырливаго Зырянина, и безпечнаго Самоѣда, и ловкаго Помора, и торговаго, промышленнаго Русина. Купцы петербургскіе, московскіе, вологодскіе, тобольскіе и пермскіе съѣзжаются сюда для торговыхъ дѣлъ своихъ, и городъ, дотолѣ тихой и почти безлюдный, оживаетъ: при этомъ наплывѣ народа, прибывшаго изъ разныхъ мѣстъ. Когда-то Шенкурскъ былъ окруженъ рубленною деревянною крѣпостью—нынѣ уже нѣтъ и слѣда ея.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ есть нѣсколько селеній Зырянъ, которые славятся какъ искусные стрѣлки. Крестьяне, по большой части удѣльнаго вѣдомства, живутъ зажиточно, имѣютъ хорошо выстроенные дома, одѣваются опрятно—вся ихъ внѣшняя обстановка ясно говоритъ, что они пользуются довольствомъ и счастіемъ (***).

(*) Пушкаревъ—Очерки Архангельской губерніи.

(**) Архангельская губернія славится своими полотнами, и, послѣ ярославскихъ полотенъ, архангельскія чуть ли не лучше всѣхъ.

(***) Архангельскія губернскія вѣдомости 1851 года, N 17.

Digitized by Google

До 1780 года было селеніе, называвшееся *Большой Погостъ*, и принадлежавшее къ Кеврольскому уѣзду. По обширности его передъ другими, въ немъ живали воеводы, управлявшіе Кеврольскимъ и Мезенскимъ уѣздами. Въ 1780 году, названное Пинегою, оно возведено въ степень уѣзднаго города.

Не думайте однако, чтобъ этотъ Большой Погостъ былъ очень великъ: возведенный и въ достоинство города, въ настоящее время онъ не выросъ болѣе какъ до одного каменнаго дома и семидесяти восьми деревянныхъ, какъ увѣряетъ насъ г. Пушкаревъ, въ своемъ Описаніи Архангельской губерніи. Этотъ пустой городъ оживаетъ дѣятельною, торговою, людною жизнью, только два раза въ годъ, во время своихъ ярмарокъ—Благовѣщенской съ 23. по 31 марта, и Никольской съ 4 по 12 декабря. На первой торговля идетъ преимущественно дегтемъ и пушнымъ товаромъ, приносимымъ сюда сосѣдними самоѣдами, мѣстными охотниками и даже ружейными промышленниками Вологодской губерніи. На Никольской ярмаркѣ исключительно идетъ торговля битой дичиной; рябчиковъ наваливаютъ страшные ярусы, часто не достаетъ извощиковъ для доставленія дичи въ Москву, Петербургъ и прочія губерніи государства. У егерей пару рябчиковъ покупаютъ отъ двѣнадцати до семи копѣекъ серебромъ.

Хотя жители Пинежскаго уѣзда удалены отъ моря, главнаго питальца всѣхъ обитателей Архангелогородской губерніи, и лишены выгодныхъ морскихъ промысловъ, но они усердно занимаются хлѣбопашествомъ, еще усерднѣе того охотятся:—ружье здѣсь болѣе вѣрный кормилецъ, чѣмъ соха, а лѣса—пріютъ птицы и звѣрей—можно назвать дремучими. Народонаселеніе тѣснится по берегамъ Пинеги, которая перерѣзываетъ уѣздъ по-поламъ почти во всю длину его, а тамъ, за этими немноголюдными погостами и деревнями, тянутся пустынныя лѣсныя пространства, въ которыхъ изрѣдка вы встрѣтите одинокій домикъ зырянина, или хижину, лучше сказать, постоянный шалашъ, охотниковъ. Ежели вы съ звѣропромышленниками углубитесь въ эту лѣсную пустыню, то часто встрѣтите, неожиданную для васъ, живописную мѣстность—вдругъ лѣсъ становится рѣже, передъ вами открываются поляны, на которыхъ волнуется сочная зеленая трава и разстилается спокойное, свѣтлое озеро, по берегамъ котораго мѣстами подымаются высокіе камыши, убѣжище дикихъ утокъ и лебедей, а за ихъ прямыми, высокими стеблями видится, какъ будто бы притаившаяся, желающая спрятаться

Digitized by Google

отъ всѣхъ, избушка охотника; сдѣлайте еще нѣсколько шаговъ, и вашъ путь преграждаетъ быстрая рѣчка, которая какъ необузданный конь прыгаетъ и несется по своему каменистому ложу; вмѣсто моста черезъ нее перекинуты двѣ косматыя сосны, подрубленныя вѣтви которыхъ замѣняютъ перилы, а тамъ вдали опять синѣютъ лѣса и деревья; шелестя своими вѣтвями, они какъ-будто переговариваютъ въ полголоса и нашептываютъ на васъ сонъ.

Но статья моя выходитъ довольно велика, а я хотѣлъ было, любезный читатель, поговорить съ вами еще о Самоѣдахъ, обитателяхъ Мезенскаго уѣзда;—оставляю это до другаго раза.

ЛЕВИНЕЦЪ-ПАВЛОВСКІЙ.

Digitized by Google

НИЗОВЫЕ СИБИРЯКИ И ОСТЯКИ.

(Отрывокъ изъ письма съ Иртыша).

....Растительность здѣшняя съ перваго взгляда сходна пожалуй хоть съ великорусскою, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь много кедровъ и кедровыхъ орѣховъ; климатъ довольно влажный, потому что много рѣкъ и озеръ и мѣста большею частію болотистыя. Поэтому здѣсь нѣтъ лѣтнихъ дорогъ, а ѣздятъ рѣкою. Иртышъ и Обь составляютъ большую дорогу изъ Тобольска въ Березовъ. Селенія выстроены при рѣкахъ или озерахъ для ловли рыбы, которой здѣсь очень много, и которая составляетъ главную промышленность низовыхъ Сибиряковъ. Занимаясь почти только рыбною ловлею, Сибирякъ ничего не умѣетъ сдѣлать неотносящагося къ его промыслу. Нѣтъ ни столяра, ни сапожника, ни портнаго, и вообще никакого ремесленнаго человѣка, за исключеніемъ какого-нибудь сосланнаго сюда на поселеніе, такъ что низовый Сибирякъ не умѣетъ себѣ сдѣлать саней, а всегда достаетъ ихъ изъ Тобольска, хотя онъ и имѣетъ пол-сотни лошадей и занимается всю зиму извозомъ. А рыбу ловить мастера. Одинъ крестьянинъ мнѣ сказывалъ, что онъ въ двухъ тоняхъ вытащилъ три тысячи пудовъ; и такъ случается нерѣдко.

Другая промышленность у Сибиряка, не менѣе важная—кедровые орѣхи. Это прекрасный и спокойный товаръ. Въ изобильный годъ цѣна имъ бываетъ отъ 2 до 3 руб. ассиг. пудъ, но при неурожаѣ доходитъ до 8 р. Отъ нихъ получаютъ большія выгоды, кто не зѣваетъ: ихъ скупаютъ у крестьянъ, когда бываетъ урожай; а крестьяне здѣсь—что̀ Богъ далъ, то и въ ротъ, и не любятъ, или не могутъ по бѣдности разсчитывать на будущія выгоды. Урожай орѣховъ, круглымъ числомъ можно положить, бываетъ черезъ годъ; случается такъ, что года два или три сряду бываетъ урожай, и наоборотъ. Слѣдовательно нѣтъ нужды торопиться продавать: это такой товаръ, что можетъ лежать пять лѣтъ и болѣе, развѣ только въ ста пудахъ пуда два-три усохнетъ. Рыбный товаръ безпокоенъ и опасенъ, а отъ орѣховъ вѣрная прибыль, поэтому крестьяне называютъ орѣхи золотомъ и при урожаѣ бросаютъ всѣ занятія и идутъ за орѣхами.

Здѣсь торгуютъ еще чаемъ и сахаромъ, ржаною и пшеничною мукою, холстомъ, табакомъ и даже краснымъ товаромъ. Сибиряку

Digitized by Google

табакъ чуть не столько же необходимъ, какъ и хлѣбъ; безъ чаю также онъ рѣдко обходится. Если предвидится урожай орѣховъ, то означенный товаръ отпускаютъ крестьянамъ и въ долгъ, а послѣ получаютъ съ нихъ орѣхами, не опасаясь неотдачи: Сибирякъ всегда честно расплачивается орѣхами, рыбой, бѣлкой и т п., но деньги съ него не мечтай получить.

Выше Тобольска хлѣбъ по 10 к. с. пудъ,—такъ его много.

Въ изобиліи здѣсь родятся всякія ягоды, какія и въ великорусскихъ губерніяхъ, и ими тоже производится торговля.

Кромѣ Русскихъ, поселившихся издавна, здѣсь живутъ Остяки, коренные жители Сибири, уже давно приведенные въ Христіанскую вѣру, робкіе и глупые какъ дѣти, и сердитые какъ звѣри. Они доселѣ еще покланяются секретно отъ начальства своимъ шайтанамъ и имѣютъ своихъ шамановъ. Шайтаны эти находятся у нихъ въ амбарахъ въ лѣсу, недалеко отъ юртъ; сдѣланы изъ мѣди или изъ дерева и одѣты въ малицу изъ оленьей шкуры (родъ безобразной рубашки, надѣваемой съ головы); въ рукахъ лукъ и стрѣла. У нихъ, какъ и у насъ, дѣлаются «приклады», состоящіе изъ соболей, лисицъ, бѣлокъ и денегъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у насъ церковныя деньги поступаютъ въ расходъ, а у нихъ остаются неприкосновенными, и потому эти бездушные шайтаны одушевлены и съ давнихъ поръ одушевляются прикладами доброхотныхъ дателей, дѣлаясь ихъ стражами. Посылаются у нихъ также и сборщики на этихъ шайтановъ. Нѣкоторые изъ шайтановъ весьма богаты. Изъ такихъ богачей, говорятъ, есть шайтанъ на Иртышѣ, въ приходѣ села Репалова, въ такъ называемыхъ Заводнинскихъ юртахъ. Это богатство у нихъ не трудно достать и запоръ самый плохой, но смерть тому дерзкому, который при этомъ случаѣ попадетъ въ руки Остяковъ. И бывалъ этому опытъ. Послѣ, когда получше узнаю здѣшній народъ, напишу обо всемъ подробнѣе.

Русскій Сибирякъ дерзокъ и неуступчивъ, передъ высшимъ себя не смолчитъ, а отколетъ такъ, какъ ему нравится. Причиною тому, какъ я думаю, ихъ артельныя работы при неводьбѣ рыбы, гдѣ они только о томъ и разсуждаютъ и другъ друга учатъ, кому, гдѣ и какъ отвѣтить.

А. Д.

Іюля 14, 1855.

Digitized by Google

БЫТЪ РУССКАГО ДВОРЯНИНА

ВЪ РАЗНЫХЪ ЭПОХАХЪ

И

ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ЕГО ЖИЗНИ.

«Кто хочетъ писать объ Россіи, тотъ долженъ и думать по-русски.»

(Слова Императрицы Екатерины, помѣщенныя въ журналѣ Собесѣдникъ 1783 года).

ДНЕВНИКЪ ГУБЕРНАТОРСКАГО ЧИНОВНИКА ПО ОСОБЫМЪ ПОРУЧЕНІЯМЪ.

Отдѣльный эпизодъ.

Переѣздъ отъ Москвы до Петербурга имѣлъ разительную противоположность съ бѣдственнымъ путешествіемъ отъ нашего губернскаго города до Москвы.—*Ухабныя и раскатныя* истязанія продолжались только до города Клина и далѣе верстъ на пятнадцать до Шошенской пристани; на этомъ пространствѣ проѣзжаетъ ежедневно нѣсколько тысячъ подводъ съ разными припасами изъ Москвы, и дорога по той же причинѣ, то-есть неуклюжими и неудобными старинными русскими общевнями съ тяжелою клажею, была изрыта глубокими ухабами и раскатами. Но далѣе отъ этой пристани дорога была какъ скатерть, ни малѣйшей остановки въ лошадяхъ не было, и мы не ѣхали, а летѣли. Въ одномъ

Digitized by Google

только переѣздѣ черезъ Валдайскія такъ называемыя горы, на станціи Зимогорьѣ, потерпѣли мы, впрочемъ непродолжительное и не слишкомъ тягостное, ухабное истязаніе, но по мѣстному положенію невозможно было совсѣмъ очистить дорогу отъ глубокихъ снѣжныхъ сугробовъ. Полагать должно, что потому и названа эта станція *Зимогорье*. То-есть, что проѣзжающіе *зимою* должны неизбѣжно терпѣть *горе*. Однакожь за всѣмъ тѣмъ замѣтно было, что и эту дорогу по возможности очищали. Высокія снѣговыя стѣны, закрывающія большую часть избъ на этой станціи, служили тому доказательствомъ.

Губернаторъ безпрестанно превозносилъ похвалами устройство шоссе отъ Петербурга до Москвы; ему прежде часто случалось проѣзжать по этой дорогѣ, и онъ разсказывалъ мнѣ, какія мученія претерпѣвали проѣзжающіе, въ иныхъ мѣстахъ по каменистой и бревенчатой мостовой, въ другихъ по ужасной грязи и низменнымъ мѣстамъ, а на нѣсколькихъ станціяхъ по глубокимъ пескамъ; иначе нельзя было ѣхать какъ шагомъ, и еще сверхъ того ямщики съ отличнымъ искусствомъ умѣли ломать и портить экипажи, и какъ славно брали огромную плату сообщники ямщиковъ—разные мастеровые и кузнецы, за починку экипажей. Словомъ, теперь, говорилъ губернаторъ, ѣзда отъ Москвы до Петербурга сдѣлалась прогулкою, а прежде была тяжелымъ странствованіемъ.

Самый меньшой братъ мой служилъ въ N. N. полку, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Новгорода. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нашимъ *Веньяминомъ*, какъ называлъ его батюшка и всѣ въ нашемъ семействѣ; но заѣхать къ нему или выписывать его самого для свиданія предстояла рѣшительная невозможность. Мнѣ очень извѣстно было, что тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я былъ нуженъ начальнику моему, для приведенія въ порядокъ и переписки разныхъ весьма важныхъ записокъ, о соображеніяхъ и замѣчаніяхъ его по ввѣренной ему губерніи. Пока накрывали на столъ и дѣлались приготовленія въ гостинницѣ къ нашему обѣду, принялся было я писать записку къ брату, чтобы

Digitized by Google

онъ попросился въ отпускъ, и немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, для свиданія со мною, но *мой дядька Личардъ*, то-есть слуга ѣхавшій со мною, вызвалъ меня въ переднюю.

— Знаете ли что? сказалъ онъ мнѣ. Вить вашъ братецъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, здѣсь, и квартира его въ здѣшней гостинницѣ.

— Какъ, братъ Сережа здѣсь? спросилъ я у него съ удовольствіемъ. Какимъ образомъ ты узналъ объ этомъ?

— Какже-съ, я встрѣтился съ его камардиномъ, двоюроднымъ моимъ братомъ Харламомъ, въ корридорѣ. Мы чрезвычайно обрадовались другъ другу. Какъ ты, молъ, здѣсь? спросилъ я у него.—Мы вчерась вечеромъ съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ пріѣхали и остановились здѣсь же въ трактирѣ, отвѣчалъ онъ и показывалъ на дверь въ ихъ *мумеръ*.—Да гдѣ-же Сергѣй Ѳедоровичъ: надобно ему доложить, что братецъ Петръ Ѳедоровичъ здѣсь.—Его нѣтъ теперь дома, но я сейчасъ побѣгу отыскивать его, отвѣчалъ Харламка, и стремглавъ бросился по лѣстницѣ.

— Вообразите, какой неожиданный, самый пріятный мнѣ сюрпризъ, сказалъ я губернатору, возвратясь изъ передней. Меньшой братъ мой, съ которымъ мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣться, здѣсь самъ и стоитъ чрезъ нѣсколько нумеровъ отъ насъ.

— Который же твой братъ? спросилъ губернаторъ.

— Сережа, самый меньшой братъ мой, *Веньямінъ* въ нашемъ семействѣ, служитъ офицеромъ въ N. N. полку, квартирующемъ не далеко отсюда.

— Какъ, этотъ благообразный, бѣлокурый, круглолицый, краснощекій мальчикъ, которымъ я всегда любовался, бывая у твоего отца, и называлъ его херувимчикомъ съ вербы! Такъ и онъ уже офицеръ! Какъ время летитъ! впрочемъ и то сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я называлъ его херувимчикомъ съ вербы, прошло кажется не менѣе 10 лѣтъ; какъ онъ кстати пріѣхалъ сюда, какъ будто нарочно для свиданія съ тобою.

Digitized by Google

— Мнѣ чрезвычайно хотѣлось видѣться съ нимъ, отвѣчалъ я; — но заѣхать къ нему или вызвать его самого сюда было невозможно; я принялся писать къ нему записку, чтобы онъ попросился въ отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, для свиданія со мною, а вмѣсто того онъ такъ кстати самъ сюда явился. Досадно только, что его нѣтъ дома, и Богъ знаетъ скоро ли его отыщутъ.

— Городъ не слишкомъ обширный, отвѣчалъ губернаторъ, да и большаго знакомства здѣсь вѣрно у него нѣтъ, онъ вѣроятно пошелъ къ кому-нибудь изъ товарищей и скоро къ намъ явится; только позволь, любезный теска, сдѣлать тебѣ репремантъ, прибавилъ губернаторъ. Зачѣмъ ты давно не сказалъ мнѣ, что у тебя братъ служитъ недалеко отъ Новгорода. Неужели ты могъ подумать, чтобы я не согласился на очень понятное желаніе твое видѣться съ братомъ. У насъ двѣ повозки, я далъ бы тебѣ одну изъ нихъ, или ты взялъ бы перекладную тройку и съѣздилъ повидаться съ нимъ, а я подождалъ бы тебя здѣсь, или ежели бъ и отправился въ путь, то поѣхалъ потише, такъ, что ты успѣлъ бы догнать меня на дорогѣ. Это, братъ теска, совсѣмъ неумѣстная деликатность.

Но губернаторъ не успѣлъ кончить, братъ мой вбѣжалъ стремглавъ къ намъ въ комнату и бросился прямо мнѣ на шею.

— Какая неожиданная радость, какое счастіе! воскликалъ онъ, обнимая меня и хватая цѣловать у меня руки, но я не допустилъ его, взялъ самъ своими руками его за голову, и цѣловалъ въ глаза, въ губы, въ щеки, приговаривая: ахъ ты умникъ, разумникъ, милый, добрый мой Сережа, какъ ты кстати пріѣхалъ сюда!

— А я-то какъ радъ, что совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ вами! отвѣчалъ онъ.

Наконецъ мы оба спохватились, что наши дружескія, братскія изъясненія совершаются въ глазахъ почтеннаго, совсѣмъ посторонняго человѣка. Братъ мой первый одумался.

Digitized by Google

— Извините, В. П., невѣжливость мою, сказалъ онъ: я такъ обрадовался, узнавши, что братецъ Петръ Ѳедоровичъ здѣсь, что, вбѣжавъ сюда, даже и не поклонился вамъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на него съ удовольствіемъ и ничего не отвѣчалъ на извиненіе его, а далъ ему только руку.

— Позвольте мнѣ представить вамъ милаго, добраго сыночка моего Сережу, сказалъ я. Посмотрите, какой славный парень, кровь съ молокомъ, и какъ эполеты украсили его физіономію, продолжалъ я, выправляя и оборачивая его со стороны въ сторону.

Въ это время принесли кушать — губернаторъ пригласилъ брата моего, велѣлъ подать приборъ, и мы всѣ сѣли обѣдать.

— Какимъ образомъ ты здѣсь? спросилъ я у моего брата. Что ты, въ карауле, или находишься при какой-либо учебной командѣ, или для обученія въ манежѣ молодыхъ ремонтныхъ лошадей?

— Ни то, ни другое, ни третье; а вотъ почему и зачѣмъ явился я сюда,— отвѣчалъ онъ. Здѣсь только что окончились дворянскіе выборы, все общество даетъ балъ вновь избранному губернскому предводителю, и я приглашенъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, танцоровъ нашего полка, и какъ умно и кстати придумали назначить именно сегодня этотъ балъ. Я вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда изъ своего эскадрона, и вдругъ совершенно неожиданно встрѣтился съ вами; я не опомнился отъ радости, когда человѣкъ мой отыскалъ меня у одного изъ моихъ товарищей и объявилъ, что вы здѣсь,— я стремглавъ выбѣжалъ и чуть-чуть не сбилъ съ ногъ радостнаго вѣстника, прибавилъ онъ, бросившись вновь цѣловать у меня руки.

— Ты можешь вообразить также и то, какъ я самъ обрадовался, когда дядька мой Личардъ объявилъ мнѣ, что ты здѣсь. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣться съ тобой, а заѣзжать или самого тебя сюда выписывать для свиданія было рѣшительно невозможно. Мы спѣшимъ въ Петербургъ,

Digitized by Google

и я принялся было писать къ тебѣ записку, чтобы ты попросился въ отпускъ, и поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ: мнѣ очень хотѣлось все кратковременное мое тамъ пребываніе провести вмѣстѣ съ тобою; однакожь теперешнее наше свиданіе нисколько не измѣняетъ прежняго предположенія. Ты вальсируй, полькируй, словомъ — напляшись вдоволь на сегоднешнемъ балѣ, а завтра утромъ просись въ отпускъ въ Петербургъ; я напередъ радуюсь при одной мысли, съ какимъ удовольствіемъ старичекъ, добрый нашъ батюшка, будетъ смотрѣть на насъ съ тобою и угощать, прибавилъ я.

— Пріѣхать-то я непремѣнно пріѣду, отвѣчалъ Сережа. Да вотъ въ чемъ бѣда: мы папеньку не застанемъ въ Петербургѣ.

— Какъ не застанемъ, гдѣ же онъ? сказалъ я съ удивленіемъ.

— Папенька уѣхалъ третьяго дня, министръ командировалъ его въ сѣверныя губерніи, по какому-то важному дѣлу, не знаю зачѣмъ именно, или для ревизіи, или для слѣдствія, или для приведенія въ исполненіе какого-то новаго учрежденія по ихъ министерству. Папенька пишетъ въ прощальномъ письмѣ своемъ ко мнѣ, что онъ отправляется, можетъ быть, на долгое время изъ Петербурга, по весьма важному порученію отъ министра, и что я положенныя на содержаніе мое деньги буду получать отъ Ивана Матвѣева, управляющаго у насъ въ домѣ. Папенька вѣроятно писалъ и къ вамъ о своемъ отъѣздѣ, но вы были это время въ дорогѣ, и письма его получить не могли.

— Да гдѣ же старшая наша сестра Софья Ѳедоровна?

— Она бездѣтная вдова, никакихъ связей и обязанностей не имѣетъ, и живетъ безотлучно у насъ въ домѣ съ батюшкою.

— Куда же она уѣхала изъ Петербурга?

— Она отправилась въ Варшаву къ сестрицѣ Варенькѣ, которой должно родить скоро, и такъ какъ сестрица Софья нѣсколько разъ говорила при мнѣ, что первые роды бываютъ всегда очень трудные, то и убѣждала мужа Вареньки отпустить

Digitized by Google

ее въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ ближайшаго собственнаго ея надзора, и медицинскія пособія въ случаѣ нужды благонадежнѣе. Мужъ ея на это прежде согласился и хотѣлъ самъ привесть будущую мать семейства въ Петербургъ; но теперь онъ съ бригадою своею въ Варшавѣ, и оттуда пишетъ, что жена его часто страдаетъ какимъ-то мучительнымъ припадкомъ беременности, такъ онъ опасается отпустить ее въ Петербургъ, чтобъ дорогою не разстроилось совершенно ея здоровье, и что медики, съ которыми онъ совѣтовался, подтвердили его опасеніе; послѣ этого сама сестрица Софья Ѳедоровна тотчасъ собралась къ ней въ Варшаву и выѣхала въ одинъ день съ папенькою.

— Очень и очень грустно, что я не застану ни батюшки, ни доброй, почтенной старшей нашей сестры въ Петербургѣ, сказалъ я.—Вотъ какъ разсѣялось многочисленное семейство наше, по разнымъ странамъ.—Одинъ братъ на Кавказѣ, другой при посольствѣ въ чужихъ краяхъ, третій, по собственному своему желанію, отправился путешествовать кругомъ свѣта,—ты на службѣ съ полкомъ въ Новгородѣ.—Замужнія сестры, одна въ Варшавѣ, другая въ Ревелѣ, третья въ Севастополѣ, четвертая въ Астрахани.—Богъ знаетъ, можетъ быть съ иными самыми ближними по сердцу людьми, то-есть съ братьями и сестрами, вѣкъ не увидишься,—прибавилъ я со вздохомъ.—Но за то, ежели только окажется возможность увидѣться и пробыть нѣкоторое время вмѣстѣ, то надобно непремѣнно этимъ пользоваться, словомъ—ты, любезной Сережа, просись непремѣнно въ отпускъ и пріѣзжай въ Петербургъ, пожить вмѣстѣ со мною во все время, можетъ быть, весьма непродолжительнаго моего тамъ пребыванія.

— Объ этомъ и говорить нечего—отвѣчалъ онъ.—Я сегодня же вечеромъ на балѣ буду просить убѣдительно и умолять всѣхъ моихъ начальниковъ, то-есть полковаго, бригаднаго и дивизіоннаго командировъ; надѣюсь, что мнѣ не откажутъ, и я завтра же отправлюсь, словомъ, послѣ завтра рано утромъ непремѣнно явлюсь къ вамъ въ Петербургъ.

Въ продолженіе этой семейной бесѣды нашей, обѣдъ

Digitized by Google

кончился, и губернаторъ, пившій кофе, съ трубкою сидѣлъ въ безмолвіи и смотрѣлъ на насъ.

Опять меньшой братъ мой спохватился, что не совсѣмъ вѣжливо съ нашей стороны такъ долго продолжать разговоръ о семейныхъ своихъ обстоятельствахъ въ присутствіи почтеннаго, совершенно посторонняго намъ человѣка. Онъ сталъ опять извиняться, но губернаторъ не далъ ему окончить.

— Не въ чемъ извиняться,—сказалъ онъ.—Я слушалъ съ удовольствіемъ вашъ разговоръ и любовался вами; взаимная ваша, явно не притворная, братская дружба и привязанность другъ къ другу самыми яркими чертами изображена на вашихъ лицахъ.—Я мысленно просилъ Бога, чтобы и мои дѣти были такъ же дружны между собою.

— Кому извѣстны вы такъ, какъ мнѣ, сказалъ я, тотъ нисколько не усомнится, что вамъ пріятно было и слушать и смотрѣть на насъ.—Но признайтесь, что у васъ было на умѣ еще и другое.

— А что такое?—спросилъ онъ съ улыбкою.

— Вы съ изумленіемъ смотрѣли на то, что вотъ этотъ молодецъ хваталъ нѣсколько разъ цѣловать у меня руки, и что онъ говорилъ мнѣ вы, а я ему ты.

— Признаться должно, отгадалъ. Ежелибъ случилось мнѣ, въ наше давнопрошедшее время, видѣть такого рода обращеніе младшаго брата съ старшимъ, я нисколько бы не удивился, но въ теперешнее время это большая рѣдкость.

— Надобно объяснить причину такого необыкновеннаго въ наше время явленія, отвѣчалъ я.—Вотъ этотъ миловидный краснощекой молодецъ меньшой братъ мой Сережа,—продолжалъ я, цѣлуя его,—прибылъ въ здѣшній міръ слишкомъ черезъ 10 лѣтъ послѣ моего рожденія.—Отецъ нашъ, по весьма правильнымъ соображеніямъ своимъ, о чемъ объяснилось мнѣ впослѣдствіи, желалъ, чтобы я, съ старшею нашею сестрою, крестилъ его.—Онъ по старинному русскому обычаю явился ко мнѣ въ комнату верхомъ на кочергѣ, съ просьбою быть крестнымъ отцемъ меньшаго его сына, изъясняясь при томъ также старинными фразами пред-

Digitized by Google

ковъ нашихъ, то-есть чтобъ я не отказался привесть новорожденнаго сына его въ крещеную Православную Христіанскую вѣру и былъ воспріемникомъ его отъ святой купели.— Я смѣялся прямо отъ души какъ появленію отца моего верхомъ на кочергѣ, такъ и просьбѣ въ выраженіяхъ предковъ нашихъ; но приглашеніе его очень, какъ вы можете вообразить, польстило самолюбію 10-лѣтняго мальчика. Однакожь отецъ мой тотъ-часъ, когда я принесъ, разумѣется съ поддержкою кормилицы и няньки, крестника своего къ постели маменьки, сталъ объяснять мнѣ, какую важную принялъ я на себя обязанность въ отношеніи къ моему крестнику; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ мнѣ, чтобы я еще подробнѣе разспросилъ объ этомъ у своего законоучителя. Потомъ въ послѣдствіи времени, чѣмъ болѣе развертывались мои умственныя способности, тѣмъ чаще объяснялъ онъ мнѣ, что, по обыкновенному естественному ходу жизни человѣческой, онъ долженъ умереть прежде меня, и что послѣ его смерти мнѣ предстоитъ важная и священная обязанность, замѣнить его, то-есть быть отцомъ и покровителемъ моего крестника, для чего и должно мнѣ пріобрѣсть собственнымъ моимъ примѣромъ, въ поведеніи и прилежаніи къ наукамъ, все право на уваженіе и довѣренность крестника своего; а ему съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ только началъ ходить и говорить, отецъ нашъ приказалъ всякое утро, здороваясь, и вечеромъ, прощаясь, цѣловать у меня руку, при томъ никогда не смѣть говорить мнѣ иначе какъ вы. —Это весьма правильно обдуманное соображеніе моего отца было чрезвычайно полезно и для меня и для него: я съ своей стороны старался, чтобы поддержать уваженіе и довѣренность его ко мнѣ, такъ хорошо вести себя, чтобъ не заслужить никогда не только наказанія, но даже и никакихъ выговоровъ, точно также и прилежаніемъ моимъ къ наукамъ хотѣлъ быть для него примѣромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ страстно полюбилъ его и пріобрѣлъ такое уваженіе отъ своего крестника, что, когда я достигъ до 20-ти-лѣтняго возраста, а онъ былъ еще 10 лѣтъ, то-есть, когда между нами была большая разница въ возрастѣ, то я точно могъ быть покровителемъ и руковод-

Digitized by Google

ствовать его совѣтами моими, какъ отецъ сына, и онъ слушался меня во всемъ. Слова мои были для него оракуломъ.

— Да какъ-же мнѣ можно было не любить и не уважать васъ какъ отца, прервалъ рѣчь мою добрый, милый крестникъ, — когда вы съ самымъ ближайшимъ, съ самымъ нѣжнымъ попеченіемъ заботились во всѣхъ отношеніяхъ обо мнѣ: когда я еще былъ ребенкомъ, вы играли со мною, — забавляли, доставляли мнѣ игрушки, выдумывали разныя ребяческія для меня потѣхи, во время болѣзней не отходили отъ моей кровати, сами изъ рукъ своихъ давали мнѣ лекарства; а потомъ, когда пришло время посадить меня за грамоту, вы-же были первымъ моимъ наставникомъ, и далѣе, далѣе слѣдили неутомимо за постепеннымъ ходомъ моего обученія, вы совѣтами и изъясненіями своими данныхъ мнѣ уроковъ чрезвычайно способствовали къ успѣхамъ моимъ; когда-же я былъ опредѣленъ въ кадетской корпусъ, въ то время, когда вы, окончивъ курсъ въ университетѣ, готовились къ выдержанію экзамена на званіе кандидата, а потомъ доктора правъ, то, не смотря на усиленныя ваши занятія, вы не оставляли часто навѣщать меня въ корпусѣ, приносили всегда разныя лакомства, сверхъ того ласками и дружескими совѣтами своими поддерживали прилежаніе мое. Я не имѣлъ отъ васъ никакой тайны, всегда откровенно признавался въ разныхъ кадетскихъ нашихъ проказахъ, и вы такъ искусно умѣли объяснять мнѣ о вредныхъ послѣдствіяхъ нашихъ шалостей и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтами вашими отклоняли отъ общества и связей съ шалунами товарищами моими; къ довершенію-же всего, когда я вамъ признался въ страстномъ, непреодолимомъ желаніи моемъ служить не въ пѣхотѣ, а въ кавалеріи, вы взяли на себя склонить папеньку не противиться желанію моему. — Папенька прежде никогда не соглашался, называлъ фантазію мою служить въ кавалеріи ребячествомъ, и къ подкрѣпленію своего отказа говорилъ, что, хотя состояніе у него порядочное, но по многочисленности его семейства тяжело будетъ ему содержать меня въ кавалеріи; вы на это отвѣчали, что, ежели вы съ Божіею помощію выдержите экзаменъ на степень доктора правъ, то

Digitized by Google

по этому можете имѣть мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, достаточнымъ для содержанія вашего, и что вы просите всѣ деньги, которыя папенька назначилъ вамъ въ пособіе, отдавать мнѣ,—словомъ, вы убѣдили папеньку, онъ согласился, и тогда вы-же по праздникамъ, когда меня отпускали домой, ходили со мною въ манежъ и обучали на свой счетъ верховой ѣздѣ.—Послѣ всего этого, я у васъ самихъ спрашиваю, можно-ли мнѣ не любить и не уважать васъ, какъ втораго моего отца,—прибавилъ братъ мой, бросившись со слезами на глазахъ цѣловать меня.

— Да какъ-же и мнѣ было иначе дѣйствовать, — отвѣчалъ я, — когда съ самаго твоего младенчества я такъ привыкъ и такъ страстно полюбилъ тебя, что врядъ-ли, ежели у меня будутъ свои дѣти, стану я ихъ такъ любить и такую-же имѣть къ нимъ привязанность, какъ къ тебѣ.— При томъ-же надобно и то сказать, что врядъ-ли найду я въ нихъ такое-же послушаніе и уваженіе, какія ты, милый, сердечный мой сыночекъ, имѣлъ всегда ко мнѣ; сомнительно также и то, чтобы они вполнѣ вознаградили меня за попеченіе мое объ нихъ, болѣе или хотя на-равнѣ съ тобою. — Учился ты съ величайшимъ прилежаніемъ и поведенія былъ примѣрнаго, доказательствомъ этому служитъ то, что при выпускѣ изъ корпуса былъ ты удостоенъ въ числѣ немногихъ твоихъ товарищей, за отличіе, производства въ офицеры въ гвардію. Признаюсь,—прибавилъ я,—страшно мнѣ было разстаться съ тобою, когда тебя прикомандировали къ учебному образцовому полку для познанія порядка службы, въ то самое время, когда по должности уѣзжалъ я изъ Петербурга; тяжело мнѣ было оставлять тебя безъ ближайшаго, дружескаго надзора, въ самую критическую эпоху жизни молодаго человѣка, когда въ немъ начинаютъ бушевать всѣ страсти. — Я боялся, что ты, милый сыночекъ мой, свихнешься въ поведеніи своемъ; но, благодаря Богу, опасеніе мое было неосновательно, ты выдержалъ со славою эпоху испытанія, не поддался разнымъ соблазнамъ, не попалъ въ дурное общество, сохранилъ ту же чистоту права и безукоризненное прежнее поведеніе, и я съ душевнымъ умиленіемъ и благодарностію къ Богу читалъ

Digitized by Google

твои письма ко мнѣ.—Теперь я уже ничего не боюсь за тебя: ты пріобрѣлъ благонадежную самостоятельность и не совратишься съ истиннаго пути на поприщѣ жизни. — Однакожь мы, братъ Сережа, опять слишкомъ завлеклись сантиментальными нашими изъясненіями и забыли, что совсѣмъ неумѣстно и не кстати распространяться такъ въ бесѣдѣ о взаимныхъ нашихъ другъ къ другу чувствахъ при почтенномъ, совсѣмъ постороннемъ для насъ человѣкѣ, который еще при-томъ спѣшитъ ѣхать.

— Вотъ тебѣ, любезный теска, въ особенности неприлично говорить такой вздоръ,—отвѣчалъ губернаторъ. — Ты не имѣешь никакого права почитать меня постороннимъ для себя человѣкомъ, потому что, кромѣ того, что я съ отцомъ твоимъ давно знакомъ и всегда былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, но ты лично самъ по себѣ самый ближній мнѣ по душѣ человѣкъ, и ты, конечно, не сомнѣваешься въ этомъ.— Еще повторяю то-же, что прежде говорилъ,—а именно, что я съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрю на васъ и слушаю вашъ истинно-братскій, дружественный разговоръ.—Превосходная, чудесная была мысль вашего отца, сблизить придуманнымъ имъ средствомъ старшаго брата съ меньшимъ; самый опытъ доказалъ всю пользу такого сближенія. Твое самолюбіе, любезный теска, было возбуждено съ самыхъ молодыхъ лѣтъ возложенною на тебя обязанностію быть покровителемъ меньшаго твоего брата, это предохранило тебя отъ многихъ пороковъ и соблазновъ, а къ довершенію всего ты вниманіемъ и попеченіемъ своимъ далъ настоящее направленіе всей жизни твоего крестника. Словомъ, соображеніе вашего отца имѣло полный во всѣхъ отношеніяхъ успѣхъ. Очень жаль, что я по обстоятельствамъ не могу послѣдовать прекрасному примѣру его. — Старшія мои дѣти умерли еще въ юности своей, а живыя бо̀льшею частію погодки, или въ лѣтахъ между ими небольшая разница. — Я увѣренъ, что и крестная маменька, старшая ваша сестра, также искусно и благоразумно дѣйствовала, какъ и ты, крестный папенька.

—Приглашенная отцомъ нашимъ, также верхомъ на кочергѣ, сестра моя была точно въ такомъ же восторгѣ, какъ

Digitized by Google

и я, но это приглашеніе, по взаимному между нашими родителями совѣщанію, было сдѣлано съ полезною собственно для нея цѣлью. Она была безъ-малаго четырьмя годами старѣе меня, слѣдовательно приближалась къ такому возрасту, что лѣтъ черезъ пять и даже скорѣе предстояло, мóжетъ быть, и ей самой выйдти за-мужъ и сдѣлаться матерью семейства; но не смотря на то, что умственныя способности у дѣвушекъ развиваются всегда гораздо скорѣе, чѣмъ у мальчиковъ, она была еще сущій ребенокъ. Комедія, придуманная, какъ послѣ открылось, между нашими родителями, была разыграна очень удачно. Батюшка послѣ наставленія, даннаго мнѣ, какъ я прежде разсказывалъ, о важности принятой мною на себя обязанности крестнаго отца, обратился къ сестрѣ моей: — и ты, любезная моя кума, сказалъ онъ, цѣлуя ее, должна также съ своей стороны имѣть ближайшее попеченіе о своемъ крестникѣ.—Но маменька прервала его рѣчь.—Я не противорѣчила, сказала она, въ томъ, что ты говорилъ Петрушѣ, онъ, не смотря на то, что гораздо моложе этой вѣтреницы, но на него благонадежнѣе можно положиться, чѣмъ на нее. Конечно, у ней доброе сердчишко и нельзя спорить, чтобъ она была ограниченнаго ума, но она такъ неодумчива, такъ вѣтрена, что я желала бы даже, чтобъ эту куму нашу какъ можно рѣже пускали въ комнату крестника: я боюсь, чтобъ она, взявши его на руки нянчить, отъ вѣтренности не уронила на полъ и не изуродовала его.—Бѣдная крестная маменька очень огорчилась такимъ мнѣніемъ объ ней. Она со слезами на глазахъ бросилась цѣловать у маменьки руки, и стала увѣрять, что съ этихъ поръ совсѣмъ перемѣнится. —Вы увидите, маменька, какъ я буду аккуратна, одумчива, только не запрещайте мнѣ ходить къ своему крестнику и имѣть объ немъ попеченіе; вы сами согласитесь, прибавила она, что родная сестра и крестная мать совсѣмъ не то, что кормилица и нянюшка.—Разумѣется совсѣмъ не то, да ты лично исключеніе изъ общаго правила; признаюсь, я очень и очень сомнѣваюсь, чтобы ты могла одержать побѣду надъ твоею вѣтренностію, отвѣчала маменька.—Да вотъ на самомъ опытѣ увидите, что вы очень ошибаетесь въ вашемъ мнѣніи

Digitized by Google

обо мнѣ, сказала она, цѣлуя руки.—Да подкрѣпитъ тебя Богъ въ добромъ твоемъ намѣреніи, милая Наденька, отвѣчала маменька, поцѣловавъ и перекрестивши ее. Ты точно до сихъ поръ очень мила и часто смѣшишь насъ веселостію своею и ребяческою своею рѣзвостію, словомъ, ты очень удачно разыгрываешь роль *буфонки* въ нашемъ семействѣ, но сама разсуди, какія будутъ послѣдствія. Весь вѣкъ *буфонить* нельзя, и ежели ты не перемѣнишься, не будешь имѣть строжайшаго за собою наблюденія, что же современемъ выдетъ изъ тебя? Несносная, безполезная и даже вредная старая дѣвка, потому что никто изъ порядочныхъ, разсудительныхъ людей не захочетъ соединить свою судьбу съ твоею. Въ супружеской жизни совсѣмъ не нужно остроуміе и любезность свѣтской женщины.—Это наставленіе было очень кстати, и въ настоящее время, продолжалъ я, именно потому, что приглашеніе быть крестною матерью возбудило въ ней совсѣмъ новое, неизвѣстное ей прежде чувство. Въ самое короткое время свершилось полное переобразованіе ея характера, и хотя врожденная въ ней веселость осталась по прежнему, но она сдѣлалась гораздо разсудительнѣе во всѣхъ своихъ поступкахъ, прилежаніе ея къ наукамъ усилилось и данныя ей отъ природы способности развились и усовершенствовались, привязанность же обоихъ насъ къ нашему крестнику часъ отъ часу возрастала, постепенное развитіе нашего ребенка доставляло намъ неизъяснимое удовольствіе. Какъ мы обрадовались, когда крестникъ нашъ сталъ держать голову, потомъ началъ улыбаться, узнавать насъ, пошелъ къ намъ на руки, и такъ далѣе, далѣе. Крестная маменька все время, свободное отъ учебныхъ занятій, проводила въ дѣтской: она присутствовала, когда мыли, кормили и укладывали спать нашего крестника, сама убаюкивала его; но этого еще было для нея мало,—она познакомилась и подружилась съ опытною и знающею свое дѣло англичанкою нянею, жившей у нашей родственницы княгини N. N., разспрашивала у нея и просила наставленія, какъ надобно обходиться съ новорожденными младенцами, и увидѣвши, что она читала вновь вышедшее тогда сочиненіе на англійскомъ

Digitized by Google

языкѣ: *О предохраненіи новорождѣнныхъ отъ болѣзней и о надзорѣ за ними*, она стала внимательнѣе къ урокамъ нашего англійскаго учителя, занялась съ большимъ прилежаніемъ этимъ языкомъ, именно за тѣмъ болѣе, чтобы имѣть возможность прочитать въ подлинникѣ сочиненіе, которое англичанка няня очень хвалила. И вотъ этотъ стройный, свѣжій, здоровый, краснощекій молодецъ много и очень много ей обязанъ, прибавилъ я, показавъ на брата. Старинная наша общая нянюшка хвалилась тѣмъ, что она всѣхъ насъ выходила; но между прочимъ по предразсудкамъ и старинным обычаямъ она пеленала чрезвычайно крѣпко нашего крестника, то-есть подвергала и его такому же истязанію, какое и мы всѣ вытерпѣли отъ нея въ нашемъ младенчествѣ, но крестная маменька, читая англійское сочиненіе, нашла ясныя доказательства о вредныхъ послѣдствіяхъ пеленанія младенцевъ, авторъ съ подробностію объяснилъ, что пеленаніе приноситъ вредъ развитію и укрѣпленію мышцъ младенца, останавливаетъ свободное обращеніе крови и вообще служитъ зародышемъ хроническихъ болѣзней въ человѣкѣ. Маменька прежде не соглашалась на просьбы кумы своей, чтобы совсѣмъ не пеленать ребенка: она утверждала, что большая часть Англичанъ кривоноги, именно отъ того, что ихъ не пеленаютъ въ младенчествѣ; однакожь въ послѣдствіи времени, прочитавши сама это сочиненіе, она вполнѣ убѣдилась, что пеленаніе можетъ имѣть самое вредное послѣдствіе на всю жизнь человѣка; съ тѣхъ поръ, къ явному негодованію старой няни, прекратилось мученіе нашего крестника: его стали класть просто въ широкій мѣшокъ, слабо завязывая его подъ шею. Въ этомъ мѣшкѣ онъ свободно протягивался и переворачивался съ боку на бокъ. Такимъ образомъ крестникъ нашъ, содержимый по наставленіямъ, изъясненнымъ въ англійскомъ сочиненіи о предохраненіи новорожденныхъ отъ болѣзней, постепенно мужалъ и укрѣплялся въ силахъ своихъ, началъ довольно рано не только ходить, но даже и плясать, то-есть кривляться, когда крестная маменька играла для него на фортепіано, сталъ по немногу лепетать, меня называлъ онъ *папа*, сестру мою *мама*,

Digitized by Google

отца своего *дѣдуся*, мать *бабуся*, лекарствъ никогда ему не давали, и когда отъ золотухи сдѣлалась у него сыпь на лицѣ, то не только ее ничѣмъ не лечили, а напротивъ нѣкоторыми простыми средствами способствовали къ усиленію этой сыпи. — Пріучали его къ воздуху, мыли, не въ теплой однакожь и не совсѣмъ въ холодной водѣ. — Словомъ, крестникъ нашъ былъ здоровый, свѣжій, крѣпкій ребенокъ, былъ всегда веселъ; отъ того именно, что пользовался хорошимъ здоровьемъ, никогда не капризничалъ, не ревѣлъ, какъ бываетъ съ большею частію младенцевъ, не умѣющихъ объяснять, чего имъ хочется; начиная съ отца и матери и братьевъ и сестеръ, также кормилица, нянюшка и вообще всѣ люди у насъ въ домѣ чрезвычайно любили этого Веньямина въ нашемъ семействѣ, а объ крестномъ отцѣ и матери говорить нечего. — Можно вообразить, до какой степени мы страстно любили его и были къ нему привязаны. — Все шло какъ нельзя лучше; но къ-несчастію, вдругъ возникнула и быстро распространилась въ городѣ сильная эпидемическая болѣзнь скарлатинъ. Множество дѣтей сдѣлались жертвами этой губительной болѣзни; не пощадила она и нашего милаго крестника. Оставить безъ леченія, какъ въ другихъ дѣтскихъ болѣзняхъ, было невозможно. Слава Богу, домовый нашъ докторъ зналъ свое дѣло, онъ не охотникъ былъ давать много разныхъ лекарствъ, а употреблялъ средства соразмѣрныя силамъ ребенка, и хотя крестнику нашему дѣлалось часъ отъ часу легче, однакожь онъ полагалъ долгомъ предупредить, что въ особенности при постепенномъ выздоровленіи его должно имѣть самое ближайшее за нимъ попеченіе, потому что, ежели отъ какой-нибудь неосторожности возобновится его болѣзнь, то очень трудно будетъ опять ему помочь, и онъ не отвѣчаетъ за его жизнь. — Крестная маменька была въ продолженіе его болѣзни въ совершенномъ отчаяніи, и безпрестанно плакала; когда же докторъ увѣрилъ, что вся опасность прошла, но что при постепенномъ выздоровленіи должно имѣть величайшее вниманіе, чтобы отъ неосторожности болѣзнь не возобновилась, она рѣшительно никуда не выходила изъ дѣтской, была и день и

Digitized by Google

ночь безотлучно у кровати больнаго, словомъ—неутомимымъ вниманіемъ и строжайшимъ исполненіемъ во всѣхъ отношеніяхъ приказаній доктора, со всею достовѣрностію сказать можно, она исторгнула нашего съ нею крестника изъ гроба, но къ-несчастію содѣлалась сама жертвою своего самоотверженія. Она отъ природы была довольно слабаго сложенія; горесть отъ опасенія разстаться съ своимъ любимцемъ на вѣкъ, а потомъ слишкомъ усиленная заботливость при выздоровленіи, совершенно разстроили ея здоровье, и къ довершенію всего случилось это какъ нарочно тогда, какъ по уставамъ природы наступило время формированія ея.—Говорятъ, что это самая критическая эпоха въ жизни дѣвушки. — Гг. аллопаты не поняли настоящую причину ея болѣзни, они сильными своими лекарствами истощили послѣднія жизненныя ея силы, у ней сдѣлалась fievre lente (сухотка); къ-несчастію, нашъ искусный домовый докторъ былъ въ это время самъ опасно боленъ; онъ ужаснулся, когда по выздоровленіи своемъ пріѣхалъ къ больной, посмотрѣлъ на нее со вниманіемъ, взглянулъ на стклянки съ лекарствами, предписанными докторами на консиліумѣ, отвѣдалъ ихъ, и возвратясь къ кроватн больной, сѣлъ подлѣ нея. сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ и опять пощупалъ пульсъ. —Вамъ надобно отдохнуть; я совѣтовалъ бы не принимать никакихъ лекарствъ, вы еще такъ молоды, то-есть, что называется, въ цвѣтѣ лѣтъ, сама натура поможетъ вамъ лучше всякихъ нашихъ лекарствъ. — Потомъ, взглянувши на свои часы, сталъ прощаться съ нею, но она остановила его просьбою, чтобы онъ опять пріѣхалъ. — Разумѣется, какъ-же не пріѣхать,—отвѣчалъ онъ. — Я буду часто навѣщать васъ. —При этомъ сказалъ онъ ей нѣсколько утѣшительныхъ фразъ и со слезами на глазахъ вышелъ изъ комнаты. Батюшка послѣдовалъ за нимъ, и на вопросъ, какъ онъ ее находитъ,—ничего хорошаго сказать вамъ не могу,—отвѣчалъ докторъ съ глубокимъ вздохомъ.—Плохо и очень плохо; ее лечили слишкомъ сильными лекарствами; ежелибъ я, къ-сожалѣнію, самъ не былъ боленъ, и былъ бы призванъ при самомъ началѣ ея болѣзни, то смѣло отвѣчаю, что она была бы спа-

Digitized by Google

сена. Съ самаго младенчества былъ я во всѣхъ ея болѣзняхъ докторомъ ея, мнѣ очень извѣстна ея натура, у нея была всегда слабость въ нервахъ, ей не должно было давать никакихъ сильно возбуждающихъ лекарствъ. Богъ Судія сотоварищамъ моимъ. Какъ это никому изъ приглашенныхъ на консиліумъ не вздумалось заѣхать ко мнѣ, и разспросить всегдашняго съ самаго малолѣтства доктора ея; а болѣе всего виноватъ тотъ, кого вы по случаю моей болѣзни призвали къ своей дочери: ему слѣдовало бы прежде всего, не приступая къ леченію, имѣть совѣщаніе со мною. Теперь ошибки моихъ сотоварищей ничѣмъ уже поправить нельзя. — Какъ, неуже-ли нѣтъ никакой возможности спасти ей жизнь? спросилъ съ ужасомъ батюшка.— Рѣшительно никакой,— отвѣчалъ докторъ, и васъ, какъ мужчину и христіанина, должно предупредить, что вамъ предстоитъ, и очень скоро, вѣчная съ нею разлука. Я совѣтую вамъ приготовить къ этому съ осторожностію и супругу вашу. Жаль и очень жаль этой милой, доброй дѣвушки. Прямо сказать можно, что единственно только отъ недостатка соображенія и добросовѣстнаго вниманія сотоварищей моихъ прекращается кратковременное пребываніе ея въ здѣшнемъ мірѣ, на самой зарѣ жизни,—прибавилъ докторъ, выходя съ глубокимъ вздохомъ изъ комнаты.

Предсказаніе его совершилось; однакожь, слава Богу, безъ всякаго страданія угасла ея жизнь. — Послѣднее слово ея было просьба ко мнѣ, чтобы я любилъ и не оставлялъ нашего съ нею крестника.—Батюшка плакалъ и раскаивался въ томъ, что онъ, дурно обдуманнымъ приглашеніемъ покойницы въ крестныя матери къ меньшему ея брату, способствовалъ къ преждевременной ея смерти.—Но можно-ли было предвидѣть,—говорилъ онъ,—чтобы молоденькая и вѣтренная, какъ казалось, дѣвочка могла до высшей степени самоотверженія пристраститься къ ребенку.—Матушка также упрекала себя, зачѣмъ она допустила ее до такой усиленной и несоразмѣрной лѣтамъ и слабому ея здоровью заботливости о больномъ ребенкѣ. Батюшка въ утѣшеніе ея говорилъ, что она забыла, въ какомъ была отчаяніи покойница,

Digitized by Google

когда оба они настоятельно требовали, чтобы она по крайней мѣрѣ хотя въ ночное время приходила спать къ себѣ въ комнату: она плакала, рыдала почти до конвульсій, мы оба съ тобою, — сказалъ батюшка, — опасались, чтобы наше требованіе о нѣкоторомъ отдаленіи отъ больнаго ребенка не имѣло по слабости ея нервовъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, и мы прекратили наше настояніе А потому еще Богъ знаетъ, можно-ли намъ обвинять себя, а кажется было бы гораздо лучше, ежелибъ я не приглашалъ ее быть крестною матерью, а ты рѣшительно не запретила ей быть безвыходно при больномъ ребенкѣ.—Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть было бы это и хуже; одно только можно сказать, что *смерть причины найдетъ*, не то, такъ другое, а назначенный Провидѣніемъ срокъ пребыванія каждому изъ насъ въ здѣшнемъ мірѣ, свершится непремѣнно не тѣмъ, такъ другимъ образомъ. Мы всѣ были поражены смертію доброй нашей сестры.—Она веселостію, любезностію своею и прекраснымъ характеромъ пріобрѣла общую къ себѣ любовь и привязанность. Ребенокъ также очень тосковалъ объ ней, и когда послѣ болѣзни своей сталъ ходить, то отыскивалъ ее по всѣмъ комнатамъ, восклицая: *мама, мама.*

— Разумѣется, я совсѣмъ ее не помню, сказалъ братъ мой.—Но слышавши не разъ, что она заботливостію и нѣжнымъ своимъ попеченіемъ спасла меня отъ смерти, я ежедневно въ молитвахъ моихъ прошу Бога объ успокоеніи души ея.

— Ты дѣлаешь свое дѣло,—отвѣчалъ я,—но она, это чистое, невинное, безпорочное существо, безъ всякаго сомнѣнія, причислена къ лику праведницъ, и ходатайствуетъ за насъ у Престола Божія; въ отношеніи къ ней точно можно примѣнить стихи, ежели не ошибаюсь, Малерба:

Elle était de ce monde, où les plus belles choses ont le pire destin.
Et rose elle a vecu, ce qui vivent les roses, l'espace d'un matin—

прибавилъ я со вздохомъ.

Послѣ этого разсказа, настало на нѣкоторое время общее безмолвіе. — Губернаторъ, допивши кофе и докуривши

Digitized by Google

трубку въ продолженіи моего разсказа, сидѣлъ въ задумчивости.—Кашель камердинера его прервалъ молчаніе.

— А, это ты, Яша; обѣдалъ-ли ты?—спросилъ онъ.

— Какъ же-съ, давно пообѣдалъ и давно стою здѣсь, любуюсь на обоихъ братцевъ, и съ радостію слушалъ разсказъ о ихъ благополучномъ семействѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ Боже мой! какъ мы давно стоимъ здѣсь,—сказалъ я, посмотрѣвъ на свои часы,—а ты, любезный Яковъ Абрамовичъ, не напомнилъ намъ объ этомъ.

— А зачѣмъ мнѣ было напоминать, отвѣчалъ онъ:—я видѣлъ, что баринъ съ удовольствіемъ васъ слушаетъ, такъ что жь за бѣда, подумалъ я, что мы пробудемъ здѣсь нѣсколько лишняго времени.

Мнѣ очень было грустно видѣть, что губернаторъ сидѣлъ въ задумчивости и ни слова не сказалъ въ продолженіи моего разговора съ буфономъ. Я зналъ по многимъ опытамъ, что буфонъ (*)—мастеръ развеселить его и вывесть изъ задумчивости, и чтобы подать ему къ тому поводъ, сказалъ:

— Послушай-же, *размоншерчикъ*: вотъ тебѣ деньги, поди, разсчитайся съ хозяиномъ за обѣдъ, заплати прогоны, возми у станціоннаго смотрителя подорожную и вели ямщикамъ садиться на свои мѣста, а мы одѣнемся въ дорожной нашъ *костюмъ* и не замедлимъ выдти.—Ты человѣкъ ученый, великій филологъ, и вѣрно разумѣешь, что̀ значитъ *размоншерчикъ* и что̀ такое *костюмы*,—прибавилъ я, указывая головою на барина его, сидѣвшаго въ задумчивости.

— *Фи-донъ!*—какъ-же не разумѣть!—отвѣчалъ онъ, поняв вполнѣ сдѣланный мною ему знакъ.—Я знаю всѣ языки, кромѣ свинаго, и буду отвѣчать вамъ на разные *діалектики*.—*Форъ-біенъ мусье!*—сказалъ онъ съ умортельной ужимкой, представляя французское *en* и *e*. *Менъ-Терръ Зеръволь*,—продолжалъ буфонъ громкимъ басомъ, передражнивая нѣмца.—*Годъ-демъ, вери вель соръ*,—произнесъ онъ сквозь зубы, вытянувъ шею, какъ какой-нибудь длинный худой ан-

(*) Яша принадлежалъ къ несуществующему нынѣ типу старинныхъ русскихъ слугъ—буфоновъ.

Digitized by Google

гличанинъ. — *Си си сіоно міо каррисимо*—пропѣлъ онъ дискантомъ, представляя въ каррикатурѣ италіанца. — *Барзо добже падомъ до ногъ ясновельможне пане*, — сказалъ онъ, кривляясь и изогнувъ спину, какъ польскій факторъ жидъ.— Вотъ вамъ отвѣтъ, на разныхъ языкахъ, что приказаніе ваше будетъ исполнено въ точности; я сей-часъ разсчитаюсь съ хозяиномъ, заплачу прогоны, возьму подорожную и скажу вашему дядькѣ Личардѣ, чтобъ онъ явился къ вашему *костюмированію* по дорожному, — прибавилъ онъ, выходя изъ комнаты, залаявши при томъ какъ маленькая болонская собачка.

Мы всѣ хохотали при уморительныхъ продѣлкахъ буфона. — Губернаторъ также смѣялся отъ всего сердца.

— Экой шутъ, и какая у него необыкновенная способность передразнивать и людей и всякихъ животныхъ.—Онъ выучился передразнивать Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ и Италіанцевъ,—слушая разговоры гувернанокъ, нянекъ, дядекъ и разныхъ учителей при моихъ дѣтяхъ. Сверхъ того, онъ былъ при мнѣ, во время путешествія моего въ чужихъ краяхъ. У него въ высшей степени, врожденная въ Русскомъ народѣ, способность скоро все перенимать. — Ему стоило только прожить гдѣ-нибудь дня два или три, онъ тотчасъ перенималъ манеры въ обхожденіи, голосъ и мѣстные обычаи, и самое главное, надо отдать ему справедливость, онъ любитъ меня и привыкъ ко мнѣ, и тотчасъ замѣтивши, что мнѣ грустно и я молчу въ задумчивости, мастерски умѣетъ развеселить меня. Вотъ и теперь, увидѣвши, что я сижу въ молчаніи, вздумалъ разсмѣшить и достигнулъ до своей цѣли, только врядъ-ли отгадалъ причину моей задумчивости. Мнѣ нисколько не было грустно, напротивъ того я съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ разсказъ твой, любезный теска, о вашемъ семействѣ, и отдавалъ внутренно всю справедливость соображеніямъ твоего отца, пригласившаго тебя крестить *Веньямина* въ вашемъ семействѣ. Полезный результатъ соображеній его собственно для твоего крестника очевиденъ. Но смотрѣвши на твоего брата, пришло мнѣ въ голову:—какія соблазны и искушенія предстоятъ ему на попри-

Digitized by Google

щѣ жизни. Что̀ выдетъ изъ такаго юнаго, свѣжаго, цвѣтущаго здоровьемъ богатыря? — Ежели онъ не будетъ имѣть силы характера противостоять первымъ и почти неизбѣжнымъ въ военной службѣ страстямъ, то-есть излишней привязанности къ женщинамъ, къ картамъ и къ вину, онъ исхудаетъ, пожелтѣетъ, потеряетъ здоровье и сдѣлается въ молодости отвратительнымъ дряхлымъ *старикашкой*.—Мнѣ въ жизнь мою много случилось видѣть такихъ, преждевременно состарѣвшихся молодыхъ людей.—Мысль объ этомъ возбудила во мнѣ очень и очень тягостное воспоминаніе.

И у меня, продолжалъ губернаторъ, былъ меньшой братъ, такой-же красавецъ и молодецъ, какъ твой крестникъ. Онъ служилъ съ отличіемъ. — Въ первую половину времени царствованія покойнаго Императора Александра Россія была въ безпрерывной борьбѣ съ врагами; онъ не пропустилъ, начиная съ Аустерлицкаго сраженія, ни одной компаніи, спѣшилъ и всегда напрашивался туда, гдѣ только начинали раздаваться звуки пушечныхъ выстрѣловъ. Словомъ, онъ участвовалъ въ подвигахъ нашихъ войскъ въ Австріи, въ Пруссіи, въ Финляндіи, въ Молдавіи, въ Германіи и Франціи, не щадилъ своей жизни, всегда былъ впереди и за храбрость и неустрашимость былъ осыпанъ наградами. — По окончаніи отечественной войны 1812 года, при вступленіи нашихъ войскъ въ Германію, онъ былъ уже полковымъ командиромъ и съ полкомъ своимъ поступилъ въ корпусъ извѣстнаго прусскаго генерала Блюхера. Подвизаясь подъ начальствомъ этого чудеснаго молодца, пріобрѣлъ онъ все уваженіе его.—Въ сраженіи при Кацбахѣ и подъ Лейбцигомъ былъ онъ употребленъ Блюхеромъ вездѣ, гдѣ только предстояло болѣе опасности.—Судьба щадила его до самаго почти окончанія противоборства нашего съ Наполеономъ, но въ какомъ-то сраженіи, навѣрное не помню, кажется подъ Монмартромъ шальная роковая пуля изуродовала его; она попала въ ногу, раздробила кость, и осталась въ тѣлѣ.—Долго лечился онъ и въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, а наконецъ неудачная операція, при вырѣзаніи изъ ноги пули, сдѣлала его на вѣкъ уродомъ. Продолжать далѣе службу

Digitized by Google

было ему рѣшительно невозможно, по необходимости долженъ онъ былъ выдти въ отставку. — Къ деревенской жизни былъ онъ совершенно неспособенъ; одна только родная наша добрая старушка Москва представляетъ самое пріятное и покойное убѣжище для русскаго дворянина: въ ней встрѣтишься непремѣнно съ родными и съ старыми сослуживцами и друзьями. Братъ мой остался на всегдашнее жительство въ Москвѣ; все было ладно и хорошо, кругъ знакомства его постепенно распространялся, онъ имѣлъ въ виду сдѣлать хорошую партію, но къ нещастію страсть къ картежной игрѣ повлекла его совсѣмъ въ другую сторону. Явились молодцы и славно позабавились на его счетъ: онъ проигралъ все имѣніе, доставшееся ему по раздѣлу съ братьями и сестрами послѣ покойныхъ нашихъ родителей. Но этого еще мало, пагубная страсть къ игрѣ повлекла его въ преступленіе. Всѣмъ намъ четыремъ братьямъ достался совсѣмъ неожиданно въ наслѣдство послѣ одной дальней родственницы довольно значительный капиталъ, хранившійся въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Никого изъ насъ не было тогда въ Москвѣ, мы прислали ему довѣренность получить этотъ капиталъ и просили его принадлежащую каждому изъ насъ часть доставить къ намъ. Онъ сначала хотѣлъ было поправиться и отыграться, рискуя деньгами, доставшимися ему лично изъ общаго капитала. Но дьяволъ силенъ. Ce n'est que le premier pas, qui coute (первый шагъ труденъ): честный, благородный человѣкъ, пользовавшійся во всю жизнь отличною репутаціею, такъ завлекся, что проигралъ не только собственныя свои, но всѣ принадлежащія лично намъ деньги.—Кончилось тѣмъ, что онъ, проигравши все, что у него было и своего и чужаго, возвратясь домой, зарядилъ пистолетъ и пустилъ пулю себѣ въ лобъ. — «Безчестный, подлый «поступокъ мой невыносимо тягостенъ; я очень знаю, что «вы, добрые друзья мои», (такъ онъ объяснялся въ письмѣ своемъ ко мнѣ и къ двумъ моимъ братьямъ) «были бы снис- «ходительны и не только не стали взыскивать съ меня, но «по деликатности и дружбѣ вашей никогда бы даже и не «упрекали меня,—но я самъ не могъ бы никакъ простить

Digitized by Google

«себѣ такого чернаго, подлаго дѣла. И что за жизнь была «бы моя? Вѣчное мучительное угрызеніе совѣсти, и полное «къ самому себѣ презрѣніе, вотъ чѣмъ было бы сопровождае- «мо безполезное и тягостное существованіе мое въ здѣшнемъ «мірѣ.—Лучше однимъ разомъ все окончить —Простите, друзья «мои, кающагося грѣшника. Да послужитъ покрайней-мѣрѣ «примѣръ мой полезнымъ урокомъ вашимъ дѣтямъ. Не «скрывайте отъ нихъ преступленія моего, объясните имъ, ка- «кимъ образомъ человѣкъ, не помрачившій всю свою жизнь «никакимъ предосудительнымъ поступкомъ, можетъ быть «завлеченъ страстьми своими въ бездну погибели и посрам- «ленія.» Далѣе нельзя было разобрать, рука его дрожала и литеры были залиты слезами его.

— Вотъ тебѣ, любезный молодой человѣкъ, разительныя доказательства, къ чему приводитъ пагубная страсть къ картежной игрѣ. Конечно, воспитаніе твое, подъ ближайшимъ надзоромъ почтеннаго твоего отца, также и крестнаго папеньки, дало хорошее направленіе всей будущей твоей жизни. Но берегись: *бдите и молитеся, духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Мат. XXVI, 41). Впрочемъ и то надобно сказать, самые опыты доказываютъ, что каждому человѣку предназначено отдать дань страстямъ, то-есть, какъ говорятъ: *перебѣситься;* къ счастію еще, ежели кто въ молодости своей *перебѣсится* и будетъ имѣть силу характера во-время остановиться, и ежели бѣдственныя послѣдствія порочныхъ страстей послужатъ ему урокомъ на всю его жизнь, а *взбѣсившійся* въ пожилыхъ лѣтахъ человѣкъ, то-есть, также какъ говорятъ: *у кого сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*, тотъ безъ возврату погибъ; однакожь нѣтъ правилъ безъ исключенія: есть и такіе люди, которые, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, ни въ молодыхъ, ни въ пожилыхъ лѣтахъ не *бѣсятся*. Я могу поставить себя самого, хотя и не совсѣмъ, въ нѣкоторый примѣръ такого *необыкновеннаго счастія*. Однакожь и въ моей жизни было нѣсколько часовъ, что я было повихнулся и попалъ въ самое ужасное положеніе; единственно только по милости Божіей я исправился, и случившееся со мною послужило назидательнымъ урокомъ на всю мою

Digitized by Google

жизнь. Я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, по должности моей, былъ заваленъ множествомъ разнообразныхъ служебныхъ занятій, и находился при строгомъ, взыскательномъ, однакожь справедливомъ и безпристрастномъ начальникѣ. Я боялся и вмѣстѣ съ тѣмъ уважалъ его. Мнѣ просто не было досужнаго времени предаться увлеченію страстей. Одна только была у меня страсть къ театру. Я, по тогдашней службѣ моей въ гвардіи, живя въ Петербургѣ, всякой вечеръ, окончивъ всѣ занятія мои по службѣ, являлся непремѣнно или въ русскомъ или французскомъ театрѣ: въ то время и на той и на другой сценѣ были отличные артисты. Начальникъ мой не только не препятствовалъ, а еще старался поддерживать во мнѣ эту страсть. Хотя цѣны за мѣста въ театрахъ были тогда очень дешевы,—полтора рубли за кресла и одинъ рубль въ партерѣ,—но мнѣ очень рѣдко случалось дѣлать и эти весьма малыя издержки. Въ то время всякій порядочный человѣкъ, бывающій въ свѣтѣ, абонировывался на весь годъ на французскіе спектакли. Начальникъ мой слѣдовалъ общему примѣру, но онъ, не бывши самъ большимъ охотникомъ до театра, очень часто отдавалъ мнѣ свои кресла. Словомъ, эта невинная, безпорочная страсть моя къ театру предохраняла меня отъ многихъ бѣдъ. Въ эпоху моей молодости и старики и молодежь были въ полной командѣ философовъ XVIII столѣтія. Безнравственность, развратъ, распутство достигли тогда до высшей степени, и по всей справедливости сказать должно, что мы, старики, напрасно порицаемъ нынѣшній вѣкъ. Наши дѣти и внучата во сто разъ лучше, чѣмъ мы были въ ихъ лѣта. Ты, мой любезный Сергѣй Ѳедоровичъ, живешь теперь не въ Петербургѣ, продолжалъ губернаторъ, и тебѣ нѣтъ возможности воспользоваться тѣми же предохранительными средствами и отклонить себя отъ увлеченія порочныхъ страстей, какія у меня были въ моей молодости. Но употреби другія благонадежныя къ тому средства, а именно—занимайся въ свободное отъ службы время чтеніемъ,—только не романовъ, въ особенности же произведеній нынѣшней французской, такъ справедливо называемой *нечистоплотной*, литературы. Впрочемъ стоитъ только посмотрѣть тебѣ

Digitized by Google

прямо въ глаза, чтобы убѣдиться, что уродливые романы новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ не могутъ тебѣ нравиться.

— Вы отгадали, отвѣчалъ мой братъ. Я нѣсколько разъ принимался читать ихъ, и съ отвращеніемъ, не кончивши, кидалъ. Все въ нихъ на ходуляхъ, и добродѣтели и пороки представлены не въ настоящемъ видѣ. Все преувеличено и не имѣетъ даже тѣни правдоподобія. Точно также не нравятся мнѣ и русскія пошлыя произведенія такъ называемой натуральной школы.

— Я очень радъ, что ты понялъ и знаешь цѣну безобразнымъ, уродливымъ произведеніямъ *неистовой* нынѣшней литературы, продолжалъ губернаторъ. Такъ читай, мой любезный, то, что̀ полезно и необходимо на избранномъ тобою военномъ поприщѣ, а именно біографіи извѣстныхъ славныхъ полководцевъ, и описаніе ихъ подвиговъ. Читай также исторію; въ наше время появилось много авторовъ, вполнѣ понимающихъ, какъ именно должно писать исторію въ видѣ настоящемъ и назидательномъ; въ особенности же совѣтую тебѣ читать и перечитывать Плутарха *жизнеописанія великихъ людей*. Такого рода чтеніе нечувствительно, что называется, закаливаетъ душу и укрѣпляетъ силу характера въ человѣкѣ. Но самый главный соблазнъ и искушеніе молодому офицеру встрѣчается на кантониръ-квартирахъ, не въ столицахъ или городахъ, а по селеніямъ: картежная азартная игра. Ежелибъ играли въ коммерческія игры, это бы еще и туда и сюда, а то въ банкъ. Эта несчастная безумная игра ведетъ очень многихъ молодыхъ людей прямѣйшимъ трактомъ въ бездну погибели. Мнѣ очень серьёзно разсказывалъ одинъ пожилой рыцарь зеленаго стола, продолжалъ губернаторъ со смѣхомъ, что туда, гдѣ начинается игра въ банкъ, тотчасъ отправляются прямо изъ ада нѣсколько дьяволовъ, одинъ другаго смышленнѣе; инымъ поручено вразумлять и помогать мошенникамъ, передергивать карты, подтасовывать, брать на глазокъ, и прочія такого же рода продѣлки; другимъ демонамъ поставлено въ обязанность

Digitized by Google

ослѣпить, разгорячить и вполнѣ ошеломить безхарактерныхъ и неопытныхъ людей. Кончается же тѣмъ, что всѣ, то-есть и обманщики и обманутые, дѣлаются добычею ада, ежели кто въ послѣдствіи времени не одумается и не будетъ имѣть силы характера остановить себя и преодолѣть пагубную страсть къ картежной игрѣ. Этотъ ветеранъ зеленаго стола былъ, какъ онъ разсказывалъ, человѣкъ опытный, то-есть, что называется, *экспертъ*. Прежде дьяволъ помогалъ ему мошенничать въ игрѣ, и онъ чрезвычайно разбогатѣлъ, погубивши нѣсколько христіанскихъ душъ.—Одинъ отецъ семейства, попавшійся мнѣ въ передѣлъ, разсказывалъ онъ, проигралъ все свое имущество, пустилъ жену и дѣтей своихъ по міру, и не имѣя силъ перенесть угрызенія совѣсти, съ отчаянія застрѣлился.—Трое молодыхъ людей, оставшись по милости его безъ куска хлѣба, рѣшились въ крайности на ужаснѣйшее преступленіе, были пойманы, изобличены и отправились на всю жизнь въ каторжную работу, и такъ далѣе разсказывалъ мнѣ ветеранъ, горько раскаявался и часто повторялъ, что онъ много, много погубилъ христіанскихъ душъ, при пособіи осѣтившаго его дьявола, который однакожь, по свойствамъ своимъ, лукавый, хитрый и при томъ еще и самый злой насмѣшникъ, очень удачно позабавился и на собственный его счетъ: онъ напустилъ на него молодцовъ еще молодцоватѣе его самого, и рѣшительно все, что онъ въ продолженіи жизни пріобрѣлъ искусствомъ и ловкостію своею, перешло въ ихъ руки, а ему осталось только позднее раскаяніе. Ветеранъ скрылъ, однакожь, то, что мнѣ было прежде извѣстно, то-есть: чтобы заглушить вопли совѣсти, сдѣлался онъ горькимъ пьяницею, попадался нѣсколько разъ въ полицію, высланъ за развратное поведеніе изъ города, и нашелъ убѣжище у одного своего дальняго родственника, принявшаго его съ тѣмъ условіемъ, что онъ болѣе двухъ рюмокъ водки въ сутки давать ему не будетъ. Вотъ почти всегдашнія послѣдствія игры въ банкъ. А что дьяволъ силенъ и лукавъ, то это испыталъ я надъ самимъ собою, прибавилъ губернаторъ: и я чуть-чуть было не попалъ къ нему въ лапы.

Digitized by Google

— Какъ, неужели и вы также играли въ азартныя игры? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да, именно я, самъ своею особою, какъ вы меня видите, отвѣчалъ губернаторъ, былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, что ежелибъ не необыкновенное счастіе, или лучше сказать, милосердіе Божіе, то совсѣмъ бы пропалъ и вся жизнь моя приняла бы другое направленіе, потому что очень справедливо сказалъ, не помню, какой-то авторъ: On commence par être dupe et on finit par être fripon (обманутый дѣлается наконецъ самъ обманщикомъ). Вотъ какъ это случилось. Въ Петербургѣ, какъ я вамъ прежде говорилъ, страсть моя къ театру предохранила меня отъ многихъ порочныхъ страстей, но во время компаніи аустерлицкой и прусской, на растахахъ и кантониръ-квартирахъ въ селеніяхъ, что̀ было дѣлать и чѣмъ заняться молодымъ офицерамъ? По вечерамъ собирались мы поочередно другъ у друга пить чай, то-есть просто крѣпкій пуншъ, курить трубку и играть въ карты. Мнѣ никогда не нравился ни банкъ, ни штосъ, ни такъ называемыя *палки*, то-есть всѣ азартныя игры. Пускался я иногда отъ нечего дѣлать въ пикетъ, по маленькой, но рѣдко находилъ партенеровъ. Большая часть молодыхъ людей любятъ *сильныя ощущенія*, а нигдѣ и ничѣмъ нельзя ближе испытать эти *ощущенія*, или лучше сказать, нравственныя и физическія потрясенія всего организма, какъ играя въ азартныя игры. Впрочемъ нѣкоторые молодые люди имѣютъ безразсудность предполагать, что будто бы можно, играя въ банкъ хладнокровно и съ *разсудительностію*, быть всегда въ выигрышѣ. А одинъ изъ моихъ товарищей, съ которымъ я былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, вздумалъ было доказывать мнѣ посредствомъ математическихъ исчисленій, что тотъ, кто не понтируетъ, а мечетъ банкъ, или штосъ, непремѣнно долженъ быть въ выигрышѣ. Я смѣялся надъ его математическими вычисленіями и съ своей стороны доказывалъ нравственными соображеніями, что тотъ, кто ослѣпленъ какою бы то ни было страстію, забываетъ не только математику, но и самыя простыя внушенія здраваго разсудка. Однакожь я со всею своею пре-

Digitized by Google

мудростію и *хладнокровіемъ* попался было въ такую бѣду, что единственно только, какъ я вамъ прежде говорилъ, неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ выпутался изъ ужаснѣйшаго положенія. Я продолжалъ службу мою въ гвардіи, и послѣ неудачнаго Фридланскаго сраженія и заключенія Тильзитскаго мира, при возвращеніи въ Россію, корпусъ нашъ былъ остановленъ не далеко отъ границъ въ одномъ небольшомъ литовскомъ городѣ, за тѣмъ, чтобъ дать намъ поправиться, отдохнуть, укомплектовать убылые ряды выздоравливающими изъ разныхъ госпиталей отъ болѣзней и ранъ, при томъ-же вновь обмундироваться и вступить въ Петербургъ такими же молодцами, какими мы вышли въ походъ. Мы пробыли довольно долго на кантониръ-квартирахъ, корпусный и дивизіонный штабы въ городѣ, а полки въ окрестныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. — Извѣстный въ то время, а теперь уже совсѣмъ забытый, картежный игрокъ и великій мастеръ своего дѣла N. N.—завлекалъ къ себѣ молодыхъ людей гастрономическими ужинами и изобиліемъ отличнаго шампанскаго. Молодецъ жидъ имѣлъ необыкновенное факторское искусство доставать ему Богъ знаетъ откуда самыя лучшія провизіи, фрукты и вино, но онъ также и обиралъ его. Разумѣется, и передъ ужиномъ и послѣ ужина металъ онъ банкъ. Въ гвардіи служитъ много молодыхъ богатыхъ аристократовъ, слѣдовательно и все чудесное угощеніе совершалось на ихъ же собственный счетъ, съ значительными еще остатками, поступившими въ шкатулку великаго и искуснаго мастера своего дѣла.—Хотя я по должности моей былъ очень занятъ, однакожь иногда по вечерамъ въ свободное время являлся и я по приглашенію г. N. N.—Долго былъ я хладнокровнымъ зрителемъ игры и принималъ только участіе въ великолѣпныхъ ужинахъ; но однажды, отъ выпитаго лишняго стакана шампанскаго, голова у меня закружилась, я приблизился къ карточному столу, и увидалъ, какъ кучи червонцевъ и кипы ассигнацій переходили изъ рукъ въ руки; лукавой дьяволъ, командированный, по словамъ ножилаго ветерана, изъ ада, туда, гдѣ совершается игра въ банкъ, для уловленія душъ христіанскихъ, восторжествовалъ надъ моею

Digitized by Google

премудростію и ввелъ меня въ соблазнъ. Я поставилъ небольшой кушъ, выигралъ, загнулъ уголъ, опять выигралъ, и банкометъ, давши нѣсколько картъ сряду, отщитолъ мнѣ довольно много золотыхъ, привлекательныхъ своимъ блескомъ червонцевъ. Доброй геній мой, то-есть здравый разсудокъ шепталъ мнѣ въ одно ухо: перестань, довольно съ тебя и того, что̀ ты выигралъ,—а дьяволъ напѣвалъ въ другое ухо: продолжай, ты видишь, тебѣ везетъ счастіе, ты можешь разомъ разбогатѣть, такія эпохи бываютъ рѣдко, можетъ быть одинъ разъ въ жизни, при томъ-же чѣмъ ты рискуешь, продолжая игру на пріобрѣтенныя тобою деньги.— Между тѣмъ банкометъ, внушенный своимъ собственнымъ наставникомъ, также дьяволомъ, часто восклицалъ: — Подавай шампанскаго, карты хмѣль любятъ! — Вмѣстѣ съ прочими и я выпилъ еще нѣсколько бакаловъ, и голова моя, отуманенная прежде выпитымъ за ужиномъ виномъ, и омраченная также испытаннымъ мною въ первый разъ въ жизни *сильнымъ ощущеніемъ* большаго выигрыша, чрезвычайно кружилась, я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какой-то лихорадочный жаръ. И въ такомъ прекрасномъ и физическомъ и нравственномъ расположеніи сталъ я продолжать игру, давши однакожь самому себѣ слово рисковать только тѣмъ, что̀ пріобрѣтено мною необыкновеннымъ моимъ стастіемъ, но *листъ совершенно перемѣнился*. Фортуна обратилась ко мнѣ задомъ.— Я скоро спустилъ все, что̀ было прежде выиграно, и съ отуманенною головою, разумѣется, забылъ намѣреніе мое рисковать только выигранными мною деньгами, словомъ—въ какомъ-то непонятномъ безсознательномъ положеніи, то-есть просто въ припадкѣ сумасшествія продолжалъ игру, сталъ ставить большіе куши, безпрестанно увеличивалъ ихъ. Фортуна такъ и душила меня наповалъ, а лукавой дьяволъ, злобной насмѣшникъ, какъ называлъ его тотъ-же пожилой ветеранъ, вполнѣ торжествовалъ. При нѣкоторомъ отдохновеніи банкомета, дѣлавшаго разсчетъ съ однимъ игрокомъ, прекратившимъ игру, взглянулъ я на длинную колонну записаннаго на меня проигрыша, поверхностно сосчиталъ, и съ ужасомъ увидѣлъ, что проигралъ уже почти все мое состо-

Digitized by Google

яніе. — Сердце у меня сильно забилось, въ глазахъ заря-бѣло, я не понималъ, гдѣ я и что со мною дѣлается.—Такъ что жь, подумалъ я, ужь ежели погибать, такъ совсѣмъ погибать.—и поставилъ, напропалую, такой большой кушъ, что ежелибъ карта проиграла, я былъ бы совсѣмъ квитъ съ имѣніемъ и Богъ знаетъ какія были бы этому послѣдствія. Однако или судьба сжалилась надо мною, или, какъ я послѣ сообразилъ, можетъ быть самому хладнокровному злодѣю банкомету пришло въ голову, что ежели онъ выиграетъ все мое состояніе, то это лично ему самому можетъ сдѣлать большой вредъ: — онъ зналъ, что начальникъ, при которомъ я находился, хорошо расположенъ ко мнѣ, и вообще искусное его ограбленіе и приведеніе меня въ нищету можетъ обратить вниманіе на его продѣлки товарищей моихъ, они перестанутъ съ нимъ играть, и чрезъ то какъ по службѣ, такъ и по своей промышленности, могутъ быть вредныя для него послѣдствія. По этимъ соображеніямъ вѣроятно, милостиво допустилъ онъ меня нѣсколько поправиться, то-есть не совершенно разорилъ, а только порядочно пощипалъ меня; но я нечаянно воспользовался временемъ размышленія его, какъ ему поступать со мною. Въ безпамятствѣ игралъ я напропалую, ставилъ большіе куши, загибалъ, перегибалъ карты, прибавлялъ къ нимъ мазъ, такъ, что онъ не успѣлъ очнуться, какъ я въ продолженіи одной таліи записалъ на него самъ ужаснѣйшую сумму выигрыша. Однакожь окончивши эту благопріятную для меня талію, онъ остановился и позадумался, посмотрѣвши на записанный мною на него выигрышь.—Позвольте разсчитаться, сказалъ онъ мнѣ.—Мы оба съ нимъ повѣрили записанное другъ на друга, и по этой повѣркѣ оказалось, что я не только совсѣмъ отыгрался, но еще на немъ осталось слишкомъ двѣсти червонцевъ. Съ яв-нымъ негодованіемъ на самаго себя, написаннымъ на лицѣ его, отщиталъ онъ мнѣ выигранныя у него деньги, и забастовалъ. Игра прекратилась, и всѣ стали расходиться по домамъ, выхваляя мое удальство, а у меня какъ камень отпалъ отъ сердца, я легко вздохнулъ, голова моя освѣжилась, и положивши выигранныя мною деньги въ карманъ, далъ себѣ

Digitized by Google

слово, лично для своей персоны не прикасаться къ этимъ деньгамъ, а обратить все на пособіе бѣднымъ.

На другой день утромъ, когда я съ бумагами по моей должности явился къ своему начальнику, спросилъ онъ у меня:—Что за вздоръ такой разсказывали мнѣ, что будто бы ты чудеса надѣлалъ вчера вечеромъ у N. N.: понтировалъ противъ него, ставилъ большіе куши, былъ въ чрезвычайномъ проигрышѣ, но въ одну талію съ такимъ удальствомъ и отважностію поступилъ, что не только совсѣмъ отыгрался, но еще у самаго великаго мастера своего дѣла выигралъ двѣсти червонцевъ. Я зналъ, что ты никогда не играешь въ банкъ, и не повѣрилъ разскащику.—Къ-сожалѣнію, все это правда, отвѣчалъ я. Самъ сатана попуталъ было меня, я слишкомъ далеко завлекся, то-есть шутки ради проигралъ было почти все состояніе, но по необыкновенному счастію, или лучше сказать, въ припадкѣ сумасшествія, въ полномъ безпамятствѣ, сталъ играть напропалую, ставилъ ужаснѣйшіе куши, не отгибалъ нѣсколько картъ сряду, прибавлялъ еще къ нимъ большой мазъ, и въ самомъ дѣлѣ въ одну талію не только совсѣмъ отыгрался, но по разсчету еще за банкометомъ осталось двѣсти червонцевъ. Вотъ какія глупости можно надѣлать въ самое короткое время, прибавилъ я. Но за то ужь вѣрно во всю жизнь никогда въ банкъ играть не буду и выигранные мною совсѣмъ неожиданно двѣсти червонныхъ раздамъ до послѣдней копейки бѣднымъ.—Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ мой начальникъ, посмотрѣвши мнѣ пристально въ глаза: ежели ты одинъ разъ пустился играть въ банкъ, то дѣло кончено, навѣрное сказать можно, что ты не отстанешь, по пословицѣ: *повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.* Со всею достовѣрностію можно предвидѣть, что и ты поступишь въ одну категорію съ многими тебѣ подобными, совсѣмъ разоришься, поглупѣешь и сдѣлаешься совершенно ни къ чему неспособнымъ; это неизбѣжное послѣдствіе картежной игры.

Клянусь вамъ всѣмъ, что̀ есть свято, что я во всю мою жизнь никогда въ банкъ играть не буду! — сказалъ я съ жаромъ, призывая Бога въ свидѣтели. Но начальникъ мой не далъ мнѣ окончить мое восклицаніе. — Э! нѣтъ, братъ,

Digitized by Google

постой, постой. *Не клянись, а прежде Богу помолись* и хладнокровно самъ разсуди. — *Зачѣмъ и для чего* нужно тебѣ играть въ банкъ.—Ты не картежникъ, неспособенъ мошенничать, и слава Богу, у тебя порядочное состояніе, такъ что жь можешъ ты имѣть въ виду, приступая къ постыдной промышленности, пріобрѣтать деньги посредствомъ картежной игры?

— Все это я знаю, понимаю, и именно по этому смѣло клянусь никогда не играть въ банкъ, словомъ, я готовъ дать подписку въ томъ, что предоставлю право всякому, кто увидитъ меня играющимъ въ банкъ или въ другія азартныя игры, прямо въ глаза сказать, что я подлецъ и достойный полнаго презрѣнія мерзавецъ.

— Ты не отречешься дать такую подписку? спросилъ начальникъ мой.

Сію-же минуту будетъ она готова, отвѣчалъ я, и схвативъ листъ бумаги, написалъ: — «Такого-то года, мѣсяца и числа. «Я нижеподписавшійся далъ сію подписку въ томъ, что кля«нусь предъ образомъ Вожіимъ, никогда, начиная съ нынѣ«шняго дня, не играть въ банкъ и ни въ какія азартныя «игры. — И ежели я нарушу эту данную мною клятву, то «предоставляю всякому, кто бы онъ ни былъ, назвать меня «при всѣхъ, прямо въ глаза, подлецомъ и мерзавцемъ.» Я подписалъ чинъ, имя, отечество и фамилію, и подалъ начальнику моему подписку.

— Послѣ этого вы конечно увѣритесь, — сказалъ я, что рѣшительное мое намѣреніе никогда во всю жизнь не играть въ банкъ и ни въ какія азартныя игры ничто поколебать не можетъ.

— Браво, браво! отвѣчалъ онъ, прочитавши мою подписку. Хотя теперь и твердо увѣренъ я, что ты не нарушишь данную тобою добровольно клятву, слѣдовательно и подписку твою можно уничтожить; но извини меня, я сохраню ее у себя съ тѣмъ, что хотя дьяволъ и силенъ, но ты не попадешь къ нему въ команду и преодолѣешь всякое искушеніе при одномъ только воспоминаніи, что существуетъ такого рода подписка твоя, хранящаяся у меня.

Digitized by Google

Все, что я разсказывалъ,— продолжалъ губернаторъ,— было шутки ради слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ.—Начальникъ мой вскорѣ послѣ того опасно занемогъ.—Гг. аллопаты хотя и помогли ему, но сильныя лекарства ихъ произвели въ немъ продолжительную хроническую болѣзнь. Онъ долженъ былъ выйдти въ отставку, долго страдалъ, и приготовляясь къ смерти, вѣроятно истребилъ ненужныя бумаги, въ томъ числѣ и мою подписку. — Съ товарищами, бывшими свидѣтелями моихъ картежныхъ подвиговъ, мы разошлись въ разныя стороны и не видались, притомъ же они вѣрно за прошествіемъ долгаго времени и забыли, какъ мы подвизались 20 лѣтъ тому назадъ за карточнымъ столомъ, на кантониръ-квартирахъ въ литовскомъ городѣ N.N., словомъ, со всею достовѣрностію можно было полагать, что никому не было извѣстно о существованіи моей подписки; — я продолжалъ служить, и по увольненіи начальника моего сдѣланъ былъ эскадроннымъ командиромъ, потомъ, по производствѣ въ полковники, перешелъ въ армію, командовалъ гусарскимъ полкомъ, и когда же все это происходило? — Въ ту самую эпоху, когда еще оставалось на службѣ довольно много *друзей минувшихъ лѣтъ, гусаровъ коренныхъ*. — Полкъ былъ расположенъ на квартирахъ въ одномъ отдаленномъ литовскомъ захолустьѣ. Что было дѣлать по вечерамъ? Разумѣется ничего болѣе какъ играть въ карты. Ежедневно бывала у насъ жестокая работа въ банкъ, но я былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ, однакожь признаюсь, часто находило на меня искушеніе. — Дьяволъ шепталъ мнѣ на ухо, что никто не знаетъ о моей подпискѣ, и что по крайней мѣрѣ для того, чтобъ не было несносно-скучно сидѣть въ молчаніи выпуча глаза и смотрѣть, какъ другіе забавляются, почему-же и мнѣ не играть хотя по маленькой, но совѣсть и здравый разсудокъ напротивъ того говорили: что за нужда, что никому не извѣстно о твоей подпискѣ, слишкомъ достаточно и того, что *ты знаешь* объ ней. — Словомъ, я не попалъ въ искушеніе, и съ самаго того дня, какъ далъ подписку, ни одного раза не игралъ въ банкъ, и вообще къ картежной игрѣ чувствовалъ какое-то отвра-

Digitized by Google

щеніе, но за то пристрастился къ шахъ и мату, только къ сожалѣнію рѣдко нахожу партенеровъ.—Однако жь съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ губернаторы, призналъ необходимымъ играть по маленькой въ вистъ. Первое потому, что на всѣхъ губернскихъ сборищахъ представляю я первенствующее лицо. Хозяинъ и хозяйка хлопочутъ около меня, и ежели я не сяду за зеленой столъ, то знаю, что буду имъ въ большую тягость, лишу ихъ возможности заниматься другими гостями и распоряжаться угощеніемъ; а отказываться отъ приглашенія и никуда не ѣздить значило бы возстановить противъ себя всѣхъ и подать поводъ къ разсказамъ, что губернаторъ гордъ, или что онъ нелюдимъ; при томъ-же сидѣть дома и безпрерывно заниматься дѣлами, просто одурь возметъ; дѣловому человѣку необходимо нужно нѣкоторое разсѣяніе, чтобы освѣжить голову; пріѣхавъ-же на балъ, сидѣть сложа руки, и смотрѣть, какъ передъ глазами моими кривляются въ провинціальныхъ танцахъ, очень скучно; а самое главное то, что губернатору надобно быть очень одумчивымъ въ разговорахъ своихъ, всякое его слово цѣнится, и какая-нибудь неосторожность въ предметѣ разговора или въ выраженіяхъ, тотчасъ повторяется, дѣлается гласнымъ и часто бываетъ поводомъ къ превратнымъ толкамъ. Въ отвращеніе всего этого, сажусь я всегда въ невинную, скромную, допотопную игру въ вистъ съ трипелями, дупельтами и семпелями. Проиграть много въ эту игру нельзя: самой большой, то-есть такъ называемый фоль-робертъ, никогда не превышаетъ десяти; слѣдовательно, ежели партія моя по рублю пуэнь, то при величайшемъ несчастіи проигравши три фоль-роберта сряду, чего никогда не бываетъ, я никакъ болѣе тридцати рублей не заплачу. — Впрочемъ, ежели я не люблю карточную игру, то и она самаго меня весьма не жалуетъ. — Играю я очень дурно и несчастливо, почти всегда остаюсь въ проигрышѣ, но ежели сосчитать выигрышъ и проигрышъ въ старинный скромный вистъ въ продолженіи всего года, то останутся именно одни только слуги въ выигрышѣ, получая за карты.

— А! что ты скажешь на то, что мы съ тобою сейчасъ

Digitized by Google

слышали? спросилъ я у своего брата. —Признайся, вѣдь и ты иногда не прочь перекидывать карты на право и на лѣво.

— Нечего грѣха таить, случается иногда и со мною, отвѣчалъ онъ съ улыбкою. Только я не горячюсь и играю по самой маленькой.

— Не горячишься и ставишь по маленькой, продолжалъ губернаторъ. А знаешь ли пословицу: *отъ копѣечной свѣчки Москва загорѣлась.* Мнѣ случилось два раза въ моей жизни быть свидѣтелемъ ужасныхъ послѣдствій игры въ банкъ по маленькой, такъ, для забавы. Одинъ хорошій знакомый мой, товарищъ по воспитанію, богатый молодой человѣкъ, былъ присланъ въ Петербургъ старикомъ отцомъ своимъ хлопотать по весьма важному тяжебному дѣлу. Въ день своихъ имянинъ, позвалъ онъ меня и нѣсколько общихъ нашихъ знакомыхъ къ себѣ обѣдать. Накормилъ и напоилъ онъ насъ славно, и сверхъ того, такъ какъ во время обѣда зашелъ у насъ разговоръ о цыганскомъ пѣніи и плискѣ, то онъ послалъ за цыганами и въ ожиданіи ихъ сдѣлалъ намъ банкъ 25 рублей серебромъ мелкими деньгами, одними только пятачками. Мы закурили трубки, сѣли за зеленой столъ и принялись понтировать. Вскорѣ потомъ явились стаканы съ пуншемъ, и у насъ пошла потѣха: мы жестоко загибали углы, пускали, что называется, брендеры, выигрывали, проигрывали, смѣялись, подшучивали другъ надъ другомъ. Намъ было весело, все шло какъ нельзя лучше; но вдругъ явился передъ нами также общій нашъ товарищъ графъ N. N. —Такъ вотъ ты какой злодѣй, сказалъ онъ: не вздумалъ и меня пригласить съ прочими; такъ вотъ постой же, братъ, я съ тобою раздѣлаюсь; ты мечешь банкъ, давай мнѣ понтерки. —Съ чего ты вздумалъ, что я не хотѣлъ тебя позвать: напротивъ того, я самъ своею персоною имѣлъ честь быть у В. С., не засталъ дома и оставилъ записку, отвѣчалъ хозяинъ. — Шалишь, шалишь, ты у меня не былъ и никакой записки не оставлялъ. Да что долго толковать, я никакихъ отговорокъ не принимаю. Подавай понтерки, я пущу тебѣ такого брандера, что банкъ твой разомъ затрещитъ. — Играемъ мы, братецъ, по маленькой, именно только для забавы,

Digitized by Google

а ты славишься своею отважностію и молодечествомъ, куда намъ съ тобою тягаться, отвѣчалъ хозяинъ.—*Годсъ доннеръ ундъ веттеръ колъ ейнъ маль!* (нѣмецкое восклицаніе). Такъ что-ли, братъ нѣмецъ? сказалъ вновь явившійся рыцарь, обращаясь къ бывшему между ними лифляндцу. Вы вся честная компанія сами видите, прибавилъ онъ, что этотъ г. банкометъ трусъ пренедостойный. Ага, что, братъ, на попятный дворъ. Порядочно перепугался.—Чего мнѣ пугаться? отвѣчалъ хозяинъ, подавая ему со смѣхомъ колоду картъ для понтированія. Милости просимъ на сцену, посмотримъ, что̀ будетъ. *И жить еще кому, иль мнѣ или Мамаю, то бой рѣшитъ.* (Стихи изъ трагедіи «Дмитрій Донской», бывшей тогда въ большой славѣ).—Хорошо хорошо, посмотримъ, отвѣчалъ рыцарь, допивая поданный ему стаканъ пуншу и закуривъ трубку. А сколько у тебя въ банкѣ? — По счету оказалось, всего съ выигранными у насъ понтеровъ 42 рубли. — Въ банкъ! закричалъ рыцарь. И съ оника поставленная имъ карта была убита. Онъ перегнулъ ее къ отыгрышу и опять воскликнулъ: въ банкъ мазу. Къ концу таліи и эта карта проиграла.—Что взялъ, г. хвастунъ? сказалъ хозяинъ. Сосчитай-ка, сколько ты проигралъ.—Ничего, ничего, — отвѣчалъ онъ, вынимая изъ кармана деньги, и уплачивая свой проигрышъ. Это мнѣ не первоученка. Ежели ты не хочешь забастовать, то продолжай свое дѣло я тебѣ докажу, что rit bien celui qui rit le dernier (смѣхъ настоящій не первый, а послѣдній). —Изволь, братецъ, я буду продолжать. Мнѣ совѣстно остаться въ выигрышѣ, у тебя въ-четверо болѣе, чѣмъ было у меня въ банкѣ.—Совѣститься, братъ, нечего: выигрышъ и проигрышъ *на одномъ конѣ ѣздятъ*. Валяй, продолжай метать.—Хозяинъ колебался и въ молчаніи тасовалъ карты. А что, братъ, *манжетки затряслись*, изволилъ струсить? продолжалъ рыцарь. — Не струсилъ, пожалуй, я метать стану, отвѣчалъ хозяинъ, подавая ему карты для съемки, только мы съ тобою оба очень безразсудно поступаемъ, обращая маленькую игру въ довольно серьёзную.—Да ужь ты, братъ, не раздобаривай. Я снялъ, такъ изволь метать, отвѣчалъ рыцарь, положивъ на карту разомъ все, что̀ онъ проигралъ. И эта карта была тотчасъ

Digitized by Google

убита; далѣе и далѣе,—фортуна жестоко преслѣдовала рыцаря. Въ это время пришли съ докладомъ, что явились цыгане. Хозяинъ забастовалъ, сдѣлалъ общій счетъ со всѣми понтерами, и по повѣркѣ оказалось, что рыцарь проигралъ слишкомъ тысячу рублей серебромъ. Онъ вынулъ изъ кармана деньги и заплатилъ проигрышъ.—Однакожь ты, любезный камрадъ, сказалъ онъ, не всегда играешь по маленькой, пускаешься иногда и въ серьёзную, такъ дай мнѣ реванжъ.—Изволь, братецъ, изволь: мнѣ совѣстно, игравши по маленькой, такъ жестоко тебя обработать; хотя это и очень полезный урокъ хвастуну, однакожь я не отказываюсь, и по всей справедливости готовъ дать тебѣ реванжъ, только отдохнемъ немного, послушаемъ цыганъ, поужинаемъ и потомъ пустимся въ ночную экспедицію.—Хорошо, хорошо, сама премудрость говоритъ устами твоими, отвѣчалъ рыцарь. Пойдемъ слушать цыганъ и поужинавши примемся за дѣло. Да будетъ извѣстно и вѣдомо всей честной компаніи, что я дѣлаю пять тысячъ рублей. Кому угодно вступить со мною въ ратоборство, милости просимъ, прабавилъ онъ.—*Ради стараться!* отвѣчали многіе изъ нашего общества. Цыгане славно насъ потѣшили, ужинъ былъ также чудесный, потомъ новый банкометъ потребовалъ дюжину картъ, вынулъ изъ книжки своей кипу ассигнацій, высыпалъ изъ кошелька множество полуимперіаловъ и червонцевъ и торжественно возвѣстилъ, что банкъ готовъ. Хозяинъ и многіе изъ прежнихъ гостей заняли мѣста около зеленаго стола, и пошла работа. Меня также приглашали, но я отвѣчалъ, что мнѣ по должности моей надобно рано вставать, поблагодарилъ хозяина за хлѣбъ за соль и отправился домой. Игра продолжалась, какъ я послѣ узналъ, цѣлые сутки, и кончилась тѣмъ, что добродушный нашъ хозяинъ проигралъ сорокъ тысячъ рублей. Наличныхъ денегъ, разумѣется, у него не было, онъ далъ вексель; но самъ trouble fete, явившійся такъ не кстати къ нашей маленькой копѣечной игрѣ, чрезъ нѣсколько дней потомъ попался въ передѣлъ къ одному извѣстному въ то время мошеннику, фальшивому игроку, перекрещенному, какъ говорили, еврею. Онъ обыгралъ его до

Digitized by Google

послѣдней нитки, то-есть, все, что̀ у него ни было, въ томъ числѣ и вексель въ 40 т. руб. нашего несчастнаго хозяина поступилъ въ руки плута. Онъ требовалъ у него уплаты и соглашался даже сдѣлать большую уступку, но безполезны были всѣ усилія его отыскать наличныя деньги и выкупить свой вексель. Еврей обратился къ отцу. Скупой старикъ встревожился извѣстіемъ о томъ, какимъ образомъ распоряжается сынокъ его, присланный хлопотать по тяжебному его дѣлу, поспѣшилъ самъ въ Петербургъ. Можно вообразить себѣ свиданіе его съ сыномъ. Словомъ, послѣдствіемъ копѣечной игры для забавы было то, что отецъ отобралъ отъ своего повѣреннаго всѣ бумаги, согналъ его съ глазъ своихъ, и хотя выкупилъ вексель у плута еврея, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдства, и не внимая никакимъ просьбамъ сына, также убѣжденіямъ родныхъ и знакомыхъ, не хотѣлъ видѣть его. Кое-какъ онъ могъ поддерживать себя на службѣ однимъ только жалованьемъ, и часто бывалъ въ крайности. Стѣсненное и бѣдственное положеніе его продолжалось нѣсколько лѣтъ, отецъ не хотѣлъ видѣть его, возвращалъ ему не распечатанными письма и даже чрезвычайно сердился на тѣхъ, кто при немъ произносилъ имя его. Наконецъ, за нѣсколько только часовъ до смерти, по убѣжденію жены своей, матери несчастнаго отвергнутаго сына, также прочихъ дѣтей своихъ, духовника и ближнихъ родныхъ, умилосердился, простилъ его, и онъ получилъ слѣдующую ему часть изъ оставшагося послѣ отца имѣнія. Какъ послѣ этого не согласиться, сказалъ губернаторъ засмѣявшись, съ ветераномъ зеленаго стола, о которомъ я вамъ прежде говорилъ, что дьяволы командируются изъ ада для соблазна картежныхъ игроковъ и пріобрѣтенія ихъ душъ въ свое вѣдомство. Случившееся съ добродушнымъ, гостепріимнымъ нашимъ хозяиномъ, не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, самая жесточайшая насмѣшка. Началась игра маленькая, и какъ нарочно дьяволъ привлекъ взбалмошнаго сорванца, заставилъ его проиграть въ сорокъ разъ болѣе того, что̀ было въ банкѣ, и въ вознагражденіе деликатности добросовѣстнаго человѣка, не хотѣвшаго воспользоваться значительнымъ выигрышемъ,

Digitized by Google

завлекъ и омрачилъ его разсудокъ до такой степени, что онъ не только проигралъ безразсудному сорванцу въ сорокъ разъ болѣе того, что̀ онъ прежде самъ выигралъ у него, — но еще сверхъ того привелъ его въ бѣдственное положеніе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ.

— Правда, правда, это именно самая жестокая, дьявольская насмѣшка, сказалъ я.

— А въ бо̀льшее доказательство того, что никогда не надобно, что̀ называется, шутить огнемъ, и что самая маленькая игра завлекаетъ иногда Богъ знаетъ какъ далеко, — продолжалъ губернаторъ, — надобно разсказать вамъ еще одинъ случай. Старшій родной братъ мой сдѣлалъ хорошую партію и завелся дѣтьми. Оставаться въ военной службѣ женатому человѣку, обремененному семействомъ, очень затруднительно, онъ вышелъ въ отставку, и, по примѣру большой части русскихъ дворянъ, поселился на всегдашнее жительство въ Москвѣ. — У него былъ собственный большой, покойный домъ, и въ самомъ близкомъ разстояніи подмосковная, куда онъ съ семействомъ своимъ выѣзжалъ на лѣто, словомъ, жилъ онъ и поживалъ покойно и счастливо. — Я всякой разъ, проѣзжая черезъ Москву, останавливался у него въ домѣ. О братѣ и говорить нечего, мы съ нимъ съ самаго малолѣтства были чрезвычайно дружны, но и въ женѣ его я нашелъ добрую, настоящую родную сестру. Однажды случилось мнѣ проѣзжать черезъ Москву, не за долго до ея имянинъ; она убѣждала меня, а братъ по праву старшинства настоятельно требовалъ, чтобы я провелъ съ ними этотъ день. Я съ полнымъ удовольствіемъ согласился. У любезной нашей имянинницы было много родныхъ въ Москвѣ, человѣкъ болѣе 50 обѣдали у нее, въ числѣ прочихъ былъ богатый довольно пожилой двоюродный братъ ея; послѣ обѣда, какъ обыкновенно водится, составлена была для него партія въ вистъ. Къ концу игры, при разсчетѣ жена моего брата подошла къ столу.—Что̀, милостивая государыня, сказалъ онъ ей, ты такъ гнѣвно изволишь смотрѣть на меня? вѣроятно за то, что я дерзнулъ обыграть твоего почтеннаго супруга? но мнѣ въ вѣкъ не возвратить и половины того, что̀ онъ у

Digitized by Google

меня выигралъ; а знаешь-ли, что очень кстати было бы мнѣ объиграть въ одинъ день и мужа и жену; сдѣлай мнѣ банкъ.

— Да я ни объ какой игрѣ не имѣю понятія и тѣмъ менѣе еще объ банкѣ, отвѣчала она.

— Шалишь, шалишь, ты съ самыхъ молодыхъ лѣтъ была проказница и называлась буфонкой во всей нашей семьѣ, отвѣчалъ двоюродный ея братъ. Почтенный старичекъ, нашъ общій съ тобою дѣдушка, далъ тебѣ это прозваніе, и ты съ честію поддерживаешь его. Можетъ ли быть, чтобы ты никогда не видала, какъ играютъ въ банкъ. Впрочемъ это не такая тарабарная грамота, прибавилъ онъ, взявши колоду картъ. Вотъ смотри, на право выпавшая карта выигрываетъ банкомету, а на лѣво понтеру. Кажется, это не такъ мудрено понять.

— Хорошо, хорошо, сказалъ братъ мой своей женѣ. Я буду стоять подлѣ и не дамъ тебя обмануть, а ежели этому господину, ci-devant jeune homme (бывшему молодому человѣку), очень хочется играть въ банкъ, то почемужь и не потѣшить его. Вотъ 10 рублей, прибавилъ онъ, вынимая деньги изъ своей книжки. Дѣлай ему банкъ, да смотри же, хорошенько обработай его, и отбей у него охоту забавляться такою игрою, которая доводитъ многихъ до большой бѣды.

— Изволь, изволь, отвѣчала она, я его такъ отдѣлаю, что онъ долго будетъ меня помнить. — 10 рублей въ банкѣ, изволь, г. охотникъ, снимать карты.

— Вотъ видишь-ли, отвѣчалъ онъ, я намѣренъ играть съ тобою совсѣмъ не на деньги, а вы оба, господа супруги, торгаши, поставляете мнѣ изъ вашей подмосковной дрова по ужаснѣйшей цѣнѣ, по 9 рублей за сажень, такъ я хочу выиграть у тебя одну сажень дровъ, понимаешь ли, одну сажень, вотъ въ чемъ долженъ состоять твой банкъ.

— Да ужь вы напрасно, ваше благородіе, изволите гнѣваться, сказала она такимъ голосомъ, какъ говорятъ купцы выхваляющіе свой товаръ. — Повѣрьте нашей чести, дрова то-есть самой наилучшей сорть первокалиберные, и мы только

Digitized by Google

чтобы угодить вашей милости, поставляемъ такъ дешево, то-есть по своей цѣнѣ, и даже съ убыткомъ.

— Такъ и есть, — отвѣчалъ двоюродный братъ, захохотавши во все горло. — Ты до сихъ поръ со славою исполняешь должность буфонки. Однакожь много толковать нечего. Я очень знаю, какъ вы меня надуваете: по всѣмъ собраннымъ мною справкамъ, нигдѣ дешевле 10 рублей съ полтиною такихъ дровъ, какъ ваши, купить нельзя, а вы изволите продавать ихъ мнѣ по 9 рублей, то-есть полтора рубля дешевле противъ настоящей цѣны. Вотъ какъ вы плутуете.

— Что дѣлать, батюшка ваше благородіе, дѣло наше торговое, — отвѣчала со смѣхомъ жена моего брата, перетасовывая карты и подавая ему снять.—Чтожь теперь мнѣ дѣлать, когда ты снимешь? спросила она.

— А вотъ сейчасъ начнется тебѣ лекція, отвѣчалъ братъ ея, поставивъ карту, и восклинулъ: Въ банкъ.

— А мнѣ чтожь надобно на это отвѣчать?

— Ничего болѣе, какъ кидать карты, одну на право, а другую на лѣво.

Съ оника поставленная карта была убита.

— Эге! эге! Вотъ ты какова, бьешь карты съ оника. Да это хорошее для меня предзнаменованіе, банкъ твой тотчасъ затрещитъ.—Отыгрывается, сказалъ онъ, перегнувши убитую карту. Постой же, я буду играть съ тобою, какъ въ старину игрывалъ конфетчикъ съ гвардейскими сержантами, — прибавилъ онъ. — Прежняя карта отыгрывается, а вотъ эта другая идетъ опять въ банкъ.

— Ничего не понимаю,—сказала она, продолжая метать.

— А вотъ сей-часъ узнаешь, когда я выиграю у тебя сажень дровъ.

Однакожь черезъ нѣсколько абцуговъ обѣ карты были убиты.

— Браво! браво!—Но ты отъ меня не отдѣлаешься: во что бы то ни стало, а я сорву твой банкъ, то-есть сажень дровъ непремѣнно выиграю.—Первая карта идетъ на четыре куша, вторая на два, а вотъ еще и третья, опять въ банкъ.

Но и эти карты были убиты; отважный понтеръ, не унывая, продолжалъ увеличивать куши и ставить вновь карты,

Digitized by Google

восклицая: въ банкъ, до самаго конца таліи, и всѣ до одной поставленныя имъ карты были убиты.

— Что жь мнѣ дѣлать теперь? спросила она, положивши послѣднюю карту на лѣво.

— Сосчитать и записать выигрышъ, собрать карты, перетасовать ихъ хорошенько, перемѣшать и дать мнѣ снять, — отвѣчалъ несчастный понтеръ.

— Да сколько-же я выиграла? — Ничего не знаю и не понимаю.

— Объ этомъ не безпокойся, — отвѣчалъ мужъ ея. — Я все сосчитаю, запишу, а ты перетасуй карты, дай снять и продолжай трудиться съ такою-же пользою и славою, какъ до сихъ поръ.

Еще двѣ таліи продолжалась игра по старинной методѣ конфетчиковъ. Понтеръ ставилъ нѣсколько картъ, одну за другою, и всѣ онѣ были убиты. Братъ мой записывалъ, и скоро составилась уже весьма длинная колонна проигрыша.

— Да ты, милостивая государыня, просто изволишь плутовать. Мастерски подтасовываешь и передергиваешь карты; не возможно, чтобы съ-проста было такое необыкновенное счастіе, — сказалъ понтеръ засмѣявшись.

— Насилу, насилу догадался, — отвѣчалъ мужъ ея. — Видишь-ли, она у меня такая баба умная, смышленая. Мнѣ стоило только дать ей нѣсколько уроковъ, какъ подтасовывать и передергивать, она тотъ-часъ все поняла, и какъ мастерски сыграла роль невинной, несмышленочки.

— Вотъ она какова. Да, вижу я, что попалъ въ порядочную западню. Надобно быть осторожнымъ. Нечего дѣлать, я перемѣню манеръ игры, брошу старинную методу конфетчиковъ, и буду играть сурьезно, и конечно надобно быть очень и очень осторожнымъ. — *На то карась въ морѣ, чтобы щука не почивалъ*, — говорилъ одинъ нѣмецъ, который, проживавши долго въ Россіи, увѣренъ былъ, что онъ изучилъ основательно нашъ языкъ, изъясняется правильно и знаетъ множество нашихъ пословицъ и поговорокъ. Правду сказалъ ученый нѣмецъ, мастеръ приводить и растолковывать наши пословицы и поговорки. Именно надобно быть очень

Digitized by Google

осторожнымъ съ этою госпожею плутовкою. Но не поддѣнетъ же она меня больше, я пущу чудесный брандеръ, отыграюсь и во что бы то ни стало сорву ея банкъ.

Въ послѣдующія за тѣмъ таліи, сталъ онъ играть сурьезно и употреблялъ разныя средства, какъ-то: игралъ на мирандоль, на очередь, на фаску, на расчетъ, пробовалъ ставить карты темныя вольно, на разъ, на два и на три. Все было безполезно: фортуна, или, лучше сказать, злобный насмѣшникъ дьяволъ, такъ и душилъ его наповалъ. Онъ началъ горячиться, рвать карты и бросать ихъ подъ столъ.

Женѣ брата моего было досадно, что изъ вздорной игры сдѣлалась очень и очень сурьезная. Она бросила карты. — —Такое глупое, ни съ чѣмъ несообразное счастіе стало надоѣдать мнѣ. Садись на мое мѣсто,—сказала она своему мужу.— Мнѣ наскучило это монотонное занятіе, перекидывать карты съ одной стороны на другую, при томъ-же пора кормить Ѳеденьку, онъ вѣрно проснулся и порядочно проголодался,— прибавила она, выходя изъ комнаты.

Братъ мой сѣлъ на мѣсто своей жены, распечаталъ новую колоду и сталъ тасовать.

— Сосчитай, сколько я въ проигрышѣ,—сказалъ онъ новому банкомету. По счету оказалось проигрышу пять тысячъ сажень дровъ.

— Что за глупость такая, можно-ли на одну сажень проиграть такъ много. Станови, братецъ, на квитъ;—пора кончить,—сказалъ онъ, подавая снимать перетасованныя карты.

Понтеръ послушался, поставилъ карту на квитъ, и проигралъ; слѣдовательно на немъ сдѣлалось уже 10 т. сажень; поставилъ на 20 т., опять проигралъ. Онъ былъ въ большомъ смущеніи, раскраснѣлся, все лице его было въ поту, онъ подумалъ нѣсколько и поставилъ на 40 т, но съ оника и эта карта также проиграла. Это было уже совсѣмъ не шутка: 40 т. сажень по 9 рублей, составляло 360 т.

Братъ мой съ досадою бросилъ карты на столъ.—Что за дьявольщина такая! — сказалъ онъ: — ни на что не похоже; я думаю, что всего на всего проигралъ ты вѣрно болѣе ста картъ сряду. И что за охота понтировать, когда преслѣдуетъ

Digitized by Google

тебя неслыханное, ни съ чѣмъ несообразное несчастіе. Перемѣнимъ игру,—ты мечи банкъ, а я буду понтировать, прибавилъ онъ.

Примѣрно злополучный понтеръ ничего не отвѣчалъ, посмотрѣлъ брату моему прямо въ глаза, обтеръ потъ съ своего лица, допилъ стоявшій подлѣ него стаканъ воды, распечаталъ новую колоду и въ безмолвіи подалъ ему снять. Братъ мой выдернулъ карту.—На квитъ, сказалъ онъ, и чрезъ нѣсколько абцуговъ воскликнулъ: Убита. Схватилъ карту, перемѣшалъ ее въ колодѣ и тотчасъ стеръ все, что было имъ выиграно. Но можно-ли повѣрить, что и эта поставленная имъ на квитъ карта съ оника выиграла. Я стоялъ подлѣ стола и очень замѣтилъ, что была поставлена трефовая дама, и она съ перваго-же раза упала на лѣво. Братъ мой послѣ наединѣ признался мнѣ, что я не ошибся: точно была имъ поставлена дама, и она дѣйствительно съ оника выиграла, слѣдовательно, на одну сажень дровъ, стоющую 9 рублей, ежелибъ братъ мой *не смохлевалъ*, то выигралъ бы 720 т. рублей. Вотъ какова она шуточная, для забавы игра въ банкъ. Справедливы и очень справедливы пословицы, 1-е, что *въ банкѣ самъ дьяволъ сидитъ*, и 2-е, что *отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла*.

— Очень и очень понимаю и умѣю отдать должную цѣну благородному, великодушному и истинно родственному поступку твоему и жены твоей, сказалъ злополучный понтеръ. Ни отъ кого другаго не принялъ-бы я подарка, но отъ васъ съ полною благодарностію принимаю, прибавилъ онъ, вставая со стула и взявши свою шляпу. У меня кружится голова и отъ сытнаго вашего обѣда и отъ сильнаго душевнаго волненія. Едва-ли кто повѣритъ, чтобы безразсудство могло простираться до такой степени. Шуточная игра такъ, для забавы — достигла до такого значительнаго проигрыша. Какой упрекъ совѣсти преслѣдовалъ бы меня всю жизнь, ежелибъ я попался въ руки къ другимъ, а не къ вамъ, добрые и истинные родные. Однакожь мнѣ надобно отдохнуть и освѣжиться. сказалъ онъ, пожавъ крѣпко руку у моего брата, и вышелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

На другой день прислалъ онъ къ женѣ моего брата дорогой осыпанный крупными бриліантами браслетъ. Ювелиры оцѣнили его не менѣе какъ въ 15 т. рублей. Въ письмѣ къ ней, присланномъ съ подаркомъ, онъ не говорилъ ни слова о вчерашнемъ своемъ проигрышѣ, а вспоминалъ только, какъ они съ самаго малолѣтства, воспитываясь вмѣстѣ у старушки бабушки, были дружны, и что онъ всегда любилъ, любитъ и будетъ вѣкъ любить ее, именно какъ родную сестру. А потому твердо увѣренъ, что *родная сестра* приметъ посылаемый ей отъ *роднаго брата* подарокъ въ воспоминаніе всегдашней взаимной ихъ дружбы между собою. Онъ прибавилъ въ письмѣ своемъ, что этотъ подарокъ хотѣлъ онъ сдѣлать ей вчера, въ день ея имянинъ, но ювелиръ не успѣлъ докончить свою работу. Оба великодушные банкометы, и мужъ и жена, колебались принять этотъ подарокъ, хотѣли было отослать назадъ, но прочитавши еще со вниманіемъ письмо, опасались, чтобы онъ не призналъ отказъ ихъ слишкомъ оскорбительнымъ и обиднымъ для себя; при томъ-же при огромномъ его состояніи подарокъ въ 15 т. рублей нисколько не былъ тягостенъ для него, они рѣшились не отсылать назадъ, и жена моего брата въ письмѣ своемъ, написанномъ въ самомъ дружескомъ и родственномъ тонѣ, благодарила его за подарокъ.

Разсказанные мною тебѣ, любезный Сергѣй Ѳедоровичъ, два случая служатъ рѣшительнымъ доказательствомъ и подкрѣпленіемъ тому, что я прежде говорилъ, а именно, что *шутить съ огнемъ не должно* и что всякая азартная игра, начавшаяся для *забавы*, можетъ окончиться большимъ *горемъ*.

— Прямо отъ души благодарю, Ваше Превосходительство! — сказалъ братъ мой, — за милостивое вниманіе ваше ко мнѣ и совершенно правильное предостереженіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ азартной игры. —Но повѣрьте, что я никакого пристрастія къ картамъ не имѣю, и въ доказательство тому я готовъ сей-часъ дать такую-же подписку, какую вы сами въ молодости вашей дали, не играть во всю жизнь ни въ какую азартную игру.

Digitized by Google

— Какъ! ты готовъ дать такую подписку?—спросилъ я у него съ удовольствіемъ.

— Прикажите подать бумагу, чернильницу и перо. Я сію минуту напишу подписку какую угодно и даже гораздо сильнѣе, чѣмъ далъ въ свое время его превосходительство Петръ Сергѣевичъ.

— Довольно одного твоего слова, — продолжалъ я, пожавши у него крѣпко руку. — Мнѣ по многимъ опытамъ извѣстно, что ты твердо и непоколебимо исполнишь всякое данное тобою обѣщаніе. Этимъ мы оба обязаны нашему отцу. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ совѣтовалъ намъ читать ежедневно и руководствоваться во всю жизнь правилами Франклина, о возможномъ нравственномъ своемъ усовершенствованіи.

— Какъ умно и какъ правильно совѣтовалъ вамъ отецъ вашъ принять правила Франклина въ основаніе для достиженія возможнаго спокойствія и счастія въ здѣшней жизни, сказалъ губернаторъ. — Мнѣ сдѣлались извѣстными эти правила тогда, какъ я уже былъ весьма зрѣлыхъ лѣтъ. Но съ тѣхъ поръ какъ я сталъ строго наблюдать за собою и ежедневно отдавать самому себѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ, я чувствую себя гораздо лучше и почитаю Франклина истиннымъ своимъ благодѣтелемъ. Такимъ образомъ ты, любезный Сергѣй Ѳедоровичъ, предохранилъ себя отъ самой опасной въ молодыхъ лѣтахъ страсти къ картежной игрѣ, продолжалъ губернаторъ. Но это еще не все, тебѣ предстоитъ много другихъ искушеній въ здѣшнемъ мірѣ, и между прочимъ какую силу характера должно имѣть, и какимъ мужествомъ надобно вооружиться, чтобы противоборствовать соблазну очаровательныхъ цирцей. Древнее иносказаніе о томъ, что Минерва, то-есть языческая богиня премудрости, свергнула въ море съ утеса на островѣ Калипсо воспитанника своего Телемака, заслуживаетъ полнаго вниманія. Именно одни только сильныя, рѣшительныя мѣры, мо-

Digitized by Google

гутъ спасти молодаго человѣка отъ этой пагубной страсти. Какъ грустно думать, взирая на такого, какъ ты, здороваго, свѣжаго, краснощекаго парня, какая перемѣна можетъ послѣдовать въ тебѣ, ежели ты еще, повторяю, не будешь имѣть силы характера противоборствовать искушенію очаровательныхъ цирцей. Преждевременный дряхлый старичишка, съ потухшими глазами, съ блѣдножелтымъ цвѣтомъ лица, въ совершенномъ изнеможеніи здоровья, представится предъ нами вмѣсто прежде бывшаго молодца, красы природы. А сколько такихъ ужасныхъ примѣровъ удалось мнѣ видѣть! продолжалъ губернаторъ. Впрочемъ пошли тебѣ Богъ такой-же благонадежный способъ отвратить отъ себя подобное несчастіе, какой мнѣ сниспослалъ Онъ по благости своей. Я въ самыхъ молодыхъ моихъ лѣтахъ страстно влюбился въ дѣвушку, которая, казалось мнѣ, могла способствовать къ счастію моей жизни. Я не ошибся въ моемъ выборѣ. Сдѣланное мною предложеніе не было отвергнуто, и супружеская наша съ нею жизнь началась, когда мнѣ было 25 лѣтъ, а ей 19-ть; слава Богу, мы уже давно отпраздновали серебряную нашу свадьбу, и все это время по милости Божіей провели такъ покойно, такъ счастливо, что называется, какъ у печки погрѣлись.

При сихъ словахъ братъ мой весь вспыхнулъ, онъ покраснѣлъ отъ глазъ до самыхъ ушей.

— Эге! эге, братъ! сказалъ губернаторъ, посмотрѣвши на него пристально. Отъ чего ты такъ вдругъ раскраснѣлся? ужь не пала ли зазнобушка на ретивое сердце добраго молодца.

— Очень удачно и счастливо пала зазнобушка на ретивое его сердце, отвѣчалъ я съ улыбкою. — Вы столькими опытами доказали доброжелательство ваше нашему семейству, что мы не должны имѣть никакихъ отъ васъ секретовъ. — Посмотрите на него со вниманіемъ, и вы увидите во всѣхъ чертахъ его лица, что онъ страстно влюбленный и счастливый женихъ.

Digitized by Google

ДРЕВНѢЙШІЙ БЫТЪ СКАНДИНАВІИ.

Немногія, разсѣянныя извѣстія, находимыя въ древнихъ сагахъ о состояніи и видѣ Скандинавіи во времена язычества, свидѣтельствуютъ, что средняя, а еще болѣе верхняя Швеція, въ эпоху поселенія Готовъ и Свеоновъ, большею частію была пустыня. Около 6 или 7-сотъ лѣтъ послѣ поселенія Шведовъ на Меларѣ, Свитіодъ описывали страною, полною дремучихъ, обширныхъ лѣсовъ и пустынь. Браут-Анундъ, предпослѣдній король изъ династіи Инглинговъ, царствовавшей въ Швеціи, получилъ въ сагахъ великую славу за то, что употребилъ много стараній и издержекъ для истребленія лѣсовъ, такъ что его заботливостію обработаны великіе участки земли, проложены дороги чрезъ пустыни, болота и горы и во всякомъ большомъ городѣ устроены королевскіе дворы. Лѣса Кольмарденъ и Тиведенъ, отдѣлявшіе Свитіодъ (землю Свеоновъ) отъ Готской земли — почему первый назывался сѣвернымъ, а послѣдній—южнымъ, около исхода XII вѣка были дикою пустынею и столь обширною, что Норвежскій король Сверре въ путешествіи изъ Ост-Готландіи въ Вертландію, въ 1177 году, шесть или семь дней блуждалъ въ этихъ незнакомыхъ мѣстахъ и нигдѣ не встрѣчалъ никакого жилья. Древнія саги сохраняютъ также воспоминаніе о томъ времени, когда отъ рѣки Моталы до Эребро въ Нерикэ и оттуда до Маріенстада въ западной Готландіи лежащая по срединѣ страна была обширный лѣсъ. Сѣверная и гористая часть восточной Готландіи, кажется, подъ исходъ языческаго времени получила своихъ первыхъ обитателей. Такъ-же пустынна, непроходима и дика была южная лѣсистая часть этой области, обращенная къ Смеланду. Тамъ, также какъ и въ дикомъ Гольведенѣ и по всему Смеланду, не было даже вовсе дороги. Когда святой Зигфридъ въ исходѣ X вѣка путешествовалъ изъ Шонія въ Верендe, его путешествіе было чрезвычайно затруднительно,

Digitized by Google

потому что дорога шла по дикой странѣ и дремучимъ лѣсамъ, острымъ утесамъ и крутымъ горамъ. Оттого-то путешественники, отправившіеся изъ Тоніи на Сѣверъ, обыкновенно избирали путь въ Скару въ Вестер-Готландіи, оттуда черезъ Веттеръ, потомъ вдоль рѣки Моталы до Бравикена, отсюда шли чрезъ лѣсъ Кольмарденъ, который съ этой стороны всего доступнѣе и проходимѣе, и потомъ продолжали путь черезъ Зюдерманландію въ верхнюю Швецію. О Вест-Готландіи читаютъ въ древнихъ сагахъ, что тамъ были великія и обширныя пустыни, чрезъ которыя нельзя было проходить безъ большихъ затрудненій въ зимніе мѣсяцы; въ древнемъ законѣ Вест-Готовъ говорится о лѣсахъ Нордфалѣ, Синдерфалѣ и Эстерфалѣ, вмѣсто которыхъ теперь Вест-готская равнина, такъ называемый Фальбиггдъ, совершенно безъ лѣса. Но это еще не единственное свидѣтельство, что глубокіе и обширные лѣса встарину покрывали страны, нынѣ ровныя и обильныя плодоносными нивами. Лѣса на многіе дни пути отдѣляли Вест-Готландію отъ Богуслана, и древнее имя пограничной долины Дала, Мачкечпа, т.-е. лѣса, кажется, намекаетъ на то время, когда еще помнили, что вся эта страна покрыта была лѣсомъ и представляла немногіе слѣды земледѣлія. Впрочемъ населеніе Далекарліи еще въ древнее языческое время доказывается не только многими встрѣчающимися тамъ древностями, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ слѣдующаго вѣка она является страною со многими герадами, которые долгое время управляемы были изъ Вест-Готландіи. Напротивъ горные округи и вообще всѣ обильныя металлами страны между большими рѣками Кларою и Даломъ, столь важныя по своимъ произведеніямъ для торговли всего государства, и, благодаря земледѣлію и горнозаводству, соперничающія съ другими областями въ цивилизаціи, довольствѣ и населеніи — эти страны въ исходѣ языческаго вѣка были хотя несовсѣмъ необработаны, однакожь мало извѣстны. На высокой горѣ, составляющей границу между Швеціею и Норвегіею, вытекаетъ двумя рукавами большая рѣка Далъ; одинъ рукавъ, въ своемъ теченіи принявъ рѣку Орсу, протекаетъ подъ именемъ восточнаго Дала великое озеро Силіанъ и течетъ оттуда въ приходъ Гагнефъ; другой рукавъ, носящій имя западнаго Дала и истекающій на горѣ Фулу, приближается къ церкви въ Лимѣ, прорывается многими неожиданными излучинами чрезъ выдающіеся утесы и

Digitized by Google

течетъ равнымъ образомъ въ приходъ Гагнефъ; здѣсь оба рукава соединяются, и потомъ, слившійся въ одно русло, Далъ продолжаетъ свое теченіе къ морю, перерѣзываетъ большія плодоносныя равнины, расширяется въ огромный бассейнъ воды, окружающій многіе островки, опять принимаетъ форму рѣки, низвергаетъ въ значительномъ водопадѣ рѣку Карлеби, и наконецъ за милю оттуда впадаетъ въ Ботническій заливъ. Тѣсная и высокая долина, пробѣгаемая западнымъ Даломъ, составляетъ часть Далекарліи, носящей названіе западной; напротивъ другая болѣе обширная и низкая долина, по которой течетъ восточный Далъ, называется восточною Далекарліею: обѣ онѣ составляютъ всю верхнюю или сѣверную часть ландсгауптманнства Стора Копнарбергъ; часть этого ландсгауптманнства, лежащая на югъ отъ обѣихъ долинъ, заключаетъ въ себѣ на юго-западѣ западный горный округъ, и на юго-востокѣ собственно Копнарбергъ, Сетерсъ и Несгардсканъ, изъ которыхъ послѣдніе составляютъ такъ называемый восточный горный округъ. Въ этой юго-восточной части Далекарліи Олахъ Дигре на походѣ въ Норвегію въ 1030 году, прошедши лѣса сѣвернаго Вестманнланда, встрѣтилъ обитаемыя мѣста, называемыя Iernbäraland. За то вся сѣверная часть этой страны, такъ называемая восточная и западная Далекарлія, была почти неизвѣстная страна, если заключать изъ древнихъ памятниковъ. Только въ концѣ XII вѣка, когда король Сверре проходилъ эти страны, падаютъ на насъ первые лучи исторіи. Когда Сверре около 1177 года хотѣлъ отправиться изъ южной Норвегіи въ Трондгемъ, но не отважился, по причинѣ вооруженія своихъ враговъ, идти черезъ Норвежскія владѣнія, онъ направилъ путь въ Вермландію, прошелъ чрезъ лѣсъ двѣнадцати миль длиною, нынѣ населяемый Финнами, въ Экесерадъ, лежащій на границѣ Далекарліи, оттуда чрезъ другой не менѣе длинный лѣсъ, еще нынѣ называемый десятимильнымъ, пограничный между Вермландомъ и Далекарліею, потомъ онъ, кажется при Малунгѣ, встрѣтилъ населенное мѣсто въ западной Далекарліи; но оттуда путь шелъ черезъ третій, двѣнадцать миль длиною лѣсъ, прежде нежели Сверре достигъ до населенныхъ мѣстъ (Iernbäraland), по всей вѣроятности, въ восточной Далекарліи, можетъ быть, въ приходахъ Морѣ или Эльфдалѣ. Въ дорогѣ по этой дикой странѣ король и его спутники питались мясомъ птицъ и звѣрей, которыхъ убивали

Digitized by Google

стрѣлами; путь шелъ черезъ болота, густые и мрачные лѣса, утесы и горы, притомъ въ такое время года, когда таетъ снѣгъ въ лѣсу и ледъ на водахъ, такъ что Сверре и его спутники боролись съ невѣроятными затрудненіями. Въ восточной Далекарліи жили еще язычники, никогда не видавшіе, чтобы король путешествовалъ по ихъ странѣ, и даже не знавшіе, человѣкъ ли онъ или звѣрь. Однакожь они хорошо приняли Сверре и пособили ему въ путешествіи. Черезъ болота и топи, великія рѣки и озера и въ восьминадминадцать роздыховъ длинный лѣсъ, Сверре пришелъ въ Геріэдаленъ; оттуда, прежде нежели добрался до Іемтланда, онъ долженъ былъ опять проходить лѣсъ не менѣе 38 роздыховъ (*) длиною; въ этой дорогѣ путники ничего не имѣли для пищи, кромѣ лыка, древесной коры и еще ягодъ, пролежавшихъ зиму подъ снѣгомъ.

Геріэдаленъ, гдѣ останавливался Сверре, былъ уже населенъ; но одна древняя Сага сохранила воспоминаніе о томъ времени, когда эта страна, еще необитаемая, получила своихъ первыхъ жителей. Геріульфъ былъ знаменоносецъ у короля Гольфдана Чернаго, отца Гаральда Гарфагера. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ короля, но однажды, на праздничномъ пирѣ, разсерженный, онъ ударилъ какого-то придворнаго кубкомъ, оправленнымъ въ серебро. Ударъ былъ такъ силенъ, что кубокъ разбился, а придворный въ ту же минуту умеръ. Геріульфъ спасся бѣгствомъ. Онъ прибылъ въ Упсалу, къ королю Эрику Эмундссону, который принялъ его ласково, и Геріульфъ поступилъ къ нему въ службу. Однакожь онъ бѣжалъ и оттуда вмѣстѣ съ сестрою короля, Ингеборгою, которую любилъ и былъ любимъ взаимно Они бѣжали очень далеко, на границы Норвегіи, и тамъ, неподалеку одной горы, поселились въ большой, просторной долинѣ, на рѣкѣ Ліуснѣ. Еще нынѣ показываютъ поросшій деревьями могильный холмъ, хранящій прахъ Геріульфа и его сокровища. Неподалеку отъ холма, на рѣкѣ Геріэ, за четыре мили отъ Гердальскирхе, находится мѣстечко Снёффалленъ: тамъ жили Геріульфъ и Ингеборга. Эта сага, похожая на сказанія о населеніи Іемтланда и сѣвернаго Гельсингланда, указываетъ на первоначальное занятіе этихъ

(*) Разстоянія на сухомъ пути измѣрялись растами (Rast, роздыхами или станціями, а на морѣ виками (Vika): то и другое соотвѣтствуетъ шведской полумилѣ. Сравни Burman I. Rast собственно означаетъ такую дорогу, которую проходятъ, не останавливаясь для отдыха.

Digitized by Google

странъ колонистами изъ пограничной Норвегіи. Напротивъ Свеоны населили прибрежную часть Гельсингланда; оттуда ихъ поселенія простирались вдоль береговъ, отъ Медельпада и Ингерманландіи до Вестроботніи; потомъ, отступивъ отъ берега, тянулись по рѣкамъ въ глубину лѣсовъ; тутъ Шведы вырубали деревья, строили дворы, пахали землю, охотились за звѣрями и ловили рыбу. Населеніе Норландіи съ двухъ сторонъ и двумя племенами объясняется также различіемъ въ характерѣ, нравахъ. обычаяхъ и языкѣ: это различіе встрѣчается не только между нѣкоторыми областями Норландіи, но и между разными уѣздами одной и той же области. По недостатку извѣстій, какъ далеко простирались населенія во времена язычества, намъ остались единственныя вѣроятныя свидѣтельства въ родовыхъ могильныхъ холмахъ и камняхъ съ рунами. Послѣдніе курганы къ сѣверу встрѣчаются въ южной Вестроботніи, въ округѣ Умеа, и послѣдній камень съ рунами въ округѣ Нордингра въ Ингерманландіи. Впрочемъ встрѣчаются они въ Медельнадѣ, въ Гельсингландѣ и Гестрикландѣ и въ Геріуэдаленѣ. Они не удаляются отъ морскаго берега и внутри страны встрѣчаются только вблизи большихъ озеръ и рѣкъ. Это доказываетъ, что внутреннія страны долгое время оставались пустынными и лѣсистыми, и что самыя древнія поселенія были на берегу моря и на большихъ, внутри страны находящихся озерахъ, откуда простирались все далѣе къ сѣверу и вдоль рѣкъ, впадающихъ въ эти озера; рѣчныя долины по всему ихъ протяженію и страны лежащія около великихъ водъ, прежде всего были населены: но поселенія уклонялись и въ сторону, по мѣрѣ того, какъ размножались люди и рѣдѣли лѣса. И случайныя событія давали многимъ странамъ первыхъ обитателей. Многіе, неуспѣвшіе снискать расположенія родителей своихъ милыхъ, убѣгали съ ними и селились въ лѣсной глуши; злодѣи, объявленные внѣ закона, убійцы, боявшіеся родныхъ и друзей убитаго, искали и находили всегда вѣрное убѣжище въ дремучихъ лѣсахъ, которые потому во многихъ мѣстахъ кишѣли разбойниками; не рѣдко въ самыхъ дикихъ пустыняхъ встрѣчались обитатели, въ необитаемыхъ странахъ попадались отдѣльные дворы и хижины, столь отдаленные отъ обитаемыхъ мѣстъ и другъ отъ друга, что ихъ владѣльцы во всю жизнь не видали другихъ людей, кромѣ своихъ домашнихъ.

Сказанія о населеніи острова Исландіи въ IX вѣкѣ знакомятъ насъ съ тѣми обрядами, которые употреблялись Норманнами при

Digitized by Google

занятіи необитаемыхъ странъ; при этомъ случаѣ мы можемъ также наблюдать, какъ изъ соединенія патріархальныхъ семействъ образовались первыя гражданскія общества. Въ Исландію обратились искать убѣжища многіе, особливо изъ Норвегіи, въ то время, когда Гаральдъ Гарфагеръ силою захватилъ себѣ верховную власть въ этой землѣ и сдѣлался единодержавнымъ. Переселенцы были вожди знатнаго рода, люди богатые; ихъ гордый, властолюбивый духъ неохотно подчинялся чужой волѣ; они владѣли кораблями и деньгами для вооруженій въ дальніе походы. Такой вождь бралъ съ собою семейство, прислугу, скотъ, домашнюю утварь и все необходимое для будущаго отечества. Съ нимъ вмѣстѣ отправлялись друзья, родные, названные братья и другіе свободные люди, сопровождавшіе его въ прежнихъ походахъ и привыкшіе почитать его старшимъ въ своей средѣ. Его спутниками въ эту дорогу были также домашніе боги-покровители, которыхъ образы вырѣзывались на столбикахъ, всегда стоявшихъ въ домахъ по обѣимъ сторонамъ высокихъ креселъ главы семейства. Когда къ неизвѣстной землѣ подъѣзжали такъ близко, что видны были ея берега, тогда начальникъ корабля, регентъ выселявшейся колоніи, бралъ священные столбики, и, призывая Тора, бросалъ ихъ въ море: тамъ, гдѣ приставали они къ берегу, вождь полагалъ основаніе новаго двора и снова ставилъ ихъ возлѣ своихъ креселъ. Потомъ обходилъ онъ съ огнемъ новую землю или зажигалъ вокругъ нея большіе огни. Обозначивъ такимъ образомъ границы земли, которою хотѣлъ владѣть, (что называлось освящать для себя огнемъ землю), онъ раздѣлялъ ее между родными, друзьями и прочими спутниками. Всѣ они, связанные родствомъ и дружбою, составляли особенное общество, семейство, племя. Взявшій въ владѣніе землю становился главою той колоніи, которая поселилась на ней; храмъ, выстроенный возлѣ его двора, съ священнымъ кольцомъ Фрея на алтарѣ, былъ средоточіемъ юнаго государства. Тамъ приносились жертвы; на содержаніе храма платилась особенная подать съ каждаго двора, называемая Hoftorl, храмовая подать; тамъ же было и мѣсто тинга, суда, гдѣ собирались для общихъ совѣщаній и рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ по натуральному праву или по законнымъ обрядамъ, принесеннымъ изъ отчизны. Глава племени былъ хранитель храма и верховный жрецъ: въ этомъ званіи засѣдалъ онъ съ 12 отъ него избранными мужами на тингѣ и разбиралъ тяжбы; онъ держалъ тогда въ рукѣ

Digitized by Google

священное храмовое кольцо, символъ вѣчности; предъ кольцомъ, погруженнымъ въ кровь жертвы, приносились всѣ клятвы, съ призываніемъ Фрея и Ніорда и всемогущихъ Асовъ. Все очень тѣсно соединялось съ религіею; вся власть вождя преимущественно основывалась на его авторитетѣ—верховнаго жреца и прорицателя воли боговъ. Потому и названіе годе или годордсманъ, означавшее занятіе жреца, было титло, принадлежавшее вождю, какъ начальнику области или удѣла (Haerad); самая должность его и удѣлъ назывались «годордъ.» Такимъ образомъ, на этомъ отдаленномъ островѣ возникли многія, разсѣянныя, одни отъ другихъ независимыя общества или государства, никакими общими узами не соединенныя въ единый народъ. Всякой вождь управлялъ независимо своимъ удѣломъ; во многихъ мѣстахъ не было устроеннаго годордстинга, такъ что всякой дѣлалъ, что хотѣлъ; сверхъ того, не было общихъ законовъ для рѣшенія споровъ между вождями или ихъ подданными. Слѣдствіемъ были кровопролитныя сеоры. Такое состояніе острова продолжалось 54 года. Наконецъ, по совѣщаніи всѣхъ жителей, учреждено верховное судилище для всей страны, такъ называемый «альтингъ» или «ландс-тингъ,» гдѣ рѣшались всѣ дѣла, которыя не могли поступать въ другіе тинги, и гдѣ, по общему разсужденію всѣхъ вождей и другихъ мудрыхъ людей острова, издавались и обнародывались законы для всеобщаго исполненія. Весь островъ раздѣленъ былъ на 4 области или четверти: каждая подраздѣлялась на три судебные округа (Tingstag) или герада; каждый округъ вмѣщалъ въ себѣ три годорда или столько жителей, сколько принадлежало ихъ къ тремъ главнымъ храмамъ. Начальники годордовъ назывались годары, гоф-годары (жрецы). На нихъ возлагалась обязанность не только служить въ храмѣ и приносить жертвы, но и разбирать споры, для чего каждый изъ нихъ назначалъ двѣнадцать судей. Годары, каждый въ своемъ округѣ, смотрѣли за исполненіемъ законовъ и порядкомъ; имѣли надзоръ за торговлею иноземцовъ, назначали цѣну ихъ товарамъ, не дозволяли имъ обманывать, а жителямъ запрещали оскорблять ихъ. Верховное судилище—альтингъ—составляли всѣ годары острова; каждый избиралъ изъ своего годорда двухъ разумныхъ людей въ пособіе себѣ. На альтингѣ окончательно рѣшалось все, что считали нужнымъ для всеобщаго мира и безопасности, для блага и пользы цѣлой страны. Въ этомъ собраніи обязанъ былъ говорить рѣчи лагманъ, назна-

Digitized by Google

чаемый по выбору: онъ, высшій чиновникъ страны, управлялъ общественными совѣщаніями; ему поручалась обязанность толковать законы всѣмъ, кто просилъ о томъ; сверхъ того, онъ долженъ былъ читать книгу закона жителямъ, собраннымъ на альтингѣ.

Переселенія на островъ Исландію происходили въ то время, когда политическое устройство, обычаи и нравы еще сохраняли свой первобытный, древне-сѣверный характеръ; когда почитались тѣ же самыя божества, которыя переселились съ Скандинавами на сѣверъ Оттого-то политическій бытъ Исландіи мы можемъ считать вѣрнымъ подражаніемъ скандинавскому: въ тѣ времена, еще чуждыя отвлеченныхъ философскихъ идей, переселенцы не могли принести съ собою въ новое отечество другихъ правилъ, обычаевъ и понятій, кромѣ тѣхъ, которые на родинѣ они наслѣдовали отъ предковъ, особливо когда переселенія совершались съ тою цѣлію, чтобы сохранить древнюю независимость и свободу. Старинные законы Швеціи представляютъ несомнѣнные признаки того, что основаніемъ древнѣйшаго политическаго быта Скандинавіи были племенныя и родственныя связи. Въ дѣтствѣ народовъ и государствъ члены родовъ и семействъ не такъ далеко расходились въ разныя стороны, какъ бываетъ въ наше время, чтобы посвятить себя разнымъ занятіямъ общественной жизни: они большою частію жили вмѣстѣ, и всѣ вели одинаковый образъ жизни. Такъ образовались первыя простѣйшія общества. Римскіе писатели замѣчали у древнихъ Германцевъ, что ихъ военныя дружины составлялись по родственнымъ связямъ, и что всякой отрядъ состоялъ изъ сотни воиновъ, если воинскій порядокъ требовалъ какого-либо раздѣленія арміи. Натурально, что въ каждый отдѣльный отрядъ собирались воины, соединенные взаимнымъ родствомъ. Вмѣстѣ переносившіе труды и нужды, они оставались неразлучными, когда промѣняли бродячую жизнь на постоянную въ странѣ, избранной для поселенія. Эти военные отряды, образовавшіеся среди опасностей войны, въ постоянномъ отечествѣ обратились въ мирныя общины, для защиты своей земли, собственности и правъ. Оттого происходитъ первоначальное раздѣленіе Скандинавіи на гундарисы или герады: такъ назывались участки земли, занятые каждымъ поселившимся отрядомъ. Не какъ эти отряды сначала состояли изъ сотни или болѣе домохозяевъ, то и участокъ земли, заселённый каждымъ отрядомъ, получилъ названіе.

Digitized by Google

герада (отъ Heer сотня) или гундара. Долгъ взаимной помощи, требуемый воинскою дружбою, обратился въ натуральную обязанность общими силами сохранять безопасность и тишину въ занятой землѣ: герадъ сдѣлался обществомъ, котораго цѣль была защита жизни и собственности.

Религія составляла главную связь между этими маленькими государствами. Нужда въ безопасности и взаимной защитѣ, непостоянная и преходящая, не была достаточною, чтобы упрочить бытіе такихъ обществъ. Въ дѣтствѣ народа, власть закона не много можетъ сдѣлать съ людьми, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою собственную волю, во всѣхъ случаяхъ поступаетъ независимо и самъ старается помогать себѣ. Но эти самые люди, такъ много полагавшіеся на свой мечъ и свою храбрость, питали великій страхъ къ Высочайшему Существу и невидимымъ силамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, управляютъ природою и располагаютъ участію людей. Эта вѣра въ міроправленіе боговъ натурально привела къ идеѣ о божествахъ-хранителяхъ. Имъ оказывали почтеніе, имъ приносили жертвы въ рощахъ, на горахъ, въ храмахъ, чтобы призвать на себя ихъ покровительство, укротить ихъ гнѣвъ и узнать ихъ волю. Такіе боги-хранители были не одни и тѣ же у всѣхъ народовъ: въ древности, каждый народъ имѣлъ свои собственныя божества и смотрѣлъ на нихъ, какъ на защитниковъ и стражей народнаго племени. Идея національнаго божества была уже твердымъ звеномъ, соединявшимъ членовъ племени; она стала еще сильнѣе, когда общее поклоненіе такому божеству присвоено было одному опредѣленному мѣсту, совершалось съ торжественными обрядами въ общенародномъ храмѣ, и когда въ честь бога отправлялись празднества, въ которыхъ принималъ участіе весь народъ и только одинъ народъ. Это сообщало народу особенную физіономію — вполнѣ согласную съ его образомъ мыслей и чувствомъ: она отличала его отъ другихъ народовъ и поселяла въ немъ національный духъ. Въ эпоху младенчества государствъ, религія вносила въ общества то единство, которое основалось не на внѣшнихъ случайностяхъ, но имѣло причины въ глубинахъ человѣческаго духа. Потому всѣ древнія законодательства носятъ отпечатокъ религіозный: грубая сила свободныхъ людей могла укрощаться только одними велѣніями боговъ; ничто такъ не возвышало душу и не дѣлало ее воспріимчивѣе къ

Digitized by Google

высшей образованности, какъ ученіе о безсмертіи и воздаяніи въ другой жизни за дѣла здѣшней. Такъ мудрецы и герои древности, превосходившіе познаніями своихъ современниковъ, были въ то же время основатели религій и законодатели народовъ. Власть, которую доставляло имъ умственное превосходство, они освящали авторитетомъ прорицателей воли боговъ. Они заступали на землѣ ихъ мѣсто; они, по общему мнѣнію, были въ короткихъ сношеніяхъ съ богами.

Въ древней Скандинавіи вся частная жизнь была проникнута религіею; все находилось подъ покровительствомъ боговъ. Ихъ изображенія нерѣдко вырѣзывались на столбикахъ креселъ, на подножіяхъ кроватей и стульевъ. Многіе отцы семействъ имѣли на своихъ дворахъ особенные храмы, гдѣ. по обычаю предковъ, съ символическими обрядами, освященными преданіемъ, приносились жертвы хранителямъ-богамъ, которыхъ почитали особенно благосклонными къ себѣ. Эти святилища часто бывали очень обширны: высокіе палисады окружали ихъ снаружи; внутреннія стѣны обивались обоями; вдоль стѣнъ, на скамьяхъ сидѣли боги; — знатнѣйшіе изъ нихъ на высокихъ креслахъ; всѣ они были въ великолѣпныхъ одеждахъ, блистали серебромъ и золотомъ. Никому не дозволялось входить съ оружіемъ въ храмы, потому что предъ лицемъ боговъ человѣкъ долженъ быть безоруженъ. Всякая нечистота изгонялась изъ храмовъ. Въ нихъ не могли совершаться никакія насилія, ни убійства. Жилища боговъ почитались столь священными, что разбойники, убійцы и нидинги (безчестные трусы) не смѣли находиться вблизи ихъ. Оскорбившій святыню храма и нарушившій миръ и безопасность, которыми пользовались мѣста, посвященныя богамъ, считался величайшимъ злодѣемъ: его называли Vargri-veum, и съ этимъ именемъ онъ нигдѣ не находилъ безопасности, становился бездомнымъ странникомъ, и жилища Валгаллы были для него закрыты. Въ отчаянномъ положеніи и при всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ спрашивали волю боговъ и приносили имъ жертвы: по крови жертвъ заключали о ихъ милости или гнѣвѣ. Также узнавали ихъ волю посредствомъ метанія священныхъ палочекъ, украшенныхъ ликами боговъ,—и самые неукротимые воины смиренно покорялись велѣніямъ неба.

Digitized by Google

Отъ тѣхъ временъ сохранились каменные алтари и другіе памятники, больше или меньше искаженные; многіе изъ нихъ совсѣмъ исчезли, тѣмъ болѣе, что множество древнихъ храмовъ обратились въ христіанскія церкви. Думаютъ, что до переселенія Асовъ вовсе не были извѣстны особенные храмы на сѣверѣ; всего обыкновеннѣе религіозные обряды совершались подъ открытымъ небомъ, или для того избирались какія-нибудь освященныя мѣста. Таковы, по мнѣнію многихъ, жертвенные камни, еще теперь существующіе въ Болмсе въ Смаландѣ, въ Сканіи и въ другихъ мѣстахъ Швеціи. Къ числу такихъ древнихъ святилищъ весьма вѣроятно причисляютъ встрѣчающіеся во многихъ странахъ Скандинавіи круги или рундели (Rundlar) изъ камней, очень плотно и тщательно сложенныхъ. Они разной величины, отъ 10 до 70 аршинъ въ окружности, видомъ походятъ на небесный сводъ и находятся въ близкомъ разстояніи одни отъ другихъ. Въ ихъ срединѣ замѣтны явные слѣды очага, на которомъ, какъ на алтаряхъ древнихъ персидскихъ огнепоклонниковъ, вѣроятно, зажигался огонь, символъ первобытнаго свѣта или творящей силы природы. Встрѣчаются также камни, сложенные въ видѣ квадратовъ, углы которыхъ расположены по странамъ свѣта; иногда—въ формѣ треугольниковъ, въ срединѣ которыхъ утверждены также камни. На такіе рундели для приношенія жертвъ намекаетъ шотландскій бардъ Оссіанъ, разсказывая въ своихъ пѣсняхъ о «прибытіи сѣвернаго короля Сварана въ Ирландію, о его войнахъ съ Кухуллиномъ и Фингаломъ, о кругахъ Лоды и парящемъ надъ ними ужасномъ духѣ, о камнѣ власти, предъ которымъ клянется сильному божеству сѣверный герой Дутмаруно.» Hlod еще нынѣ называется «очагъ» въ хижинѣ исландскаго крестьянина. Hlad называютъ въ Исландіи мѣсто передъ домомъ, которое и теперь выкладывается камнемъ. Археологи съ вѣроятностію предполагали, что Hladir (теперь Lade), прежнее помѣстье короля Гаральда Гарфагера, одно изъ значительныхъ мѣстъ для жертвоприношеній въ Норвегіи, получило свое имя отъ многихъ находящихся тамъ жертвенныхъ круговъ, по которымъ и Ярлы, послѣ жившіе тамъ, назывались Гладе-Ярлы. Замѣчательно, что такіе круги, сдѣланные изъ земли и камня, и квадраты съ большими угловыми камнями встрѣчаются на азіятской

Digitized by Google

родинѣ Скандинавовъ, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ обращали они вниманіе путешественниковъ (*).

Всего обыкновеннѣе встрѣчаются такія святилища на высотахъ и въ рощахъ. Вокругъ нихъ камни или образуютъ низкую стѣну, или выложены въ формѣ кольца, такъ что, подобно оградѣ кладбищъ въ наше время, отдѣляютъ святилище отъ окрестности. Священное пространство на древне-шведскомъ языкѣ называлось Vi или Ve (святилище, отсюда viga святить, посвящать), а священная ограда, составлявшая его границу, называлась Vebönd (священный союзъ). Также называлась и та ограда, которая окружала мѣста, гдѣ происходили суды. Одна древняя сага сказываетъ, что въ Норвегіи, гдѣ суды происходили на открытомъ мѣстѣ, оно обносилось тыномъ изъ орѣшинъ, перевязанныхъ священными шнурами (vebönd), для означенія, что это мѣсто объявлено мирнымъ: королева Гунгильда, лично находившаяся на одномъ изъ такихъ собраній, замѣтивъ, что дѣло, о которомъ трактовали, не обѣщало благопріятныхъ для нея послѣдствій, убѣдила нѣкоторыхъ перерѣзать священные шнуры; въ ту же минуту засѣданіе кончилось, миръ сочли нарушеннымъ, мѣсто перестало быть священнымъ, и всѣ разошлись. Такими священными мѣстами были судные круги, остатки которыхъ находятся во многихъ мѣстахъ Скандинавіи. Они состоятъ изъ многихъ, въ продолговатой или круглой формѣ выложенныхъ на землѣ камней. Древніе судьи—вождь съ своими товарищами или король съ его совѣтниками — когда собирали тингъ и рѣшали дѣла подъ открытымъ небомъ, то помѣщались большею частію на пригоркахъ, чтобы народная толпа могла лучше видѣть и слышать ихъ,—или на высокихъ камняхъ, символически означавшихъ неизмѣнность судебныхъ приговоровъ. Вблизи такихъ возвышеній обыкновенно встрѣчаются древніе рундели для жертвоприношеній; тутъ же очень часто находятся могильные холмы и гробницы, сохранявшіе прахъ усопшихъ друзей, вождей и героевъ. Прежніе такъ называемые тинги не ограничивались однимъ судопроизводствомъ; они были общими сходбищами, куда стекались, чтобы приносить жертву богамъ и вмѣстѣ судить гражданъ и со-

(*) О такихъ кругахъ упоминаетъ монахъ Рубрукисъ, посѣтившій Мунгу-хана (1253 года), въ званіи посланника короля Людовика IX.

Digitized by Google

вѣщаться о общественныхъ дѣлахъ. На тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ приносимы были жертвы, разбирались тяжбы и изрекались приговоры; въ то самое время, когда благословенія и милость боговъ призывались на страну и народъ, происходили совѣщанія о безопасности страны, издавались законы, рѣшались всѣ великія и важныя дѣла. Собраніе чувствовало себя какъ бы во власти боговъ, представляло, что они присутствуютъ тутъ же и наблюдаютъ за его поступками. Судныя и жертвенныя мѣста были одни и тѣ же, богослуженіе тѣсно связано было съ судопроизводствомъ, то и другое сопровождалось символическими обрядами, производившими сильное впечатлѣніе на чувство. Все это придавало общественнымъ дѣламъ торжественность и святость, и только такими средствами древніе законодатели могли обуздывать дикую силу и своеволіе людей того времени удерживать въ предѣлахъ законнаго порядка.

Чтобы упрочить между племенами это единство, образуемое религіею, и вкоренить въ ихъ памяти и сердцѣ ту мысль, что всѣ они находятся подъ покровомъ однихъ и тѣхъ же боговъ и составляютъ одну націю, — для этой цѣли и для сохраненія преданій древности, Одинъ учредилъ три ежегодные народные праздника. На эти праздники, особливо на великое жертвоприношеніе въ февралѣ, должны были собираться всѣ въ главное святилище для принесенія общенародной жертвы.

Ингве Фрей, второй изъ шведскихъ дроттеновъ (жрецовъ) послѣ Одина, когда поселенія больше и больше распространялись, задумалъ перенести главное капище изъ Сигтуны въ другое, удобнѣйшее мѣсто. Чтобы придать больше великолѣпія народному святилищу, приличію его высокому значенію, онъ велѣлъ выстроить огромный, блестящій храмъ, великолѣпнѣе котораго не видали на сѣверѣ. Мѣстомъ для него выбралъ онъ красивую равнину въ гердѣ Ваксалѣ: тамъ, на небольшомъ пригоркѣ, воздвигнутъ былъ, посвященный Одину, славный на сѣверѣ храмъ: во все время язычества, въ теченіе почти 1000 лѣтъ, это зданіе было средою, вокругъ которой собиралась нація для празднованія торжественныхъ дней, учрежденныхъ Одиномъ, и для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ. Къ западу отъ храма находился посвященный Одину лѣсъ. Храмъ блисталъ азіятскою пышностію: стѣны и кровля, по древнимъ сказаніямъ, были обложены золотомъ; съ зубчатыхъ вершинъ

Digitized by Google

храма спускалась золотая цѣпь, обнимавшая наружныя стѣны въ видѣ кольца, такъ что все зданіе горѣло золотомъ и блескъ его отражался по всей окрестности. Дошедшія до насъ описанія различныхъ сѣверныхъ храмовъ доказываютъ, что эти храмы, подобно индійскимъ, были очень огромны: главное зданіе (въ христіанскихъ церквахъ трапеза) составляло переднюю залу, отдѣленную стѣною съ дверью отъ капища, походившаго на небольшую капеллу (часовню). Передняя зала назначалась для народа, капелла—для идоловъ. По срединѣ капеллы находился алтарь, изъ дерева или изъ камня, часто съ большимъ искусствомъ сдѣланный и сверху обитый желѣзомъ; за алтаремъ и впереди его главные изъ боговъ стояли на возвышеніяхъ или сидѣли на высокихъ креслахъ; по обѣимъ сторонамъ ихъ, толпа другихъ боговъ на низкихъ скамьяхъ составляла полукружіе около алтаря: всѣ божества были колоссальнаго или обыкновеннаго роста, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, богато украшенныхъ золотомъ и серебромъ. На алтарѣ лежало священное кольцо, предъ которымъ произносились клятвы; тутъ же стоялъ жертвенный сосудъ, называвшійся на древне-сѣверномъ языкѣ «Hloutbolle», большая мѣдная чаша, въ которую вливали кровь принесенныхъ въ жертву животныхъ; какъ принадлежность чаши, возлѣ нея лежала кропильница, кисть, укрѣпленная на длинной палкѣ: она называлась «Hlauttein» и употреблялась для окропленія жертвенною кровію. Для жертвъ назначались волы, лошади и кабаны. Пышно украшенные, они приводились къ алтарю, посвящались богамъ и убивались въ присутствіи народа. Кровь собирали въ чашу, — въ которую опускали кропильницу и потомъ кропили сѣдалища боговъ, наружныя и внутреннія стѣны храма и наконецъ народъ. Но мясо жертвъ употреблялось на большомъ праздничномъ пирѣ, который за тѣмъ слѣдовалъ. Этотъ пиръ происходилъ въ передней залѣ храма: тамъ, вокругъ стѣнъ стояли скамьи для народа и высокія кресла для королей и вождей; предъ скамьями поставлены были столы; на полу, по срединѣ горѣлъ огонь, на который ставили котелъ съ мясомъ жертвенныхъ звѣрей. Наполненные медомъ рога подавались черезъ огонь; они и всѣ кушанья освящались сначала королемъ или вождемъ, главнымъ лицомъ при жертвоприношеніи. Потомъ пили въ честь боговъ: сначала Одена за побѣды короля, за благоденствіе страны; потомъ въ честь Ніорда и Фрея за хо-

Digitized by Google

рошій урожай и миръ; наконецъ осушали обѣтную чашу «Bragafull» въ честь знаменитыхъ героевъ, падшихъ на войнѣ; пили также въ воспоминаніе усопшихъ родственниковъ, свершившихъ великія дѣла во время жизни. Пить въ честь кого-нибудь называлось minnen (*). При великихъ жертвоприношеніяхъ въ Упсалѣ соблюдался обычай, чтобы непремѣнно девять животныхъ мужескаго пола принесены были въ жертву. Только кровію, думали Скандинавы, омываются преступленія людей, укрощаются боги и снискивается ихъ милость: оттого, при великихъ жертвоприношеніяхъ закалали также людей для укрощенія гнѣвныхъ боговъ; обыкновенно выбирали для того рабовъ и злодѣевъ; но при общемъ какомъ-нибудь бѣдствіи приносили на жертву и самую благородную жизнь (**). Обреченные на

(*) Minne означаетъ любовь и почтеніе (не воспоминаніе); въ этомъ значеніи Minne встрѣчается не только въ Нѣмецкомъ и Голландскомъ языкахъ, но также Шведскомъ и Датскомъ. «Пить чью-нибудь Minne» значитъ пить въ честь кого-нибудь, или оказывать ему почтеніе, любовь и преданность.

(**) Такъ принесенъ былъ въ жертву, послѣ долгаго неурожая, жрецъ Домальдеръ, изъ благодарности за одинъ хлѣбородный годъ. Въ «Hervara Saga» встрѣчается разсказъ, что во время чрезвычайной дороговизны въ Рейдготаландѣ народъ собрался на тингъ, и по мнѣнію мудрыхъ мужей опредѣлено было принести въ жертву юношу самаго знатнаго рода

Eyrbyrgia Saga разсказываетъ, что на тингѣ въ округѣ Торснесъ въ Исландіи было кольцо Суда, въ которое вводились назначенные въ жертву богамъ, и что тамъ лежалъ камень, на которомъ ихъ убивали: «еще нынѣ, прибавляетъ сага, (авторъ ея жилъ въ XIII вѣкѣ), видны признаки крови на этомъ камнѣ». Вѣроятно, ту же цѣль имѣли многія такія кольца или круги, такъ часто встрѣчаемые возлѣ древнихъ языческихъ алтарей: они обыкновенно состоятъ изъ 5, 7 или 9 большихъ, сложенныхъ въ кругъ камней; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ ту особенность, что каждый изъ большихъ камней лежитъ на семи маленькихъ: это священное число. Близость такихъ круговъ къ древнимъ алтарямъ означаетъ, что въ нихъ совершались какіе-нибудь священные обряды.

Остманнскіе Викинги увезли сына и дочь у Ламора, короля Семинскаго, (Ульстеръ въ Ирландіи) на Скандинавскіе острова. Ламоръ старался освободить дѣтей, но и самъ попалъ въ плѣнъ; побѣдитель велѣлъ предъ глазами несчастнаго отца принести на жертву его сына, Морана. Эту сцену изображаетъ Оссіанъ и заставляетъ говорить Ламора слѣдующимъ образомъ:

«Крѣпко связанный ремнями, лежалъ я въ страшномъ кругѣ Удана. Сквозь темныя, мимолетныя облака изрѣдка проглядывалъ блѣдный ликъ мѣсяца. Звѣзды чуть-чуть горѣли красноватымъ свѣтомъ, и изъ-за мрачныхъ камней я слышалъ завыванія духовъ. Возлѣ камня власти, преклонивъ голову, стоялъ палачъ Муркуръ Его тихій шопотъ сливался съ глухимъ ревомъ Удана. Вдругъ онъ обнажилъ мечъ и трижды взмахнулъ имъ надъ головою. Потомъ приказалъ запѣть пѣснію смерти Печальные звуки,

Digitized by Google

жертву вводились въ кругъ или кольцо суда и формально осуждались на жертвоприношеніе: ихъ убивали или на камнѣ предъ капищемъ (можетъ быть, тотъ камень смерти, камень ужаса, о которомъ говоритъ Оссіанъ), или свергали съ утеса, или бросали въ жертвенный ручей, или вѣшали въ лѣсу на деревьяхъ. Въ священной рощѣ близъ Упсалы не было ни одного дерева, не освященнаго жертвою, животною или человѣческою: ихъ вѣшали тамъ въ даръ Одену Даже во времена Адама Бременскаго, въ половинѣ XI вѣка, тамъ видны были 72 трупа животныхъ и людей, потому и эта роща весьма уважалась на сѣверѣ.

На праздники, отправляемые націею въ общенародномъ храмѣ, являлись короли, вожди, свободные домовладѣльцы, и всѣ принимали участіе въ великихъ жертвоприношеніяхъ богамъ страны своей. Тутъ, подъ защитой религіи, занимались они торговлею и разными воинскими играми, видались съ отдаленными родными и друзьями, уговаривались на смѣлый походъ Викинговъ или на мирное торговое предпріятіе, такъ что эти народныя празднества всего болѣе поддерживали взаимное согласіе и дружбу между племенами, селившимися въ странѣ Свеоновъ и Готовъ. Съ обязанностію надзора за главнымъ храмомъ соединялся высокій авторитетъ въ государствѣ. Жрецъ (Дроттъ) Упсалы или «высокихъ жилищъ», какъ

жалобныя стенанія, зловѣщіе тоны пронеслись неодолимымъ ужасомъ по всей окрестности. Потомъ наступила могильная тишина. Наконецъ явилась страшная процессія: она вела въ цѣпяхъ моего сына. Безцѣнный юноша, моя нѣжная любовь! Твоя участь терзаетъ бѣдное сердце отца: ты хотѣлъ поговорить со мною, — я готовъ былъ броситься на помощь къ тебѣ.... Напрасны были наши усилія, безполезны наши мольбы. Муркуръ схватилъ юношу за кудрявые волосы и повлекъ къ угловатому камню смерти Съ пѣною на устахъ отъ дикаго бѣшенства, онъ проревѣлъ эти слова: «Уданъ! прими эту юную кровь: ты даровалъ побѣду моему мечу, и въ благодарность онъ проливаетъ эту кровь на жертву тебѣ.» «Чудовище! вскричалъ я въ сильномъ гнѣвѣ, въ совершенномъ отчаяніи: убей меня! отъ моего копья пали твои герои, — Моранъ не нанесъ вамъ ни одной раны, сынъ мой не оскорблялъ тебя!» Не внимая мольбамъ, онъ убилъ Морана и подошелъ ко мнѣ. чтобы поразить и меня.» Ламоръ однакожъ спасенъ былъ своею дочерью.

«Finn Magnusen» очень вѣроятно полагаетъ, что жертвы повѣшенныя посвящались Одену, убитыя на камнѣ, или сброшенныя съ утеса посвящались Тору, а утопленныя въ ручьѣ — Глеру, Ніорду и другимъ божествамъ водъ.

Digitized by Google

потомокъ боговъ, имѣлъ исключительное преимущество приносить имъ общую жертву за благоденствіе всего народа: потому-то, въ званіи верховнаго жреца, онъ былъ первымъ лицемъ при великихъ жертвоприношеніяхъ. Думали, что люди, привыкшіе заниматься священными дѣлами, имѣвшіе глубокія свѣдѣнія не только о богахъ, но и о природѣ и человѣкѣ, притомъ недоступные, по своему высокому призванію, обыкновеннымъ страстямъ, были достойнѣе всѣхъ управлять народомъ, судить и наказывать виновныхъ: оттого-то дроттъ Упсалы предсѣдательствовалъ въ судѣ и говорилъ рѣчи на общенародномъ тингѣ. Потомокъ обожаемыхъ героевъ, приведшихъ народъ въ его новое отечество, онъ былъ натуральный вождь народныхъ силъ: такъ. основаніемъ его высокаго авторитета было общее мнѣніе, что онъ верховный жрецъ страны и имѣетъ своими родоначальниками боговъ.

Но на сѣверѣ не могъ установиться гіерархическій образъ правленія: жрецы не составляли тамъ особенной, отдѣльной отъ народа касты. Вліяніе религіи на народъ и государство тѣсно связано съ тѣми отношеніями, въ какихъ находятся къ гражданскому обществу лица, назначенныя для служенія богамъ. Въ Скандинавіи жрецы не составляли особеннаго сословія, подобно магамъ въ древней Персіи и друидамъ въ Галліи: они не отдѣлялись такою недоступною границею отъ остальнаго народа, какъ индѣйскіе брамины и египетскіе жрецы; они не походили и на авгуровъ римскихъ, которые хотя принадлежали къ гражданамъ, но составляли особыя коллегіи. На сѣверѣ лица, приносившія жертвы богамъ, были вмѣстѣ начальниками народа въ мирное время и его полководцами на войнѣ. Друиды сохраняли втайнѣ свое ученіе: сѣверные скальды публично воспѣвали боговъ, ихъ дѣла и судьбы. При такихъ обстоятельствахъ не могла образоваться ни духовная власть, ни гіерархія. Тому препятствовало также воинственное ученіе, служившее основаніемъ законовъ Одена и внушавшее народу духъ героизма. Кромѣ того, все государство имѣло воинское устройство. Даже въ верховныхъ жрецахъ преобладалъ воинственный характеръ: Диггве, осьмой послѣ Одена, промѣнялъ патріархальное имя дротта на болѣе воинственное титло короля, но продолжалъ оставаться стражемъ священнаго олтаря Упсалы.

По смерти Агне, втораго послѣ Диггве упсальскаго короля,

Digitized by Google

королевство раздѣлилось между двумя братьями. Сыновья одного отца имѣли одинаковыя права и вмѣстѣ получали наслѣдство. Было въ обыкновеніи оставлять нераздѣльнымъ наслѣдство и жить вмѣстѣ на отцовскомъ дворѣ: считали особеннымъ уваженіемъ къ памяти добраго отца, если братья жили вмѣстѣ, въ полномъ согласіи, и общими силами умножали имѣніе, скопленное отцовскою заботливостію; впрочемъ, въ случаѣ желанія одного изъ наслѣдниковъ—имѣть свою долю отдѣльно отъ прочихъ, его требованіе уважалось, и тогда происходилъ законный дѣлежъ наслѣдства. У Бургундовъ и Франковъ, соплеменниковъ Скандинавамъ на югѣ, эти равныя права сыновей на наслѣдство имѣли одинаковую силу въ королевскихъ фамиліяхъ и подали поводъ къ столь обыкновеннымъ въ тѣ времена удѣламъ въ королевствахъ и княжествахъ. Однакожь такіе удѣлы не раздробляли королевства: на нихъ смотрѣли, какъ на отдѣльное управленіе страною, королевскими имѣніями и доходами — единственное средство, какое знали тогда для удовлетворенія правъ принцевъ и ихъ приличнаго содержанія. Тоже было и на сѣверѣ. Въ тѣ времена еще не было государственнаго права: все находилось подъ общими гражданскими законами. Оттого-то, во всей Инглинга-сагѣ вступленіе на престолъ новаго короля означается только словами: «сынъ наслѣдовалъ отцу». Это было тѣмъ натуральнѣе, что главная часть королевскихъ доходовъ получалась съ упсальскихъ имѣній, первоначальной собственности вождей изъ рода Инглинговъ, которую они присвоили себѣ при поселеніи въ Свитіодъ и которую умножили ихъ потомки посредствомъ заселенія необитаемыхъ земель Эти имѣнія потому и называются въ сагахъ собственностью короля Свеоновъ. Согласно съ тѣмъ отправлялось и торжество, служившее какъ-бы законнымъ освященіемъ правъ новаго короля на престолъ и замѣнявшее коронованія и присяги нашего времени. Оно называлось наслѣдный пиръ или поминки (Arföl), на который, по приглашенію новаго правителя, собирались всѣ его родственники и своимъ присутствіемъ какъ бы доказывали, что онъ имѣетъ ближайшія права на наслѣдство. Законъ, равносильный для всѣхъ, предписывалъ, чтобы до этого пира никто не вступалъ во владѣніе наслѣдствомъ. Тому же закону подчинялся и король, почитавшійся только первымъ домохозяиномъ въ государствѣ. Такія правила произвели наслѣдственность королевской власти и общее управленіе многихъ лицъ,

Digitized by Google

о которомъ упоминаютъ древніе памятники. Только этими правилами объясняются слова саги, что королевство и королевская власть распространялись въ поколѣніяхъ, по мѣрѣ того, какъ эти послѣднія раздѣлялись на отрасли. Но отъ частыхъ раздѣловъ уменьшались королевскіе доходы и предѣлы населенной земли становились тѣснѣе. Тогда многіе короли стали обработывать большія лѣсистыя страны, селились тамъ, и такимъ образомъ умножали свои области.

Отъ того возникло множество малыхъ королевствъ и королей, упоминаемыхъ въ сагахъ. Эти короли устроивали свой дворъ по образцу двора упсальскаго короля; вокругъ нихъ явились новыя поселенія и новыя государства; сюда стекались желавшіе новыхъ, удобнѣйшихъ жилищъ, искатели службы, почестей и счастія,—однимъ словомъ, всѣ, кого привлекала надежда лучшихъ выгодъ. Съ приращеніемъ народной массы умножалась населенность: въ странахъ дикихъ и невоздѣланныхъ чаще стали появляться дворы и деревни, изъ нихъ поселенія распространялись далѣе, изъ лѣса въ лѣсъ, изъ пустыни въ пустыню; новые герады возникали возлѣ старыхъ. Такъ многія изъ теперешнихъ областей скандинавскаго сѣвера обязаны своимъ происхожденіемъ тому вѣку, когда эти малые короли, подобно другимъ домовладѣльцамъ, старались умножать свои доходы и забывали мечъ для плуга, чтобы собственными силами воздѣлывать пустынную землю.

Эти малые короли имѣли полную королевскую власть, собирали налоги, созывали общій тингъ, вели войну и наслѣдовали свои королевства по прямой линіи отъ отца къ сыну. Всѣ собирались однакожь въ Упсалу на великіе праздники воспоминанія, оживлявшіе въ нихъ ту мысль, что всѣ они суть члены великой семьи, которой верховный глава—король Упсалы. По крайней мѣрѣ такъ было въ собственномъ Свитіодѣ (землѣ Свеоновъ), какъ сказываетъ Инглинга-сага. Но неопредѣленны отношенія Готовъ къ Свитіоду и ихъ зависимость отъ верховнаго короля Упсалы. Въ древнихъ сагахъ они являются какъ независимый народъ, подъ властію особеннаго королевскаго дома; о Готской землѣ упоминаютъ саги въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно даютъ разумѣть, что она не принадлежитъ къ королевству Инглинговъ: изъ этого можемъ заключить, что Готы составляли самобытное государство, вовсе независимое

Digitized by Google

отъ упсальскаго короля. Но въ такомъ случаѣ Готское и Свевское государства представляли-бы примѣръ, единственный въ исторіи: они, совершенно независимыя одно отъ другаго, въ продолженіи 700 лѣтъ существуютъ безъ взаимной зависти, въ согласіи, въ дружбѣ и мирѣ, безъ покушеній со стороны одного—покорить своего сосѣда, и не имѣя другихъ узъ, кромѣ дружбы! Исторія, опытъ, страсть къ завоеваніямъ ясно говорятъ противъ вѣроятности подобныхъ отношеній. Притомъ, самыя саги приводятъ насъ къ другому мнѣнію: онѣ говорятъ, что Оденъ и Гильфе, вмѣстѣ съ своими людьми, состязались въ разныхъ искусствахъ и волшебствѣ, но что Асы всегда оставались побѣдителями. Этотъ обычай Норманновъ символически изображать великія событія подъ формою самыхъ обыкновенныхъ между ними, намекаетъ на верховную власть Одена, утвержденную имъ на сѣверѣ; о Гильфе говорится въ сагахъ, что онъ призналъ свое безсиліе противиться Одену и заключилъ съ нимъ союзъ. Съ прибытіемъ Асовъ, выдававшихъ себя за древнихъ боговъ и принявшихъ ихъ имена, по словамъ сагъ, совершился великій переворотъ на сѣверѣ. Гильфе, верховный жрецъ и правитель Готовъ, исчезаетъ въ сагахъ; напротивъ Свеоны во всѣхъ древнихъ памятникахъ являются господствующимъ народомъ.

Если нельзя открыть никакихъ слѣдовъ несогласій и раздоровъ между Свеонами и Готами, то, конечно, одна религія была причиною столь долговременнаго мира между ними. Оттого, когда съ христіанствомъ явилась новая религія и рушилось основаніе, утверждавшее священную власть упсальскаго короля, тогда разорвались и связи, соединявшія оба народа: Готы болѣе не хотѣли признавать первенства Свеоновъ въ народныхъ дѣлахъ, и между ними возгорѣлась война.—Государства, незначительныя по обширности, между которыми взаимныя нужды сами собою уже вызываютъ постоянный миръ, не столько еще требуютъ участія религіи для прочности своего союза: ея высокое достоинство, ея важность и необходимость являются въ полномъ блескѣ преимущественно тогда, когда союзы заключаются между могущественными народами. Такъ и между Свеонами и Готами основаніемъ союза была религія Одена. Но всякое религіозное законодательство въ древности обнимало и политическую жизнь,—такъ что мѣсто главнаго святилища было

Digitized by Google

резиденціею политической власти. Вотъ почему вожди, жившіе въ Упсалѣ, называются въ сагахъ самодержавными.

Впрочемъ одно титло безъ существенной силы не даетъ власти надъ воинственными людьми, и Готы оставались свободнымъ, непокореннымъ народомъ. Они имѣли своихъ королей древне – Готскаго племени; огромные лѣса отдѣляли ихъ отъ резиденціи верховнаго короля Упсалы, и окруженные воинственными сосѣдями, они, въ опасныхъ случаяхъ, могли полагаться только на свои собственныя силы. Такія обстоятельства дѣлали очень возможнымъ, что Готы были гораздо независимѣе отъ упсальскаго короля, нежели другое главное племя союза, жители собственно Свитіода, гдѣ находилась народная святыня и резиденція верховной власти. Даже и эти послѣдніе, раздѣлившись, въ теченіи времени, на мелкія, независимыя государства, подъ властію особенныхъ королей, больше и больше освобождались отъ политическаго вліянія упсальскаго короля. Наконецъ, эта власть обратилась въ ничтожное титло. Многіе вожди Викингозъ могли селиться въ городахъ упсальскаго короля и заступать его мѣсто: такъ Гаке три года былъ королемъ Упсалы, а Сёльве долгое время владѣлъ Сигтуною.

Возстановленіе древняго авторитета упсальскаго короля было дѣло Ингіальда Илльрады. Онъ былъ виновникомъ того перваго переворота, о которомъ говорятъ древніе памятники. Этотъ сынъ Браут – Анунда и послѣдній упсальскій король изъ поколѣнія Анунговъ имѣлъ высокія понятія о своемъ санѣ: онъ вѣрилъ, что долженъ царствовать съ тою же властію, какою прежде пользовались его предки, дротты, и первые упсальскіе короли. Препятствіе тому онъ видѣлъ въ независимыхъ корояхъ, ограничивавшихъ власть и доходы упсальскаго короля и нарушавшихъ единство правленія. Но безъ насильственыхъ мѣръ нельзя было устранить это препятствіе. Ингіальдъ не могъ однакожь противопоставить королямъ превосходнаго числомъ войска: силы ихъ были одинаковы. Ему оставались средства другаго рода, всего больше сообразныя съ его положеніемъ и характеромъ вѣка. Онъ сдѣлалъ великія приготовленія для наслѣднаго пира или поминокъ по своемъ отцѣ: выстроилъ новую залу нисколько не хуже старой,—и въ ней поставилъ семь троновъ, почему она и получила названіе залы семи королей. По всему Свитіоду разосланы гонцы приглашать на пиръ королей, ярловъ и другихъ знатныхъ людей.

Digitized by Google

Шесть королей явились; седьмой, Граннаръ зюдерманландскій, не пришелъ. Гости введены были въ новую залу: короли заняли приготовленныя имъ мѣста; ихъ вассалы размѣстились на скамьяхъ. Придворные Ингіальда и его воины помѣщены въ старой залѣ. Если «наслѣдный пиръ» собирался по смерти королей и ярловъ, то древій обычай требовалъ, чтобы наслѣдникъ сидѣлъ на скамьѣ предъ пустымъ тропомъ до тѣхъ поръ, пока станутъ подавать «чашу воспоминанія» «Bragafull.» Тогда онъ долженъ былъ вставать передъ чашей, произносить какой-нибудь обѣтъ и пить. Потомъ возводили его на отцовскій тронъ, и онъ становился полнымъ владѣтелемъ наслѣдства. Когда пришло время «чаши воспоминанія», Ингіальдъ всталъ, взялъ большой рогъ съ виномъ, служившій вмѣсто кубка, и произнесъ обѣтъ, что онъ или погибнетъ, или цѣлою половиною увеличитъ свое королевство, со всѣхъ четырехъ сторонъ его; потомъ выпилъ кубокъ. Свой великій обѣтъ онъ выполнилъ въ ту же ночь: онъ велѣлъ зажечь новую залу: въ ней сгорѣли шесть королей и ихъ вассалы, а выбѣжавшіе были изрублены. Потомъ овладѣлъ королевствами погибшихъ.

Побѣдивъ седьмаго короля, Граннара зюдерманландскаго, Ингіальдъ могъ считать себя обладателемъ всего Свитіода. Великія жертвоприношенія въ Упсалѣ еще сохраняли въ народной памяти высокое значеніе упсальскаго короля: оттого-то и Готы, и Свеоны, какъ ни велико было ихъ неудовольствіе на вѣроломный поступокъ Ингіальда съ ихъ королями, однакожъ покорились ему безъ сопротивленія. Но въ ту самую минуту, когда власть его, казалось, утвердилась на прочномъ основаніи, онъ палъ отъ собственной руки, будто повинуясь приговору «мстительнаго рока», какъ выразились бы древнія саги. Не имѣя въ готовности войска, Ингіальдъ, вмѣстѣ съ дочерью, Асою, не уступавшею ему въ свирѣпости, напоилъ до-пьяна своихъ вассаловъ и потомъ зажегъ королевскую залу. Онъ, Аса, спящіе вассалы погибли въ пламени. Съ нимъ пресѣклась царствующая фамилія Инглинговъ.

По пресѣченіи рода Инглинговъ, начались въ ихъ землѣ смятенія и безпокойства. Короли болѣе старались увеличивать власть свою, нежели утвердить, рѣдко жили дома, но постоянно разъѣзжая по морямъ, искали себѣ новыхъ владѣній; подстрекаемые

Digitized by Google

желаніемъ, столь же бозпокойнымъ, какъ и море, по которому плавали, эти короли вовсе пренебрегали дѣлами правленія. Въ ихъ отсутствіе часто являлись изгнанные короли изъ рода Инглинговъ, на нѣкоторое время усиливались въ покинутыхъ королевствахъ; потомъ, или опять изгонялись, или становились королями-данниками законному королю.

Только спустя 200 лѣтъ по смерти Ингіальда, въ половинѣ IX вѣка, мы нѣсколько яснѣе узнаемъ состояніе Скандинавіи. Въ это время малыхъ королей уже нѣтъ: власть надъ герадами находится въ рукахъ лагманновъ, заступившихъ мѣста этихъ королей; ихъ прежнія королевства составляютъ единое союзное государство, котораго верховный глава—упсальскій король. Потомки прежнихъ малыхъ королей встрѣчаются только на морѣ, подъ именемъ «морскихъ королей», безъ земли и владѣній: вдалекѣ отъ отечества ищутъ они приключеній, славы, богатства и власти въ такъ называемыхъ морскихъ походахъ «Виккинговъ.»

Digitized by Google

ОХОТА ЗА КАБАНАМИ, ЗА ЛЬВОМЪ И ЗА БОЛОТНОЙ ДИЧЬЮ.

(Изъ записокъ Жакова Библіофиля объ Африкѣ.)

Алжиръ. 22 марта.

Сегодня мы охотились съ офицерами перваго егерскаго полка за кабанами.

Отправились мы вчера въ линейкѣ, запряженной четвернею красивыхъ лошадей. Кучеромъ былъ у насъ Карайонъ-Латуръ, поручикъ перваго полка. Ночевали мы въ Буфарикѣ, гдѣ ожидала насъ дюжина унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ восторгѣ подраться хоть съ кабанами.

На разсвѣтѣ другаго дня мы, въ числѣ двадцати всадниковъ, были уже въ полѣ.

Арабы должны были отправиться въ болота и выгнать на насъ звѣря. Въ чистомъ же полѣ его должны были перенять наши гончія.

Насъ разставили вокругъ огромнаго болотнаго пространства, заросшаго кустами, и мы, молча, ожидали исхода облавы.

Едва разстановились мы по мѣстамъ, какъ я уже услыхалъ дикій крикъ нашихъ загонщиковъ. Минуту спустя, я увидѣлъ въ дали двѣ огромныя черныя массы, двигавшіяся съ необыкновенною быстротою.

Пустили гончихъ, поскакали охотники.

Я былъ на самомъ концѣ облавы и съ трудомъ догналъ своихъ товарищей. Сначала я даже потерялъ ихъ изъ виду, и только спустя четверть часа увидѣлъ, что капитанъ Видаленкъ несется по оврагу и кричитъ во все горло:

— Онъ раненъ!... раненъ!

Я не слыхалъ ни одного выстрѣла и не могъ понять, какимъ образомъ звѣрь могъ быть раненъ. Но скоро все объяснилось.

Digitized by Google

Впереди капитана между пальмовыми кустами двигалась довольно длинная палка, точно мачта небольшой лодки, несомой волнами. Эта мачта, или лодка, подавалась впередъ очень быстро, но не прямо, а шаталась изъ стороны въ сторону.

Я догналъ капитана, и мы вмѣстѣ въѣхали въ кусты болѣе частые. Здѣсь я уже ясно разсмотрѣлъ красиваго кабана, а между плечъ его пику, всаженную туда капитаномъ. Г. Видаленкъ всегда бьетъ такъ кабановъ и пріобрѣлъ большую извѣстность своею смѣлостію и ловкостію въ нанесеніи этихъ опасныхъ ударовъ.

Скоро подвалили собаки и окружили раненаго звѣря.

Подоспѣвшій арабъ перерѣзалъ ему безъ дальнихъ околичностей горло своимъ коротенькимъ ножемъ.

Кромѣ этого кабана еще двое его собратій достались намъ въ эту охоту. Одинъ былъ убитъ изъ карабина, другаго растянули гончія. Послѣдній пробѣжалъ мимо моей лошади такъ близко, что я выстрѣлилъ въ него изъ пистолета у самой ноги и далъ отличный промахъ.

Я не могу достаточно надивиться арабскимъ лошадямъ, особенно, когда на нихъ ѣду верхомъ. Моя лошадь неслась съ быстротою и легкостію птицы черезъ кусты, черезъ камни и черезъ рвы. Мы проѣхали очень много пространства. Дорогой поднимали пропасть всякой дичи, куропатокъ, перепеловъ, и напугали многихъ шакаловъ.

Въ два дня я пробылъ осьмнадцать часовъ на лошади, но охота доставила мнѣ такъ много удовольствія, что я не чувствовалъ ни малѣйшей усталости.

Возвращеніе наше домой совершилось тѣмъ же самымъ порядкомъ. Убитыхъ кабановъ раздѣлили въ лагерѣ, и егеря 1-го полка скушали ихъ за наше здоровье.

Алжиръ. 4 апрѣля.

Еще разсказъ объ охотѣ. Но такъ какъ я пишу его для охотниковъ, то и не извиняюсь передъ ними въ болтливости. На этотъ разъ дѣло идетъ объ охотѣ за львомъ; но по скромности я предваряю, что какъ звѣрь, такъ и охотники живы и здоровы.

Съ нѣкоторыхъ поръ рабочіе въ Рассаутѣ, находящейся на берегу Гамиза, текущаго у подошвы Атласа и впадающаго близъ

Digitized by Google

мыса Матифу въ море, стали жаловаться на появленіе громаднаго льва и говорили, что это сосѣдство имъ вовсе не по сердцу. Въ горахъ онъ съѣлъ двоихъ туземцевъ и сошелъ наконецъ въ долину, гдѣ присутствіе скота обѣщало ему возможность имѣть болѣе правильные и болѣе разнообразные обѣды и ужины.

На прошлой недѣлѣ солдаты перваго полка видѣли, какъ онъ пожиралъ убитаго имъ кабана. А убилъ онъ его очень просто: расплюснулъ ему голову однимъ ударомъ лапы

Дня три назадъ тотъ же левъ утащилъ осла въ глазахъ колонистовъ и несъ его въ своей пасти такъ же легко, какъ таскаетъ волкъ ягненка или собака зайца. Словомъ, звѣрь напустилъ такой страхъ, что никто не осмѣливается выходить изъ дома безъ провожатаго.

Губернаторъ, узнавши объ этомъ, рѣшилъ, что нужно сдѣлать общую облаву; но желая сколь возможно сдѣлать охоту безопасною и избѣжать отвѣтственности, онъ не позволилъ участвовать въ ней войскамъ регулярнымъ, а поручилъ полковнику 1-го егерскаго полка г. Домасу, завѣдывающему дѣлами арабовъ, предупредить кочевья и пригласить охотниковъ.

Третьяго дня въ цѣломъ Алжирѣ только и было разговора, что объ охотѣ на льва. Многіе любители обѣщали присоединиться къ охотникамъ. Мнѣ самому очень хотѣлось участвовать въ этомъ подвигѣ, но я не иначе рѣшился пуститься какъ въ большой и надежной компаніи. Пока я находился въ нерѣшимости, командиръ дежурнаго корабля далъ мнѣ знать, что онъ возьметъ съ собою десять человѣкъ матросовъ и вооружитъ ихъ пиками и карабинами, и что кромѣ этого съ нимъ будутъ многіе его пріятели, что̀ составитъ человѣкъ двадцать стрѣлковъ. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ онъ приглашалъ меня на охоту.

Было рѣшено, что стрѣлки станутъ позади людей, вооруженныхъ пиками. Эта мѣра предосторожности заставила меня рѣшиться, и я сталъ готовиться.

Къ кочевью на Гамизѣ начали съѣзжаться охотники верхами и въ экипажахъ. У насъ были двѣ повозки, въ одной помѣщались стрѣлки, въ другой матросы; удалой видъ послѣднихъ ободрялъ насъ на случай опасности.

Digitized by Google

Уже мы готовы были тронуться съ мѣста, какъ адмиралъ прислалъ сказать командиру корабля, что онъ не позволяетъ брать на охоту матросовъ, и что, если губернаторъ разсудилъ неудобнымъ рисковать войсками сухопутными, то и онъ не желаетъ подвергать опасности моряковъ.

Это приказаніе страшно насъ переконфузило.

Мы отпустили матросовъ, которые остались весьма недовольны, а за ними сошли съ повозки трое изъ охотниковъ, вѣроятно сильно разсчитывавшіе на помощь пикъ. Эти охотники нашли разные предлоги, чтобы возвратиться домой.

Мы взяли съ собою пять пикъ и отправились.

Дорогой намъ попадались толпы арабовъ и офицеровъ, но всѣ были верхами, что̀ означало, что они ненамѣрены охотиться пѣшкомъ. Сколько ни ѣхали, нашего полку не прибывало, и насъ это очень досадовало.

Когда мы подъѣхали къ палаткамъ кочевья, къ намъ подошелъ одинъ изъ спаговъ и доложилъ, что полковникъ Домасъ ожидаетъ насъ въ нарочно-устроенной палаткѣ.

Мы съ радостію приняли это предложеніе, потому что до этого разсчитывали ночевать подъ открытымъ небомъ.

Арабы приняли насъ съ своимъ обычнымъ хлѣбосольствомъ. Одинъ изъ Каидовъ очистилъ свою палатку и объявилъ, что она принадлежитъ намъ. За этимъ велѣлъ внести два огромныя деревянныя блюда; на одномъ изъ нихъ была цѣлая половина зажаренаго барана, на другомъ цѣлая гора кускусу, туземнаго кушанья, состоящаго изъ небольшихъ шариковъ тѣста съ виноградомъ, вареной бараниной и молокомъ. Я попробовалъ этого кушанья, чтобы не обидѣть Каида, но признаюсь, оно мнѣ пришлось не по вкусу; да и не очень понравилось мнѣ то, что его надо ѣсть просто руками. Конечно мнѣ пришлось ѣсть руками и жареную баранину; но все какъ-то это сноснѣе.

Послѣ ѣды,—а это было часовъ въ восемь вечера, — общество собралось вокругъ огней, и стали пить кофе и курить.

Въ девять часовъ полковникъ Домасъ собралъ старѣйшинъ разныхъ племенъ и усадилъ ихъ вокругъ большаго костра. Необходимо было условиться на счетъ завтрашняго дня и рѣшить, какъ и гдѣ сдѣлать на льва нападеніе.

Digitized by Google

Г. Домасъ говоритъ прекрасно по-арабски и переводилъ намъ замѣчанія и отвѣты туземцевъ.

Въ этомъ кружкѣ, составленномъ изъ старшинъ арабскихъ, и окруженномъ толпою туземцевъ, просовывавшихъ съ любопытствомъ головы, было что-то величественное и торжественное. Офицеры, охотники въ разнообразныхъ костюмахъ довершали картину, освѣщенную съ одной стороны багровымъ свѣтомъ костра, а съ другой блѣдными лучами луны.

Я не стану надоѣдать читателю повтореніемъ тысячи мелкихъ вопросовъ, сдѣланныхъ нами арабамъ, и ихъ отвѣтовъ. Большая часть совѣтниковъ была въ томъ убѣжденіи, что въ открытомъ мѣстѣ левъ опаснѣе, чѣмъ въ горахъ.

Одинъ изъ нихъ видѣлъ льва наканунѣ, и когда его спросили, гдѣ, полагаетъ онъ, можно встрѣтить звѣря, то онъ отвѣчалъ:

— Левъ то здѣсь, то тамъ; никто не знаетъ, гдѣ онъ.

Другаго спросили, гдѣ, по его мнѣнію, расположить стрѣлковъ; онъ значительно посмотрѣлъ на малое число пѣшаго народа и сказалъ:

— Я никогда не трачу словъ даромъ. Когда у тебя будутъ стрѣлки, я тебѣ скажу, что съ ними дѣлать!

Третьяго спросилъ г. Домасъ, полагаетъ ли онъ, что можно убить льва не рискуя жизнію человѣка.

Онъ отвѣчалъ:

— Левъ тѣмъ менѣе ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, чѣмъ болѣе для него опасность. Я живу въ горахъ, гдѣ женщины преслѣдуютъ льва съ палками, когда онъ утащитъ скотину изъ ихъ стада, и добиваются того, что звѣрь бросаетъ добычу. Но здѣсь левъ увидитъ себя окруженнымъ всадниками, онъ свернется какъ кошка, выждетъ удобную минуту и однимъ прыжкомъ достигнетъ своей жертвы. Его можно будетъ стрѣлять только на трупѣ человѣка, и, если не убьютъ его, онъ отправится не спѣша. Во всякомъ случаѣ добрый конь скачетъ шибче его, и звѣря можно всегда догнать.

Эти справки заставили насъ призадуматься.

Пока мы продолжали разсуждать, одинъ изъ туземцевъ пришелъ къ намъ и объявилъ, что одинъ изъ его товарищей видѣлъ льва въ тотъ же вечеръ, что онъ стрѣлялъ по немъ, но вѣроятно не попалъ.

Digitized by Google

Вслѣдствіе этого было рѣшено сдѣлать нападеніе на льва на другой день въ пять часовъ утра, между водяною крѣпостію и квадратною фермою не далѣе одной мили отъ того мѣста, гдѣ мы находились. Мы разошлись, и всякой старался о томъ, какъ бы спокойнѣе провести ночь.

Палатки были рѣдки.

Насъ помѣстили въ той, которую уступилъ намъ каидъ, но я никакъ не могъ протянуть въ ней ногъ. Я старался уснуть, но старанія мои оказались напрасными.

Шакалы испускали неистовые крики, а собаки кочевья вторили имъ своимъ лаемъ; лошади, привязанныя къ палаткамъ, ржали и бились; арабы болтали какъ сороки. Я помирился наконецъ съ своимъ положеніемъ, всталъ, закурилъ сигару и пошелъ гулять.

Я потерялъ немного.

Никогда не забуду я чудной ночи, проведенной въ этомъ кочевьѣ. Кое-гдѣ виднѣлись гаснувшіе костры, а съ ними блѣдные лучи луны достаточно освѣщали окрестность. Арабы, завернутые въ свои широкіе бурнусы, лежали у ногъ коней своихъ. Нѣкоторые курили молча трубки у погасающихъ костровъ. Другіе собрались вокругъ палатки каида Бени-мусса, красиваго молодаго человѣка, блѣдной и задумчивой наружности, который, лежа на турецкомъ коврѣ, равнодушно проигрывалъ золотыя и серебряныя монеты друзьямъ своимъ.

По временамъ пріѣзжали всадники изъ сосѣднихъ кочевьевъ, втыкали колъ, привязывали къ нему свою лошадь и ложились у ногъ ея.

Изъ Алжира пріѣзжали тоже любители.... но только одна повозка привезла пять человѣкъ въ подкрѣпленіе пѣшимъ стрѣлкамъ. По странному случаю эта повозка принадлежала гг. Франлье и съ ними былъ г. де-Босъ, двоюродный братъ жены моей. Мы оба были очень удивлены, что намъ пришлось въ первый разъ встрѣтиться въ Африкѣ и на охотѣ за львомъ.

Спали не многіе. Часа въ два утра встали болѣе ретивые и подняли остальныхъ. Скоро всѣ были на ногахъ и помѣстились вокругъ огня пить кофе, въ которомъ не было недостатка.

Первою заботою настоящихъ охотниковъ было высушить свое оружіе, потому что ночью роса была такъ обильна, что дотронув-

Digitized by Google

нись до моей фуражки, я подумалъ, что какъ-нибудь уронилъ ее въ воду.

Въ три часа вернулись всадники, отправлявшіеся въ Рассату, и было рѣшено, что черезъ часъ будетъ общій подъемъ.

Надо было счесть народъ, чтобы устроить планъ атаки.

Оказалось около двухъ-сотъ всадниковъ, считая тутъ и Европейцевъ; а насъ, пѣшихъ стрѣлковъ, было только двадцать четыре человѣка.

Г. Домасъ казался очень недовольнымъ; онъ разсчитывалъ на большое число людей, особенно пѣшихъ, потому что они только могли проникнуть въ чащобы, гдѣ обыкновенно держится левъ. Онъ послалъ сейчасъ же въ квадратную ферму потребовать отрядъ стрѣлковъ и назначилъ мѣсто, куда придти имъ.

Наконецъ мы тронулись.

Одинъ изъ нашихъ друзей, командиръ де-Ну, думалъ сначала присоединиться къ нашему стрѣлковому взводу; но когда увидалъ, что насъ очень мало, то совѣтовалъ и мнѣ сѣсть на лошадь. Но у него была лошадь, а у меня ея не было. При-томъ же со мной былъ Кодрози: онъ вовсе не былъ охотникомъ и пріѣхалъ по моимъ убѣжденіямъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ хоть разъ въ жизни побывалъ на охотѣ за львомъ. Оставить его я не могъ. Де-Ну пожалъ мнѣ руку, посовѣтовалъ быть осторожнымъ и уѣхалъ вмѣстѣ со всадниками.

Когда весь нашъ отрядъ пѣшихъ стрѣлковъ былъ собранъ, то я объявилъ во всеуслышаніе, что не намѣренъ быть загонщикомъ или выслѣдчикомъ, какъ думали употребить насъ распорядители охоты, и совѣтовалъ не раздѣляясь занять одну позицію.

Предложеніе мое было принято единодушно.

Никто изъ насъ не чувствовалъ въ себѣ особеннаго желанія послужить завтракомъ льву, который скорѣе бросается на пѣшаго, ни сдѣлаться посмѣшищемъ для арабовъ, которые очень не скоро рѣшаются на борьбу съ этимъ звѣремъ.

Не разразниваясь, мы прошли довольно большое пространство. Взойдя на одну возвышенность, мы могли окинуть глазомъ всю равнину, гдѣ думали мы подступить къ лютому животному.

Вся равнина заросла лѣсомъ и кустарникомъ всевозможныхъ породъ. Мѣстами эти деревья и кусты такъ были часты и такъ

Digitized by Google

переплелись между собою, что едва можно было разглядѣть бѣлые бурнусы, слѣдовавшіе тихо одинъ за другимъ.

Пришли и стрѣлки изъ квадратной фермы; но когда имъ сказали, что ихъ хотятъ посылать въ такія трущобы, куда нельзя проѣхать на лошади, они разбѣжались и ничто не могло остановить ихъ.

Въ это время два араба, шедшіе впередъ, подозвали насъ и показали намъ только что убитаго кабана и вполовину съѣденнаго. Земля вокругъ была истоптана и слѣды лапъ льва отпечатаны такъ же ясно, какъ это бываетъ съ слѣдами зайца по порошѣ. По этимъ слѣдамъ, попадавшимся намъ еще нѣсколько разъ въ продолженіе охоты, мы видѣли, что имѣемъ дѣло со львомъ большаго размѣра.

Послѣ недолгихъ переговоровъ было рѣшено, что надо проникнуть сейчасъ же въ ближайшую чащу.

Полковникъ Домасъ отдавалъ приказанія, разставлялъ людей; но, видя наше небольшое число, не рѣшался предложить намъ идти въ кустарники.

Пока онъ раздумывалъ, раздалось страшное рыканіе и за нимъ послѣдовала глубокая тишина.

Всѣ какъ-будто онѣмѣли, смотрѣли съ ужасомъ другъ на друга и не смѣли шевельнуться.

Лошади дрожали подъ всадниками, а собаки, опустивъ хвосты, въ страхѣ прятались за нами.

Когда миновала минута неожиданнаго испуга, всѣ переглянулись болѣе спокойно, и каждый, казалось, говорилъ:

— Левъ здѣсь.

Сомнѣваться было нечего. Но какъ проникнуть въ эту чащу на лошадяхъ?... И пѣшіе могли пробраться туда съ трудомъ. Никакія убѣжденія и угрозы полковника Домаса не могли принудить арабовъ и нѣсколькихъ тузсиныхъ стрѣлковъ податься впередъ.

Разбѣшенный при видѣ ихъ трусости, полковникъ поступилъ молодцемъ; но къ-несчастію примѣръ его увлекъ только двоихъ начальниковъ арабовъ; а насъ заставилъ забыть наши мѣры предосторожности.

Онъ сошелъ съ лошади, взялъ карабинъ и сказалъ намъ:

Digitized by Google

— Господа!... Левъ здѣсь, это ясно; но добраться до него можно только пѣшкомъ. Сколько васъ?

— Семнадцать. Остальные поотставали дорогой.

— Ну, пусть восемь человѣкъ идетъ со мною, а девять составятъ второй взводъ. Мы сдѣлаемъ такимъ образомъ два обхода въ чащѣ. Пусть всадники окружатъ чащу, и, если левъ на нихъ выйдетъ, они сдѣлаютъ свое дѣло.

Надо отдать намъ честь, минуты нерѣшимости почти не было. Признаюсь, что мнѣ вовсе не хотѣлось быть растерзаннымъ; но когда я увидѣлъ, что полковникъ подаетъ такой благородный примѣръ, тогда какъ въ качествѣ начальника охоты онъ легко могъ остаться на лошади, я нисколько не задумался, и мы вошли или лучше исчезли въ чащѣ.

На первыхъ порахъ сучья, корни и трава такъ запутали намъ ноги, что если бы господинъ левъ предсталъ предъ насъ, то конечно никто бы не выстрѣлилъ.

Мы шли гуськомъ другъ за другомъ и старались какъ можно менѣе шумѣть, чтобы не разбудить уснувшей кошки.

Бѣдный Кодрози, котораго я затянулъ на эту охоту, насилу вытаскивалъ свои длинныя ноги, пыхтѣлъ подъ ношею ружья и говорилъ мнѣ тономъ упрека, попадавшаго мнѣ прямо въ сердце:

— А! другъ мой, зачѣмъ вы меня сюда затащили?

— Ничего, смѣлѣе, отвѣчалъ я ему; повѣрьте, что если суждено кому изъ насъ быть съѣдену, такъ это ни мнѣ, ни вамъ.

И я показалъ ему пальцемъ на одного несчастнаго нашего товарища, толщина котораго лишала его возможности двигаться, и который конечно долженъ былъ показаться льву вкуснѣе насъ.

Нѣсколько разъ нападали мы на слѣдъ льва; было очевидно, что штабъ-квартира его въ нашемъ сосѣдствѣ.

Въ эти минуты мы удвоивали осторожность, и, кажется, готовы были идти на цыпочкахъ.

Наконецъ-то вышли мы изъ чащи, а вслѣдъ за нами вышелъ и полковникъ съ товарищами.

Когда всадники расположились какъ слѣдуетъ, мы отправились на вторичный поискъ.

Мы не сдѣлали и двухъ-сотъ шаговъ, какъ на опушкѣ раздались выстрѣлы. Оказалось, что арабы выстрѣлили по гіеннѣ, дали

Digitized by Google

промахъ, и она бросилась въ ту часть лѣса, по которой мы шли. Признаюсь, она меня вовсе не испугала. Ощущеніе, которое овладѣло мною при началѣ поисковъ, было слишкомъ сильно, чтобы прибавиться появленіемъ гіены или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

Второй поискъ, благодаря Бога,—и я говорю это не краснѣя,—кончился какъ и первый.

Мы измучились до крайности. Г. Домасъ сѣлъ на лошадь, приглашая насъ слѣдовать за всадниками.

Пройденную нами дорогу можно назвать чисто адскою; на пути намъ попадались не разъ свѣжіе слѣды отыскиваемаго нами звѣря. Впрочемъ мы были всѣ увѣрены, хотя и не сообщали этого другъ другу, что левъ остался въ той чащѣ, гдѣ мы дѣлали первые поиски. Если бы мы прошли отъ него въ двадцати шагахъ, онъ и тогда бы не тронулся. Чтобы поднять его, надо было человѣкъ двѣсти нѣмаго народа, а насъ было только осьмнадцать.

Къ полудню усталость и нетерпѣніе дошли до крайности. Я предложилъ товарищамъ вернуться домой, и никто мнѣ не противорѣчилъ.

Дорогой мы видѣли, какъ всадники стрѣляли и нападали на какого-то звѣря. Послѣ мы узнали, что убили двухъ кабановъ.

Оставивъ въ лѣсу кавалерію, мы вернулись къ палаткамъ, гдѣ ожидала насъ вкусная провизія. Всадники пріѣхали часа черезъ два съ гіенной и двумя кабанами.

Въ четыре часа мы ѣхали уже назадъ въ Алжиръ, очень довольные исходомъ охоты, потому что, еслибъ пришлось встрѣтить льва, не обошлось бы безъ несчастія, и конечно жертвою звѣря былъ бы кто-нибудь изъ насъ, потому что арабы не очень суются къ головастому животному.

Что касается до меня, то я былъ доволенъ совершенно. Я имѣлъ достаточно тревожныхъ ощущеній. Увѣренный, что нашъ взводъ или взводъ полковника побудитъ льва, я не могъ спокойно думать о послѣдствіяхъ этого побужденія. Словомъ—охота за львомъ для меня кончена; а если я когда и отправлюсь на нее, то верхомъ и въ качествѣ любителя. Вмѣсто оружія со мною будетъ зрительная трубка.

Де-Ну былъ и верхомъ, а перечувствовалъ побольше моего, хотя храбрость этого офицера извѣстна всѣмъ. Видя безуспѣшность

Digitized by Google

нашего втораго поиска, онъ толкнулъ свою лошадь на нѣсколько шаговъ въ чащу. Но едва въѣхалъ онъ въ кусты, какъ лошадь его взвилась на дыбы и грива ея ощетинилась. Отрывистый глухой ревъ послышался за кустомъ, и огромное животное красноружаго цвѣта стало подыматься на ноги.

Де-Ну не могъ дать себѣ вдругъ отчета въ этомъ явленіи, повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ, увѣренный, что его преслѣдуетъ чудовище. Выѣхавъ изъ чащи, онъ остановился и увидѣлъ, что его напугалъ бѣдный верблюдъ, заревѣвшій вѣроятно потому, что его обезпокоили. Но де-Ну увѣрялъ меня, что онъ никогда не пугался до такой степени.

Впрочемъ, кромѣ раны въ лобъ ложей пистолета, полученной однимъ офицеромъ при выстрѣлѣ и отдачѣ давно заряженнаго оружія и паденія съ лошади одного любителя, который раскроилъ себѣ голову, другихъ несчастій не приключилось. Я надѣюсь, что послѣдній останется живъ, и наша львиная охота окончится совершенно невинно.

Октября 22.

Я все еще въ Алжирѣ, и право не жалуюсь на судьбу свою. Я боюсь какъ огня Орана, и по возможности отлагаю поѣздку въ это новое мѣсто моего назначенія.

Работаю я весьма прилежно и добросовѣстно. Еще никогда не было сдѣлано такого подробнаго донесенія о лѣсахъ Алжира, какъ то, которое лежитъ у меня на столѣ; и вѣроятно бѣдные смотрители лѣсовъ не подвергались такимъ строгимъ преслѣдованіямъ, какимъ подвергаю ихъ я.

Время благопріятствуетъ моимъ разъѣздамъ. Солнце палитъ не такъ сильно, а небо самаго яркаго голубаго цвѣта; на всемъ горизонтѣ ни одного облачка.

Невозможно, чтобы душа не сочувствовала этой ясности неба, и потому я нисколько не удивляюсь, что сплинъ и меланхолія развились въ туманномъ климатѣ Шотландіи и Англіи, жилищахъ бардовъ и утокъ.

Впрочемъ, если здѣсь нѣтъ бардовъ, то довольно утокъ и болотныхъ птицъ всякой породы.

Недавно сказали мнѣ, что безчисленныя стада бекасовъ поселились въ Метиджѣ. Охота въ болотѣ имѣетъ свою особенную пре-

Digitized by Google

лесть, которая всегда увлекаетъ меня. Я сговорился съ тремя городскими охотниками. и мы условились о полеваніи.

Одинъ господинъ, пріѣхавшій въ Алжиръ очень недавно и занимающій тамъ довольно видное мѣсто въ администраціи, авторъ книги объ охотѣ съ борзыми, просилъ у насъ позволенія присоединиться къ нашему обществу.

Не только борзая, но и всѣ прочія охоты были, по словамъ его, ему извѣстны. Подвиги его были многочисленны, ловкость его вошла въ пословицу, а хладнокровіе въ опасности считалось его неотъемлемымъ качествомъ.

Мы были очень рады сообществу такой знаменитости.

Такъ какъ мы отправлялись въ болота Метиджи за Хаджель-бей, то надо было выѣхать рано, и мы условились выѣхать въ первомъ часу утра.

Въ назначенный день мы усѣлись на лавочки кареты и сейчасъ же всѣ заснули.

Около трехъ часовъ утра мы переѣхали бродъ у Константины и очутились въ серединѣ Метиджи. Тишину этой обширной пустыни нарушали только мѣрный звукъ колокольчиковъ нашихъ лошадей и періодическіе возгласы нашего возницы.

Вдругъ сильный толчокъ отбросилъ насъ въ правую сторону, потомъ въ лѣвую, и мы, попадавши другъ на друга, проснулись.

Вокругъ насъ раздавались крики, стоны и какой-то ревъ.

Нашъ экипажъ лежалъ на боку и конечно не двигался. Насилу освободились мы отъ нашихъ ружей и ягдташей, вытащили ноги изъ-подъ собакъ и добрались до окошка Здѣсь увидѣли мы какія-то движущіяся фантастическія фигуры, число ихъ безпрестанно увеличивалось, и мы долго не могли понять, что̀ вокругъ насъ происходитъ.

Наконецъ кое-какъ освободились мы изъ нашего заключенія и выкарабкались вонъ изъ экипажа. Тутъ только разглядѣли мы, что попали въ середину каравана, состоявшаго изъ верблюдовъ, ословъ и муловъ. Арабы гнали ихъ въ городъ.

Былъ день торга, и бѣдныя животныя были нагружены всевозможными припасами, которые подгородные арабы возятъ обыкновенно продавать въ Алжиръ.

*

Digitized by Google

Передовой верблюдъ попалъ въ колесо нашего экипажа, другой, нагруженный курами, полетѣлъ кверху ногами; за этимъ послѣдовалъ въ цѣломъ караванѣ страшный шумъ и смятеніе, темнота увеличивала безпорядокъ вдвое.

Арабы бѣгали за курами, поднимали мѣшки, били палками испуганныхъ животныхъ; женщины и дѣти, бывшія позади каравана, подумали, что на нихъ напали разбойники, и кричали во все горло.

Кучеръ нашъ тоже кричалъ и отмахивался отъ троихъ арабовъ, разсерженныхъ до бѣшенства. Уже большая толпа окружила насъ съ угрозами, и дѣло могло кончиться худо. По счастію одинъ изъ нашихъ товарищей зналъ хорошо по-арабски и вступилъ съ арабами въ переговоры.

Мы сами помогли имъ поднять двухъ упавшихъ верблюдовъ, и тишина, или лучше порядокъ, водворились въ караванѣ.

Мы пропустили людей и животныхъ мимо себя. Людей было человѣкъ сотъ шесть, и это заставило насъ подумать, что мирные переговоры никогда не лишніе. По уходѣ каравана мы подняли экипажъ нашъ и поѣхали маленькой рысью къ Хаджель-бею.

Солнце бросило первые лучи изъ-за вершинъ Атласа, и скоро сдѣлались намъ видимы всѣ окружающіе насъ предметы. Мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы возстановить порядокъ въ нашей кладѣ, разстроенной при паденіи.

Оказалось, что все было цѣло, и оригинальный эпизодъ поѣздки доставилъ намъ поводъ къ продолжительному смѣху. Вдругъ замѣтили мы, что у насъ недоставало товарища. Новаго знакомца нашего не было въ экипажѣ.

Мы остановились, вышли, стали кликать,—никакого отвѣта.

Нами стало овладѣвать невольное безпокойство. Что съ нимъ сдѣлалось? гдѣ онъ? Не ушибся ли при паденіи? Не заблудился ли въ темнотѣ? Или, какъ новый Паладинъ, не вздумалъ ли онъ бороться одинъ съ толпою невѣрныхъ и не захваченъ ли ими въ полонъ?

Мы рѣшительно не знали на что подумать.

Во всякомъ случаѣ ѣхать далѣе, не употребивши всѣхъ средствъ къ его отысканію, было невозможно, и мы велѣли кучеру ждать насъ, а сами пошли назадъ, стараясь гдѣ-нибудь отрыть пропавшаго.

Digitized by Google

Когда мы вернулись на то мѣсто, гдѣ происходила сумятица, то увидѣли въ лѣвой сторонѣ, между кустами кактуса и алое, человѣка, въ которомъ скоро узнали нашего товарища.

Онъ шелъ какъ человѣкъ послѣ какой-нибудь болѣзни.

— Куда вы пропали? стали мы кричать ему. Что, вы больны или ушибены? Что съ вами случилось?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ намъ, сконфуженный; я не видалъ, какъ вы тронулись съ мѣста, и, боясь заблудиться въ темнотѣ, ждалъ разсвѣта, чтобы разглядѣть дорогу.

Это объясненіе показалось намъ такъ страннымъ, что мы всѣ замолчали, и, переглянувшись съ усмѣшкою, отправились къ нашему экипажу.

Черезъ часъ мы были на мѣстѣ.

Экипажъ былъ отправленъ въ Хаджель-бей, а двое арабовъ съ фермы, взятые нами въ проводники, ввели насъ въ болота. Росшіе тамъ кустарники были мѣстами на два метра выше человѣческой головы.

Какая пальба!

Бекасы вскакивали у насъ изъ-подъ ногъ, направо, налѣво, спереди, сзади. Выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ почти безъ перерыва, охота шла на славу.

Когда охотники проникли далѣе въ болото, гдѣ кусты становились все чаще и чаще, выстрѣлы сдѣлались, разумѣется, рѣже. Нужно было одною рукою прокладывать себѣ дорогу и безпрестанно смотрѣть подъ ноги, чтобы не завязнуть Я долженъ признаться, что, не смотря на всю мою привычку къ болотной охотѣ и къ путешествію по этой зыбкой почвѣ, я пропустилъ многихъ бекасовъ безъ выстрѣла, хотя они и поднимались очень близко.

Не безъ труда и не разъ погрязнувъ выше колѣнъ, добрался я до небольшаго островка. Отеръ потъ съ лица и сталъ оглядываться вокругъ, чтобы выбрать себѣ дорогу, какъ вдругъ услышалъ шагахъ въ пятидесяти отъ себя два выстрѣла, а за нимъ крики:

— Пантера! пантера!

Въ одну секунду схватилъ я въ карманѣ пулю, опустилъ ее въ стволъ и затаилъ дыханье, какъ это обыкновенно бываетъ на облавѣ, когда слышишь, что недалеко отъ тебя трещатъ сучья, и ожидаешь появленія звѣря.

Digitized by Google

Я въ самомъ дѣлѣ слышалъ трескъ сучьевъ, видѣлъ, какъ шевелились верхушки кустарниковъ, и наконецъ, какъ пронесся межь ними звѣрь. Онъ мелькнулъ такъ быстро, что я не успѣлъ приложиться. Мой выстрѣлъ заставилъ однако же пантеру обернуться, и она, взглянувъ на меня, вѣроятно, съ презрѣніемъ, однимъ прыжкомъ скрылась съ глазъ моихъ.

Я подозвалъ товарищей, которымъ было очень любопытно узнать результатъ нашихъ пяти выстрѣловъ.

— Она ранена! кричалъ одинъ.

— Надо ее преслѣдовать, говорилъ другой.

— Куда она побѣжала?

— Сюда, туда.

Всѣ мы были очень взволнованы и не могли образумиться.

Я предложилъ прежде всего выйдти изъ топи, чтобы можно было разсуждать на свободѣ.

Едва перешли мы топкое мѣсто, какъ услышали чьи-то крики и стоны. Мы стали прислушиваться и пошли къ тому мѣсту, откуда раздавались жалобы.

Съ трудомъ пробирались мы межь кустами и пришли къ мѣсту, гдѣ болото хотя подернулось зеленымъ мхомъ, но было такъ зыбко, что опасно было идти по немъ.

Охотникъ, привыкшій къ болотамъ, знаетъ эти предательскія зыби, которыя всегда раздаются подъ его ногою. Мы хотѣли уже вернуться назадъ, какъ услыхали голосъ изъ середины топи.

Скоро разглядѣли мы, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ раздвигается трава и подъ нею вытягивается черная рука, которую мы сочли принадлежащею негру. При второмъ крикѣ мы узнали голосъ нашего несчастнаго товарища. Это былъ нашъ новый Немврод.

Надо было поторопиться освободить его, потому что чѣмъ болѣе усиливался онъ выйдти изъ тины, тѣмъ болѣе уходилъ въ нее.

Мы закричали ему, чтобы онъ не трогался и раздвинулъ руки, вмѣсто того, чтобы держать ихъ надъ головою подобно пловцу, который испытываетъ глубину рѣки.

Сейчасъ же наломали мы кустарнику, вѣтвей, травы, разбросали ихъ наподобіе мостика, взяли другъ друга за руки, и держась такимъ образомъ, дошли до утопающаго. Мы пришли во время.

Digitized by Google

Несчастный ушелъ уже въ тину по грудь. Когда мы его вытащили и положили на траву, то никто не могъ удержаться отъ хохота при видѣ странной обертки, его покрывавшей.

Онъ принужденъ былъ взять вторую ванну, только уже въ чистой водѣ ручья.

Послѣ этого подвига, мы выбрались на болѣе твердую почву и увидѣли, что мы почти на краю Метиджи, у западней подошвы Атласа.

Пантера должна была бѣжать этимъ же путемъ въ горы.

Мы могли бы отправиться въ ближайшую разсѣлину, гдѣ вѣроятно она нашла себѣ убѣжище; но насъ остановила мысль, что тутъ же вблизи живутъ наши друзья кабилы. Вдали виднѣлись уже ихъ сады и домики.

Вслѣдствіе этого, и вѣроятно къ великому прискорбію нашего новаго знакомца, было рѣшено вернуться назадъ. На обратномъ пути мы старались обходить топкія мѣста и застрѣлили еще нѣсколько бекасовъ.

Передъ фермою подняли мы куропатокъ, и шесть штукъ изъ нихъ попали въ наши сумы, которыя были помѣщены на плечи арабамъ, и красовались своей почтительной полнотою.

Съ сигарами во рту и съ ружьями черезъ плечо шли мы, вспоминая дневныя похожденія. Арабы отправились впередъ, чтобы приготовить экипажъ, усталыя собаки шли по узенькой дорожкѣ у ногъ нашихъ.

Вдругъ шагахъ въ сорока впереди насъ увидѣли мы черную массу, пробѣжавшую черезъ тропинку. День вечерѣлъ, и мы не могли хорошенько разсмотрѣть ее.

Это заяцъ! это шакалъ!... раздались у насъ восклицанія, и каждый думалъ, что разсмотрѣлъ и угадалъ лучше другаго.

Мы прибавили шагу и повели собакъ на слѣдъ.

Собаки сейчасъ же прихватили и привели насъ къ норѣ. Какой звѣрь тамъ скрылся, намъ было неизвѣстно, но мы рѣшились привести это въ ясность.

Собаки нюхали и рыли нору, мы совали туда палки; но нора шла уступомъ, и надо было придумать другое средство. Конечно можно было звѣря выкурить дымомъ, но мы были подлѣ поля пшеницы и рисковали зажечь его.

Digitized by Google

Въ это время подошелъ къ намъ одинъ изъ арабовъ съ извѣстіемъ, что экипажъ нашъ готовъ, а я предложилъ послать его на ферму за заступомъ и за лопатой.

Онъ скоро вернулся съ этимъ оружіемъ и съ товарищемъ; мы отозвали собакъ и начали рыть.

Когда дыра сдѣлалась пошире, мы пустили въ нее одну собаку. Она туда бросилась, но сейчасъ же выскочила назадъ съ визгомъ, и морда ея оказалась вся въ крови. Въ то же время услыхали мы въ норѣ шумъ, похожій на оборотъ колеса.

Наши старанія добраться до звѣря еще болѣе усилились желаніемъ отмстить за раненую собаку. Скоро они увѣнчались успѣхомъ

Нора разрыта до основанія, и звѣрь явился наружѣ. Сначала онъ намъ показался величиною съ зайца; но сейчасъ же надулся и покрылся цѣлымъ лѣсомъ острыхъ иголокъ.

Тутъ мы поняли, что это было нечто иное, какъ ёжъ и ёжъ разсвирѣпѣвшій.

Сцена произошла презабавная.

Арабы испускали дикіе и радостные крики, собаки, получавшія раны при каждомъ нападеніи, выли и лаяли, иглы звѣря поднимались и опускались съ шумомъ особаго рода. Мы были въ нерѣшимости, какъ окончить эту охоту, спорили другъ съ другомъ, и вся эта комедія ужасно забавляла меня.

Но надо жь было чѣмъ-нибудь кончить. Собаки были всѣ въ крови и могли наколоть себѣ глаза. Я взялъ ружье и постарался прицѣлиться въ голову звѣрка, чтобы не испортить его оригинальной брони. Дѣло было не легкое, но, когда я выстрѣлилъ, иглы опустились одна за другой, и жертва наша могла быть легко поднята и съ торжествомъ отнесена въ экипажъ.

Мы пріѣхали въ Алжиръ часамъ къ десяти. Мнѣ будетъ долго памятенъ этотъ день охоты, полный самыхъ пріятныхъ ощущеній.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Что новаго въ свѣтѣ? — одни утраты. Смерть шведскаго скульптора Фогельсберга, его жизнь и произведенія. Потеря въ мірѣ литературномъ — смерть г-жи Жирарденъ. Честолюбіе ребенка, талантливость дѣвушки и значеніе женщины. Значеніе супруги журналиста. Новости заграничной литературы. Письма маршала Сентъ-Арно. Комедія свѣта, господъ Ессары. Новое произведеніе г-жи Меланіи Вальморъ. Серафина—уроки среди цвѣтовъ, соч. г-жи Дерень. Основаніе садовой и полевой флоры, Девеня. Римскій міръ—Вакханаліи,—Артура Пойроя. Театральныя новости: новыя піесы: *Погибель у себя въ домѣ*, комедія Октава Фелье; *Медея*, трагедія Ипполита Люка; *Бракъ Олимпіи*, драма Ожье. Возвращеніе старой знакомки въ старый свѣтъ. Законъ о пенсіи стариковъ. Самоубійство въ гошпиталѣ. Богатство бѣлья у художника. Непріятность случившаяся, вслѣдствіе посвященія парижскихъ гешеть, съ мистеромъ Кикстономъ, членомъ общества воздержанія. Клубъ чудаковъ въ Лондонѣ. Неохотникъ убивать людей. Неподвижной мостъ черезъ Беринговъ проливъ. Отвѣтъ актрисы. Букетъ актрисы. Предсказаніе композитора о болѣзни танцовщицы. За что Клаписсонъ избранъ въ члены Парижской Академіи Художествъ. Физіогномія парижской улицы и парижскаго флянера. Женщина брадобрѣй. Мелочныя лавочки послѣдняго разбору. Модные магазины съ третьягоднишними шляпами. Гостинницы: *Провидѣніе* и *Пассажъ кондукторовъ*. Прачешная Ефозины. Домъ Корнеля. Печальное существованіе автора Сида. Посланія Корнеля къ Людовику XIV. Публичная продажа картинъ въ Парижѣ, принадлежавшихъ коммерческому и ссудному Кассельскому банку. Искушеніе Спасителя, картина Ари Шеффера. Гидротерапическія и неотермическія купальни. Дымъ уничтожаетъ холеру. Цейланскіе чародѣи.

Что новаго въ мірѣ? Вотъ вѣчный вопросъ любопытнаго человѣчества. А когда-же и гдѣ-же оно не было любопытно? Когда оно за эту ненасытную жажду новаго не платило цѣною своего спокойствія и даже благополучія, начиная съ Адама и до нашихъ временъ? Что новаго? раздается со всѣхъ сторонъ свѣта, и на вопросъ отвсюду · возникаютъ отвѣты,—отвѣты печальные, многознаменательные, заставляющіе задуматься мыслящаго человѣка. Тамъ вспыхнула война изъ темныхъ причинъ западной политики, и кровь человѣка льется какъ свадебное пиво вслѣдствіе адскихъ происковъ какого-нибудь англійскаго министра, смерть на тѣс-

Digitized by Google

номъ пространствѣ широко раскидываетъ владѣніе свое и похищаетъ каждый день сотнями и тысячами могучихъ бойцовъ, горько оплакиваемыхъ въ родномъ краю тѣми, сердцу которыхъ они были близки. Въ другомъ мѣстѣ народъ, умирая съ голоду, требуетъ хлѣба, и ему не позволяютъ покупать его въ той странѣ, которая издавна была кормилицей цѣлой Европы; а тамъ христіанскими народами, потомками Крестоносцевъ, поддерживается исламизмъ къ утѣсненію порабощенныхъ христіанъ! Далѣе образованность протягиваетъ дружескую руку горнымъ разбойникамъ, возбуждая ихъ къ грабежу и хищничеству, и наконецъ понявши, что нельзя управлять своеволіемъ кровожадныхъ дикарей, сознается въ своей ошибкѣ и пытается сдѣлать ту же ошибку на другомъ поприщѣ. Даже народъ, котораго спокойствіе было невозмутимо цѣлыя столѣтія, который, боясь волненій, загородился каменною стѣною и закономъ ото всѣхъ нововведеній, главныхъ причинъ волненій, мятется безотчетно, какъ волны океана, потрясаемаго нежданнымъ землетрясеніемъ. Вотъ новости, ихъ ли подробности хотите знать вы?—читайте политическіе журналы, пробѣгайте безконечные столбцы иностранныхъ газетъ, запаситесь сотнями брошюръ, написанныхъ политиками всѣхъ націй, всѣхъ лѣтъ, всѣхъ оттѣнковъ мнѣній; изучите, если можете, по этой массѣ печатной бумаги человѣка, и вы сознаетесь, что онъ далекъ еще отъ того блаженнаго времени, когда повсемѣстно разумъ возметъ волю надъ страстями, порядокъ надъ своеволіемъ, братская любовь надъ ненавистью, и когда люди, постигнувъ завѣтъ Спасителя, будутъ жить подъ Его державою, «какъ единое стадо подъ властью единаго пастыря».

Да, грустно становится, когда подумаешь о всѣхъ кровавыхъ дѣлахъ политическаго міра, отвратишь свои духовныя очи, мысли, отъ этого міра и спѣшишь вступить въ другой міръ, тихій, безмятежный міръ науки, искуствъ и художествъ, думаешь отдохнуть среди него — и ошибешься: и здѣсь приходится описывать преждевременныя утраты и сожалѣть о неконченномъ развитіи человѣческаго духа. Сколько примѣчательныхъ личностей сходятъ на полъ-пути своей жизни, не довершивъ своего назначенія, въ ничего невозвращающую могилу.

Такъ, въ прошломъ году, міръ изящныхъ художествъ потерялъ одного изъ своихъ примѣчательныхъ дѣятелей, о которомъ

Digitized by Google

ни одинъ русскій журналъ не удостоилъ и вспомянуть, я говорю *о шведскомъ скульпторѣ Фогельбергѣ.*

Бенуа Фогельбергъ родился въ 1787 году, въ городѣ Готенбургѣ. Отецъ его былъ литейщикъ. Страсть къ ваянію у него проявилась съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Будучи еще ребенкомъ, онъ, къ огорченію своей матери, которая, какъ домовитая хозяйка, завѣдывала кухней, похищалъ морковь, рѣпу, свеклу, и вырѣзывалъ изъ нихъ фигурки. Отецъ его понялъ предназначеніе сына и всѣми средствами старался облегчить ему вступленіе на поприще изящныхъ художествъ. Четырнадцати лѣтъ Фогельбергъ, оставя школу, вступилъ въ Стокгольмскую академію изящныхъ искусствъ. Въ то время шведскіе художники находились подъ вліяніемъ нелѣпаго, топорнаго вкуса эпохи Людовика XV, эпохи подарившей насъ пейзажами, гдѣ красуются пастушки въ фижмахъ передъ искривлявшимися предъ ними пастушками или нарумяненными героями, которые съ ловкостью и манерами танцовщиковъ предлагаютъ имъ букеты фіялокъ и незабудокъ. Фогельбергъ скоро постигъ, что наставники его, потерявъ пониманіе истинно прекраснаго, уклонившись съ пути древняго классицизма, идутъ неправильною дорогою приторной лжи, дорогою самою губительной для искусства. Онъ высказывалъ откровенно свое мнѣніе и этимъ нажилъ много враговъ; никто изъ достопочтенныхъ профессоровъ не хотѣлъ его имѣть ученикомъ въ своей мастерской.

Одинъ только Сергель, талантъ котораго не обращалъ на себя почти ничьего вниманія, потому что не соотвѣтствовалъ господствующему вкусу, принялъ радушно молодаго ученика, который въ свою очередь привязался всею душею къ своему наставнику. Сергель умеръ на рукахъ Фогельберга, и послѣднія слова его были къ нему слѣдующія: «Бенуа, ежели ты хочешь вполнѣ постигнуть совершенство искусства, то тебѣ надобно его видѣть и изучать въ Италіи, тамъ ты найдешь остатки великой Греціи, соединенные вмѣстѣ съ остатками великаго Рима, и только тамъ, когда по безжизненнымъ статуямъ ты изучишься постигать прекрасное, можешь найдти вполнѣ дивныя произведенія, сотворенныя Вседержителемъ въ образѣ человѣка, которыя, ежедневно обращаясь передъ тобою, дополнятъ собою объясненіе, къ чему долженъ стремиться совершенный ваятель».

Digitized by Google

Эти слова умирающаго учителя глубоко врѣзались въ памяти Фогельберга. Онъ хотѣлъ видѣть Италію, и судьба поблагопріятствовала ему. Профессоры Стокгольмской академіи хотѣли избавиться отъ мальчика, который такъ язвительно издѣвался надъ ихъ вычурными произведеніями, и присудили отправить его въ Италію. Это было въ 1818 году; послѣ семнадцати-лѣтней борьбы съ варварскимъ вкусомъ своихъ наставниковъ, Фогельбергъ узрѣлъ голубое небо Италіи, вѣчно праздничную природу юга, это народонаселеніе, которое поражало его красотою своихъ формъ, и наконецъ онъ онѣмѣлъ отъ восторга при созерцаніи произведеній древняго рѣзца.

Но прежде нежели онъ вступилъ въ эту завѣтную страну,—посѣтивъ мастерскія Германіи, долго пробылъ во Франціи, надѣясь здѣсь встрѣтить какого-нибудь великаго мастера, который своими бесѣдами и примѣромъ достаточно бы его приготовилъ для вступленія въ классическую Италію и для полнѣйшаго пониманія тѣхъ великихъ образцевъ, которые его тамъ ожидали. Желаемаго учителя среди Парижа онъ нашелъ въ Петрѣ Геренѣ. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые разорвали постыдныя гирлянды манерности, наложенныя на искусства, какъ на пьяную вакханку, растлѣннымъ вкусомъ регентства, временъ г-жи Помпадуръ, неистовыми революціонерами и не очень нравственными солдатами временъ Имперіи. Конечно Герень не совсѣмъ еще освободился отъ неестественности, но онъ понималъ уже *ложь* тогдашняго современнаго искусства, громко проповѣдывалъ противъ нее, и первый шагъ къ *правдѣ* былъ сдѣланъ—заслуга его была велика. Еще бо́льшая заслуга Гереня была въ томъ, что изъ его мастерской вышли такіе ученики, какъ Жерино и Фогельбергъ. Послѣдній восьмнадцать мѣсяцовъ посѣщалъ мастерскую Гереня, работалъ неутомимо, передѣлывая одну и ту же работу нѣсколько разъ, ежели не получалъ одобренія своего наставника. Способность владѣть карандашемъ у него развилась въ высшей степени. Но онъ понималъ, что этого мало—ему надобно было пріучиться лѣпить съ натуры, и онъ адресовался къ знаменитому тогда Бозіо, который былъ въ то время придворнымъ скульпторомъ. Бозіо принадлежалъ къ тѣмъ поклонникамъ сладострастныхъ типовъ, къ тѣмъ манернымъ скульпторамъ, которые въ большомъ количествѣ и охотно

Digitized by Google

производятъ пляшущихъ вакханокъ, обнаженныхъ нимфъ и безстыдныхъ сатировъ, забавляющихся съ послѣдними. Всѣ эти фигуры поражаютъ взоръ, производя цинизмъ мысли, и преисполнены не движенія и граціи, а какого-то коверканія и безстыдства. Бозіо не могъ быть достойнымъ учителемъ Фогельберга, но онъ имѣлъ возможность дать ему лѣпить съ прекрасной натуры, и молодой шведъ воспользовался этимъ случаемъ, даже до того, что одна знаменитая дама, которая до того постоянно служила натурщицей Бозіо, съ тѣхъ поръ позировалась только передъ молодымъ шведомъ, и Фогельбергъ вылѣпилъ съ нея *отдыхающую Діану*. Здѣсь въ первый разъ выразилось вполнѣ направленіе Фогельберга; правда, хотя его Діана не вполнѣ античная статуя, но въ ней, не смотря на ея наготу, столько приличія, какой-то спокойной невинности, что она не оскорбитъ и цѣломудренныхъ взоровъ дѣвственности.

Въ 1820 году, Фогельбергъ достигъ до цѣли своихъ желаній: онъ увидѣлъ передъ собою Римъ съ обломками его древняго величія и новымъ его значеніемъ, новою славою, какъ центра великихъ художественныхъ произведеній знаменитѣйшихъ мастеровъ. Долго пылкій художникъ не могъ совладѣть съ собою: ему хотѣлось все увидать, всѣмъ насладиться разомъ, и вниманіе его, разбитое на разные предметы, не могло сосредоточиться и вполнѣ представить каждый предметъ отдѣльно. Наконецъ мало по малу онъ овладѣлъ своими чувствами и постепенно предался изученію своего искусства;—это изученіе продолжалось долго, вплоть до его смерти, съ 1820 года по 1854 г. Фогельбергъ достигъ повидимому полнаго развитія своего таланта: какъ Торвальдсенъ близко подошелъ къ громадными произведеніямъ Микель-Анжело, и какъ Канова усвоилъ себѣ духъ римскихъ скульпторовъ великой эпохи древнихъ римскихъ искусствъ, эпохи Августа, такъ и шведскій ваятель приблизился къ произведеніямъ классической Греціи. Вся римская жизнь его проходила въ созерцаніи великихъ образцевъ и въ произведеніяхъ, достойныхъ стать рядомъ съ ними.

Всѣ произведенія Фогельберга должно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся изображенія, заимствованныя изъ греческой миѳологіи; въ этихъ произведеніяхъ, исполненныхъ съ крайнею тщательностію, Фогельбергъ слѣдовалъ наставленіямъ Сергеля, Гереня, и безмолвнымъ урокамъ, преподаннымъ ему античными

Digitized by Google

искусствомъ въ своихъ образцахъ. Здѣсь геній его является подъ вліяніемъ постороннимъ, не смѣетъ предаться вполнѣ своему творчеству, хотя уже явственно видно, что художникъ стоитъ высоко на ступени славы.

Но этого для Фогельберга мало, онъ чувствуетъ силы творить независимо ни отъ кого, ему становится тѣсно въ классическомъ мірѣ греческой и римской миѳологіи, онъ тамъ ничего не можетъ произвести новаго, не смѣетъ уклониться отъ сказанія миѳа, которому слѣдуетъ буквально, а его мысли надобно просторъ, надобно предметы нетронутые никѣмъ, и миѳологія его родины, угрюмое баснословіе сѣвера, выразившееся въ сагахъ и эдахъ, открываетъ обширное поприще его дѣятельности, и Фогельбергъ, торжествуя надъ всѣми препятствіями, создавая новые образцы, выходитъ побѣдителемъ надъ всѣми трудностями.

Однако же баснословная жизнь прошедшаго не удовлетворяетъ вполнѣ требованіямъ творческаго духа великаго артиста: онъ чувствуетъ потребность воспроизводить не только однихъ Юпитеровъ, Венеръ, Вакханокъ, Одиновъ, Фрей и всю демонологію сѣвера, нѣтъ, онъ хочетъ представить личности дѣйствительно существовавшія; если нѣтъ ихъ точныхъ изображеній, то въ волѣ художника дать имъ обликъ, соотвѣтствующій ихъ историческому характеру, одѣть ихъ въ платье той эпохи, къ которой они принадлежали, выразить въ нихъ ту мысль, которая руководила ихъ поступками въ продолженіе ихъ жизни. Задача трудная, требующая глубокаго изученія исторіи и сердца человѣческаго, и въ этомъ третьемъ разрядѣ своихъ произведеній Фогельбергъ вышелъ съ такою же честію, какъ и въ предшествующихъ двухъ отдѣленіяхъ.

Кинувши общій взглядъ на произведенія Фогельберга, поговоримъ подробно о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Къ первому разряду, т.-е. къ произведеніямъ, сюжетъ которыхъ почерпнутъ изъ греческой миѳологіи, принадлежатъ: Амуръ въ раковинѣ, спящая Діана, Геба, Венера, Купальщица (Baigneuse), Аполлонъ лиродержатель, Меркурій, готовящійся умертвить Аргуса, и Венера съ яблокомъ.

Первое его произведеніе есть Амуръ въ раковинѣ. Онъ сдѣлалъ эту статую, находясь еще въ мастерской Бозіо. Глядя на это произведеніе только лишь начинающаго молодаго человѣка и на

Digitized by Google

послѣднюю статую Бозіо, Нимфу Салмацію, вы видите огромную разность между ученикомъ и учителемъ. У перваго при самомъ изысканномъ предметѣ вы встрѣчаете выраженіе тихой веселости, какого-то спокойствія и граціи, тогда какъ нимфа Бозіо поставлена манерно, какъ-будто бы она не можетъ постоять спокойно минуты, физіогномія ея выражаетъ гримасу сладострастія, и нѣкоторые члены тѣла какъ-будто нарочно выставлены на-показъ. Глядя на этого Амура, понимаешь, почему одна извѣстная женщина была поражена богомъ любви и позволила счастливому Фогельбергу созерцать сокровеннѣйшія свои прелести, копируя съ нея спящую Діану. Еслибъ вы и не знали, что эта Діана лѣплена съ женщины близкой артисту, то вы поняли бы это при внимательномъ воззрѣніи на статую: кажется, ревность счастливаго обладателя этихъ формъ хочетъ скрыть ихъ отъ посторонніхъ взоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ восторгъ любовника, напоминая артисту объ этихъ прелестяхъ, заставляетъ невольно воспроизводить ихъ. Геба, Венера и Купальщица сдѣланы подъ вліяніемъ высокихъ образцевъ греческаго художества, которымъ, кромѣ драпировки, онѣ даже ничѣмъ не уступаютъ. Въ Гебѣ вы видите то цѣломудріе и самосознаніе своихъ достоинствъ, которыя прельстили безсмертныхъ обитателей Олимпа. Венера типъ красоты, кажется дышетъ сладострастіемъ, но въ порывѣ этого чувства она не забываетъ кажется, что она богиня. Не знаю, много ли натурщицъ служили Фогельбергу образцами его Купальщицы, но по крайней мѣрѣ формы этой статуи гармонируютъ между собою, тогда какъ въ произведеніяхъ современныхъ ему ваятелей нерѣдко встрѣтишь вполнѣ развившуюся грудь при лицѣ пятнадцати-лѣтней дѣвушки, или торсъ совершенно сложившейся женщины, имѣющей тонкую шею и руки полуребенка.

Аполлонъ лиродержатель хуже предшествующихъ произведеній, можетъ быть потому, что мы освоились съ прекраснымъ типомъ Аполлона Бельведерскаго и не хотимъ знать никакихъ болѣе Аполлоновъ. Къ-тому же въ этомъ изваяніи виденъ общій недостатокъ всѣхъ подобныхъ статуй Фогельберга, недостатокъ драпировки: мантія его Аполлона кажется узка, тогда какъ хламида Аполлона Бельведерскаго падаетъ роскошными складками, да и самыя формы его болѣе приличны юному Ганимеду, чѣмъ вполнѣ сложившемуся Фебу.

Digitized by Google

Статуя Меркурія, приготовляющагося умертвить Аргуса, гораздо выше по исполненію, чѣмъ Аполлонъ. Кажется нельзя лучше изобразить выраженіе лица, какъ у этой фигуры, одушевленной гнѣвомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старающейся изъ осторожности скрыть свой замыселъ подъ маскою равнодушія.

Венера съ яблокомъ лучше всѣхъ поименованныхъ произведеній Фогельберга. Аѳродита въ правой рукѣ держитъ яблоко, врученное Парисомъ, лѣвою она придерживаетъ одежду, которая упала съ плечъ ея. Въ лицѣ богини торжество, въ позѣ и формахъ дышетъ сладострастіе; глядя на нее, вы увѣрены, что соперницы ея не могутъ быть ей лучше. Строгіе знатоки осуждаютъ художника за расположеніе одежды, которое не живописно виситъ, спускаясь по лѣвому бедру; дѣйствительно въ этомъ видна натяжка: кажется художникъ увлекся желаніемъ показать свое мастерство и изученіе природы въ отдѣлкѣ передней части ноги выше колѣна и круглыхъ линій таліи и живота.

Однако, какъ мы говорили выше, всему этому могли найтися образцы въ произведеніяхъ античной скульптуры, хотя исполненіе ихъ требовало изученія, способности переиначенія и тонкой поддѣлки, чтобъ старое казалось новымъ. Фогельберга ждало другое поприще, поприще,—на которое онъ выходилъ первый. Живя еще въ Стокгольмѣ, одушевленный миѳологіей родного сѣвера, онъ хотѣлъ воспроизвести изображенія древнихъ боговъ Скандинавовъ. Но гдѣ было молодому художнику взять образцевъ для этихъ грозныхъ идоловъ родной его стороны? Онъ только могъ прибѣгнуть къ внутреннему своему указанію, но для полнаго усвоенія своей фантазіи, для окончательнаго выраженія ея, талантъ его еще не дорось, и только послѣ долгой работы, послѣ многихъ совершенныхъ уже трудовъ, Фогельбергъ почувствовалъ, что его рѣзецъ можетъ представить Тора, Бальдера и Одина.

Его Меркурій, присланный въ Швецію, побудилъ короля заказать ему изображеніе Одина. Трудъ былъ тяжелый; Фогельбергъ ревностно началъ изученіе сагъ, и чѣмъ онъ болѣе читалъ ихъ, чѣмъ болѣе вдумывался въ характеръ и значеніе Одина, тѣмъ болѣе убѣждался, что его изображеніе не можетъ подходить ни подъ одинъ, уже усвоенный искусствомъ, типъ греческихъ и римскихъ боговъ; это былъ не громовержецъ Юпитеръ, въ немъ было

Digitized by Google

болѣе воинственнаго, чѣмъ въ могущественномъ повелителѣ Олимпа; это также не былъ и Марсъ, ибо въ Одинѣ вмѣстѣ съ воинственностью сочетавалась и верховная повелительность; не былъ это и Аполлонъ, ибо съ красотой послѣдняго надобно было соединить могущество Геркулеса, и на все это накинуть покрывало той сѣверной, неопредѣленной грусти, которою преисполнены сказанія сагъ. Многіе пророчили, что тщетны будутъ соображенія и труды художника, онъ будетъ не въ состояніи рѣшить принятой на себя задачи, и Фогельбергъ отвѣчалъ тѣмъ, которые сомнѣвались въ его геніальномъ творчествѣ, статуей Одина. Всѣ сознались единогласно, что нельзя представить вѣрнѣе изображеніе первенствующаго бога скандинавской миѳологіи. Одинъ Фогельберга — мужественный воинъ во цвѣтѣ лѣтъ, у него могущественныя мышцы какъ у Геркулеса, повелительное лицо какъ у Юпитера, съ тою только разницей, что въ немъ видна и восторженность Аполлона, что̀ выражается немного поднятою вверхъ головой и разсыпавшимися въ безпорядкѣ длинными локонами. Станъ у этой фигуры столько же гибокъ и могущественъ, какъ станъ бога войны, прельстившаго своею ловкостью всепрельщавшую Венеру.

Какъ ни хороша фигура Одина, но изображенія Тора и Бальдера, которыя сдѣланы были послѣ, явно говорятъ, что талантъ художника болѣе и болѣе совершенствовался. Могущественный Торъ обутъ въ кожу оленя, на плеча его накинута шкура волка, въ рукѣ у него всесокрушающій молотъ, лице его дышетъ войною, раздоромъ и убійствомъ; могущественный корпусъ, кажется, отвѣчаетъ за силу, вамъ становится страшно, когда вы кинете первый взглядъ на эту фигуру, и потомъ, когда вы долго смотрите на нее, вы успокоиваетесь совершенно, понимая, что могущественный богъ не удостоитъ васъ своей ярости, что не противъ такого пигмея какъ вы будутъ устремлены удары его грознаго молота. Въ другомъ родѣ статуя Бальдера: онъ весь кротость и милосердіе, этотъ прекрасный юноша обнажилъ грудь свою, онъ, кажется, подставляетъ ее врагамъ своимъ, онъ, кажется, говоритъ: «Враги мои, поражайте меня, я впередъ дарую вамъ мое прощеніе, пусть течетъ кровь моя, пусть стрѣлы вопьются въ мое тѣло, я не произнесу проклятій.» Глядя на Бальдера, понимаешь, что художникъ хотѣлъ представить типъ кротости, и понимаешь, что рѣзецъ Фогельберга могъ бы осмѣлиться изобразить Спасителя.

Digitized by Google

Изъ историческихъ статуй Фогельберга, три заслуживаютъ особеннное вниманіе знатока. Я хочу говорить объ изображеніяхъ Биргеръ-Ярла, Густава Адольфа и Карла XII. Первыя двѣ были отлиты, третья по сію пору еще находится въ слѣпкѣ. Биргеръ-Ярлъ, основатель Стокгольма, представленъ въ полномъ вооруженіи. Лице его выражаетъ мужество и рѣшимость, которыя были постоянными его достоинствами. Чтобъ скрасить какъ-нибудь прямыя и неподвижныя линіи кованнаго вооруженія, художникъ накинулъ на него волнующійся плащъ, который однако не скрываетъ ни его широкой груди, ни его кольчуги, обрисовывающей стройный станъ могущественнаго витязя.

Статуя Густава Адольфа вполнѣ напоминаетъ героя тридцатилѣтней войны, его откровенное, добродушное и вмѣстѣ повелительное лице. Одежда короля до мелочи вѣрна современному ему вооруженію, и все это преисполнено какимъ-то величіемъ и щегольствомъ; поза героя выказываетъ его мужество. Эта прекрасная статуя находится, въ настоящее время, въ Готенбургѣ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ Фогельбергъ передалъ черты и характеръ Карла XII Глядя на него, вы убѣждены, что передъ вами тотъ король-солдатъ, которой умѣлъ завоевать царства и не умѣлъ сохранять своихъ завоеваній, которой имѣлъ рѣшимость солдата, но никогда не имѣлъ величія героя; вы постигаете, что онъ могъ выиграть нѣсколько баталій у Петра, но не могъ побѣдить исполина сѣвера.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Фогельбергъ обратился къ любимымъ предметамъ своего вдохновенія; показавъ возможность преодолѣть величайшія трудности, рѣшить самыя мудреныя задачи искусства, онъ снова предался прелести античныхъ изображеній и произвелъ двѣ дивныя группы: первый поцѣлуй Амура и Психеи и влюбленную Психею. Тщетно самый строгій судья будетъ разбирать, которому изъ двухъ этихъ произведеній отдать преимущество — онъ останется въ нерѣшимости, потому что оба они не уступаютъ Амуру и Психеѣ Канновы. Этого довольно.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Digitized by Google

МОДЫ.

Парижская выставка привлекла много любопытныхъ, а пріѣзъ королевы Викторіи ознаменовался множествомъ праздниковъ. И праздники, и многолюдство немного подвинули французскую мануфактуру. Во всѣхъ магазинахъ дѣятельно занимались исполненіемъ различныхъ туалетовъ, преимущественно бальныхъ. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ.

— Платье изъ муару-антикъ, цвѣта чайной розы; юбка отдѣлана тремя оборками, изъ бѣлаго англійскаго кружева, которыя сверху украшены гирляндами бѣлаго и розоваго марабу; лифъ также убранъ кружевомъ и марабу.

— Платье сризоваго муару, убранное какъ и первое кружевными оборками, но черными, съ гирляндой черныхъ марабу, съ мушками изъ чернаго стекляруса.

— Платье шелковое сѣрое, съ тюникомъ изъ сѣраго же шелковаго тюлю; тюникъ этотъ убранъ двумя двойными тюлевыми же оборками, закрытыми совершенно двумя рядами богатаго чернаго кружева; лифъ отдѣланъ тюлемъ и кружевомъ.

— Платье бѣлое тюлевое; юбка убрана отъ рубца до пояса небольшими буфами, въ которыя продернуты голубыя ленты; каждая изъ буфъ, съ обѣихъ сторонъ, обшита узенькимъ гипюромъ; лифъ съ открытымъ воротомъ, украшенъ бретелями изъ буфъ.

— Платье бѣлое тарлатановое; юбка отдѣлана пятнадцатью оборочками, обшитыми чернымъ узенькимъ кружевомъ и подложенными широкой розовой лентой; на головѣ живыя розы.

— Платье бѣлое тюлевое, съ оборками вышитыми гирляндой полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями; головной уборъ также изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Digitized by Google

— Платье голубое шелковое, въ двѣ юбки; верхняя приподнята двумя гирляндами бѣлыхъ нарцисовъ; лифъ съ открытымъ воротомъ и драпри изъ бѣлаго шелковаго тюлю, убраннымъ блондой и посрединѣ букетомъ нарцисовъ.

— Въ мантильяхъ и пардесю нѣтъ ничего новаго; самыя нарядныя дѣлаются изъ чернаго кружева.— Кисейныя мантильи, какъ бы богато ни были онѣ вышиты, надѣваются только за просто и то очень молодыми особами.

— Форма шляпъ все таже; цвѣты замѣняютъ фруктами—вотъ единственная перемѣна въ украшеніи ихъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

— Нарядъ для обѣда: — платье муаровое, обшитое бахрамой mousse; куафюръ блондовый съ цвѣтами. Бальное платье тюлевое, въ три юбки, подобранныя букетами; такіе же букеты украшаютъ драпировку лифа; тѣ же цвѣты въ волосахъ.

Digitized by Google

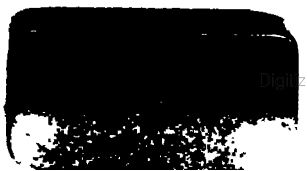
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

FEB 21 1952



Digitized by Google

Digitized by Google